СЛАВЯНИНЪ,

Военно-Литтературный журналъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Воейковымъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

1828.

№ XIV.

Да помнитъ Славянинъ,
Что онъ наперсникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечь кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ!
Друзья! отцы предъ нами:
На тѣхъже мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣмижь небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли!
Предъ нами тажь дорога,
По коей дѣды протекли
За Русь, Царя и Бога.

Жуковскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Марта 31 дня 1828 года.

Цензоръ *Иродіонъ Вѣтринскій.*

СЛАВЯНИНЪ.

ЧАСТЬ VI.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

ВОЕННОЕ.

№ XIV.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Записки о вооруженіи крѣпостей.

(Изъ Journal des Sciences militaires.)

(*Окончаніе*).

Сверьхъ того, можно приложить къ большой части предположеній *Бусмарна*, замѣчанія сдѣланныя нами на *Кормонтаня*, котораго онъ кажется взялъ за образецъ.

Уртюби, (d'Urtubie) Авторъ *Руководства для Артиллериста*, предлагаетъ раздѣлить различныя крѣпости на 8 классовъ, и сообразно съ симъ сдѣлать вооруженіе слѣдующимъ образомъ:

Для крѣпостей	1-го класса полагаетъ отъ	100 до 130 пуш.
— — — — —	2 — — — — — — — — — — — —	80 — —
— — — — —	3 — — — — — — — — — — — —	60 — —
— — — — —	4 — — — — — — — — — — — —	50 — —
— — — — —	5 — — — — — — — — — — —	45 — 50 — —
— — — — —	6 — — — — — — — — — — —	35 — 40 — —
— — — — —	7 — — — — — — — — — — —	25 — 20 — —
— — — — —	8 — — — — — — — — — — —	16 и менѣе.

Число мортиръ, камнеметовъ и гаубицъ, полагаетъ онъ въ половину противъ пушекъ.

Кромѣ несообразностей сего распредѣленія по классамъ, сіи правила, не относя ихъ къ натурѣ укрѣпленій, очевидно неудобоисполнимы на дѣлѣ. Самая лучшая крѣпость можетъ требовать слабаго вооруженія, если большая часть ея окружности неприступна, и если на атакуемомъ фронтѣ не можетъ вдругъ дѣйствовать много Артиллеріи. Другія напротивъ, не столь важныя, могутъ требовать бо̀льшей Артиллеріи, если въ оныхъ огонь побочныхъ пристроекъ можетъ доставить большую выгоду атакуемому полигону.

Сентъ-Обанъ (*Saint-Auban*) въ разныхъ своихъ запискахъ объ Артиллеріи, въ коихъ находится много весьма справедливыхъ замѣчаній о оборонѣ крѣпостей, разсуждаетъ о необходимости сколько возможно распространить дѣйствіе Артиллеріи, для сопротивленія большому количеству орудій, употребленныхъ непріятелемъ. Онъ даетъ наставленія, какимъ образомъ осажденные должны сберегать свои орудія, производить вѣрные выстрѣлы и проч.; но не даетъ правилъ относительно къ распредѣленію орудій, ихъ числу, и употребленію, какое должно дѣлать изъ нихъ при оборонѣ.

Дюпюже (*Dupuget*) въ своемъ *опытѣ объ употребленіи Артиллеріи*, совѣтуетъ: какъ только открытіе траншей покажетъ атакуемый полигонъ, снабдить оный сколько можно большимъ количествомъ орудій, не обращая вовсе вниманія на мушкетный огонь; дѣлать траверзы противъ рикошетныхъ выстрѣловъ и парадосы для предохраненія отъ ударовъ. Что-

же касается до неатакованныхъ полигоновъ, кои подвержены нечаянному нападенію или эскаладѣ; онъ помѣщаетъ отъ 8 до 4 орудій на всѣ мѣста, откуда можно обстрѣливать крѣпостные рвы. Онъ употребляетъ преимущественно стрѣльбу рикошетомъ для сопротивленія непріятельскимъ подходамъ. Въ слѣдствіе сего, какъ только непріятельскіе батареи будутъ выстроены, онъ отодвигаетъ пушки нѣсколько отъ бруствера, чтобы можно было стрѣлять чрезъ крону онаго. Сверьхъ того, предписываетъ перемѣнять безпрестанно мѣста орудій, дабы заставить и непріятеля перемѣнять направленія своего огня.

Сіи распоряженія даютъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ:

1-е) Мы также согласны, что надобно снабдить Артиллеріею линіи крѣпости, имѣющія вліяніе на атаку, но не исключая совершенно ружейнаго огня. Дѣйствительно, если пѣхота будетъ выгнана съ покрытаго пути, то она должна найти свое мѣсто на главномъ валѣ, для дѣйствія по головамъ сапы и по короноване покрытаго пути; но если банкеты будутъ разрушены по всей своей длинѣ для строенія платформъ, то можетъ произойти, что гарнизонъ тотъ уже будетъ слабъ для постройки оныхъ въ мѣстахъ, гдѣ предполагается поставить пѣхоту.

2-е) Стрѣльба рикошетами изъ пушекъ должна употребляться весьма рѣдко, какъ мы уже доказали въ нашихъ замѣчаніяхъ на

Кормонтаня.

3-е). Безпрерывное перемѣщеніе орудій неудобоисполнительно: оно потребовало бы для этаго много людей; перевозъ орудій и перемѣна платформъ прерывали бы огонь, и сверьхъ того, если крѣпость снабжена Артиллеріею до возможности, то какимъ образомъ найти мѣста для перемѣны занимаемыхъ орудіями?

Дюлюже не входитъ ни въ какія подробности, какимъ образомъ приспособить сіи правила и не дѣлаетъ никакого рѣшенія. Онъ говоритъ только относительно къ числу орудій, необходимыхъ для обороны, что сіе число не опредѣленно, и не можетъ быть таковымъ: ибо зависитъ отъ величины крѣпости, силы гарнизона, числа дней предполагаемой обороны и проч.; но если какая-нибудь крѣпость можетъ имѣть хорошую оборону, какъ наприм. Ландау, то должно назначить для нее по крайней мѣрѣ 100 пушекъ, 30 мортиръ, 30 гаубицъ и 10 камнеметовъ съ 1.500 зарядовъ для каждаго орудія.

Военный Комитетъ, составленный въ 1800 году, имѣлъ порученіе опредѣлить вооруженіе и снабженіе крѣпостей, и между правилами имъ утвержденными, замѣтимъ слѣдующее:

Крѣпости должны быть раздѣлены на классы, смотря по силѣ ихъ гарнизона и предполагаемому времени ихъ обороны. Вооруженіе крѣпостей Артиллеріею должно согласоваться съ классомъ, въ коемъ они помѣщены;

	оруд.
Итакъ: крѣпости 1-го класса будутъ имѣть отъ	100 до 150
— — — 2 — — — — — — — — — — —	70 — 90
— — — 3 — — — — — — — — — — —	46 — 60
Крѣпостцы и посты — — — — — — —	12 — 30

Для шести-угольника, по симъ правиламъ число орудій будетъ до 84, то есть 48 пушекъ крѣпостной Артиллеріи, 12 полевой; мортиръ же, гаубицъ и камнеметовъ вообще 24; отсюда видно, что сіи правила сходны съ данными Генераломъ *Уртюби*, и даютъ поводъ къ тѣмъ же замѣчаніямъ.

Въ памятной книжкѣ Генерала *Гассенди* находится много мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о вооруженіи крѣпостей, и во первыхъ слѣдующее правило: (*) „*Должно противопоставлять непріятелю огонь, по крайней мѣрѣ, равный огню его батарей, дѣйствующихъ противъ крѣпости. Но съ первой параллели его работы позволяютъ ему построить 8 батарей о 6-ти орудіяхъ, дѣйствующихъ полнымъ зарядомъ: и такъ надобно поставить противъ него отъ 48 до 50 пушекъ на атакованный фронтъ крѣпости, коея наружной полигонъ имѣетъ до 180 туазовъ.*“ Но легко можно видѣть, что непріятель почти всегда имѣетъ довольно пространства для постройки батарей противу фронта правильнаго шести-угольника, и въ одномъ только интервалѣ между капиталями двухъ атакованныхъ полубастіоновъ, на разстояніи 2-й параллели отъ крѣпости, гдѣ обыкновенно располагаются батареи, можетъ помѣстить около 80 орудій изъ коихъ:

10 для рикошетовъ противу атакованнаго демилюна и его покрытаго пути.

---

*) Всѣ сіи выписки взяты изъ 5-го изданія оной книги, напечатанной въ 1819 году.

6 для рикошетовъ же, противу фасовъ бастіона, прилежащаго къ атакованному.

6 также для рикошетовъ противу двухъ фланговъ атакованнаго полигона.

58 для прямыхъ выстрѣловъ противу демилюновъ и главнаго вала.

Сверьхъ того, внѣ выше упомянутыхъ капиталей, осаждающій можетъ помѣстить и другія батареи, чтобы рикошетировать фасы бастіоновъ, противопоставленныхъ атакѣ, стрѣлять прямыми выстрѣлами по фасамъ прилежащихъ бастіоновъ, также по фасамъ прилежащихъ демилюновъ, кои могутъ препятствовать его подходамъ. Отсюда видно, что Авторъ памятной книжки, положилъ малое количество Артиллеріи, какую можетъ противупоставить осаждающій. Ему не трудно помѣстить на батареяхъ болѣе 100 орудій, тогда какъ осажденный можетъ имѣть легко недостатокъ въ мѣстахъ для такогожъ числа орудій. Правило, что надобно всегда противуполагать непріятелю огонь по крайней мѣрѣ равный, не всегда удобоисполнительно. Впрочемъ, Авторъ не говоритъ объ орудіяхъ необходимыхъ на случай нечаянныхъ нападеній, особливо на фланги главнаго вала.

Для полигоновъ не шести-угольныхъ крѣпостей, Авторъ памятной книжки для Артиллеристовъ совѣтуетъ обращать вниманіе на то, какое имѣютъ вліяніе смежные полигоны на атакуемый; и по сему случаю, онъ даетъ слѣдующее правило: если разсмотрятъ, что по мѣрѣ, какъ число полигоновъ увеличивается,

уголъ взаимнаго ихъ наклоненія подходитъ къ прямой линіи, польза помѣщать орудія на смежныхъ съ атакуемыхъ увеличивается, то можно умножать 4 пушками снабженіе крѣпости для каждаго смежнаго полигона, по мѣрѣ, какъ уголъ, составленный наружными полигонами увеличится 10 градусами.

Нѣсколько спустя, Авторъ признаетъ необходимымъ снабдить совершенно Артиллеріею фасы главнаго вала, имѣющіе вліяніе на атаку, и подаетъ разные совѣты для помѣщенія и употребленія орудій. Но жаль, что онъ изложилъ свои идеи весьма коротко.

Въ другомъ мѣстѣ памятной книжки (стр. 1081), полагается слѣдующее количество Артиллеріи, какъ самое меньшее, необходимое для вооруженія атакованнаго фронта:

Для полубастіоновъ . . .	20 орудій.
Для двухъ фасовъ демилюна .	12 — —
Для двухъ фасовъ прилежащихъ демилюновъ	12 — —
Для двухъ барбетовъ и фланговъ атакуемаго фронта	18 — —
Всего . .	62 орудія.

Сверьхъ того 6 камнеметовъ, 8 гаубицъ, 4 мортиры большаго калибра и по крайней мѣрѣ 8 малыхъ.

Авторъ присовокупляетъ потомъ, что легко можно сообразоваться съ вышеупомянутыми правилами Военнаго Комитета, составленнаго въ 1800 году.

Прочитавъ выше приведенныя выписки, Читатели вѣрно согласятся съ нами, что Памятная книжка для Артиллеристовъ, коей польза впрочемъ неоспорима, оставляетъ желать правилъ, болѣе полныхъ и ясныхъ для опредѣленія вооруженія крѣпостей, также расположенія и употребленія Артиллеріи въ различныхъ эпохахъ обороны.

Въ основаніяхъ Артиллеріи для употребленія военныхъ людей, переведенныхъ съ Нѣмецкаго, съ замѣчаніями Французскихъ Артиллерійскихъ Офицеровъ, даны для вооруженія крѣпостей слѣдующія правила:

1-е). Не должно вооружать крѣпости слишкомъ большимъ количествомъ орудій, а напротивъ, надобно назначать столько, сколько необходимо для хорошей обороны.

2-е). Должно вооружать вполнѣ крѣпости, подверженныя правильной осадѣ и только частію неподверженныя оной, не лишая ихъ впрочемъ всей Артиллеріи.

3-е). Приложеніе сихъ правилъ должно очевидно измѣняться, сообразно съ натурою мѣстъ: но вообще принято, что надобно на каждой фасъ бастіоновъ атакуемаго полигона отъ 6 до 7 орудій, на каждый флангъ тѣхъ же самыхъ бастіоновъ по 4 орудія, на каждый фасъ демилюновъ отъ 4 до 5, для каждаго люнета отъ 3 до 4 и для каждаго плацъ-дарма покрытаго пути 2, что составитъ полное вооруженіе атакуемаго полигона отъ 68 до 80 орудій; прибавя къ сему числу, орудія необходимыя для неатакованныхъ полигоновъ, най-

дется полное вооруженіе шести-угольника, у котораго только одна сторона атакуется: отъ 84 до 90 орудій. Для крѣпостей свыше шести-угольныхъ прибавляютъ отъ 3 до 4 орудій, на каждый бастіонъ, свыше шести.

Авторъ входитъ потомъ въ нѣкоторыя подробности о многихъ предметахъ, касательно употребленія Артиллеріи, какъ то: о калибрѣ орудій, ихъ зарядѣ, принадлежностяхъ, числѣ людей и проч., потомъ описываетъ расположеніе и употребленіе Артиллеріи въ различныхъ эпохахъ обороны. Мы не станемъ разбирать сихъ его правилъ, кои напоминаютъ вообще правила принятыя *Кормонтанемъ* и *Бусмаромъ*, и между прочимъ откатъ орудій внутрь вала, когда непріятельской огонь пересилилъ, и стрѣльба рикошетами по головамъ сапъ, какъ днемъ, такъ и ночью.

Коммисія, составленная изъ Артиллерійскихъ и Инженерныхъ Офицеровъ, назначена была въ 1814 году, для опредѣленія вооруженія различныхъ крѣпостей Французскаго Королевства. Чтобы положить основанія своему порученію, она сдѣлала многія правила, которыя при семъ излагаемъ, присовокупляя наши замѣчанія:

1-е). *Артиллерія каждой крѣпости будетъ раздѣлена на двое: на Артиллерію неатакуемыхъ частей крѣпости и на Артиллерію укрѣпленій, имѣющихъ вліяніе на атаку.*

Сіе раздѣленіе совершенно основано на различіи употребленія сихъ двухъ родовъ Артиллеріи. Первая назначена только для отраженія

нечаянныхъ нападеній; вторая для замедленія успѣховъ атаки.

2-е). *Для избѣжанія двойнаго комплекта Артиллеріи, предположено, что оборона и потеря передовыхъ укрѣпленій, влечетъ за собою потерю четвертой части Артиллеріи; и что* $\frac{3}{4}$ *останутся для вооруженія остальныхъ валовъ.*

Кажется, едва ли можно принять это положеніе, если разсмотрѣть трудность спасти сію Артиллерію посреди потерь и смятеній обороны, также уменьшеніе оной отъ приведенія орудій въ негодность, какъ разстрѣломъ, такъ и отъ непріятельскихъ поврежденій.

3-е). *Кругъ дѣйствія побочныхъ полигоновъ на атакованныя простирается отъ 6 до 700 тоазовъ.*

Нельзя вовсе полагаться на дѣйствительность выстрѣловъ сихъ орудій на такомъ разстояніи; они будутъ весьма невѣрны, особенно будучи направлены на столь малые предметы, каковы головы сапъ.

4-е). *Всякой выдавшійся уголъ покрытаго пути, дѣйствующій на атаку, будетъ имѣть на капитальной линіи осадную гаубицу и полевое орудіе съ каждой стороны.*

5-е). *Каждый плацдармъ покрытаго пути получитъ 8-ми-дюймовую гаубицу.*

Полевая гаубица, предпочтительнѣе осадной для покрытаго пути, ибо она легче, требуетъ менѣе людей для управленія и производитъ почти такое же дѣйствіе, рикошетируя по зигзагамъ траншей. Сія самая гаубица предпочтительнѣе также и полевой пушки.

Невозможно притомъ помѣстить 3-хъ орудій на каждомъ исходящемъ углѣ покрытаго пути, по причинѣ, что на закругленіи контръ-эскарпа, надобно построить тамбуръ или редюитъ, не стѣсняя пространства, потребнаго для пѣхотнаго караула и сбора вылазокъ.

6-е). *Каждой демилюнъ боковаго укрѣпленія будетъ имѣть на углу покалитали осадную гаубицу и по 2 пушки 12-ти-фунтовыхъ на каждомъ фасѣ.*

7-е). *Каждой полубастіонъ боковаго укрѣпленія получитъ осадную гаубицу на уголъ капитали, одно или два осадныхъ орудія отъ 16 до 12-ти-фунтовъ, и одно или два на фланги.*

8-е). *Куртина горнверка получитъ двѣ мортиры 8-ми-дюймовыхъ осадныхъ, если только между демилюномъ и плечнымъ угломъ бастіона найдется пространство для дѣйствія по непріятелю.*

Горнверкъ, какъ и всякое другое укрѣпленіе долженъ имѣть столько Артиллеріи, сколько на немъ помѣстится, дабы могло противиться успѣхамъ атаки. (Мы оставляемъ до другаго времени разобрать это правило.)

9-е). *Вообще, гаубицы должно замѣнить камнеметами на исходящихъ углахъ, когда непріятель приближится къ покрытому пути.*

Но лучше оставить оба сіи рода орудій, что возможно, помѣстя камнеметы позади траверзовъ исходящихъ плацдармовъ.

10-е). *Покрытый путь предъ люнетами будетъ имѣть гаубицу на капитали, легкое орудіе съ каждой стороны, и 8-ми-дюймовую мортиру, на его входящихъ плацдармахъ.*

11-е). *Люнеты будутъ сами снабжены гаубицей на капитали и двумя или тремя осадными пушками, калибромъ отъ 16 до 12-ти-фунтовъ.*

Лучше, если люнеты вооружить большимъ числомъ орудій, если они имѣютъ вліяніе на атаку, и если сверьхъ того имъ возможно укрыться отъ рикошетовъ, посредствомъ траверзовъ.

12-е). *Строеніе смежныхъ полигоновъ, находящееся въ дальнемъ разстояніи, будетъ имѣть орудія большаго калибра.*

13-е). *Когда непріятель приблизится, то каждой исходящій уголъ покрытаго пути будетъ снабженъ двумя камнеметами.*

Мы уже замѣтили, что камнеметы, поставленные позади траверзовъ плацдармовъ, исходящихъ угловъ, не такъ мѣшаютъ.

14-е). *Каждый плацдармъ входящаго угла покрытаго пути будетъ имѣть двѣ 8-ми-дюймовыя мортиры.*

Гаубицы, кажется, предпочтительнѣе мортиръ. Сіи послѣднія можно помѣстить въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ употребленіе будетъ удобнѣе.

15-е). *Исходящій уголъ атакованныхъ демилюновъ, равно какъ и плечные углы будутъ снабжены каждый гаубицею, и осадными 12-ти-фунтовыми пушками на каждой фасъ.*

Фасы сихъ строеній, имѣя сильное дѣйствіе на атаку, должны быть снабжены сколько можно большимъ количествомъ Артиллеріи.

16-е). *Каждой ретретъ демилюна будетъ имѣть мортиру отъ 12 до 10-ти-дюймовъ.*

Сіи строенія, будучи весьма удобны къ помѣщенію мортиръ, могутъ быть снабжены большимъ количествомъ оныхъ, нежели какъ назначаетъ Коммисія.

17-е). *Каждой атакованный бастіонъ на исходящемъ углѣ будетъ имѣть осадную гаубицу; на каждомъ фасѣ 6 пушекъ отъ 24 до 16-ти-фунтовъ, и на каждомъ флангѣ по 4 пушки 24-фунтоваго калибра.*

Здѣсь тоже замѣчаніе, что для демилюновъ.

18-е). *Каждая тенаиль, прилежащая къ атакѣ будетъ имѣть одну мортиру большаго калибра и одну малаго.*

Большая часть осадъ показываетъ, что мортиры не хорошо помѣщать въ теналяхъ, потому что Бомбардиръ, не видя непріятельскихъ работъ, наводитъ орудія на удачу. Только, когда непріятель коронуетъ покрытый путь бастіона, съ нихъ можно будетъ бросать бомбы противъ брешъ и контръ-батарей, но какъ ретреты димилюновъ также къ тому удобнѣе, то и лучше въ нихъ оставить мортиры.

Въ случаѣ только, когда не будетъ ретретовъ, то къ концу осады можно въ теналяхъ помѣстить мортиры.

19-е). *Каждый абшнитъ бастіона, если таковый есть, будетъ имѣть 6 орудій отъ 16 до 12-ти-фунтовъ, изъ коихъ одно на исходящемъ углѣ, по одному на каждомъ фасѣ и по одному на каждомъ флангѣ.*

Сіи строенія рѣдко позволятъ помѣстить столько орудій, сколько Коммисія полагаетъ.

20-е). *Каждая куртина, прилежащая къ атакѣ будетъ имѣть 4 мортиры большаго калибра и 4 24-фунтовыя пушки, изъ коихъ двѣ поставить по концамъ.*

Пушки, поставленныя на куртинахъ имѣютъ ту выгоду, что закрыты отъ рикошетовъ и мало подвержены прямымъ выстрѣламъ; но они мало имѣютъ дѣйствія на атаку, ибо кругъ ихъ дѣйствія, обыкновенно весьма ограниченъ демилюнами. Однакожъ во всѣхъ почти случаяхъ возможно помѣстить на оныхъ пристройкахъ число орудій, назначенное Коммисіею.

21-е). *Исчисляя количество Артиллеріи, необходимое для вооруженія, надобно избѣгать двойнаго счета, который можетъ произойти, если невключить сюда $\frac{3}{4}$ изъ тѣхъ орудій, кои до начатія осады находились въ наружныхъ пристройкахъ, и которыя послѣ овладѣнія ими могутъ быть перевезены во внутреннїе.*

Сіе правило, имѣетъ одно основаніе съ правиломъ 2, и даетъ поводъ томужъ замѣчанію.

22-е). *Пристройки, неприлежащїе къ атакѣ, будутъ снабжены только орудїями необходимыми на случай приступа, для чего и достаточно осадныхъ пушекъ малаго калибра, также полевыхъ пушекъ и гаубицъ, кои помѣстить на исходящихъ углахъ и на фасахъ бастїоновъ, для обстрѣливанія окружнаго мѣстоположенія и на ихъ флангахъ для обстрѣливанія крѣпостнаго рва. Вообще, надобно по одному орудїю на каждой исходящїй уголъ, удобный къ приступу, по одному на каждой фланкъ, по одному на фасъ*

и наплечной уголъ; сіе послѣднее можно употребить и къ усиленію фланга.

Одного орудія на флангѣ, кажется, недостаточно, и между многими причинами для того, чтобы обезопасить удобоприступныя строенія.

(Правила 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29, относящіяся къ ружейной оборонѣ, къ *Кегорновымъ* мортирамъ, лафетамъ, повозкамъ, принадлежности и вооруженію крѣпости Ландау, составлены по вышеписаннымъ основаніямъ, а потому мы и не станемъ ихъ приводить здѣсь).

30-е). *Число зарядовъ будетъ считаться по* 1.000 *на пушку, и по* 800 *на гаубицу и мортиру, атакованныхъ частей крѣпости, и по* 300 *на пушку, гаубицу и мортиру на лежащія внѣ атаки.*

Сіе положеніе о снабженіи зарядами орудій, имѣющихъ вліяніе на атаку, основано на томъ, сколько выстрѣловъ можетъ каждое выдержать не придя въ негодность; но что касается до орудій другихъ строеній, то нѣтъ надобности снабжать ихъ полнымъ комплектомъ зарядовъ, потому что рѣдко случится стрѣлять изъ нихъ.

31-е). *Для исчисленія людей будетъ полагаться на каждое орудіе атакованныхъ частей по одному Канониру и по три человѣка для прислуги, и по одному Канониру и по два человѣка для прислуги на лежащія внѣ атаки; первые будутъ отправлять службу въ продолженіе* 24 *часовъ, а послѣдніе въ продолженіе* 48.

Орудія, назначенныя для безопасности отъ приступа, производя батальный огонь на штурмующихъ, для предосторожности должны всег-

да имѣть полный комплектъ людей. Что касается до орудій, назначенныхъ къ замедленію успѣховъ атаки, то можно часто уменьшать число ихъ прислуги, такъ, что тѣ же самые люди, вмѣсто одного, могутъ управлять двумя орудіями.—

Однимъ словомъ, въ разсмотрѣніи сдѣланномъ нами различныхъ методъ, предложенныхъ донынѣ для вооруженія крѣпостей, мы показали противорѣчія, недостатки и даже, смѣю сказать, нѣкоторыя заблужденія. Желаніе собрать о семъ важномъ предметѣ правила разсѣянныя во многихъ твореніяхъ, соединить ихъ, пополнить и изложить яснымъ и точнымъ образомъ, заставило насъ написать сіи Записки.

Сочтемъ себя счастливыми, если успѣхъ будетъ соотвѣтствовать нашимъ усиліямъ. Дабы лучше изъяснить наши мысли, мы возмемъ для примѣра правильный двѣнадцати-угольникъ, укрѣпленный по системѣ *Кормонталя*. Но читатели должны знать, что сіе приложеніе, сдѣланное единственно для показанія общихъ основаній, не должно служить правиломъ. Они легко увидятъ, что каждая выстроенная крѣпость, различныхъ измѣненій, ибо при вооруженіи крѣпостей не только входитъ въ разсмотрѣніе число бастіоновъ, но свойство и положеніе его укрѣпленій, положеніе мѣста, пространство его окружностей и какъ закрываютъ они фронтъ атаки. пер. *Ив.*

ЧАСТЬ VI.

Отдѣленіе второе,

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Татары въ Силезіи.

(Историческая повѣсть изъ временъ нашествія Татаръ.)

(*Продолженіе.*)

4.

Первые лучи солнца пробивались сквозь облачное небо, когда *Роткирхъ* съ громомъ проскакалъ по подъемному мосту зáмка. *Доротея* всю ночь глазъ не смыкала, безпокоясь о мужѣ; она полетѣла къ нему на встрѣчу и вздрогнула отъ холодныхъ его объятій; онъ насквозь промокъ, влажные волосы въ дикомъ безпорядкѣ упадали на блѣдное лице его. „Ради Пресвятыя Дѣвы, скажи, милой другъ, что съ тобою случилось?“—дрожащимъ голосомъ спросила прелестная.

Я слышалъ страшныя сказки о грабежахъ, и убійствахъ и женскомъ лицемѣрствѣ, отвѣчалъ Рыцарь, мрачно потупивъ глаза. „Ты говорилъ съ сумасшедшимъ *Круко?*“ вскричала *Доротея*, ужаснувшись.

—Съ *Круко?* спросилъ удивленный *Роткирхъ:* я его не видалъ. Да развѣ онъ не въ зáмкѣ.

,,Его безумное поведеніе вчерашнимъ вечеромъ, сказала успокоясь владѣтельница зáмка, ясно доказываетъ, что онъ помѣшался въ умѣ, и прежде, нежели я успѣла приказать запереть его въ безопасномъ мѣстѣ, ужь онъ, по донесенію привратника, въ страшную ночную грозу, безъ шапки ускакалъ изъ зáмка и до сихъ поръ не возвращался.“

—Странно! тихо сказалъ *Роткирхъ*, задумчиво всходя по высокой, круглой лѣстницѣ въ комнату *Доротеи*, и когда въ слѣдъ за нимъ вошла дрожащею стопою прекрасная жена его, онъ близко подошелъ къ ней, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза, которые быстро опустились на землю, и сказалъ: когда, за четыре года тому назадъ, я нашелъ васъ въ чащѣ моего лѣса, тогда вы себя назвали Польскою дѣвицею; увѣряли, что принуждены были избрать Монастырь или ненавистнаго жениха, и для спасенія своего убѣжали изъ отечества. Повторите ли вы мнѣ сегодня, что сказанное вами тогда не выдумка?

Любовію, чувствомъ вины, раскаяніемъ и красотою, блистающая *Доротея*, запинаясь, прошептала: *нѣтъ!*

Слѣдственно вы та самая Татарская Принцесса, которая, четыре года тому назадъ, спаслась отъ разбойничьей шайки *Руперта?* спросилъ *Роткирхъ*.

,,Точно такъ!,, простонала бѣдная жена, со слезами обнимая колѣна строгаго Рыцаря.

Боже милосердый! вскричалъ Рыцарь, и отступилъ съ ужасомъ: и такъ язычница, уже обрученная, осквернила таинство брака и мое Рыцарское ложе!

Тутъ несчастная встала и сказала съ благородною гордостью: „Вся моя вина — въ томъ, что я не все осмѣлилась открыть. Свирѣпый Татарскій Князь, похитившій меня изъ объятій матери, не имѣлъ на меня никакого права. Я никогда не признавала его своимъ мужемъ, и въ то время, когда достопочтенный *Чеславъ*, передъ Алтаремъ Господнимъ соединялъ наши руки, тогда уже онъ тайно окропилъ меня водою Искупленія. Я молчала передъ тобою, боясь удалить отъ себя человѣка, къ которому душа моя загорѣлась первою, неугасимою любовію. Но духовнику моему я ввѣрила свою тайну, и, если это преступленіе, то оно давно уже уничтожено покаяніемъ и отпущеніемъ, и будучи чиста и безпорочна передъ Богомъ, я теперь стою съ трепетомъ передъ своимъ земнымъ судіею, да проститъ любовь его то, чѣмъ прогнѣвила его моя безмѣрная любовь.“ —

Да ктожь сей языческій Князь, который присвоиваетъ себѣ разбойническое право на жену мою? — вскричалъ *Роткирхъ*, и лице его вспыхнуло, и жилы на лбу посинѣли. „Скажи мнѣ имя его, *Доротея*; я вызову его на честный поединокъ, пусть рѣшитъ мечь о нашемъ правѣ! —

„Это, благородный супругъ мой!“ сказала *Доротея* съ ласковою, робкою покорностію:

„это—тайна, которой я не открыла даже моему Духовнику; она должна остаться тайною до того великаго свѣтлаго дня, въ который все темное представится въ лучезарномъ свѣтѣ.“

Жена Германца не должна имѣть тайны отъ супруга, вскричалъ *Роткирхъ* съ негодованіемъ: та, которая разъ меня обманула, должна признаться мнѣ во всемъ, если она желаетъ, чтобы я повѣрилъ ея искреннему раскаянію. Какъ имя язычника?

Пронзи мое сердце, повелитель и супругъ мой! вскричала *Доротея*, заливаясь слезами, и снова обнимая его колѣна: „не могу назвать его!“—

Въ гордомъ Рыцарѣ происходила жестокая борьба страстей: гнѣвъ повелѣвалъ ему бросить прелестную упрямицу; любовь за нее заступалась—и, будучи обуреваемъ противоположными чувствами, онъ не зналъ на что рѣшиться. Тутъ няня привела въ комнату маленькаго *Деодата* поздравить папиньку съ пріѣздомъ. Онъ стремглавъ побѣжалъ къ матери, стоявшей на колѣняхъ, и видя, что она плачетъ, онъ также зарыдалъ, обвилъ свою правую ручку вкругъ ея шеи, а лѣвую ласково протянулъ къ отцу, котораго гнѣвъ уже мало по малу сталъ утихать при видѣ сей трогательной картины.

„Ради этого милаго мальчика, котораго я вамъ родила,“ вскричала *Доротея*: „прости меня и уважь мое молчаніе, источникъ коего, клянусь, есть одна только моя безпредѣльная любовь къ тебѣ. —

Прощаю! сказалъ *Роткирхъ*, прижимая къ сердцу жену и сына: прощаю и уважаю вашу тайну; за чистоту ея ручается мнѣ твой ясный взоръ. —

„Великодушный повелитель мой!“ воскликнула дщерь востока, припавъ къ груди его съ жаромъ и покорностію, свойственными восточнымъ женщинамъ.

Папинька, маминька! лепеталъ веселый мальчикъ и нѣжными ручками, соединяя своихъ родителей, сочеталъ уста ихъ въ поцѣлуй любви и примиренія.

5.

Качая на колѣнѣ радостнаго *Деодата*, за покаломъ вина, *Роткирхъ* сидѣлъ подлѣ жены, занятой рукодѣльемъ, какъ вдругъ Патеръ *Чеславъ* въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, вошелъ въ комнату. Съ изумленіемъ спросилъ его Рыцарь: „развѣ вамъ не нравится болѣе въ моемъ зáмкѣ, что такъ неожиданно насъ оставляете?“—

У добрыхъ людей мнѣ всегда пріятно гостить, сказалъ старецъ съ важнымъ умиленіемъ, но меня зоветъ обязанность; я долженъ возвратиться въ свой Монастырь. На восточномъ горизонтѣ собирается страшная гроза, которая пламенными потоками разразится надъ нашею бѣдною Силезіею, а во дни опасности и скорби добрый Пастырь полагаетъ душу за паству, Господомъ ему ввѣренную. —

„Буря утихла! возразилъ *Роткирхъ* съ улыбкою; оглянитесь, на востокѣ небо сіяетъ свѣтлою лазурью.“

—Для *земнаго* ока, точно такъ!—отвѣчалъ Монахъ выразительнымъ голосомъ: „наслаждайтесь счастіемъ человѣческой слѣпоты, чрезъ которую премудрая Благость Божія предохраняетъ насъ отъ бесчисленныхъ страданій. —

„Теперь только я замѣчаю, что вы говорите, святый Отецъ, иносказательно, сказалъ шутливо Рыцарь: и если не ошибаюсь, то вы, кажется, угрожаете новымъ нашествіемъ Татаръ на Польшу; вчера говорили объ этомъ при Герцогскомъ Дворѣ. Но страхъ военной грозы, свойственный многимъ, и на васъ распространился. Вы забыли, что мечь цѣломудреннаго *Болеслава*, какъ онъ самъ сохранилъ свою невинность, и что живъ еще *Владиміръ*, храбрый Воевода *Краковскій*. Онъ въ минувшемъ году при Турскѣ доказалъ бусурманамъ, что они не непобѣдимы. Польскіе Магнаты воспрянули на защиту отечества, и если сія хищная сволочь сдѣлаетъ новое нашествіе: то вскорѣ съ окровавленными головами побѣжитъ обратно въ свои степи.“

—Гибель ходитъ всегда по пятамъ за гордою самонадѣянностію, сказалъ *Чеславъ*, какъ будто, свыше вдохновенный: Вы и Польскій воевода гордитеся земнымъ могуществомъ, забывая призвать въ помощь Силы небесныя; и ваши земные воины разсыпаны, и Краковъ обращенъ въ пепелъ, и подобно опустошительнымъ потокамъ, свирѣпые враги наводнили сію несчастную область. —

Тутъ владѣтель за́мка ужаснувшись, вскочилъ, и пристально посмотрѣлъ старцу-монаху въ лице, которое, какъ будто озарилось сверхъ-естественнымъ свѣтомъ; *Доротея*, поблѣднѣла, сложила крестомъ руки и молилась. Тогда *Чеславъ* опять пришелъ въ себя и раскаяваясь въ томъ, что сказалъ, ударилъ себя въ грудь и прибавилъ умоляющимъ голосомъ: забудьте мои слова, благородный Рыцарь, и прощайте. Да защититъ васъ десница Господня. Въ благодарность за вашу дружбу, примите послѣдній совѣтъ вашего друга: все, что есть у васъ драгоцѣннѣйшее въ свѣтѣ, при наступающей опасности, ввѣрьте крѣпкимъ стѣнамъ Бреславля. Монастырь *Св. Адальберта*, тамъ находящійся, доставитъ вамъ надежное убѣжище; если же, какъ возвѣстилъ мнѣ въ смутныхъ видѣніяхъ сонъ, и сія твердыня превратится въ дымъ—развалины, то я найду вамъ другой, священный пріютъ и буду самъ хранить ввѣренное мнѣ вами сокровище. —

Тогда, растроганный монахъ съ горячностію пожалъ руки благороднымъ своимъ хозяевамъ и, благословивъ маленькаго *Дводата*, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Раненый воинъ у Подмосковныхъ поселянъ.

(*Отрывокъ*).

Ужь третій день гремитъ все болѣ,
Все ближе день за днемъ;
И съ каждымъ часомъ все слышнѣе
Тревога и гроза.

* * *

Дымится даль, долины стонутъ,
Кругомъ трепещетъ жизнь,
И все тоской и страхомъ полно
У древнихъ стѣнъ Москвы.

* * *

Въ лѣсахъ, въ странѣ уединенной,
Давно забывшій міръ,
Отшельникъ древній слышитъ бурю
И смотритъ въ небеса.

* * *

Къ нему, оставя плугъ и косу,
Стеклись толпы селянъ,
И мнятъ, въ очахъ Святаго мужа
Свой жребій прочитать.

* * *

„Отколь предвѣстныя явленья—
Невидимой грозы:
Подъ Небомъ ясно, въ полѣ тихо,
А громъ кругомъ гремитъ?

Молвы и страхъ по селамъ ходятъ,
Забытъ и хлѣбъ и сонъ;
И смотрятъ всѣ, какъ страшно рдѣетъ
Край Неба по ночамъ."—

* * *

Такъ старцу мирные вѣщаютъ
И всякъ спѣшитъ открыть,
Что Небо и земля и души
Полны предвѣстьемъ бѣдъ.

* * *

„Ужь третью ночь."—Мы сами слышимъ—
„Въ лѣсахъ унылый вой,
И псы не спятъ по ближнимъ селамъ
И въ трепетѣ стада.

* * *

Въ лѣсу густомъ лучи сверкаютъ,
Какъ длинный рядъ свѣчей:
То волки гладные скликаясь,
Все *на полночь* идутъ (*);

* * *

„Имъ въ слѣдъ орлы и жадныхъ врановъ
Стада изъ дальнихъ странъ,
Какъ будто чуя гласъ призывный
На нѣкій сытый пиръ.

* * *

„Скажи намъ, Мужъ угодный Небу!
Какой оно бѣдой

(*) Въ началѣ 1812 года замѣчено, что волки изъ дальнихъ лѣсовъ тянулись къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ послѣдствіи произошли великія битвы. Сіе обстоятельство, которое было гласно въ простомъ народѣ въ свое время, напоминаетъ сказанное въ священномъ Писаніи: „Иде же будетъ трупъ, тамо и Орлія?

Спокойнымъ угрожаешъ селамъ
И жашвамъ нашихъ нивъ? —
* * *
„Ужель столпы, явленья ночи,
Горящи въ небесахъ,
Сойдушъ пожарами на землю
И насъ въ грѣхахъ пожгушъ?
* * *
„Ужель.“ . . . . И рѣчи не скончали,
А въ чащѣ вдругъ мелькнулъ
Коня ведущій рашникъ юный
Съ пониклою главой.
* * *
И вошъ онъ, въ думу погруженный,
Ему подпора мечь!
И добрый конь съ шяжелой язвой
Чуть идешъ—слѣдомъ кровь.
* * *
Померкла сшаль на рашномъ шлемѣ,
Сшальный нагрудникъ смяшъ;
И мечь лучи свои ушрашилъ
И рана на челѣ.
* * *
И капли слезъ и алой крови
На лиліяхъ ланишъ.
Осанистый, согбенъ печалью
Какъ вихремъ кленъ младой. —
* * *
Все говорило, чшо изъ сѣчи
Исторгшись роковой,
Искалъ убѣжища сей Вишязь. —
Отшельника узрѣвъ,

Онъ сталъ и, взоръ возведши къ Небу:
„Хвала тебѣ Творецъ!
Я въ сей дичи умру спокойно!“
И, къ старцу обратясь:

* * *

„Прими меня, пустынный житель!
Подъ свой смиренный кровъ.
Прими—я видѣлъ споръ народовъ:
Я былъ въ Бородинѣ.

* * *

„Прочь, прочь ужасныя видѣнья
Пожаровъ и убійствъ:
Увы! родныхъ и ближнихъ гибель
Легко-ли пережить?“ —

* * *

Сказалъ и, блѣдный, поникаетъ
Безъ чувствъ на мягкій лугъ,
И жизни ходъ едва примѣтенъ
Въ біеньи томномъ жилъ.

* * *

Но старецъ, умудренный въ тайнахъ,
Недуги врачевать,
Умѣлъ сбирать, въ пустынѣ, травы
Съ молитвой въ должный часъ!

* * *

И ранній цвѣтъ полей воскресшихъ,
Сокровище весны,
И сокъ растѣній запоздалыхъ
До дней осеннихъ бурь.

* * *

И вотъ, сосудъ уже наполненъ
Цѣлительнымъ питьемъ;

И только лишь края сосуда
Коснулись блѣдныхъ устъ,
* * *
Мгновенно воинъ пробудился
И скоро—жизни вѣсть, —
Въ ланитахъ выглянулъ румянецъ;
Заискрилось въ очахъ.
* * *
И, сномъ и пищей подкрѣпленный,
Когда ужь день погасъ,
И въ полѣ молчаливѣй стало,
Моленьемъ поселянъ,
* * *
И старцемъ преклоненъ—садится
Гость юный у костра
И началъ краткой, бѣглой рѣчью,
О битвахъ свой разсказъ.
* * *
Хотѣлъ онъ мирнымъ поселянамъ,
Чтобъ местью ихъ зажечь,
Пересказать, какъ начиналась
Великая борьба,
* * *
Какъ рати двадцати народовъ
Съ могучимъ ихъ вождемъ
Вошли—и вспыхнулъ бой за боемъ
За честь,—на жизнь и смерть! —
* * *
„Еще съ явленьемъ дней весеннихъ:
Такъ воинъ говорилъ:
На западномъ краю Россіи
Послышалась гроза.

„Высоко поднялося пламя
И, въ дымъ облечено,
Еще какъ будто колебалось,
Все больше становясь.

* * *

„Враги сдвигалися, какъ тучи,
Готовя смерть и громъ;
Но Россы, какъ орловъ станицы,
Туда, съ весельемъ, слухъ,

* * *

Гдѣ, въ мракѣ, рокотали громы,
И быстро смѣлый взоръ
На блески молній въ грозныхъ тучахъ:
Сердца просились въ бой!

* * *

„Но недалъ боя Царь нашъ мудрый,
А подалъ тайный знакъ —
И рати въ отступъ: врагъ забылся
И думалъ: мы бѣжимъ!

* * *

Но мы бѣжали поражая,
И у Смоленскихъ стѣнъ,
Узналъ Французъ какъ стоекъ Русскій!
Тутъ былъ — къ Москвѣ *пороеъ* —

* * *

И онъ переступилъ, и нагло
Ломился къ намъ на дворъ!
Ужь Русь отхвачена по Вязьму
И Гжатскъ, — Бородино.

Бородино есть на *Колочѣ* (*)
И *Война*, *Стонецъ* тамъ;
И встарь тамъ видно *колотились*
Была *война*, былъ *стонъ*!

* * *

„И мы тамъ. . . . Чу! палятъ! ужь близко!
Друзья! Французъ въ глазахъ!
Прочь плугъ и косу! Серпъ — на пику!“
Самъ на конь — и на бой! . . . .

Ѳ. Глинка.

(*) При урочищѣ Бородинѣ, кромѣ р. Москвы, есть рѣчка *Колоча* и два ручья: *Война* и *Стонецъ*. Сіи названія какъ бы говорятъ, что и прежде тамъ, когда-нибудь, *колотили*, *воевали* и *стонали*.

СМѢСЬ.

Хамелеонистика.

(*Продолженіе четвертое*).

Въ Библіографіи *Литературныхъ листковъ*, въ 1823 году изданныхъ *Ѳ. В. Булгаринымъ*, на стр. 63, по случаю изданія въ свѣтъ Поэмы *Оскаръ и Альтосъ*, *сочиненія В. Н. Олина*, произнесено о піитическомъ талантѣ сего Писателя и достоинствѣ его Поэмы слѣдующее сужденіе:

„Содержаніе сей Поэмы почерпнуто изъ Эпизода Оссіановой Поэмы *Фингалъ*. *Альтосъ*, свирѣпый воинъ, полюбилъ прелестную *Мальвину*, которая пылала страстію къ *Оскару* и была взаимно имъ любима. Жестокій *Альтосъ*, истощивъ безъ успѣха всѣ средства къ прельщенію *Мальвины*, рѣшился погубить своего соперника, полагая его единственною преградою къ своему благополучію. Онъ призываетъ *Оскара* на пиршество, ведетъ чрезъ пустынные холмы, и среди мрака, подъ свистомъ бури, принуждаетъ къ единоборству—и убиваетъ его. Совершивъ злодѣяніе, онъ поспѣшаетъ въ пещеру, гдѣ *Мальвина* ожидала *Оскара*, не зная о происшедшемъ, и снова предлагаетъ ей свою любовь и руку. *Мальвина* отвергаетъ льстивыя предложенія, и увидѣвъ кровь на бронѣ *Альтоса*, приходитъ въ робость. *Альтосъ*

успокоиваетъ ее, говоря, что онъ повергъ на ловлѣ оленя. Между тѣмъ, *Мальвина* изъявляетъ ненависть свою къ *Альтосу* и велитъ ему удалиться, говоря: „Я жду *Оскара* моего!“— —И не дождешься ты его!—Отвѣчаетъ убійца.

„Онъ подъ мечемъ моимъ громовымъ,
Покрытый язвами, упалъ!“—

Отсѣль начинается развязка. *Альтосъ* разсказываетъ *Мальвинѣ* происшествіе, обѣщаетъ повелѣть своему Барду воспѣть погибшаго и увѣщеваетъ ее позабыть *Оскара*, а любить его. *Мальвина* приходитъ въ отчаяніе и проситъ, какъ единственнаго утѣшенія, чтобы прижать къ сердцу своему мечь, обагренный кровью ея любезнаго. *Альтосъ* тронулся ея горестью, и въ первый разъ пролилъ слезы. Онъ отдаетъ ей мечь—и *Мальвина* вонзаетъ оный въ грудь своего врага. Ужасный *Альтосъ* падаетъ, и посреди жестокихъ мученій, умоляетъ *Мальвину* извлечь мечь изъ его персей. Несчастная приближается — и *Альтосъ* поражаетъ ее кинжаломъ: оба испускаютъ дыханіе.

Сей, нѣсколько мрачный планъ, *исполненъ прекрасно. Стихи плавны, картины живописны, а особенно бури и битвы. Изображеніе характеровъ также весьма удачно.* Но мы осмѣливаемся сдѣлать два замѣчанія: первое, должно бы кажется, дать болѣе дѣйствія *Оскару*, который въ самомъ началѣ Поэмы погибаетъ; *второе*, Герои Поэмы, кажется намъ, слишкомъ многорѣчивы. Это недостатокъ *Оссіана*, скажутъ мнѣ. Прав-

да; но рѣчи не должны затемнять вѣроятности происшествій. На примѣръ: Поэтъ, описывая смерть *Альтоса*, говоритъ:

Онъ палъ, храпя, къ ногамъ *Мальвины*,
И смерть ему туманитъ взоръ.

Прекрасно! это хрипѣніе и туманный взоръ есть вѣрная картина боренія съ смертію, картина, списанная съ природы; но вѣроятно ли, чтобъ падшій воинъ отъ удара меча въ грудь, могъ произнесть связную рѣчь, состоящую изъ 39 стиховъ? Между тѣмъ, *сіи малые недостатки выкупаются прелестью цѣлаго, отдѣлкою частей и красотами Поэзіи.*

* * *

Въ N 12, 1825 года *Сѣверной Пчелы*, *Н. И. Гречемъ* и *Ѳ. В. Булгаринымъ* издаваемой, по случаю выхода въ свѣтъ Поэмы *Кальѳонъ*, соч. того же *В. Н. Олина* произнесенъ сему Писателю слѣдующій приговоръ:

„Прочитавъ эту Поэму, спросилъ я у самаго себя: не льзя ли составить въ Поэзіи Калейдакустикона, или *Калейдостихона*, посредствомъ котораго можнобъ было сочинять Поэмы, какъ вальсы? Почему же нѣтъ? Нарѣжьте нѣсколько сотъ коротенькихъ стишковъ, въ которыхъ бы какъ можно чаще встрѣчалась одна и та же риѳма; постарайтесь, *чтобъ въ каждомъ стишкѣ смыслъ оканчивался или лучше, чтобъ въ немъ не было никакого; прибавьте къ этому нѣсколько стишковъ изъ извѣстныхъ Авторовъ, начините ихъ модными словами, выдумайте нѣ-*

сколько звонкихъ собственныхъ именъ, потомъ перемѣшайте это рачительно, возьмите пустой листъ бумаги, и нанизывайте какъ попадется, только бы риѳма падала черезъ строку. Выйдутъ прекраснѣйшія романтическія Поэмы!

* * *

Въ *Литературныхъ листкахъ Ѳ. В. Булгарина* (см. 1824 годъ, N XIX, стр. 27 напечатанъ отрывокъ изъ *Кальѳона*, *Поэмы В. Н. Олина*. Сей Писатель похваленъ въ примѣчаніи.

Тамъ же (1824, N VI, стр. 231.) помѣщенъ отрывокъ изъ романтической Поэмы *В. Н. Олина*, подъ названіемъ *Манфредъ* и о частоупоминаемомъ *В. Н. Олинѣ* сказано:

„Господинъ *Олинъ*, *извѣстный Публикѣ съ весьма выгодной стороны своими піитическими произведеніями*, занимается нынѣ сочиненіемъ сей оригинальной Поэмы, которая уже приводится къ окончанію.“

Въ N 27 *Сѣверной Пчелы* 1828 *года*, издаваемой, какъ всѣмъ извѣстно, тѣмъ же самымъ *Ѳ. В. Булгаринымъ*, который въ *Литературныхъ листкахъ* такъ расхвалилъ и самаго *В. Н. Олина* и талантъ его, и его піитическія творенія, напечатано:

„Турція, Аравія и Англія соединенными силами (см. Критику на *Корсера*) навѣвали вдохновеніе на Романическую лиру *Г. Олина*, а изъ этого *произошла такая Литтературная кутерьма, что развѣ какой Турецкій Дервишъ или Аравійскій Шеихъ, поймутъ что-либо въ этой Трагедіи. Дѣйствія въ ней нѣтъ никакого, а разговоры написаны та-*

кимъ языкомъ, для котораго нѣтъ даже имени. Слогъ можно уподобить сердитому пѣтуху—на ходуляхъ. Читатели наши тотчасъ удостовѣрятся въ томъ, что со времени введенія въ Россію книгопечатанія, не выходило у насъ сочиненія, которое заключало бы въ себѣ болѣе галиматьи.“— —

Мы далеки отъ того, чтобы выдавать Трагедію *Корсеръ* за образецъ совершенства. *Хамелеонистика* имѣетъ цѣлью не оцѣнку книгъ и талантовъ; она учитъ искусству объ одной и и той же книгѣ, объ одномъ и томъ же Писателѣ, давать два совершенно противныя одно другому мнѣнія и, сообразно съ обстоятельствами и выгодами, называть сего дня—чорное бѣлымъ, а завтра—бѣлое чорнымъ.

№ XV.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Прорывъ Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1807 году.

Къ составленію сей статьи послужили слѣдующіе источники:

1-е. The naval history of Great Britain, from the year 1783 to 1822, by E. P. Brenton, Esq. Captain in the Royal Navy. Lond. 1825.

2-е. Naval Battles, from 1744 to the peace in 1814, critially reviewed and illustrated, by Charles Ekins, Rear Admiral etc. London, 1824.

3-е. Записки морскаго Офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Вице-Адмирала *Д. Н. Сенявина*; сочин. *В. Б. Броневскаго.*

4-е. Оффиціальныя бумаги, относящіяся до плаванія Россійской вспомогательной эскадры, подъ начальствомъ Адмирала *Ушакова*, изъ Чернаго моря въ Средиземное, въ 1798 и обратно въ 1800 г. Изъ нихъ заимствованы, приложенные къ сей статьѣ планы Дарданельскихъ замковъ.

5-е. Révolution de Constantinople, en 1807 et 1808, par *A. de Juchereau de St Dénis.* Paris 1822. Сочинитель сей книги, во время прорыва Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы, былъ главнымъ Инспекторомъ Турецкихъ Инженеровъ и очевидцемъ того, что происходило въ Константинополѣ въ эпоху 1807 и 1808 года.

Подъ именемъ Дарданеллъ должно разумѣть четыре укрѣпленные замка, лежащіе по обѣимъ берегамъ древняго Геллеспонта или пролива,

который, идя между Европою и Азіею, соединяетъ Мраморное море съ Архипеллагомъ. Сей проливъ, по защищающимъ его крѣпостямъ получившій названіе Дарданельскаго, простирается въ длину на 65, а въ ширину, при Архипелагѣ на 10, при Мраморномъ морѣ у крѣпости Гальиполи на 5 Россійскихъ верстъ.

Султанъ *Магометъ II*, желая обезопасить Константинополь отъ непріятельскихъ нападеній со стороны моря, построилъ въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ Геллеспонта, имѣющемъ не болѣе двухъ верстъ ширины, два укрѣпленія, существующія понынѣ, и извѣстныя подъ названіемъ *древнихъ Дарданеллъ*. Въ послѣдствіи, именно въ первой половинѣ XVII столѣтія, въ Царствованіе *Магомета IV*, Турки, устрашенные частыми успѣхами Венеціянскихъ флотовъ, поставили по обѣимъ сторонамъ пролива, при соединеніи онаго съ Архипелагомъ, два зáмка, *ставшіе*, такъ сказать, *на стражѣ у входа въ Геллеспонтъ*. Два сіи укрѣпленія, отстоящія одно отъ другаго на широту устья, 10 верстъ, и извѣстныя подъ названіемъ *новыхъ Дарданеллъ*, сохранялись въ первоначальномъ своемъ видѣ до 1770 г. Въ сіе время Оттоманская Порта, угрожаемая Россійскимъ флотомъ, прибывшимъ изъ Балтики въ Средиземное море подъ начальствомъ Адмирала *Спиридова*, поручила извѣстному *Барону Тотту* исправленіе Дарданельскихъ зáмковъ, кои, особенно старые были близки къ разрушенію.

Дарданельскія укрѣпленія построены изъ камня и вооружены пушками столь большаго

калибра, что многія изъ оныхъ бросаютъ ядра, круглыя и цилиндрическія, свыше 28 дюймовъ въ поперешникѣ. Большая часть сихъ орудій лежатъ на ровнѣ съ поверхностію воды, или на голой землѣ или на простыхъ брусьяхъ, а иныя вмазаны въ самую крѣпостную стѣну, отъ чего происходитъ то весьма важное неудобство, что въ случаѣ надобности, стрѣлять по мимоидущему кораблю, Канонеры должны выжидать той минуты, когда оный поравняется противъ пушечнаго жерла; отъ этаго многіе выстрѣлы производятся безъ всякой пользы.

Должно замѣтить, что не однѣ береговыя батареи служатъ препятствіемъ для насильственнаго прохода чрезъ Дарданеллы. Извилистое направленіе пролива, сильное теченіе, біющее корабли изъ стороны въ сторону, отмѣли, находящіяся около многихъ мысовъ и, наконецъ, спорное теченіе въ устьѣ, идущее у Азіатскаго берега въ Мрам. море, а у Европейскаго въ Архип. дѣлаютъ таковое предпріятіе весьма опаснымъ и затруднительнымъ.

Баронъ Тоттъ, осматривая Дарданельскія укрѣпленія, замѣтилъ сопровождавшему его Пашѣ, невыгодное устройство и положеніе крѣпостныхъ орудій, присовокупивъ, что по медленности, съ какою они заряжаются, нельзя сдѣлать изъ каждаго болѣе одного выстрѣла. „Согласенъ, отвѣчалъ Паша, но за то однимъ залпомъ можно истребить цѣлый непріятельскій флотъ.“ Увѣренность Турокъ въ совершенствѣ Дарданельскихъ замковъ была столь

велика, что не взирая на многократныя представленія, дѣланныя Портѣ относительно ихъ улучшенія, она только при явной опасности, соглашалась на исправленіе новыхъ Дарданеллъ; касательно же древнихъ, никакія представленія не могли увѣрить Турокъ въ недостаткахъ оныхъ. Предубѣжденіе ихъ на сей предметъ весьма сильно, ибо они, ни за что не рѣшаются улучшать построеній *Магомета II*, покорителя столькихъ царствъ и народовъ.

Тоттъ, продолжая вышеприведенный разговоръ съ Пашею, пожелалъ для опыта произвесть выстрѣлъ изъ одной пушки, которая необычайною своею огромностію обратила на себя особенное его вниманіе. Бывшіе съ нимъ Турки затрепетали, узнавъ о его намѣреніи. Старѣйшіе изъ нихъ объявили, что если выстрѣлить изъ сего орудія, ни разу еще не бывшаго въ употребленіи, то сильное потрясеніе отъ сего дѣйствія можетъ разрушить весь зáмокъ. Не взирая на сіе, *Тоттъ* настоялъ въ своемъ предпріятіи. Выбрали предметъ для цѣли, въ пушку всыпали 330 фунтовъ пороху и вкатили мраморное ядро вѣсомъ въ 1.100 фунтовъ! Произвели выстрѣлъ: ударъ былъ ужасный; оный уподоблялся землетрясенію. Ядро, пролетѣвъ разстояніе 800 саженъ, раздробилось на три части и отломки сіи летѣли еще далеко, пока не ударились въ каменистый утесъ.

Зáмокъ лежащій при входѣ въ Дарданельскій проливъ изъ Архипелага, къ лѣвой стороны онаго называется Новымъ Европейскимъ

зáмкомъ, по Турецки же *Седиль-Багарь* или устье морское. Оный построенъ подлѣ самаго пролива на крутомъ берегу и имѣетъ шестисторонную фигуру, съ семью кругообразными и одною четвероугольною башнями. Въ стѣнахъ прорѣзаны 136 амбразуръ для дѣйствованія изъ пушекъ съ валовъ. Сверьхъ сего нѣсколько орудій помѣщены при подошвѣ стѣны.

Къ сѣверу отъ сего зáмка, потому же берегу, на высокомъ, крутомъ утесѣ лежитъ древнее укрѣпленіе Эски-Гасарлыкъ, построенное также изъ камня, съ башнями и амбразурами.

Зáмокъ на правой сторонѣ пролива, при устьѣ, называется новымъ Азіатскимъ, по Турецки же: *Кумъ-Калесси*. Оный лежитъ на открытомъ и ровномъ мѣстѣ и имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника съ 10 башнями и 152 амбразурами. Хотя пушки сей крѣпости, какъ равно и Седиль-Багара, бóльшею частію крупнаго калибра, но все меньшаго, нежели на остальныхъ двухъ крѣпостяхъ.

Изъ древнихъ Дарданеллъ, зáмокъ построенный на Европейской сторонѣ и называемый старымъ Европейскимъ, у Турокъ же: *Келедиль-Багарь* или ключь морской, есть почти правильный четвероугольникъ съ тремя по угламъ башнями. Въ стѣнахъ онаго находятся 101 амбразура. Внутри крѣпости, почти въ центрѣ, выстроено укрѣпленіе, составленное изъ трехъ сомкнутыхъ вмѣстѣ, дугообразныхъ стѣнъ, прикрывающихъ собою небольшое четвероугольное укрѣпленіе. Оба сіи строенія

выше главнаго, а также имѣютъ амбразуры. Отъ исходящихъ угловъ зáмка, ближайшихъ къ берегу, выведены къ самой водѣ два небольшія бруствера съ амбразурами же. При подошвѣ береговой стѣны, помѣщены какъ и въ *Седиль-Багарѣ* огромныя, неподвижныя пушки.

Послѣдній изъ Дарданельскихъ зáмковъ: старый Азіатскій или *Султанье - Калесси*, т. е. *Султанская башня* имѣетъ 8 башенъ и составленъ изъ четырехъ сторонъ, изъ коихъ передняя, или лежащая къ проливу, устроена выдающеюся дугою. Султанье-Калесси построенъ на ровномъ и открытомъ мѣстѣ и весьма удобенъ для приступа, ибо рѣчка, текущая передъ нимъ со стороны Архипелага, лѣтомъ почти вся высыхаетъ; съ остальныхъ же двухъ сторонъ, лежащихъ къ сухому пути, крѣпость не имѣетъ иной защиты, кромѣ не большаго водянаго рва. Передній фасъ зáмка защищается тремя, а идущіе отъ концевъ его къ краю берега рукавà, двумя рядами огромныхъ пушекъ. Внутри находится четвероугольное строеніе, въ родѣ кавальера, коего пушки могутъ бить черезъ наружныя стѣны. Въ сей крѣпости вырѣзаны 109 амбразуръ, не включая сюда орудій, поставленныхъ внизу.

Хотя Дарданельскіе зáмки, въ сложности своей могли бы помѣстить на себѣ, сверьхъ неподвижныхъ пушекъ, помѣщенныхъ при подошвѣ стѣнъ, болѣе 500 орудій, но наличное число оныхъ далеко отъ сего количества. Когда Англійскій флотъ въ 1807 году входилъ въ

Дарданельскій проливъ, на защищающихъ его замкахъ находилась слѣдующая Артиллерія:

На нов. Европ.	35 пуш.	самаго большаго калибра	
	7 пуш.	малаго, всего	42 пуш.
На нов. Азіат.	34 пуш.	самаго большаго калибра	
и	12 пуш.	малаго	46
На ст. Европ.	24 пуш.	самаго большаго калибра	
	14 пуш.	малаго.	38
На ст. Азіат.	20 пуш.	самаго большаго калибра	
	18 пуш.	малаго.	38
на Эски-Гасарл.	20 пуш.	малаго калибра. . . .	20
		И того . .	184 пуш.

Въ такомъ-то состояніи находились Дарданельскія укрѣпленія, когда Столица Оттоманской Имперіи увидѣла себя въ опасности отъ Британскаго флота, преодолѣвшаго сіи, по мнѣнію Турокъ, непреодолимыя твердыни. Хотя по обѣимъ сторонамъ пролива и находилось еще нѣсколько отдѣльныхъ батарей, построенныхъ *Тоттомъ* и послѣ его самими Турками, но одни изъ нихъ были совершенно кинуты; другія же, не снабжены пушками. Прежде однако нежели приступимъ къ описанію прорыва Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы, событія столь важнаго въ Оттоманской Исторіи, не излишнимъ будетъ бросить взглядъ на обстоятельства, бывшія причиною непріязненныхъ дѣйствій между Великобританіею и Портою.

Наполеонъ, желавшій разгромить Германію, видя, съ какою готовностію Россія подавала пособіе Австріи, видя, что Держава сія будетъ поставлять преграды многимъ его намѣ-

реніямъ; старался всѣми мѣрами вовлечь ее въ войну съ Турціею. Генералъ *Себастіани*, Французскій Посланникъ при Константинопольскомъ Дворѣ, употреблялъ всѣ усилія для скорѣйшаго выполненія воли своего Государя. Поведеніе Валлахскаго и Молдавскаго Господарей: Князя *Ипсиланти* и *Мурузи*, заставлявшее ихъ подозрѣвать въ измѣнѣ пользамъ Блистательной Порты, представило для сего удобный случай. Въ силу Ясскаго Трактата, Турецкое Правительство не имѣло права смѣнять вышеозначенныхъ особъ безъ согласія Россійскаго Двора и, по крайней мѣрѣ, до истеченія семилѣтняго срока ихъ управленія. Не взирая на сіе Порта, убѣжденная представленіями Французскаго Министра, въ опасномъ для нее поведеніи Господарей: *Ипсиланти* и *Мурузи*, Хатишерифомъ отъ 30-го Августа 1806 года, отрѣшила ихъ отъ управленія и поручила его Князьямъ *Каллимахи* и *Суццо*. Дѣйствительный Камергеръ *Италинскій*, находившійся при Оттоманской Портѣ Полномочнымъ Министромъ Россійскаго Двора, узнавъ о семъ происшествіи, какъ явномъ нарушеніи Ясскаго договора, предложилъ Турецкому Правительству: возстановить смѣненныхъ Господарей или выдать ему фирманъ, для выѣзда изъ Султанскихъ владѣній.

Великобританскій Посланникъ *Арбутнотъ*, зная, что отрѣшеніе *Ипсиланти* и *Мурузи* было слѣдствіемъ происковъ Генерала *Себастіани* и предвидя, что война, могущая отъ сего возгорѣться между Россіею и Портою, доставитъ

выгоду Французскому Правительству, присталъ къ сторонѣ *Италинскаго* и принялъ самое дѣятельное участіе въ его требованіяхъ.

По тогдашнему положенію дѣлъ, Порта мало страшилась угрозъ Россіи, ибо надѣялась на могущество *Наполеона*, но ее безпокоилъ разрывъ съ Англіею, сильною морскою державою и давнею ея союзницею. Нота, поданная Британскимъ Министромъ, въ коей онъ угрожалъ неизбѣжною войною съ его отечествомъ, если Турецкое Правительство не уважитъ справедливыхъ требованій *Италинскаго*, сильно встревожила оное; съ другой стороны, подобныя же угрозы производились Генераломъ *Себастіани*, и Диванъ, не зная, которой изъ враждующихъ сторонъ оказать удовлетвореніе, рѣшился прибѣгнуть къ обыкновенному своему, въ надобныхъ случаяхъ средству: медленностію выиграть время, дабы увидя послѣ, на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ, склониться на требованія сильнѣйшаго.

Продолжительные, но пустые переговоры истощили наконецъ терпѣніе Великобританскаго Министра, и онъ рѣшился, мимо Драгомановъ, явиться самъ въ присутствіе Дивана. Внезапная болѣзнь, задержавшая *Арбутнота* въ загородномъ его домѣ, въ Буюкдери, не остановила его рѣшимости, и онъ, вмѣсто себя отправилъ въ Константинополь втораго Секретаря Англійскаго Посольства *Веллеслея Поля*. Сей молодой человѣкъ, одаренный отъ природы живымъ и смѣлымъ характеромъ, рѣшился на такой поступокъ, какому подобнаго не бы-

вало въ Оттоманской Имперіи: верьхомъ прискакалъ въ Константинополь, и съ бичемъ въ рукахъ, забрызганный грязью, явился предъ членами Дивана. Гордымъ взглядомъ окинулъ онъ все собраніе Государственныхъ Совѣтниковъ, въ короткихъ словахъ повторилъ прежнія требованія *Арбутнота*, и вмѣсто того, чтобы представлять о несчастныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ неудовлетворительнаго отвѣта Порты, объявилъ рѣшительно: что Англійскій флотъ, миновавшій Гибралтаръ, не замедлитъ пройти Дарданеллы, чрезъ нѣсколько дней явится предъ Константинополемъ и тогда предпишетъ свои условія, если Султанъ не согласится исполнить требованіе *Италинскаго*, относительно возстановленія прежнихъ Господарей Валлахіи и Молдавіи.

Рѣшительный тонъ, принятый *Веллеслеемъ Полемъ* и самая его одежда свидѣтельствовавшая поспѣшность, съ какою онъ прибылъ въ ненастное время въ Диванъ для извѣщенія объ угрожающей ему опасности, устрашили Турецкихъ Вельможъ. Всѣ противорѣчія исчезли. *Челеби-Эфендій*, человѣкъ миролюбивый и искренно преданный Англичанамъ, первый предложилъ согласиться на требованіе *Арбутнота*. Всѣ пристали къ сему мнѣнію, и убѣдили Верховнаго Визиря представить объ этомъ Султану. *Селимъ III*, не имѣлъ духа воспротивиться единодушному мнѣнію своихъ Министровъ и, противъ собственной воли, принуж-

денъ былъ управленіе Валлахіи и Молдавіи ввѣрить снова Князьямъ *Ипсиланти* и *Мурузи*.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Матеріалы для Россійской Военной Исторіи.

(Продолженіе).

Послѣ вышеупомянутыхъ Штатовъ и, сходно съ оными учиненнаго росписанія, произошли еще слѣдующія перемѣны, по Указамъ Имяннымъ, даннымъ:

1787 года.

Покойному Князю *Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому*, чтобы два Черноморскіе полевые баталіона обратить въ Егерскіе, и съ прибавкою къ онымъ рекрутъ, составить четырехъ-баталіонный Егерскій корпусъ, и наименовать оный Екатеринославскимъ.

1788 года.

1-е) Военной-Коллегіи, чтобъ скомандировавъ изъ Пѣхотныхъ полковъ, имѣвшихъ тогда свое расположеніе около Санктпетербурга, Офицеровъ и нижнихъ чиновъ потребное число, составить четыре баталіона Мушкетерскихъ и одинъ Егерскій и отрядить еще одинъ баталіонъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полка для отправленія на корабляхъ въ Средиземное море. Сіи баталіоны и были составлены; но по от-

крывшейся съ Шведами войнѣ, кромѣ Лейбъ-Гренадерскаго баталіона, который оставленъ на флотѣ, присланы въ Финляндію и прослужа тамъ до зимы, распредѣлены опять по прежнимъ полкамъ.

2-е) Въ Москвѣ, Генералъ-Аншефомъ *Еролкинымъ*, по недостатку войскъ, учреждены для стражи два эскадрона Гусаръ, въ числѣ 325 человѣкъ, изъ людей разнаго званія.

3-й) По надобности умноженія въ Сѣверномъ краѣ сухопутныхъ войскъ, пѣхотные полки: Бѣлозерскій, Псковскій, Невскій, Рязанскій, Великолуцкій, Нарвскій, Тобольскій, Выборгскій, Софійскій, Кексгольмскій, Нашебургскій, Навагинскій и Тенгинскій, составлены каждый изъ двухъ ротъ Гренадарскихъ и изъ осми Мушкетерскихъ, въ каждой по 212 человѣкъ рядовыхъ.

4-е) Для умноженія войскъ въ Сѣверномъ краѣ Имперіи, составлены вновь: четырехъ-баталіонный Егерскій корпусъ подъ названіемъ Эстляндскаго, во всемъ противъ протчихъ таковыхъ же, изъ людей, навербованныхъ въ Губерніяхъ: Рижской, Ревельской и двухъ Бѣлорусскихъ, равнымъ образомъ изъ мѣщанъ и поселянъ Казеннаго вѣдомства обѣихъ Бѣлорусскихъ Губерній, а чего недостало: то добавлено изъ рекрутъ. Въ Олонецкой Губерніи на время войны съ Швеціею, также изъ вольновступающихъ въ службу, учрежденъ эскадронъ легкихъ Драгунъ, или Конныхъ-Егерей, и небольшое число пѣшихъ стрѣлковъ.

5-е) На военное же время составленъ на образецъ Донскаго, одинъ Козачій полкъ изъ

тысячи человѣкъ ямщиковъ: Московской, Тверской, Новогородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской Губерній.

6-е) Псковскій Карабинерный полкъ сдѣланъ Драгунскимъ и къ нему присоединены пять Гусарскихъ эскадроновъ, почти тогда формированныхъ изъ вольно-вступающихъ.

7-е) Полкъ Лейбъ-Гренадерскій, вмѣсто оставленнаго на флотѣ баталіона, укомплектованъ рекрутами, такъ что, кромѣ сего отряженнаго, было въ ономъ четыре баталіона.

1789 года.

1-е) Къ Тенгинскому пѣхотному полку, вмѣсто оставленнаго въ Москвѣ, сформированъ въ Санктпетербургѣ новый Мушкетерскій четырехъ-ротный баталіонъ изъ рекрутъ.

2-е) Въ томъ же году Княземъ *Потемкинымъ-Таврическимъ*, въ Арміи ему ввѣренной, составленъ изъ бывшаго Чугуевскаго Козачьяго, таковый же передоваго войска регулярный полкъ, всѣхъ чиновъ 1.247 человѣкъ.

1790 года, по Имяннымъ Указамъ:

1-е) Изъ обитающихъ въ Уфимскомъ и Вятскомъ Намѣстничествахъ Тептерей и бобылей, составленъ Козачій полкъ; въ немъ всѣхъ чиновъ 540 человѣкъ.

2-е) Въ томъ же году набираемы были запасные баталіоны во всемъ противъ полевыхъ Мушкетерскихъ: 1. Санктпетербургскимъ Оберъ-Полиціймеcтеромъ, изъ Полицейской,

также и Губернской Штатныхъ командъ, изъ вольноопредѣляющихся и бѣглыхъ. 2. Гвардіи Преображенскаго полка Маіоромъ *Татищевымъ* изъ солдатъ, выздоровѣвшихъ въ обѣихъ Военныхъ Гошпиталяхъ. 3. Софійскимъ Городничимъ изъ привозимыхъ къ нему бѣглыхъ и изъ желающихъ добровольно вступить въ службу, свободныхъ всякаго званія и ремесла людей съ помощію Софійской Штатной каманды.—Но потомъ, дальнѣйшее сихъ баталіоновъ формированіе приказано оставить, а потому они въ составъ войскъ и не входили.

3-е) Генералъ-Аншефомъ Княземъ *Прозоровскимъ* составленъ въ Москвѣ четырехъ-баталіонный Мушкетерскій полкъ изъ оставшагося тамъ баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, съ дополненіемъ за тѣмъ людьми изъ Московскаго гарнизона и рекрутами. — Сей полкъ въ слѣдующемъ году наименованъ Московскимъ Гренадерскимъ.

4-е) Генералъ-Поручикомъ *Тутолминымъ* изъ бобылей Выборгской Губерніи, желающихъ употребить себя на службу, составленъ баталіонъ, названный потомъ Егерскимъ Олонецкимъ.

1791 года.

Изъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ составленъ новый Санктпетербургскій Гренадерскій, а старый сего имени полкъ велѣно обратить на укомплектованіе другихъ полковъ Гренадерскихъ, находившихся въ Арміи противъ Турокъ.

Изъ назначенныхъ къ отправленію изъ Москвы, для опредѣленія въ полки, по Двинѣ рѣкѣ расположенные, разнаго званія людей составлены: сперва одинъ полевой запасный Мушкетерскій баталіонъ, а потомъ еще таковыхъ же два; каждый изъ шести ротъ; въ каждой ротѣ по 212 человѣкъ, изъ принимаемыхъ въ Военной Конторѣ въ зачетъ будущихъ наборовъ рекрутъ, разныхъ воинскаго званія людей и вольновступающихъ, къ которымъ и Владимірскаго гарнизона двѣ роты присоединены.

Называвшіеся Московскими Гренадерскій и Мушкетерскій полки, по неполному въ нихъ числу солдатъ, велѣно обратить на укомплектованіе другихъ полковъ Арміи, предводимой Княземъ *Потемкинымъ-Таврическимъ;* однако же послѣдній изъ нихъ остался нерасформированнымъ.

Состоящій въ Двинской Арміи Оренбургскій пятый баталіонъ обращенъ на укомплектованіе полковъ той Арміи, а вмѣсто его составленъ другой.

Сверьхъ того, изъ сдѣланныхъ войскамъ росписей и доставленныхъ въ Военную Коллегію рапортовъ отъ Генераловъ: *Каменскаго*, *Каховскаго* и *Кречетникова*, видно, что въ командѣ покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя *Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго* сдѣланы были по временамъ еще разныя перемѣны, а именно:

Въ 1787 году.

Показаны въ числѣ регулярныхъ Козачьихъ полковъ Астраханскій и два на Бугѣ сформированные, коихъ прежде не было.

Въ 1789 году.

Показанъ былъ полкъ Екатеринославскихъ Волонтеровъ, коего въ послѣдующее время болѣе не видно.

Въ Тавридѣ показанъ также полкъ Греческій, который состоялъ изъ разныхъ народовъ Греческаго исповѣданія, тамъ поселившихся.

Въ 1790 году.

Сдѣлались извѣстными Козаки Екатеринославскіе и Черноморскіе: изъ коихъ первые составились изъ однодворцевъ, мѣщанъ и старообрядцевъ Екатеринославскаго и Херсонскаго Намѣстничества; послѣдніе же были Запорожцы, выходцы изъ Турціи. Черноморскіе Козаки нынѣ имѣютъ свое поселеніе на островѣ Таманѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Татары въ Силезіи.

(Историческая повѣсть изъ временъ нашествія Татаръ.)

(*Продолженіе.*)

6.

Зáмокъ Роткирхъ вдругъ оживился. Оруженосцы скакали изъ всѣхъ воротъ къ дальнимъ Леннымъ владѣтелямъ и вызывали ихъ на войну; кузнецы ковали латы; молодежь точила мечи и алебáрды и упражнялась въ стрѣляніи изъ лýка; конюха объѣзжали дикихъ коней, работники наполняли корзины каменьями, разставляли на стѣнахъ метательныя машины, починяли подъемные мосты. Владѣтельный Рыцарь самъ распоряжалъ работами, самъ вездѣ присутствовалъ, его безпокойная дѣятельность ясно доказывала, что онъ вѣровалъ предсказаніямъ св. Отца *Чеслава*. Такимъ образомъ прошла недѣля, какъ вдругъ покрытый

потомъ и пылью прискакалъ Комендантъ Герцогскаго за́мка Глогау, *Клеменсъ*. Съ изумленіемъ обозрѣлъ онъ воинскія приготовленія, и сказалъ подошедшему къ нему *Роткирху*: „Съ горестію вижу, что вы заняты междоусобною войною въ такое время, когда отечеству нуженъ вашъ богатырскій мечь. Не льзя статься, чтобы всѣ сіи приготовленія были сдѣланы въ слѣдствіе извѣстія, только что полученнаго при Герцогскомъ Дворѣ.“

„Не Татары ли“ — вскричалъ *Роткирхъ*, ужаснувшись.

— И такъ, вамъ уже извѣстно, прервалъ его *Клеменсъ*, что они въ осьмнадцатый день Марта при Хмеликѣ разбили на́-голову *Владиміра* и сожгли Краковъ? По ихъ безчеловѣчному обычаю, они кругомъ опустошаютъ землю и грозно идутъ на Силезію. Уже Герцогъ Оппельнскій, *Мечиславъ*, выступилъ съ своими дружинами для прикрытія Одера, и нашъ Герцогъ поспѣшно противъ нихъ вооружается. Онъ хочетъ, чтобы вы, со всѣми способными носить оружіе, выступили къ Лигницу и тамъ присоединились къ его воинству. Пустой за́мокъ киньте безъ обороны. Люди, коихъ вы были бы принуждены оставить для защиты за́мка, слишкомъ нужны намъ въ открытомъ полѣ, ибо басурманскія полчища безчисленны, какъ саранча и наше единственное спасеніе теперь заключается въ томъ, чтобы бурнымъ волнамъ, готовымъ затопить наше отечество, поставить крѣпкую, живую, покрытую сталью плотину. —

— „Воля Герцога для меня священна!“ сказалъ рѣшительный *Роткирхъ:* „Замокъ приведенъ въ оборонительное положеніе на случай осады: до насъ дошло извѣстіе о пораженіи Поляковъ. Я готовъ: послѣ завтра выступлю къ Лигницу.“ —

— Гдѣ же рѣшаетесь вы оставить вашу жену и сына? — спросилъ *Клеменсъ*, съ сердечнымъ участіемъ, смотря на *Доротею*, которая, держа за руку веселаго *Деодата*, выходила изъ воротъ замка.

„Я думаю, при наступающей опасности, отправить обоихъ въ Бреславль,“ — отвѣчалъ *Роткирхъ*.

— Не совѣтую вамъ, возразилъ *Клеменсъ:* Бреславль подверженъ первому непріятельскому нападенію, а Татары, уже въ Китаѣ доказали, что завоеваніе крѣпкихъ городовъ не стоитъ имъ большаго труда. Герцогъ *Генрихъ* не почитаетъ даже крѣпкихъ стѣнъ Лигница довольно безопаснымъ убѣжищемъ для супруги своей и матери, и потому отправляетъ ихъ въ Кроссенъ. —

„Утро вечера мудренѣе! еще время не ушло, сказалъ спокойно *Роткирхъ:* Татары свирѣпствуютъ въ Польшѣ, но никто достовѣрно не знаетъ, дѣйствительно ли пойдутъ они въ Силезію, и, сверьхъ того, тамъ стоятъ соединенныя войска *Генриха* и *Мечислава*, о которыя должны разбиться ломкія силы Ордынцевъ.“

— Соединенныя войска? — спросилъ сомнительно *Клеменсъ:* *Мечиславъ* отвергнулъ

предложеніе *Генриха*, соединить обѣ Арміи. Развѣ вы не знаете Поляковъ? Они до того ненавидятъ насъ Нѣмцевъ, что даже народное имя наше сдѣлалось на ихъ языкѣ браннымъ словомъ. Не льзя и воображать, чтобы гордый Герцогъ Оппельнскій, сколь бы велика ни была опасность, захотѣлъ служить подъ начальствомъ *Генриха*. А это необходимо, если власть единаго Вождя, соединяющаго въ себѣ мудрость и твердость, должна вести соединенныя воинства Силезіи къ побѣдѣ.

„Вы на все смотрите сквозь черное стекло, Господинъ Комендантъ! сказалъ *Роткирхъ* развеселясь: пойдемте въ Рыцарскую залу. Осушимъ покалы, а послѣ еще разъ переговоримъ обстоятельно объ этомъ дѣлѣ; въ благородномъ Токайскомъ потопимъ всѣ лишнія заботы, которыя только разслабляютъ наши лучшія силы, а ни къ чему не ведутъ!“ — Онъ пошелъ, и въ слѣдъ за нимъ хотѣлъ было идти *Клеменсъ*, но *Доротея* быстро схватила его за руку, и спросила съ робостію: не знаетъ ли онъ, кто предводительствуетъ Татарскимъ воинствомъ?

— Ханъ *Батый*, отвѣчалъ Рыцарь, не замѣтя смертной блѣдности, которая при этомъ имени разлилась по лицу *Доротеи*: впрочемъ утверждаютъ, будто онъ, преслѣдуя бѣгущихъ Поляковъ, съ половиною своихъ полчищъ ворвался въ Венгрію. Остальная Армія его находится въ Польшѣ подъ начальствомъ Хана *Петы*. — Тутъ *Доротея*, поднявъ къ небу взоръ благодарности, вздохнула свободнѣе, велѣла

нянѣ взять дитя и побрела съ ними задумчиво въ садъ.

7.

Наступилъ вечеръ; въ темной буковой бесѣдкѣ, на самомъ концѣ сада, сидѣла *Доротея* въ глубокой думѣ. Изъ оконъ Рыцарской залы, ярко освѣщенной, раздавались пѣсни и звонъ покаловъ. Звуки трубъ и литавръ возвѣщали тосты; Рыцари пили за здравіе Герцога *Генриха*, за благо Силезіи и за грядущее пораженіе Басурмановъ. Ленные васаллы *Роткирха* во всемъ оружіи прибыли въ за́мокъ, и Рыцарь въ послѣдній разъ весело пировалъ съ подданными, которые, вмѣстѣ съ нимъ, готовы были пролить кровь за отечество. *Доротея* встала и хотѣла итти въ за́мокъ, какъ вдругъ что-то съ страшнымъ шумомъ спустилось съ высокой ограды сада, и прежде, нежели испуганная красавица успѣла на что-нибудь рѣшиться, уже предъ нею стоялъ человѣкъ, въ которомъ она, и въ темнотѣ, по какому-то мучительному предчувствію, узнала свирѣпаго Поляка. Ужаснувшись, она отступила, но злодѣй сказалъ тихимъ, хриплымъ голосомъ: „вы не по-напрасну испугались, Сударыня! Я дѣйствительно *Круко!* Съ послѣдней бурной ночи, я несчастный, лишенный покоя, подобно проклятой тѣни, рыскалъ по лѣсу. Я рвалъ на себѣ волосы, терзалъ свою грудь съ кровожадностію тигра, желалъ сойти съ ума. Напрасно! судьба-гонительница рѣшилась сдѣлать изъ меня не безумнаго, а злодѣя, и я покаряюсь ея власти.

Но еще разъ желалъ я васъ видѣть и изъ вашихъ розовыхъ устъ услышать истину. Она рѣшитъ и мою и вашу участь, и участь всей этой области. Презрѣніе, доселѣ мнѣ вами оказанное, можно почитать за женское жеманство, или за слѣдствіе борьбы старой обязанности съ новою любовію. Можетъ быть, что пламя меня пожирающее, заронило въ ваше сердце искру, которая отъ бури опасности можетъ ярко вспыхнуть. И такъ, я говорю вамъ откровенно: я все знаю и знаю вѣрно: ибо за пять лѣтъ тому назадъ, находясь въ свитѣ Князя *Борислава*, я васъ видѣлъ, когда сей послѣдній въ Кіевѣ имѣлъ переговоры съ вашимъ супругомъ. Я твердо рѣшился, все принесть въ жертву моей страсти, моему мщенію. Если вы раздѣляете страсть, меня сжигающую: то бѣгите со мною отсюда. Если же вы меня отвергнете, то выпущу моего демона, и гибель благословеннымъ полямъ Силезіи! Рѣшите!"

—Помогите! убійцы! вдругъ возопила *Доротея* и хотѣла бѣжать, но сильною рукою схватилъ ее Полякъ, и приставилъ кинжалъ къ ея груди. „Право, мнѣ хочется оправдать твой страхъ, сказалъ онъ, скрежеща зубами; но однимъ, милосердымъ ударомъ отплатить за тысячи мукъ, которыми ты раздираешь мое сердце,— этаго мало! Живи, *Адельма*, живи, но медленно изнывай съ отчаянія!"—Онъ исчезъ между деревьями. Какъ пронзенная стрѣлою лань, несчастная *Доротея* дрожащими стопами побѣжала въ замокъ; шумъ вечерняго вѣтерка,

колыхавшаго вершины деревъ, казался ей дыханіемъ жестокаго ея гонителя и окрылялъ ея ноги, и когда *Роткирхъ*, услышавшій ея вопль, вошелъ въ садъ съ людьми и факелами, она безъ чувствъ упала въ его объятія.

8.

Трубы конницы, барабаны пѣхоты привѣтствовали въ за́мкѣ первые лучи восходящаго солнца. Дружины сомкнулись, *Роткирхъ* въ блестящихъ, стальныхъ латахъ вскочилъ на храпящаго коня, блѣдная *Доротея*, сколь ни чувствовала себя слабою, сѣла на иноходца, а няня взяла къ себѣ на сѣдло веселаго *Деодата*, который, въ приготовленіяхъ къ печальному походу, находилъ одни только предметы своей младенческой радости. Устроивъ въ дружинахъ порядокъ, Рыцарь еще разъ поскакалъ къ своей любезной супругѣ, и съ заботливою нѣжностію пристально посмотрѣлъ ей въ глубоко-впадшіе, заплаканные глаза́. „Ты очень больна и слаба, милая супруга! сказалъ онъ съ безпокойствомъ: перенесешь ли ты тягость дороги? Еще опасность не близка; слѣдственно, ты можешь нѣсколько дней пробыть въ Роткирхѣ, и потомъ слѣдовать за мною подъ надежнымъ прикрытіемъ.“ —

—Нѣтъ! нѣтъ! рѣшительно сказала *Доротея*: воздухъ этаго за́мка мнѣ опротивѣлъ, башни обрушась, грозятъ зарыть меня подъ своими развалинами. Здѣсь скорѣе умерла бы я съ тоски, нежели отъ безпокойствъ дальняго путешествія. Я не отстану отъ тебя

до тѣхъ поръ, пока не настанетъ крайняя нужда укрыть нашего *Деодата* въ Бреславлѣ. Только подлѣ тебя я чувствую себя въ безопасности, только подлѣ тебя не терзаютъ меня страшные призраки, холодными черными крыльями навѣвая на меня ужасъ! —

„Какъ ты хочешь, моя милая, сказалъ растроганный *Роткирхъ*: искренняя любовь моя и вѣра въ счастливую будущность, подобно Ангеламъ-утѣшителямъ, да проліютъ спокойствіе въ твое измученное сердце.“ — Потомъ, преодолѣвая мужественно свое душевное умиленіе, онъ быстро повернулъ коня, обнажилъ свой мечь, и громкимъ голосомъ далъ знакъ къ выступленію. Весело заиграли трубы и литавры, загремѣли барабаны, и съ громкимъ, радостнымъ крикомъ пошло маленькое войско по дорогѣ къ Лигницу, твердо рѣшась, пролить послѣднюю каплю свѣжей крови за Бога, Государя и Отечество.

9.

На равнинѣ Лигницкой, изъ всей Нижней Силезіи, подвластной *Генриху*, собиралось Герцогское воинство. Шесть сотъ молодыхъ рудокоповъ Гольдбергскихъ вышли изъ подземныхъ шахтъ своихъ, дабы силу рукъ, одолѣвавшихъ крѣпкіе металлы, испытать надъ черепами язычниковъ. Прибылъ Герцогскій Придворный Штатъ, состоявшій весь изъ Нѣмцевъ, и конная тѣлохранительная стража. Къ ней присоединились *Клеменсъ* и *Роткирхъ* съ своими дружинами, и въ то же самое время

подходили съ распущенными знаменами и громкою музыкою Крестоносцы, вызванные Буллою Папы изъ всѣхъ странъ Германіи; они состояли подъ начальствомъ *Болеслава*, храбраго сына Маркграфа *Моравскаго*. Тогда же раздались съ сѣвера торжественные звуки трубъ, и къ городу приближалась красивая конная дружина, предводительствуемая Рыцарями, коихъ бѣлыя мантіи украшены были черными крестами. *Полло фонъ Остерна*, тогдашній Ландмейстеръ Прусскаго Нѣмецкаго Ордена, одушевленный Христіанскимъ Рыцарскимъ духомъ, а еще болѣе обѣтомъ сражать враговъ Христіанства, гдѣ бы то ни было, привелъ сіе воинство на защиту Силезіи, и *Роткирхъ*, обозрѣвая многочисленную, въ бояхъ испытанную армію, началъ уже почитать побѣду несомнѣнною; опасенія же *Чеслава* показались ему дѣйствіемъ старческой слабости. Отворились ворота Лигница и—выѣхалъ Герцогъ въ сопровожденіи всей фамиліи. *Гедвигъ*, благочестивая мать его, въ то время уже за набожность и непорочное житіе—заслужившая имя святой, оставленное ей благодарнымъ потомствомъ, и *Анна*, его добродѣтельная супруга, и Герои: *Болеславъ*, *Генрихъ*, *Ладиславъ* и *Конрадъ*, и пять цвѣтущихъ дочерей, великолѣпно украшали Царственныхъ родителей. Такъ, въ райскихъ долинахъ Италіи, роскошное померанцевое дерево въ одно и то же время красуется благоуханнымъ цвѣтомъ и ароматными плодами.

Всеобщія радостныя восклицанія, привѣтствовали воинство любезнаго народу Монарха,

и вожди дружинъ поскакали къ нему на встрѣчу, преклоня предъ нимъ мечи и сердца свои. Онъ въѣхалъ въ средину воинства, гдѣ возвышался алтарь изъ свѣжаго дерна, украшенный гирляндами и горящими свѣчами; на немъ сіяло Распятіе. Предъ алтаремъ въ облаченіи, стоялъ маститый старецъ, Епископъ Бреславльскій, окруженный Священно и Церковно-служителями. *Генрихъ* громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующую рѣчь къ дружинамъ; ратники въ глубокомъ безмолвіи внимали словамъ его:

„Благодарю васъ, друзья-сослуживцы за то, что вы, вооружась желѣзомъ и храбростью, пришли сражаться съ врагомъ Отечества и Вѣры. Мнѣ весьма было бы пріятно, еслибъ съ нами соединился нашъ двоюродный братъ, Герцогъ *Мечиславъ*. Рука младенца переломитъ одну стрѣлу, но цѣлый пукъ и великанъ изломить не осилитъ. Тѣмъ дружнѣе мы должны стоять другъ за друга, и наша взаимная довѣренность, а еще болѣе упованіе на Бога, увѣнчаютъ побѣдою наше правое дѣло. Кровожадность и корысть ведутъ Басурмановъ въ нашу мирную область. Мы же ополчаемся за нашу святую Вѣру, за нашу независимость, за наши безмятежныя жилища, за могилы отцевъ, за честь нашихъ женъ и за жизнь дѣтей. Наша цѣль свята во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ всѣмъ, какъ воинамъ Христовымъ, надобно возложить на себя кресты, знаменіе Христіанина. Я первый подамъ вамъ собою примѣръ, и кто любитъ Христа, тотъ да возложитъ на себя крестъ. Мученическій знакъ Искупителя, раз-

вѣваясь на нашихъ знаменахъ, да поведетъ насъ къ побѣдѣ, и если мы падемъ въ сей священной брани: то пусть угасающій взоръ нашъ въ смертный часъ—увидитъ крестъ, который по смерти украситъ нашъ могильный холмъ, какъ порука воскресенія изъ мертвыхъ!"—

Стуча мечами о звонкіе щиты, Силезскіе Рыцари громкимъ крикомъ одобренія отвѣтствовали на рѣчь своего предводителя. Сошедъ съ коня, набожный Герцогъ приближился къ алтарю, благоговѣйно преклонилъ колѣно передъ Всемогущимъ, и Епископъ возложилъ на него красный крестъ. Примѣру его послѣдовали вожди и Рыцари, и все Христіянское ополченіе воспріяло крестъ отъ рукъ Священнослужителей, которые, проходя ряды, раздавали воинамъ священные знаки. Еще Епископъ благословлялъ дружины, какъ на восточный горизонтъ взвились густыя облака пыли, и вскорѣ показался сильный отрядъ Поляковъ. Они мчались во весь духъ съ опущенными поводами. Вождь ихъ *Сулиславъ*, братъ храбраго *Владиміра*, прискакавъ къ Герцогу, преклонилъ почтительно саблю и сказалъ: позвольте, великій Герцогъ, сражаться въ вашихъ рядахъ, и отмстить варварамъ за нашу бѣдную отчизну: мы привезли важныя вѣсти. Сначала казалось, какъ будто *Ханъ-Пета*, нашъ губитель, послѣ несчастной битвы при Хмеликѣ, хотѣлъ нѣсколько времени неистовствовать въ Польшѣ, и потомъ присоединиться къ свирѣпому *Батыю*. Уже передовыя войска его выступили по дорогѣ въ Венгрію, но вдругъ перемѣнилъ

онъ свое направленіе, и гонцы отправлены съ повелѣніемъ, отозвать обратно передовыя войска, которыя теперь обратились къ верхней Силезіи. Если вѣрить лазутчику, то самъ *Ханъ-Батый* принялъ сіе намѣреніе; онъ неожиданно прибылъ въ станъ *Петы*, и кипя яростію, далъ передъ идоломъ *Гихономъ* страшную клятву, обратить всю Силезію въ окровавленную, дымящуюся пустыню. Какою виною навлекли вы на ваше Государство гнѣвъ сего варвара: это тайна, но его нашествіе, къ несчастію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если Богъ не сотворитъ чуда, если нѣдра земли, или волны Одера не поглотятъ свирѣпыхъ Ордъ, то Герцогу *Мечиславу* трудно будетъ съ ними управиться.—

Съ Геройскимъ хладнокровіемъ выслушалъ *Генрихъ* сію ужасную вѣсть, и позвавъ къ себѣ *Ганса фонъ Роткирха*, приказалъ ему, со всѣмъ своимъ отрядомъ сдѣлать диверсію къ Бреславлю и, если нужно будетъ, еще далѣе къ рѣкѣ Одеру, пока получитъ достовѣрное извѣстіе о вторженіи варваровъ и о военныхъ дѣйствіяхъ Герцога *Оппельнскаго*. Рыцарь только-что поднялъ мечь, чтобы дать отряду знакъ къ выступу, какъ вниманіе его обратилось на шумъ близь Вагенбурга, при которомъ вмѣстѣ съ другими женами Рыцарей, находилась и его супруга. Онъ поскакалъ туда, и увидѣлъ свою *Доротею*, которая, упавъ съ иноходца, лежала какъ мертвая, въ объятіяхъ служительницы. На вопросъ его, разсказала няня *Деодата*, что барыня крайне испугалась извѣстій, сообщен-

ныхъ *Сулиславомъ*, что она съ громкимъ воплемъ упала съ коня и по сихъ поръ не могли привесть ее въ память. Тутъ горестное предчувствіе говорило Рыцарю, что въ глубинѣ ея сердца скрывается страшная тайна, и какъ будто боясь пробужденія спящаго чудовища, онъ робко и тихо наклонился къ своей обожаемой женѣ, которая лежала передъ нимъ, какъ смятая лилія; но въ эту самую минуту она открыла свои прекрасные глаза, и первый взглядъ ея, взглядъ любви и мучительнаго страха остановился на миломъ ея супругѣ.

Разступился кругъ сострадательныхъ и любопытныхъ зрителей, и Герцогини, *Гедвигъ* и *Анна*, услышавъ о внезапной болѣзни благородной супруги *Роткирха*, поспѣшили къ ней на помощь, ибо даже Царственныя Особы, по благочестивому обычаю тогдашняго времени, такое богоугодное дѣло вмѣняли себѣ за честь и славу. *Гедвигъ* сѣла подлѣ *Доротеи*, и открыла золотую коробочку съ мускусомъ, дабы оживить больную посредствомъ вдыханія въ себя крѣпкихъ духовъ. Она устремила проницательный взоръ на страдалицу, и черты ея лица выражали внутренее безпокойство. Она не могла удержаться и съ выразительностію сказала: у васъ прекрасное, благородное лице; но черты его предвѣщаютъ мнѣ несчастіе. Какое-то темное предчувствіе говоритъ мнѣ, что вмѣстѣ съ вами гибель вошла въ страну, столь гостепріимно васъ принявшую. Не знаю, какъ навлекли вы на насъ столь тяжкія бѣдствія: это извѣстно одному Всевѣдущему. Я,

смиренная раба его, не дерзаю идти съ вами на Судъ. Но смущенное лице ваше обнаруживаетъ терзанія совѣсти: я вамъ совѣтую, немедленно во всемъ открыться достойному духовнику.“—Тутъ Герцогиня встала и въ сопровожденіи своей невѣстки пошла къ Герцогу; между тѣмъ, Рыцарь, подобно мраморному истукану, сидѣлъ неподвижно на конѣ своемъ: ибо то, что давно уже въ темныхъ предчувствіяхъ терзало его душу, святая *Гедвигъ* открыла выразительно. И вдругъ, какъ будто оживленная сверхъестественною силою, *Доротея* вскочила, кинулась къ супругу, прижала ногу его, сталью покрытую, къ волнующейся груди своей и съ выраженіемъ глубочайшей горести вскричала: „если вы когда меня любили, супругъ мой, то немедленно удалите меня отсюда!“ —

— Успокойся отвѣчалъ *Роткирхъ*: на первый случай ты должна здѣсь остаться. Крѣпкія стѣны Лигница дадутъ тебѣ и *Деодату* надежное убѣжище; я теперь же ѣду въ Бреславль для рекогносцированія арміи Варваровъ! —

„Нѣтъ! нѣтъ!—вскричала *Доротея:* здѣсь я ни за что не останусь. Грозныя слова Герцогини и пламенные взоры раздираютъ мою душу. Я чувствую всю справедливость словъ ея: мнѣ нуженъ Духовникъ. Повезите меня въ Бреславль, мой супругъ и повелитель!“

— Въ Бреславль? — спросилъ изумленный *Роткирхъ:* не уже ли я самъ отдамъ свои лучшія сокровища варварамъ въ когти? —

„Еще Бреславль свободенъ, продолжала *Доротея* умоляющимъ голосомъ: *Чеславъ* обѣщалъ доставить мнѣ тамъ надежное прибѣжище. Вспомните, какъ всѣ его предсказанія сбываются. Подъ защитою сего боговдохновеннаго мужа, я буду безопасна. Исполните волю жены, васъ обожающей. Если я виновна: то единственно отъ безмѣрной, можетъ быть, преступной къ вамъ страсти. Возмите меня съ собою въ Бреславль: тамъ святый Духовникъ нашъ, утѣшительнымъ словомъ, оживитъ мое измученное сердце. Здѣсь отъ прорицательныхъ взглядовъ святыя *Гедвигъ* и отъ тоски по васъ, я приду въ отчаяніе, сойду съ ума. Въ Бреславль, или я умру у ногъ твоихъ.“

—Непростительная будетъ слабость съ моей стороны, если исполню твою волю противъ внутренняго увѣренія, отвѣчалъ *Роткирхъ*, растроганный до глубины сердца: но устоять противъ слезъ и воплей прекрасной, любящей и любимой жены, — это невозможно для Германскаго Рыцаря; пусть *Ханъ-Батый* хвалится такими подвигами.—

„Не называй мнѣ этого ужаснаго варвара!“ вскричала *Доротея* содрогаясь, и съ чувствомъ благодарности прижала руку супруга къ горящимъ устамъ своимъ. Тутъ въ другой разъ явилась смиренная и святая *Гедвигъ*. Сострадательно взглянувъ на прелестную *Доротею*, она сказала *Роткирху*: Герцогъ догадывается, что недоумѣніе, гдѣ вамъ оставить жену и сына, все еще васъ здѣсь удерживаетъ. Онъ предлагаетъ обоимъ мѣсто въ своей свитѣ, гдѣ во

всякомъ случаѣ они будутъ въ безопасности. Если вы того же мнѣнія, то ввѣрьте мнѣ любезныхъ вашему сердцу: вы спокойно будете сражаться за Бога и моего сына.

Внимательно вслушивалась *Доротея* въ ласковыя слова Государыни; лице ея обнаруживало сильную борьбу, которая въ душѣ ея свирѣпствовала; она залилась горючими слезами, взяла изъ рукъ няни спящаго *Деодата*, бросилась съ нимъ къ стопамъ Герцогини и сказала: „кто съ радостію не ввѣритъ своего сына милосердой Матери отечества? Примите изъ моихъ трепещущихъ рукъ мое драгоцѣннѣйшее сокровище. Мой *Деодатъ* — да будетъ Вамъ священнымъ залогомъ того, что сердца его родителей, до послѣдняго біенія, будутъ пылать искреннею любовію къ Вамъ и Вашему Великому сыну. Но мнѣ, великодушная Государыня, позвольте сопровождать моего мужа и покориться моей участи. Я не дерзаю къ Вамъ приблизиться. Я начинаю бояться самой себя; изнываю духомъ. Ради меня не должны погибнуть столь многія души; выбросьте меня изъ хранительнаго ковчега въ шумящія волны, смерть моя спасетъ многихъ. Если Господу угодно меня помиловать, то святая десница Его исторгнетъ меня изъ глубины водъ, обышедшихъ меня.“— Святая *Гедвигъ* еще разъ взглянула на *Доротею* пророческимъ окомъ, съ нѣжною заботливостію взяла къ себѣ на руки спящаго *Деодата*, и поцѣловавъ въ лобъ мать его, сказала ей кроткимъ голосомъ: „слѣдуй гласу твоего сердца, дочь моя! Иди съ миромъ!“— —

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

БИБЛІОГРАФІЯ.

1. *Санктпетербургскій Зритель*, издается *Б. М. Федоровымъ* съ нынѣшняго года, въ каждые два мѣсяца по одной книжкѣ, а въ годъ шесть книжекъ, каждая не меньше 10 печатныхъ листовъ.
2. *Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи*, сочин. *Антонія Погорѣльскаго*, въ двухъ частяхъ С. П. Б. 1828. При Императорской Академіи Наукъ съ четырьмя литографированными картинками и тремя чертежами. Цѣна 20 рублей.
3. *Новая дѣтская Библіотека*, издается съ прошлаго года *Б. М. Федоровымъ* по одной книжкѣ съ картинкою въ мѣсяцъ, а въ годъ 12 книжекъ. Цѣна въ С. Петербургѣ 20 рублей, а съ пересылкою 25 рублей.
4. *Опыты въ стихахъ Ивана Бороздны*. М. 1828.
5. *Новѣйшее руководство къ познанію Россійскихъ законовъ, изд. для воспитанниковъ Московскаго Коммерческаго училища Иларіономъ Васильевымъ*. Двѣ части. Москва, 1827.
6. *Драматическій Альманахъ, изд. Ардаліономъ Ивановымъ на* 1828 *годъ*. С. П. Б.
7. *Памятникъ Отечественныхъ Музъ, изд. Б. М. Федоровымъ на* 1828 *годъ*. С. П. Б.
8. *Освобожденный Іерусалимъ, Поэма Торквата Тасса, переведенная съ Италіянскаго Алексѣемъ Мерзляковымъ*. М. 1828.

СМѢСЬ.

О мирѣ, заключенномъ между Издателемъ *Московскаго Телеграфа* и Издателями *Сѣверной Пчелы*, *Сына Отечества*, *Сѣвернаго Архива*, *Дѣтскаго Собесѣдника* и прочая и прочая.

СНОВИДѢНІЕ.

Въ V книжкѣ 1828 года, на стр. 94 и слѣдующихъ *Московскаго Вѣстника*, напечатано объ этомъ весьма любопытное извѣстіе. Мы выписываемъ его отъ слова до слова.

„Къ числу замѣчательныхъ явленій въ *Телеграфѣ* прошедшаго года, принадлежитъ торжественное его примиреніе съ *Сѣверною Пчелою*, *Сыномъ Отечества* и *Сѣвернымъ Архивомъ*, послѣ двухъ-лѣтней, безпрерывной, неутомимой войны, славной въ Лѣтописяхъ Русской Журнальной Полемики, но пятнающей Исторію Русскаго Журнализма, какъ часть Исторіи нашей Словесности. Въ началѣ 1827 года, сія война была еще во всей силѣ: еще горѣли раны, нанесенныя *Телеграфу* знаменитыми Сирами Барскими и Грипусье, и памятны были *Сыну Отечества*, *Сѣверной Пчелѣ* и *Сѣверному Архиву* обиды задорнаго Матюши. Еще въ началѣ прошлаго года (1827), отрицали всѣ права Гг. *Греча* и *Булгарина* на званіе достойныхъ Писателей, а въ *Журналахъ Сѣверныхъ* равномѣрно отвергали всѣ достоинства Издателя *Телеграфа*. Наконецъ,

преисполнилась мѣра терпѣнія и сподвизавшихся на полѣ ратномъ и зрителей: послѣдовало молчаніе; вскорѣ, послѣ прелиминарныхъ похвалъ, утвержденъ мирный договоръ, и *Грамматика Г. Греча* была точкою соединенія. Признаны права взаимно обѣими сторонами: не знаемъ навѣрно всѣхъ статей сего договора; но, вѣроятно, одною изъ нихъ было взаимное условіе хвалить другъ друга. Въ слѣдствіе сего, утихли бранные крики *Сѣверной Пчелы* и начинаются по немногу (для соблюденія приличій) похвалы *Телеграфу*. Въ слѣдствіе сего *Г. Гречъ* признанъ въ *Телеграфѣ* отличнымъ Прозаикомъ, а *Г. Булгаринъ* Литераторомъ, подающимъ о себѣ большія надежды, и сочиненія его разобраны весьма умѣренно и прейдены молчаніемъ всѣ ихъ недостатки. Миръ совершенъ! Да отдохнутъ Читатели! Кто изъ истинныхъ любителей просвѣщенія не пожелаетъ однако, чтобы впредь не возобновлялись подобныя распри, недостойныя Литераторовъ, распри, въ которыхъ люди невоздержные, подстрекаемые мѣлкимъ самолюбіемъ, жалко издѣваясь другъ надъ другомъ, обличая другъ друга въ невѣжествѣ, осмѣливаясь посягать даже на личность неприкосновенную, смѣшатъ полуобразованныхъ охотниковъ до пѣтушьихъ боевъ въ Литературѣ и отвращаютъ отъ себя просвѣщенныхъ любителей истины.“ — —

Издатель *Славянина*, прочитавъ сей отрывокъ М. В. заснулъ: ибо тогда било уже 12 часовъ ночи — и исполненный описаніемъ Жур-

нальнаго мира, видѣлъ сонъ, который, *ради шутки*, здѣсь печатаетъ.

Ему снилось, что сей миръ заключенъ не чрезъ Уполномоченныхъ, но на Конгрессѣ, на которомъ воюющіе Журналисты самолично присутствовали. Для засѣданій нарочно отдѣланъ былъ залъ, во 100 аршинъ вышины отъ пола до купола (1). Люстра, въ немъ повѣшенная содержала 336 трубочекъ, изъ коихъ каждая давала по три свѣта; что все вмѣстѣ составляло 1,008 свѣтовъ (2). Другой залъ, примыкавшій къ первому, который малымъ чѣмъ уступалъ въ вышинѣ Хеопсовой высочайшей пирамидѣ (3), былъ не менѣе чуденъ: онъ имѣлъ только 10 аршинъ въ вышину отъ пола до карниза, хотя въ немъ устроена была галлерея, куполъ и окна въ два яруса (4).

Ему грезилось, будто бы, по благополучномъ подписаніи прелиминарныхъ пунктовъ, данъ былъ великолѣпный обѣдъ, за коимъ по-

---

(1) Отечественныя Записки *П. П. Свиньина* 1821, ч. V. стр. 378—386, въ статьѣ: Санктпетербургскія современныя лѣтописи. Литературные листки *Ѳ. В. Булгарина*, 1823, стр. 25.

(2) Тамъ же и на тѣхъ же страницахъ.

(3) Египетская сія пирамида, по измѣренію *Ѳ. В. Булгарина*, имѣетъ 205 аршинъ высоты.

(4) Отечественныя Записки *П. П. Свиньина* 1821, книжка XLI, Лит. листки *Г. Булгарина* 1823, стр. 51.

давались: *Римской огурецъ* (5); *жареный ракъ* (6); *оригинальный желѣзный горшокъ съ картофелемъ* (7); столъ вмѣсто скатерти накрытъ былъ *золотымъ сукномъ* (8); гремѣла

Музыка со всѣхъ полковъ;
Всѣ лучшіе тушъ виртуозы были (9).

---

(5) Литературные листки *Ѳ. В. Булгарина* 1823, стр. 25.
„Васъ удивляетъ, что наша зала во второмъ этажѣ имѣетъ 100 аршинъ, т. е. $33\frac{1}{3}$ сажени (по увѣренію *П. П. Свиньина*, Отч. Зап. 1821, Ч. *V*. стр. 378—386), въ вышину, когда вышина всего дома отъ основанія до кровли едва ли имѣетъ 15 саженъ. Вспомните, что *И. А. Крыловъ* сказалъ въ своей Баснѣ:

„Вотъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ;
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору;
Повѣришь ли? ну, право, онъ былъ съ гору!"

(6) При Сѣв. Пчелѣ 1825, No 132, отпечатанъ гравированный ракъ, подъ которымъ помѣщенъ краткій Телеграфическій Словарь (т. е. словъ десятковъ пять не въ попадъ переведенныхъ съ Франц. *Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ*, Изд. Моск. Телеграфа.) Статья сія, подъ заглавіемъ: Созвѣздіе рака, заключается слѣдующею выходкою.

„Вотъ не многіе обращики знаній и искусства того Журналиста (*Н. А. Полевова*), который къ другимъ примѣняетъ эмблему *рака*. Да будетъ же *ракъ* девизомъ сего поборника просвѣщенія. *Этьеннъ Грипусье. Сиры Барскіе. Гюй эю Буссиколь.*"

(7) Отеч. записки *П. П. Свиньина* 1824, Ноябрь и Декабрь. Лит. листки *Г. Булгарина* 1824, Ч. *IV*, стр. 165.

(8) Сѣв. Пчела 1825, No 18. (9) Лит. листки 1823, стр. 37.

Къ столу были приглашены *мясникъ-Астрономъ, извощикъ-Метафизикъ, портной-Механикъ, сaложникъ - Архитекторъ.* Они показывали свои штуки гостямъ, которые съ изумленіемъ удивлялись *доморощенымъ-геніямъ.* Особенное обратилъ на себя вниманіе, живущій *въ большой Рыбацкой природный Живописецъ,* который пишетъ портреты наизусть, по разсказу и изъ памяти. Онъ разсказалъ, что написалъ недавно портретъ одного умершаго купца (10), по просьбѣ его жены, три мѣсяца спустя по его кончинѣ. Всѣ *не видавшіе его* никогда при жизни, *удивлялись* сходству и *восхищались* работою (11). Всѣхъ же болѣе принесъ удовольствія соединеннымъ Журналистамъ — Англійскій путешественникъ *Гольманъ,* Англичанинъ и слѣпой. Онъ (12) человѣкъ лѣтъ 25, пріятной наружности и путешествуетъ для любопытства: все замѣчаетъ, все *осматриваетъ. Гольманъ* съ легкостью узналъ бюсты *Петра* Великаго, *Екатерины II, Румянцова, Суворова, Кутузова, Долгорукова, Ломоносова, Державина,* а это тѣмъ затруднительнѣе, что иные изъ нихъ мраморные, другіе бронзовые третьи гипсовые (13).

Ему видѣлось такъ живо, какъ на яву, что когда поданы кубки и Шампанское заискрилось

---

(10) Отеч. Записки *П. П. Свиньина,* 1823, No XXXIII, стр. 14 и 15. (11) Лит. листки 1824, стр. 52.

(12) 1823 No 38, стр. 401 Отечественныхъ Записокъ *П. П. Свиньина.* Литературные листки *Ѳ. В. Булгарина* 1824, стр. 53.

(13) Тамъ же, стр. 54.

въ хрусталѣ: тогда всталъ *Ѳаддей Венедиктовичъ* и громко провозгласилъ басню, соч. *А. Е. Измайловымъ: Павлушка, Мѣдный лобъ* и пр. (14) послѣ сего, другой Литераторъ произнесъ изъ *Лит. листковъ* 1823, стр. 34. слѣдующій отрывокъ (15).

„Какъ жаль, что я не одаренъ отъ Природы микроскопнымъ взоромъ, съ которымъ нѣкоторые Писатели столь искусно отыскиваютъ *необыкновенное въ обыкновенномъ, великое въ маломъ*. Я бы также устремился на поприще открытій и изысканій въ физическомъ и моральномъ мірѣ; отыскалъ бы Геніевъ, и описывалъ бы чудеса искуства на всякой улицѣ. Но пока найдется къ сему удобный случай, я примусь за другое средство, чтобы льстить самолюбію современниковъ. Отнынѣ, не пропущу ни одного гулянья за городомъ и подъ качелями, стану на распутьѣ, запишу имена всѣхъ властителей экипажей, и напечатаю оныя съ громкими похвалами ихъ вкусу и разборчивости. Наконецъ, буду описывать *Петербургскія забавы высшаго общества*, балы, маскерады, завтраки, обѣды и ужины, особенно тѣ, на которыя меня позовутъ, или на коихъ я буду присутствовать, хотя незваный. Стану прославлять художниковъ и ремесленниковъ, которые снабдятъ меня *суще-*

(14) Сѣверные Цвѣты 1824 года, стр. 92.

(15) Сей отрывокъ вновь напечатанъ въ 1828 году въ сочиненіяхъ *Ѳ. В. Булгарина*. Доказательство, что сей Писатель о многихъ предметахъ и лицахъ не перемѣнилъ своего образа мыслей.

ственнымъ доказательствомъ ихъ искуства и трудолюбія, и пріятелей, которые захотятъ споспѣшествовать *продажѣ* моего Журнала. Такимъ образомъ промышляютъ Издатели des petites affiches de Paris, (малыхъ Парижскихъ афишъ), но только подъ скромнымъ названіемъ. Я, напротивъ того, назову мои афиши *Современными Лѣтописями*, придамъ моимъ извѣстіямъ историческую важность, и увѣренъ, что эта *спекуляція* мнѣ удастся." Чтецъ умолкъ — и мнѣ во снѣ слышался громкій хохотъ, рукоплесканіе и, какихъ небылицъ не пригрезится! громогласное восклицаніе пирующихъ: „*Не въ бровь, а прямо въ глазъ!*"

Гости прошли въ садъ, гдѣ
Мужикъ,
Нашъ Русскій маркитантъ Коломенскій мясникъ:
Сафронъ Егоровичь Куликъ,
Жена его Матрена,
Да Таня маленькая дочь,
Спускали шаръ воздушный,
Которой былъ въ объемѣ съ полверсты. (16)

Пиршество заключилось питьемъ за здоровье Хозяина, который низкимъ поклономъ благодарилъ почтеннѣйшихъ своихъ гостей— Московскихъ и Петербургскихъ и примолвилъ нѣжно улыбаясь:

Господа!
Вить надобножь прикрасить иногда!

Тутъ я проснулся, и не хватая себя за голову, опрометью бросился къ письменному столу и набросалъ на бумагу то, что вы здѣсь читали.

---

(16) *Сѣверные Цвѣты* 1824, стр. 92 и 93.

№ XVI.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Прорывъ Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1807 году.

(*Продолженіе*).

Возстановленіе отрѣшенныхъ Господарей не отвратило военной грозы, собиравшейся надъ Турціею. Петербургскій Кабинетъ, видя съ справедливымъ негодованіемъ отличное, можно сказать, подобострастное уваженіе, оказываемое Портою Франціи, и узнавъ, что первая надѣется, при содѣйствіи завоевателя *Наполеона*, возвратить Крымъ и всѣ области до Днѣпра, рѣшился предупредить Мусульманъ и обезпечить себя съ сей стороны, занятіемъ Молдавіи и Валахіи. Генералъ *Михельсонъ*, командовавшій Россійскими войсками на Турецкой границѣ, получивъ отъ Правительства своего на то повелѣніе, приступилъ къ сему въ Ноябрѣ 1806 года и, въ короткое время, оба сіи Княжества были заняты Россійскими войсками. Когда вѣсть о сихъ происшествіяхъ пришла въ Константинополь, то *Италинскій* былъ твер-

до увѣренъ, что по примѣру своихъ предшественниковъ, будетъ заключенъ въ семибашенный замокъ, но *Арбутнотъ*, пользуясь своимъ вліяніемъ на Турецкое Правительство, представилъ оному, какъ постыдно для Государя столь просвѣщеннаго, каковъ *Селимъ III*, и желающаго доставить своимъ подданнымъ благотворную Европейскую образованность, задержаніе Посланника, противное правамъ народнымъ и свойственное однимъ только варварамъ. *Себастіани*, которому заключеніе *Италинскаго* не могло принесть никакой пользы, сильно поддерживалъ мнѣніе своего противника. Ходатайство сихъ Пословъ сильныхъ Державъ убѣдило Султана и онъ согласился на отъѣздъ *Италинскаго*.

Въ это время 80 пушечный корабль Canopus, на коемъ находился Контръ-Адмиралъ *Сиръ-Томасъ-Люисъ*, прибылъ въ Константинополь. Оный принадлежалъ къ Англійской эскадрѣ, прибывшей къ Дарданелламъ и состоявшей изъ трехъ линейныхъ кораблей. Турки почли ее за передовый отрядъ Британскаго флота, коему велѣно плавать въ Архипелагѣ и наблюдать за поведеніемъ Дивана. На семъ кораблѣ отправился *Италинскій* съ своею свитою на островъ Тенедосъ; откуда переѣхалъ въ Мальту, а потомъ въ Италію.

Отъѣздъ сего Посланника оставилъ *Арбутнота* одного бороться съ Диваномъ и съ Французскимъ Министромъ, ибо всѣ прочіе Европейскіе Посланники: или пристали къ Генералу *Себастіани*, или не имѣли надъ Турец-

кимъ Правительствомъ никакого вліянія; иные же, равно опасаясь могущества обѣихъ Державъ, какъ Франціи такъ и Англіи, не принимали ни малѣйшаго участія въ Дипломатической распрѣ при Константинопольскомъ Дворѣ.

Диванъ все еще былъ въ нерѣшимости на счетъ представленій, дѣлаемыхъ двумя Министрами — противниками. Съ одной стороны, побѣды *Наполеона* въ Пруссіи заставляли Порту страшиться его гнѣва; съ другой, близость Англійской эскадры, служила сильною поддержкою для *Арбутнота*. Къ несчастію для послѣдняго, болѣзнь и семейственныя потери, его постигшія, дали Генералу *Себастіани* возможность, сильными происками раздѣлить мнѣнія Турецкихъ Министровъ. Одни изъ нихъ стали оказывать явное презрѣніе къ угрозамъ о скоромъ приближеніи Англійскаго флота, ибо были увѣрены въ неприступности Дарданеллъ; другіе же, опасались *Наполеонова* могущества и вторженія его въ границы Порты чрезъ Иллирію и южныя провинціи Австрійской Имперіи; а потому, старались всѣми средствами поддержать дружбу съ Великобританіею.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ совѣщаніяхъ Дивана, Султанъ, вслѣдъ за отъѣздомъ *Италинскаго*, потребовалъ у *Жюшеро-де-Сенъ-Дени* мнѣнія о состояніи Дарданелъ и оборонительныхъ средствахъ Константинополя, на случай нападенія Русскаго флота. Отчетъ, представленный симъ Офицеромъ, былъ переданъ *Селимомъ* на разсмотрѣніе Дивана. Содержаніе онаго усугубило желаніе Членовъ Вер-

ховнаго Турецкаго Правительства, сохранить миръ съ Англіею. Но не взирая на всѣ ихъ усилія, прочая часть Дивана оставалась при прежнемъ своемъ мнѣніи.

Жюшеро, доказывая примѣрами, что линейные корабли иногда выдерживаютъ въ сраженіи по нѣскольку сотъ ядеръ и не тонутъ, представлялъ, что флотъ, предводимый отважнымъ начальникомъ, который не остановится за тѣмъ, чтобъ отвѣчать береговой Турецкой Артиллеріи, можетъ, безъ большаго вреда, при благопріятномъ вѣтрѣ, пройти Дарданельскій каналъ, чему способствуютъ: быстрина морскаго теченія, плохое устроеніе главныхъ зáмковъ: Келидиль-Багара и Султанье Калесси и большое разстояніе между зáмками и батареями, построенными при входѣ въ проливъ съ стороны Архипелага. Далѣе, представлялъ *Жюшеро*, что какъ самая важная и удобная для обороны часть пролива, находится между древними Дарданеллами и мысомъ Пескисъ; то надлежало устроить тамъ сильныя батареи, какъ въ семъ мѣстѣ, такъ и при другихъ мысахъ, выгодныхъ по своему положенію, и что, наконецъ, должно усилить средства обороны обѣихъ зáмковъ, пристройкою къ нимъ полевыхъ укрѣпленій, коими бы можно было удвоить число орудій въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ Дарданельскаго пролива. Полагая, что желѣзныя цѣпи, протянутыя отъ одного берега къ другому, или боны не выдержатъ напора линейнаго корабля, плывущаго при крѣпкомъ, попутномъ вѣтрѣ, *Жюшеро*

предлагалъ поставить за мысомъ Пескисъ, подъ покровительствомъ береговыхъ батарей, двѣнадцать линейныхъ кораблей. Исходящій уголъ, образуемый проливомъ при мысѣ Пескисъ и отмѣли, идущія около онаго, должны были, по предположенію Французскаго Инженера, принудить непріятельскіе корабли, уже весьма поврежденные огнемъ съ зáмковъ и батарей при переходѣ ихъ чрезъ пространство нѣсколькихъ миль, приближаться съ большою трудностью къ Турецкому флоту, который, оставаясь во все сіе время неприкосновеннымъ и будучи прикрываемъ сильными батареями обѣихъ береговъ, могъ несравненно превосходнымъ числомъ своей Артиллеріи, истребить по одиначкѣ каждый изъ прорывающихся кораблей, по мѣрѣ его приближенія. Ко всѣмъ симъ представленіямъ *Жюшеро* присовокуплялъ, что для приведенія въ дѣйствіе его предположеній нужно, чтобы Турецкій флотъ имѣлъ искуснаго и смѣлаго предводителя и снабженъ былъ храбрыми и опытными мореходцами.

Касательно же до нападенія на самый Константинополь: непріятельскій флотъ, не иначе могъ предпринять сіе, какъ войдя въ Босфоръ. *Жюшеро-де-Сенъ-Дени* доказывалъ, что столь опасное дѣло могло имѣть пагубныя слѣдствія для самихъ же нападателей, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) по спорному теченію, 2-е) по близкому разстоянію между обѣими берегами, 3-е) по удобности построить на сихъ берегахъ, многочисленныя батареи,

кои бы могли обстрѣливать мимоидущіе корабли, и 4-е) по трудности войти въ Константинопольскій проливъ, даже и при попутномъ вѣтрѣ.

Доводы сіи вразумили большую часть Турецкихъ Министровъ, предложившихъ Султану начать сперва работы для обороны Дарданельскаго пролива, а потомъ уже приняться за укрѣпленіе Константинополя. Хати-шерифъ, изданный на другой день послѣ сего рѣшенія, предписывалъ Верховному Визирю, безъ отлагательства привести въ исполненіе проэкты, составленные *Жюшеро,* и сдѣлать нужныя распоряженія для скорѣйшаго начатія работъ въ самомъ Константинополѣ.

Великій Визирь, ослѣпленный предразсудками своихъ соотечественниковъ, и Капитанъ-Паша, который вышедъ изъ Сераля, сохранялъ все малодушіе невольниковъ въ Сералѣ воспитанныхъ, не постигали пользы, могущей произойти отъ дорого-стоящихъ предначертаній главнаго Инспектора Турецкихъ Инженеровъ. Съ большою медленностью и неохотно приступили они къ исполненію воли своего Государя.

Отчетъ, представленный *Жюшеро*, былъ для Порты новымъ побужденіемъ къ оказанію большаго снисхожденія Англійскому Министру: ибо Турки, зная что Русскій флотъ никогда еще не покушался на прорывъ чрезъ Дарданеллы, полагали, что одни только Англичане могутъ отважиться на сіе предпріятіе.

Арбутнотъ, по отъѣздѣ *Италинскаго*, просилъ у своего Правительства наставленія какъ поступать ему въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ, въ противорѣчіяхъ своихъ Генералу *Себастіани*, всячески старался избѣгать всего, что только могло подать поводъ къ явному несогласію между Лондонскимъ и Константинопольскимъ Кабинетами. Въ Январѣ 1807 года, присланный изъ Англіи отвѣтъ разрѣшилъ недоумѣніе ея Посланника.

Правительство Англійское разсуждая, что Турція, находясь въ войнѣ съ Россіею, сдѣлается весьма полезною союзницею Франціи, рѣшилась употребить угрозы и силу—дабы принудить Порту, расторгнувъ союзъ съ Франціею, заключить оный снова съ Великобританіею и Россіею. *Арбутноту* рѣшительно предписано настоять на семъ послѣднемъ, или оставить Оттоманскую Порту. Кромѣ сего, было на него возложено истребовать удаленія Генерала *Себастіани*, непосредственной сдачи Англичанамъ Дарданельскихъ укрѣпленій и Турецкаго флота, и наконецъ, уступки Россійскому Правительству Валлахіи и Молдавіи.

Сіи предложенія, представленныя Портѣ въ то время, когда озлобленіе Мусульманъ противъ Россіянъ дошло до высочайшей степени, были отвергнуты Диваномъ. Большая часть его членовъ, устыдясь страха наведеннаго на нихъ словами *Веллеслея-Поля*, перешли въ другую крайность, и оказали при семъ случаѣ совершенное хладнокровіе и презрѣніе къ подобнымъ угрозамъ, хотя Англичане изготови-

лись доказать имъ на опытѣ, что слова ихъ Уполномоченныхъ не пустые звуки.

Когда *Арбутнотъ*, сообщивъ Турецкому Правительству требованія своего Двора, узналъ о невыгодныхъ мнѣніяхъ на сей счетъ нѣкоторыхъ членовъ Дивана, то началъ дѣлать тайныя приготовленія къ отъѣзду. Опасаясь, чтобы его не задержали какъ заложника, и не потребовали отвѣтственности въ покушеніяхъ Англійскаго флота на Дарданеллы, онъ рѣшился скрытнымъ образомъ отплыть на Британскомъ фрегатѣ *Endymion*, не задолго до того прибывшимъ въ Константинополь; онъ хотѣлъ даже взять съ собою всѣхъ Англійскихъ Негоціантовъ, жившихъ въ Султанской Столицѣ.

Таковое предпріятіе не могло быть выполнено безъ величайшей осторожности и благоразумія. *Арбутнотъ*, сообщивъ о немъ двумъ или тремъ Особамъ, на скромность коихъ могъ полагаться, велѣлъ Капитану Фрегата пригласить на оный къ обѣду, всѣхъ, кого желалъ увезть съ собою. Едва приглашенные гости успѣли собраться на Фрегатъ, какъ *Арбутнотъ* открылъ имъ свои намѣренія и объявилъ, что они болѣе не выдутъ на берегъ, Правительство же Англійское не оставитъ вознаградить ихъ за убытки, понесенные при столь поспѣшномъ и неожиданномъ отъѣздѣ.

Слова сіи были громовымъ ударомъ для изумленныхъ Негоціантовъ. Оставляя въ Константинополѣ свои семейства, товары и даже самое платье, они принуждены были безъ

денегъ и въ самой легкой одеждѣ, отправиться сами не зная куда.

Endymion снялся съ якоря $\frac{17}{29}$ Января 1807 года въ восемь часовъ вечера. Фрегатъ сей едва не сталъ на мѣль около Сераля, куда былъ занесенъ теченіемъ, но успѣлъ избѣгнуть сего несчастія съ возможною при сей опасности осторожностію, и вышелъ изъ гавани, не обративъ на себя вниманія Турокъ, узнавшихъ уже ночью о выѣздѣ Англійскаго Посольства.

Когда *Endymion* проходилъ Дарданеллы, Капитанъ-Паша находился при мысѣ Пескисъ съ эскадрою, состоявшею изъ одного линейнаго корабля, пяти фрегатовъ и одного брига. Адмиралъ сей былъ посланъ туда вмѣстѣ съ *Фейзи-Эфендіемъ*, прежде бывшимъ Интендантомъ корпуса Низамъ-Гедиттовъ, для ускоренія производства новыхъ работъ. *Фейзи-Эфендію* было поручено платить работникамъ. Сіи чиновники не вѣдая, что Великобританскій Посланникъ находился на плывущемъ мимо ихъ фрегатѣ, пропустили оный безъ малѣйшей задержки.

Должно замѣтить, что *Арбутнотъ*, передъ отъѣздомъ своимъ, поручилъ остававшихся въ Константинополѣ Англичанъ покровительству Генерала *Себастіани*. Сей Министръ оправдалъ довѣренность своего соперника, исполнивъ его волю во всей точности.

По прибытіи въ Тенедосъ, внѣ опасности быть задержаннымъ, *Арбутнотъ* поспѣшилъ отправить къ Дивану письмо, въ коемъ объясняя причины своего отъѣзда, представлялъ

ему, что онъ еще не выѣхалъ изъ владѣній Порты и просилъ возобновить переговоры, начатые имъ въ Константинополѣ.

Министры Оттоманской Порты, далекіе отъ разрыва съ Англіею, и желавшіе доказать сіе цѣлой Европѣ, отвѣчали *Арбутноту* немедленно и безъ упрековъ, что принимаютъ его предложеніе; для успѣшнѣйшаго же производства переговоровъ, поручаютъ вести съ нимъ оные Капитану-Пашѣ и *Фейзи-Эфендію*, находившимся въ Дарданеллахъ.

Арбутноту пріятно было видѣть, что Порта все еще признаетъ его за Посланника, ибо отбытіе его на Англійскомъ кораблѣ могло быть почтено за оставленіе Турецкихъ владѣній. Онъ не рѣшился однако сходить на берегъ и удовольствовался тѣмъ, что послалъ вмѣсто себя для переговоровъ въ Дарданеллы, перваго своего Драгомана *Берто-Пизани*. Сей тонкій и хитрый Чиновникъ тотчасъ вкрался къ Капитану-Пашѣ и *Фейзи-Эфендію*, увѣряя ихъ въ миролюбивомъ расположеніи своего Двора, старался занять ихъ безпрестанными переговорами и большою перепискою, такъ, что умѣлъ сими средствами отклонить совершенно ихъ вниманіе отъ военныхъ работъ и приготовленій, за коими Правительство поручило имъ имѣть надзоръ.

Напрасно Турецкіе Инженеры, коимъ было поручено построеніе новыхъ батарей, требовали денегъ и работниковъ: Капитанъ-Паша и *Фейзи-Эфендій* были равнодушны къ ихъ представленіямъ; напрасно *Ласкуръ*, Адъютантъ

Генерала *Себастіани*, отправленый симъ послѣднимъ въ Дарданеллы для извѣщенія его о ходѣ переговоровъ и военныхъ приготовленій, представлялъ Капитану-Пашѣ необходимость поспѣшать работами, умножить число работниковъ и платить имъ исправнѣе. Турецкій Адмиралъ, ослѣпленный мыслію, что у Англичанъ нѣтъ ни желанія, ни смѣлости прорваться въ Дарданеллы, отвѣчалъ съ усмѣшкою: что дѣло сіе не стоитъ такихъ безпокойствъ и издержекъ, но что впрочемъ, онъ готовъ повиноваться волѣ Султана.

Жалобы на медленность возобновлялись ежедневно; работы не подвигались впередъ; работники отъ неисправной платы и дурнаго надзора разбѣгались во всѣ стороны; но переговоры, казалось, продолжались весьма успѣшно. Между тѣмъ, какъ Турки, слѣпо увѣренные въ непроходимости Дарданеллъ, медлили; опасность, которую они презирали, вопреки ихъ чаянію была весьма близка.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.*)

Матеріалы для Россійской Военной Исторіи.

(*Продолженіе*).

Въ 1791 году.

Къ Лейбъ-Кирасирскому присоединены: Орденскій и Казанскій Кирасирскіе, да Карабинерные полки, Софійскій и Тверскій.

Но въ 1792 году полки сіи опять раздѣлены по прежнему. Изъ нихъ двумъ Карабинернымъ, какъ состоявшимъ изъ 5-ти эскадроновъ, велѣно остаться въ семъ положеніи впредь до разсмотрѣнія.

Екатеринославскій Кирасирскій полкъ въ почесть и за заслуги Фельдмаршала, наименованъ полкомъ Князя *Потемкина*.

Вновь сформированъ полкъ Конно-Гренадерскій военнаго Ордена изъ полка Малороссійскаго Гренадерскаго; въ немъ считалось 10-ть эскадроновъ, а каждый эскадронъ имѣлъ 150 рядовыхъ.

Малороссійскимъ Гренадерскимъ названъ старый Гренадерскій полкъ Фанагорійскій.

А Фанагорійскій полкъ сформированъ изъ ротъ Гренадерскихъ, взятыхъ изъ 12-ти Мушкетерскихъ полковъ.

Екатеринославскій Гренадерскій полкъ сдѣланъ изъ 10-ти баталіоновъ, и къ бывшимъ уже въ немъ четыремъ баталіонамъ, прибавлены четыре же Московскаго и два баталіона

Санктпетербургскаго Гренадерскаго полковъ. Но въ 1792 году, по Имянному Указу, приведенъ сей полкъ въ первобытное положеніе, а вошедшіе было въ составъ его Гренадерскіе баталіоны обращены на составленіе въ двадцати одномъ Мушкетерскихъ полкахъ Гренадерскихъ ротъ.

Вновь сформированъ Гренадерскій полкъ изъ 2-хъ баталіоновъ стараго Астраханскаго Гренадерскаго и 2-хъ Ново-Тульскаго полка.

Астраханскій же Гренадерскій полкъ сформированъ изъ Вологодскаго Мушкетерскаго и изъ двухъ ротъ Ингерманландскаго полка съ дополненіемъ рекрутами.

Изъ остальныхъ двухъ баталіоновъ Астраханскаго, составленъ 2-хъ-баталіонный Днѣпровскій Приморскій Гренадерскій полкъ.

Таковый же Гренадерскій трехъ-баталіонный полкъ, названный Николаевскимъ, сдѣланъ изъ 2-хъ баталіоновъ Ярославскаго Мушкетерскаго полка и одного Николаевскаго, который былъ составленъ изъ Гренадерскихъ ротъ, отдѣленныхъ отъ Мушкетерскихъ полковъ.

Составленъ Мушкетерскій полкъ, названный Ново-Ингерманландскимъ изъ 2-хъ баталіоновъ Херсонскаго Мушкетерскаго полка.

Таковый же полкъ сформированъ изъ остальныхъ 2-хъ баталіоновъ Санктпетербургскаго Гренадерскаго полка, и названъ потомъ Ярославскимъ.

Также составлены два Гренадерскихъ и одинъ Мушкетерскій баталіоны, каждый въ числѣ 1012 человѣкъ, изъ коихъ до 1794 года

оставался только одинъ баталіонъ, Легко-Гренадерскимъ прозывавшійся.

Вновь названы Конно-Егерскими полками десяти-эскадронные:

Харьковскій, соединенный съ Ахтырскимъ, кои назывались оба легко-конными полками, но въ 1792 году полки сіи раздѣлены и остались по прежнему легко-конными.

Елисаветградскій, дополненный въ числѣ эскадроновъ выбранными людьми изъ другихъ легко-конныхъ полковъ.

Переяславскій, соединенный съ Лубенскимъ, кои оба были прежде Карабинерные.

Таврическій, соединенный съ Константиноградскимъ, кои оба были прежде легко-конные.

Кіевскій, вновь сформированъ изъ взятыхъ по одному эскадрону отъ каждаго изъ Малороссійскихъ Карабинерныхъ полковъ.

Переименованы старые легко-конные Козачьими полками:

Булавы Великаго Гетмана, изъ Полтавскаго.

Александрійскій, Херсонскій, } Изъ полковъ того же имени.

Въ 1792 году полкамъ симъ велѣно быть по прежнему легко-конными.

Слѣдующіе легко-конные полки обращены въ Гусарскіе.

Ольвіопольскій и Воронежскій.

Вновь еще составлены:

Два эскадрона конвойныхъ Гусарскихъ, которые въ 1792 году обращены на укомплектованіе Гусарскихъ полковъ.

Полкъ Козачій конвойный, изъ Чугуевскихъ Козаковъ.

Регулярный Малороссійскій, изъ рекрутъ, прежде назначенныхъ на укомплектованіе Карабинерныхъ и Гренадерскаго Малороссійскихъ полковъ. Сей регулярный полкъ въ 1793 году вступилъ въ поселеніе Чугуевскаго уѣзда и названъ третьимъ Чугуевскимъ полкомъ.

Моздокскій, съ присоединеніемъ къ нему легіонной команды.

Корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ въ Малороссіи въ числѣ 5.600 человѣкъ, но оный вскорѣ потомъ уничтоженъ.

Волонтирская Когорта, Арнаутскія команды полтора дивизіона Волонтеровъ, Волонтерская пѣшая Когорта изъ Польскихъ выходцевъ, два дивизіона Таврическихъ Татаръ. Въ 1792 году, по Имянному Указу, всѣ сіи войска обращены въ военныя поселенія Екатеринославской Губерніи, а дивизіоны Татарскіе велѣно содержать въ области Таврической.

Малороссійскіе же Карабинерные полки оставлены пяти-эскадронными; а Мушкетерскіе безъ ротъ Гренадерскихъ.

По Имянному Указу вступили въ вѣдомство Военной Коллегіи два полка морскихъ, составленныхъ въ 1791 году для гребной Флотиліи изъ морскихъ же баталіоновъ, въ 1788 году сформированныхъ изъ рекрутъ.

Въ 1793 году въ Маіѣ, вмѣстѣ съ присоединеніемъ отъ Польши древнихъ Россійскихъ областей, присоединилась и часть, бывшихъ въ оныхъ войскъ рѣчи Посполитой, а именно:

Бригады конныя: Волынская, Брацлавская, Днѣпровская, Днѣстровская, Подольская и Пинская; полки легко-конные: Житомирскій, Константиновскій и Винницкій; полки же пѣхотные: Изяславскій, Овручьскій, Каменецкій и Могилевскій съ корпусомъ Артиллеріи.

Въ томъ же году, по Имянному Указу, составлены три регулярные Козацкіе полка, наименованные Чугуевскими 1-й, 2-й и 3-й. Изъ прежнихъ Козацкихъ: просто Чугуевскимъ называвшагося, конвойнаго и Малороссійскаго, съ тѣмъ, чтобъ они дополнялись изъ жителей Чугуевскаго уѣзда.

(*Будетъ продолженіе*).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Татары въ Силезіи.

(Историческая повѣсть изъ временъ нашествія Татаръ.)

(*Продолженіе.*)

10.

Звонъ колоколовъ, барабанный бой, звуки трубъ, трескъ оружія, крики вождей, конскій топотъ, вопли женщинъ и дѣтей, стукъ телѣгъ, нагруженныхъ вывозимымъ имуществомъ, мычаніе стадъ, стоны раненыхъ, оглушали и оледѣняли сердца, когда *Гансъ-фонъ-Роткирхъ* съ своимъ отрядомъ въѣхалъ въ много-башенный *Бреславль*. Въ сію самую минуту Герцогъ *Мечиславъ*, на́-голову разбитый Татарами, мчался черезъ городъ съ своими бѣгущими дружинами, дабы съ остатками воинства присоединиться къ Герцогу *Генриху* при Лигницѣ, и со всѣхъ сторонъ стекались вооруженные граждане для обороны стѣнъ и башенъ. Съ трудомъ про-

брался *Роткирхъ* съ дружиною своею къ Монастырю *Св. Адальберта*, и когда спросилъ онъ гдѣ Св. Отецъ *Чеславъ*, то ему отвѣчали, что въ Церкви. Вмѣстѣ съ своею супругою, Рыцарь вошелъ въ сумрачный, съ высокими сводами Храмъ, коего священное безмолвіе, въ странной противоположности съ дикою тревогою города, наполняло сердце таинственнымъ благоговѣніемъ. Пришельцы удалились въ боковой придѣлъ, дабы теплою молитвою облегчить стѣсненную грудь свою передъ образомъ святыя Богоматери. Окончивъ молитву, *Роткирхъ*, схватилъ руку *Доротеи*, посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ и сказалъ: „Со всѣхъ сторонъ тѣснятъ насъ неизбѣжныя опасности: между нами не должно быть ни малѣйшей тайны. Изъ твоихъ объятій, легко статься можетъ, упаду въ объятія смерти. И такъ, въ Храмѣ истиннаго Бога требую, чтобы ты открыла мнѣ страшную свою тайну: ты должна это сдѣлать, ради нашего будущаго блаженства. Чувствую, какое ужасное вліяніе, имя твоего супруга-варвара, имѣетъ на участь нашу и на судьбу всей здѣшней области. Но болѣе всего терзаетъ меня мучительная неизвѣстность. Не отягчай еще болѣе священнаго часа нашей разлуки, можетъ быть, вѣчной: назови мнѣ ненавистное имя.“

Борясь между любовію и страхомъ, *Доротея* взглянула на Рыцаря, и только-что открыла уста, чтобы произнести роковое имя, какъ вдругъ остановили ее вопли народа, который ворвался въ Церковь, и *Чеславъ*, подошедъ

къ Рыцарю, сказалъ: „Варвары обступили городъ. Граждане готовы мужественно оборонятся, но слишкомъ слабы наши стѣны, слишкомъ велико пространство, нами защищаемое: мы не можемъ долго держаться. Магистратъ опредѣлилъ: женъ, дѣтей и драгоцѣнности перевесть въ крѣпкій замокъ, что на островѣ; при вторженіи же враговъ въ городъ, отступить туда съ гарнизономъ и гражданами, а городъ зажечь. Ввѣрьте мнѣ вашу супругу, благородный *Роткирхъ!* Вмѣстѣ съ священною утварью нашей обители, я перевезу ее на островъ и ручаюсь за ея безопасность, до тѣхъ поръ, пока могу воздѣвать мои руки къ Богу силъ. Сами же вы немедленно удалитесь изъ города; а то впадете въ руки варваровъ, и тѣмъ лишите Государя и Вѣру храбраго поборника, столь необходимо нужнаго въ сіе гибельное время. Идите съ Богомъ и сражайтесь съ упованіемъ за Его святое дѣло. Вамъ хотя не суждено, въ сей борьбѣ стяжать себѣ священный вѣнецъ мученическій, но чрезъ васъ совершитъ Господь великое и вы, достигнувъ цѣли, промѣняете земной, окрававленный лавръ и роскошный миртъ на небесную пальму самоотверженія. Ваше имя въ скрижаляхъ Исторіи будетъ жить изъ рода въ родъ; оно будетъ воспламенять благородныхъ нашихъ потомковъ къ битвамъ за Бога, Государя и Отечество.“

Еще разъ *Роткирхъ* прижалъ *Доротею* къ своему сердцу, обнялъ св. Старца, бросился изъ Церкви, и по улицамъ, которыя кипѣли

народомъ, поскакалъ къ Швейдницкимъ воротамъ, между тѣмъ, какъ уже въ ушахъ его раздавались отвратительные вопли идущихъ на приступъ Татаръ.

II.

Свирѣпо бросались полчища язычниковъ на стѣны Бреславля, тщетно мужественные граждане дѣлали чудеса храбрости. Неистовый *Батый*, по примѣру грознаго *Чингисъ-Хана*, почитая людей только цыфрами, коими рѣшалъ свои исполинскія задачи, немилосердо и густыми толпами пригонялъ своихъ Татаръ подъ стѣны города: трупы ихъ наполнили крѣпостные рвы, и взгроможденные у подошвы ограды, служили новымъ полчищамъ лѣстницею, по которой они лезли на башни. Сверьхъ того, метательныя орудія варваровъ осыпали градомъ камней и огненныхъ шаровъ несчастный городъ, который во многихъ мѣстахъ уже загорѣлся. Между тѣмъ, вопія и рыдая, женщины и дѣти, больные и старцы, многочисленною толпою шли на островъ, неся съ собою свое лучшее имущество. За ними слѣдовали съ торжественнымъ пѣніемъ псалмовъ Монахи и Монахини изъ разныхъ обителей, спасая отъ оскверненія св. Образа и Мощи, Церковные сосуды и ризы. Съ ними шла и *Доротея*, слабая и дрожащая; она опиралась на свою служительницу. Едва успѣли спастись сіи беззащитные граждане, какъ бѣшеные Татары ворвались въ городъ. Въ смятеніи отступили

осажденные, бросивъ свѣточь въ огромныя кучи горючихъ веществъ во многихъ мѣстахъ разложенныя, и, между тѣмъ, какъ густыя облака дыма укрыли ихъ отъ злодѣевъ, граждане поспѣшно переправились на безопасный островъ, и зажгли за собою мостъ. Сіе остановило непріятеля. Дикія полчища *Батыевы*, алкая грабежа и убійства наводнили улицы, и городъ въ одну минуту обратился въ одно ужасное пламя. Варвары свирѣпствовали: ибо, вмѣсто драгоцѣнностей, вмѣсто жителей, они нашли грозно пылающій огонь, который разрушая и пожирая, кинулся къ нимъ на встрѣчу, и гнался за ними изъ улицы въ улицу. Тысячи Татаръ въ дыму задохлись, тысячи живые зарыты подъ развалинами обрушившихся домовъ, въ которыхъ они искали добычи; наконецъ, вожди подали знакъ къ отступу, и вооруженною рукою принуждены были выгонять изъ города непокорныхъ, опасаясь, что все войско будетъ погребено въ огненной могилѣ. Тогда, несмѣтныя толпы хищниковъ бросились на берегъ Одера и отыскивали мѣсто для переправы на островъ. На противоположномъ берегѣ стояли, готовые къ оборонѣ, граждане Бреславля, твердо рѣшась, до послѣдняго человѣка защищать свое послѣднее убѣжище. Жены и дѣти ихъ, преклоня колѣна, тихо молились вкругъ холма, на которомъ *Чеславъ* благоговѣйно воздѣвалъ руки свои къ Небу: да спасетъ Оно несчастныхъ Христіянъ. Уже Татары, тщетно искавъ брода, готовились на лошадяхъ переправляться черезъ рѣку, уже молитвы беззащитныхъ женъ

обратились въ вопли страха; а сомкнувшіеся въ боевой порядокъ граждане, прощались другъ съ другомъ до свиданія въ будущей жизни: внезапно набѣжали грозныя тучи и заревѣла буря; гнѣвно гремѣли небесные громы, ярко браздили молніи мрачную тучу, и рѣка взволновалась и клокотала, подобно яростному морю.

Чеславъ всталъ и воскликнулъ: „Наша молитва услышана! Не робѣйте, малодушные! Іегова нисходитъ въ дыханіи бури; Его всесильная длань тяготѣетъ надъ язычниками.“ И въ ту самую минуту, о ужасъ! самъ *Батый*, впереди своего лучшаго воинства, кинулся въ бурную рѣку; грянулъ страшный громъ и передъ самымъ Ханомъ пламя небесное ударилось въ волны, которыя, шумя и запѣнясь, разсыпались въ брызги. Съ ужасомъ Варваръ взглянулъ на островъ: тамъ благочестивый *Чеславъ*, озаренный блескомъ молній, стоялъ на холмѣ, какъ въ ризѣ изъ лучей сотканной. Монашеская мантія, отъ вѣтра развѣвалась, лице его казалось преображеннымъ; грозно простеръ онъ руку на волны, кои поглощали Татаръ: надъ священною главою его, тихо пылало яркое пламя.

Самъ безстрашный *Батый* затрепеталъ и невольно правою рукою закрылъ лице, а лѣвою поворотилъ въ рѣкѣ пышущаго коня. „Назадъ!“ взревѣлъ онъ Татарамъ, кипя бѣшенствомъ. „Взгляните на страшное видѣніе на холмѣ; Богъ Христіанъ Самъ ополчился за своихъ поклонниковъ, а мы умѣемъ сражаться только

съ смертными.“ Яркія молніи и безпрерывные громы, казалось, подтвердили истину словъ его. Устрашенные Татары послѣдовали за своимъ Ханомъ. Съ воплемъ отхлынули они отъ берега; спасенные граждане съ благодарностію поверглись ницъ, и среди бури и грозы, загремѣла побѣдная пѣснь: *Тебе Бога хвалимъ!*

12.

Въ войлочной кибиткѣ, освѣщенной факеломъ, лежалъ на тигровой кожѣ въ мрачной задумчивости угрюмый *Батый*. Вокругъ властителя, какъ злобные псы дремали его тѣлохранители; но животворный сонъ не смыкалъ его вѣждей.

Тяжкія воспоминанія и обманутыя надежды, подобно грознымъ фуріямъ, раздирали его душу. Изъ дыма, который, клубясь, взвивался надъ брезжущимъ факеломъ, образовались странные призраки; чудно соединяясь одинъ съ другимъ, они разстилались надъ Ханскимъ изголовьемъ. Совѣсть, сей непримиримый каратель злодѣевъ, придавала симъ призракамъ болѣзненно-искаженныя черты безчисленныхъ жертвъ его лютости. Тщетно усиливался Ханъ вперять наглые взоры въ сію безобразную смѣсь видѣній: онъ, наконецъ, не могъ преодолѣть тайнаго ужаса, имъ овладѣвшаго, и быстро вскочилъ съ постели. Въ это время, Ханъ *Пета* вошелъ въ кибитку, ведя за собою молодаго человѣка; на блѣдномъ, искаженномъ лицѣ котораго была печать злодѣйства; вскло-

коченные волосы, подобно змѣямъ, въ дикомъ безпорядкѣ стояли дыбомъ, а изорванная одежда свидѣтельствовала о долгомъ, безпріютномъ странствованіи. Незнакомецъ, не говоря ни слова, подалъ *Батыю* лоскутокъ пергамена. Сей поспѣшно вынулъ изъ подъ пояса пергаментный свитокъ, приставилъ полученный кусокъ къ оторванному клочку свитка, и нашедъ, что этотъ клочокъ дѣйствительно и несомнѣнно принадлежалъ его листку, посмотрѣлъ на подателя проницательнымъ взоромъ и сказалъ съ надменнымъ презрѣніемъ: „Ты тотъ Полякъ, измѣнѣ котораго я обязанъ за извѣстіе о вѣроломствѣ жены моей. Не хочу знать причины, заставившей тебя это сдѣлать. Ханъ *Батый* всегда Царски награждаетъ услугу, ему оказанную. И такъ, бери изъ этой кучи золота столько, сколько унесть можешь и немедленно удались съ глазъ моихъ.“ —

Сей незнакомецъ былъ *Круко*. — Я ничего не требую отъ тебя, сказалъ онъ хладнокровно, я дѣйствовалъ не изъ корыстолюбія, и не тебѣ угодить искалъ, а удовлетворилъ своему собственному мщенію. Я пришелъ открыть тебѣ, какимъ образомъ можешь ты служить мнѣ орудіемъ къ довершенію моей мести: такъ язва и землетрясеніе служатъ орудіями Божескаго гнѣва.

Батый изумился, видя, что ничтожный пришлецъ превосходитъ его въ гордынѣ и злобѣ; онъ отступилъ шага два; но *Круко* смѣло продолжалъ: Твоя жена при послѣднемъ приступѣ находилась на Бреславскомъ островѣ,

но ты испугался молніи и жалкаго Монаха. Теперь она скрылась. Куда? — Этого еще не шепнулъ мнѣ мой демонъ, знаю только то, что второй супругъ ея служитъ подъ знаменами Герцога *Генриха*. Уничтожь Христіянское воинство, и твоя сабля, вѣроятно, раздробитъ черепъ счастливаго твоего соперника: ибо онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ честолюбивыхъ дураковъ, которые смерть предпочитаютъ бѣгству.

„Я возвращусь къ Герцогу *Мечиславу*. Въ первомъ дѣлѣ, ты замѣтишь мое тайное содѣйствіе. Не полагайся на свои несмѣтныя полчища и на первый, жаркій ударъ. Это не Поляки, коихъ легко опрокинуть огромными массами; ты будешь сражаться съ Германскими Рыцарями. И такъ, я тебѣ совѣтую въ пору и кстати употребить твои огнеметательныя орудія. Хотя они въ открытомъ полѣ и не много вредятъ непріятелю, но тѣмъ бо́льшій ужасъ наводятъ на тѣхъ, которые не знаютъ сихъ адскихъ махинъ, и притомъ же Нѣмцы странный народъ! Они стоятъ желѣзною стѣною противъ самыхъ превосходнѣйшихъ войскъ, но не устоятъ противъ огненнаго зіянія твоихъ адскихъ драконовъ. Прости! Если мнѣ удастся найти твою жену, то не откажусь отъ удовольствія самъ привесть ее въ твои объятія. Не удастся; то мы увидимся не прежде, какъ тамъ въ преисподней, гдѣ намъ обоимъ уже отведены мѣстечки.— —

Батый, пораженный наглостію, съ какою бѣдный Полякъ дерзалъ говорить съ могуще-

ственнымъ повелителемъ безчисленныхъ рабовъ, стоялъ какъ вкопанный, и когда наконецъ опомнился и схватилъ саблю, чтобы смѣлому витіи раздвоить голову, то его уже не было.

13.

Утромъ въ девятый день Апрѣля, 1241 года, *Гансъ-фонъ-Роткирхъ* вошелъ къ Герцогу, и доложилъ ему, что лошади готовы для отъѣзда къ воинству и для отправленія супруги и матери его въ Кроссенъ. Кроткій *Генрихъ*, уже вооруженный съ ногъ до головы, вырвался изъ объятій супруги и дѣтей, которыя, рыдая, обнимали его ноги и шею, и благоговѣйно преклонилъ колѣно передъ благочестивою своею матерью, прося ея благословенія. Съ любовью и горестію взглянула на него *Гедвигъ* и торжественно возложила свои руки на главу Героя-сына, но когда сей съ благодарностію возвелъ къ ней взоръ, тогда внезапно лице ея преобразилось, и она изрекла, какъ будто свыше вдохновенная: „На что *тебѣ*, мой *Генрихъ*, благословенія земной матери? Тебя благословилъ Отецъ небесный. Я вижу сіяющій на головѣ твоей мученическій вѣнецъ. Иди, сражайся, пролей всю кровь свою за своего Бога, за свое Государство, и, умирая, веди ввѣренныхъ тебѣ Богомъ людей къ побѣдѣ и спасенію. Скоро за тобою послѣдуетъ твоя счастливая мать въ небесную Обитель вѣчныхъ радостей.“ —

— Аминь! сказалъ Герцогъ мужественно-рѣшительнымъ голосомъ, и звонкими шагами вышелъ изъ комнаты. За нимъ *Роткирхъ*. У дворцовыхъ воротъ, вмѣстѣ съ каретами Герцогинь, стояла свита его: *Сулиславъ*, Комендантъ *Клеменсъ* и его Герцогскій оруженосецъ *Конрадъ*. Страшно захрапѣлъ боевой конь *Генриха*, когда сей хотѣлъ сѣсть на него и всталъ на дыбы; но воинъ—Государь вскочилъ на него не дотрогиваясь до стремянъ, и желѣзными колѣнами такъ сильно сдавилъ буйнаго коня, что онъ застоналъ, усмирился и тихимъ шагомъ понесъ державнаго Рыцаря. Дорога вела мимо Церкви святыя Богородицы, съ высокой ея колокольни упалъ огромный камень къ ногамъ Герцогской лошади. Спокойно Герцогъ взглянулъ на кровлю; къ нему заботливо подскакалъ *Сулиславъ*, говоря: сей кирпичь худое предзнаменованіе, Государь, и если уважите мой совѣтъ, то сегодня не должно вступать въ битву.

„Весьма сожалѣю, отвѣчалъ Герцогъ насмѣшливо, что въ такомъ просвѣщенномъ воинѣ какъ ты, нахожу такое жалкое суевѣріе. Если, въ самомъ дѣлѣ, сорвавшійся съ кровли камень можетъ служить какимъ-нибудь предзнаменованіемъ: то скорѣе повѣрю, что его безвредное для меня паденіе пророчествуетъ разбитіе Татаръ; этотъ камень разбился о мостовую: такъ сокрушатся силы варваровъ о грудь Христіанскихъ ратниковъ. Ступай впередъ, *Сулиславъ*, и моимъ именемъ прикажи войску становиться въ боевой порядокъ. Со-

мнительно покачавъ головою, поскакалъ благородный Полякъ, и къ пріѣзду *Генриха* Христіанское воинство уже стояло въ строю: оно встрѣтило его громкими кликами радости.

Въ двухъ миляхъ отъ Лигница, на отлогихъ высотахъ, дружины лицемъ обращенныя къ Бреславлю, поставлены были пятью колоннами. Первую, подъ начальствомъ *Болеслава*, со включеніемъ шести сотъ Гольдбергскихъ рудокоповъ, составляли иноземные Крестоносцы. Въ другой находились спасшіеся отъ Хмелинскаго пораженія Поляки, предводительствуемые *Сулиславомъ*. Герцогъ *Мечиславъ* и его Силезцы составляли третью. Прусскій Ландмейстеръ, *Полло-фонъ-Остерна* былъ начальникомъ четвертой колонны: въ ней Рыцари—Крестоносцы и ихъ ратники; а надъ пятою колонною, цвѣтомъ Силезскаго и Германскаго воинства, самъ Герцогъ *Генрихъ* принялъ главное начальство. Такъ стояли дружины въ спокойномъ ожиданіи, смотря на обширное поле, которое, будто черными тучами саранчи, покрывалось необозримыми Татарскими полчищами. Въ срединѣ воинства находился самъ *Батый* съ своими Нironами, въ желтыхъ кафтанахъ съ золотыми поясами. Уже войско его, подобно Христіанскому, раздѣлилось на пять громадъ. *Мечиславъ* блѣднѣя, обозрѣлъ ихъ несмѣтное войско; сильно забилось у него сердце подъ стальною бронею. Онъ поскакалъ къ *Генриху* и задыхаясь сказалъ ему: И ты рѣшаешься сражаться, любезный братъ? Но взгляни на эти несмѣтныя тучи варваровъ: они и

безъ оружія насъ задавятъ. Въ нашемъ войскѣ не болѣе тридцати тысячь ратниковъ. Каждая изъ пяти громадъ, противъ насъ стоящихъ, превосходитъ числомъ все наше воинство. Признаюсь, что съ нашей стороны и малѣйшая надежда на побѣду есть безуміе. Насъ можетъ спасти только благоразумный отступъ.

„Ты забылъ, Герцогъ, о двухъ вещахъ, отвѣчалъ храбрый *Генрихъ*, во первыхъ о томъ, что я, какъ верховный вождь Христіанскаго воинства, рѣшился дать сраженіе, во вторыхъ, о нашихъ могущественныхъ Союзникахъ. Ты конечно не видишь ихъ своими тѣлесными очами, продолжалъ онъ, когда *Мечиславъ* сомнительно озирался: но горе тебѣ, если твое сердце не чувствуетъ, что они къ намъ близки. Сіи союзники—*наше правое дѣло* и *истинный Богъ на небеси*; онъ передъ язычниками не постыдитъ воиновъ Своего Божественнаго Сына. Моя воля неизмѣнна, и я требую покорности. Ты и *Сулиславъ* сдѣлаете второе нападеніе!“— И, обратясь къ *Роткирху*, онъ сказалъ: „Скажите *Болеславу*, чтобы онъ съ дружиною своею начиналъ дѣло.“ Рыцарь поскакалъ туда, и съ громкимъ крикомъ: *съ нами Богъ!* юный Моравскій Князь съ рудокопами и крестоносцами быстро кинулся въ непріятельскія толпы, которыя не могли устоять противъ его стремительной храбрости. Къ сожалѣнію, послѣдствіе доказало, что бранный духъ, необузданный благоразуміемъ и дисциплиною, походитъ на дикаго, необъѣзженнаго коня, ко-

торый, если не управляется искусною рукою: то мчится до тѣхъ поръ, пока и съ всадникомъ упадетъ въ бездну. Слишкомъ далеко зашли впередъ Христіане. Бѣгущіе Татары остановились и въ одинъ мигъ построились обширнымъ полумѣсяцемъ, который градомъ стрѣлъ покрылъ горсть своихъ преслѣдователей. Первая Христіанская колонна погибла. Пораженный тремя стрѣлами въ грудь, *Болеславъ* упалъ съ лошади, а варвары дикими воплями изъявили свою радость о паденіи перваго Христіанскаго Военачальника. Пылая благороднымъ гнѣвомъ, *Сулиславъ* видѣлъ погибель своихъ сподвижниковъ. Рукоятью сабли опустилъ онъ забрало шлема, замахнулся смертоносною саблею и полетѣлъ противъ враговъ. Съ быстротою молніи поскакали за нимъ наѣздники Поляки, медленно ѣхалъ туда же *Мечиславъ* съ своими Силезцами. Поляки руководствовались надеждою освободить свое несчастное отечество отъ опустошительныхъ Ордъ; въ ихъ сердцахъ пылала неутомимая жажда мести за пораженіе при Хмелинѣ и за пожаръ Кракова: они сражались, какъ свирѣпые медвѣди ихъ лѣсовъ. Примѣръ ихъ воспламенилъ храбрость Силезцевъ; противъ воли его, они увлекли съ собою своего робкаго Герцога въ самый убійственный пылъ сраженія. Уже переднія толпы варваровъ опрокинуты на вторыя, которыя смѣшались и начинали отступать. *Сулиславъ*, неутомимо поражая враговъ окровавленною саблею, преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, и своимъ примѣромъ и громкими криками *Zabiesze*,

поражайте злодѣевъ! онъ ободрялъ Поляковъ. *Zabiesze!* кричали въ слѣдъ ему вожди Христіянскіе — и съ яростью бросались впередъ. Рѣже и рѣже становились полчища непріятельскія, слабѣе сопротивлялись они дружному наступу.

Въ эту рѣшительную минуту позади Силезской дружины раздался крикъ: *Biesze, спасайтесь!* Сіи слова были повторены нѣсколько разъ, и *Роткирхъ*, стоявшій подлѣ *Генриха*, обратилъ его вниманіе на Польскаго всадника, который на лихомъ конѣ скакалъ взадъ и впередъ по рядамъ Силезцевъ, крича: *спасайтесь!*

„Это измѣна!" вскричалъ Рыцарь: если позволите, Герцогъ, то я поскачу туда и разрублю этому бездѣльнику голову."

Между тѣмъ примчался къ *Роткирху* изъ Силезской колонны молодой оруженосецъ, и вскричалъ глухимъ, притворнымъ голосомъ: „Поберегите себя для важнѣйшихъ подвиговъ, *Роткирхъ*, и предоставьте мнѣ наказать измѣнника, котораго, кажется, я очень хорошо знаю."

Съ изумленіемъ взглянулъ *Роткирхъ* на юношу, котораго голосъ былъ знакомъ ему. Но прежде, нежели могъ онъ найти сходство на смугломъ лицѣ, большею частію закрытомъ шлемомъ и большимъ пластыремъ на глазу, *Генрихъ* уже кивнулъ отважному волонтеру въ знакъ согласія, и сей поскакалъ прямо въ пылъ сраженія. Тамъ дѣла уже приняли другой оборотъ: Силезцы, испуганные гибельнымъ крикомъ въ тылу своемъ, остановились, и самый натискъ Поляковъ начиналъ ослабѣвать. Меж-

ду тѣмъ, все громче и печальнѣе раздавался позади ихъ вопль *Biesze*, и уже повторялся трусами въ Силезскихъ дружинахъ. Смятеніе и боязнь увеличивались. Воины, разъ лишенные упоенія побѣды, почли сраженіе потеряннымъ, и самый голосъ вождей, ихъ ободряющій, казалось, повелѣвалъ имъ спасаться. Уже Христіанскія дружины заколебались, и, прежде слабое сопротивленіе Татаръ обратилось въ самый стремительный натискъ. Тутъ незнакомецъ - измѣнникъ увидѣлъ молодаго оруженосца, который съ опущеннымъ копьемъ прямо на него мчался, и предчувствуя намѣреніе юнаго всадника, бросился въ средину Силезской дружины и вскричалъ робкому *Мечиславу*: „Спасайтесь, Герцогъ, Нѣмцы намъ измѣнили! все потеряно!“—Сколь ни ужасны были слова сіи для боязливаго полководца, но они послужили ему пріятнымъ предлогомъ къ давножеланному бѣгству. Онъ самъ подалъ знакъ своимъ дружинамъ къ отступу и первый обратился въ бѣгство. Далеко впереди его скакалъ Польскій измѣнникъ, сильно преслѣдуемый Нѣмецкимъ оруженосцемъ, который не выпускалъ его изъ вида. Силезцы, покинутые военачальникомъ, также обратили тылъ Татарамъ; вскорѣ бѣгство сдѣлалось всеобщимъ, и самые Поляки, видя смятеніе задней колонны, начали отступать. Съ новымъ бѣшенствомъ напали Татары, и хотя герой *Сулиславъ* оборонялся, какъ тигрица, защищающая дѣтей своихъ; однако, несоразмѣрное превосходство, его совершенно подавило: проклиная своего робкаго вождя-това-

рища, примкнулъ онъ къ воинству *Генрихову*. Съ пылающимъ отъ гнѣва лицемъ, прискакалъ онъ къ Герцогу, чтобы оправдаться передъ нимъ въ неудачѣ. Но сей съ благоволеніемъ отвѣчалъ ему: „вамъ не нужно, *Сулиславъ*, оправдываться передо мною: я очевидецъ вашихъ подвиговъ. Еслибъ *Мечиславъ* сражался, какъ вы, то мы теперь уже пѣли бы *Te Deum* на полѣ побѣды. Онъ обратился и привѣтствовалъ благороднаго *Полло*, который, будучи признанъ *Роткирхомъ*, въ ту минуту съ дружинами своими присоединился къ нему, и шутя продолжалъ: „Насъ осталось только трое, дружно схватимся рука съ рукою и станемъ противъ Татаръ. Еслибъ, кромѣ святости нашего дѣла, еще нужно было какое-нибудь земное ободреніе, то я сказалъ бы вамъ, что на насъ смотритъ Германія, что потомки въ позднѣйшихъ вѣкахъ будутъ славить поборниковъ свободы, которые на священныхъ поляхъ Силезіи поставили изъ своихъ окровавленныхъ труповъ необоримый оплотъ варварамъ, и тѣмъ спасли Отечество. Да будетъ обѣтъ нашъ передъ Господомъ: *смерть или побѣда!* Онъ наградитъ насъ смертію и побѣдою. Во всякомъ случаѣ, храбрые товарищи, благодарю васъ за вашу ко мнѣ привязанность и дружбу, которую, вѣроятно скоро возобновимъ въ селеніяхъ вѣчнаго блаженства.“ И обратясь къ дружинамъ, сказалъ твердымъ голосомъ: „Враги превосходятъ насъ числомъ; но у насъ стальныя брони, устройство и дисциплина. Не забудьте,

за что мы сражаемся и смѣло за мною. Съ нами Богъ!“— —

— Съ нами Богъ! воскликнули дружины; крѣпко сомкнули желѣзные ряды и выставили копья, дабы по Рыцарски принять тучу саранчи, грозящую на нихъ обрушиться.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Къ пріятелю-Поэту.

О Балдусъ! я страдаю
Отъ ноющихъ зубовъ!
Пришли мнѣ — умоляю —
Тетрадь своихъ стиховъ.
Я буду облегченья
Искать въ отрадномъ снѣ;
А въ этомъ, безъ сомнѣнья,
Они помогутъ мнѣ.
Для всѣхъ часы покоя
Уже за полночь бьютъ,
А зубы тяжко ноя,
Заснуть мнѣ не даютъ.
Ничто не помогаетъ:
Ни спиртъ, ни канфора;

Все боль не утихаетъ,
Твой другъ не засыпаетъ
До самаго утра.

Пришли мнѣ пукъ Элегій,
Написанныхъ тобой
Во вкусѣ модной нѣги,
Гдѣ встрѣтятся толпой
Мечты, очарованья,
И всѣхъ родовъ страданья
Съ отцвѣтшею душой.
Пришли мнѣ пукъ посланій,
Гдѣ тьма воспоминаній
О жизни молодой.
Посланія, бывало,
Ты съ жаромъ мнѣ читалъ;
Я слушалъ хоть не мало,
Но мало понималъ;
И отъ тебя украдкой
Тихонько я зѣвалъ;
Но послѣ очень сладко
И крѣпко засыпалъ.

Какъ блага ожидаю,
И снова умоляю:
Стихи свои пришли!
Отъ тяжкаго недуга
О Балдусъ! исцѣли
Страдающаго друга!
Зубамъ его помочь
Тебѣ совсѣмъ не трудно:

Пусть будетъ непробудно
Онъ спать и день и ночь! . .

Бестужевъ-Рюминъ.

1827 г.

2.

Къ Н. П. С.—

(*Отвѣтъ на его посланіе*).

Чувствительно благодарю
За пламя дружбы благотворной,
Нелицемѣрнаго—дарю
Такою жь платой непритворной,
Твои безцѣнныя слова
И сердца огненныя строки,
Душѣ моей даютъ уроки,
Даютъ на дружество права;
И предпочту ли тяжкій холодъ
Отрадному сему огню,
Который, не смотря, что молодъ,
И понимаю и цѣню;
Ему не смѣло довѣряю,
Но успокойся, повторяю:
Чувствительно благодарю
За пламя дружбы благотворной;
Нелицемѣрнаго дарю
Такоюжъ платой непритворной.
Въ воспоминаніе твое
Я сохраню твои порывы;

Прими посланіе мое —
Младаго сердца переливы;
Храни сію души печать . . .
Она не золото, я вѣрю,
Но будешь дружбѣ отвѣчать
За ненарочную потерю.
Какъ отзывъ искренней души,
Твои стихи я почитаю:
Они отлично хороши,
Я ихъ съ улыбкою читаю. —
Чувствительно благодарю
За пламя дружбы благотворной;
Не лицемѣрнаго дарю
Такою жъ платой непритворной.

В. Доманговичъ.

СМѢСЬ.

ХАМЕЛЕОНИСТИКА.

(*Продолженіе пятое*).

Personne n'a de l'ésprit, hors nous et nos amis.
Л. Л. 1823, стр. 12.

ВЪ No 43, на стр. 130 *Сына Отечества*, изд. *Н. И. Греченъ* на 1825 годъ, при выходѣ изъ печати Поэмы: *Оскаръ и Альтосъ*, сочиненной *В. Н. Олинымъ* было сказано:

„Содержаніе сей Поэмы взято *Г-мъ Олинымъ* изъ Эпизода или вводной повѣсти первой *Оссіановой* Поэмы: *Фингалъ*; все остальное принадлежитъ Русскому Автору, который старался, по возможности, согласоваться съ характеромъ и тономъ Поэмъ *Оссіановыхъ*. Мы надѣемся, что сія Поэма понравится любителямъ Сѣверной Поэзіи: *Г. Олинъ* удачно изобразилъ героевъ Шотландскаго Барда; стихи его чисты, плавны, и многіе истинно живописны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ на примѣръ въ стихахъ 2 и 3 на стр. 46; въ стихѣ 5 на стр. 47), желалось бы намъ видѣть небольшія перемѣны: есть мысли и картины, коихъ никакія выраженія, никакія прелести языка и слога не могутъ сдѣлать піитическими.“

Въ доказательство того, съ какимъ успѣхомъ *Г. Олинъ* написалъ сіе стихотвореніе, *Н. И. Греченъ*, также, какъ при появленіи новой

сей поэмы (*Сѣв. Пчела* No 12) напечаталъ одинъ прекрасный отрывокъ *С. О.* 1823, въ No 43, на стр. 131. Многіе отрывки удостоены *Ѳ. В. Булгаринымъ* помѣщенія въ его *Литтературныхъ Листкахъ*, и почти всегда съ лестными отзывами о талантѣ *Г. Олина*.

* * *

Не прошло полныхъ четырехъ лѣтъ, какъ уже тотъ самый расхваленный, превознесенный Поэтъ, который умѣлъ творить стихи *чистые, плавные, живописные*, разучился Грамматикѣ, забылъ Риторику, сдѣлался отступникомъ отъ Логики. Вотъ какъ отзываются о его трагедіи *Корсеръ* въ *Сѣв. Пчелѣ* 1828 года, No 27. „При *галиматьѣ* въ слогѣ необходимо нужна и *галиматья* въ дѣйствіи.“ — „Жаль, что недостаетъ мѣста въ *Пчелѣ* для выписанія цѣлаго разговора *Конрада* съ *Медорою* передъ его отъѣздомъ. Это совершенство въ родѣ *галиматьи*.“—„Читатели наши тотчасъ удостовѣрятся въ томъ, что со времени введенія въ Россію книгопечатанія, не выходило у насъ сочиненія, которое заключало бы въ себѣ болѣе *галиматьи*.“

* * *

Романсъ, о которомъ сказано въ *Сѣв. Пчелѣ*, что онъ — „отзывается поэзіею счастливыхъ временъ *Тредьяковскаго*, что — „досадно слышать *Медору*, поющую дурные романсы. . . .“

Сей самый романсъ былъ напечатанъ въ *Лит. Листкахъ* 1824, на стр. 231. *Ѳ. В. Булга-*

ринъ отозвался тогда о *Г-нѣ Олинѣ* слѣдующимъ образомъ: „*Г. Олинъ*, извѣстный Публикѣ съ весьма выгодной стороны своими піитическими произведеніями, занимается нынѣ сочиненіемъ сей оригинальной Поэмы, которая уже почти приведена къ окончанію.“

Повторяемъ, что мы не выдаемъ *Корсера*, трагедію *В. Н. Олина* за превосходную, мы даже готовы *согласиться*, что это примѣръ нелѣпостей, литтературная кутерьма, сердитый пѣтухъ на ходуляхъ; но какъ *согласить* преувеличенныя похвалы, коими *Н. И. Гречъ* осыпалъ *Г. Олина*, съ тѣми язвительными насмѣшками, съ тѣми площадными шутками, съ выдохнувшимися остротами, коими наполнена, такъ называемая критика на сего Писателя? Не имѣютъ ли права читатели подумать, что у критика *страшный полилъ* на сердцѣ? (*Сѣв. Пчела*, No 27, стр. 3.)

№ XVII.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Прорывъ Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1807 году.

(*Продолженіе.*)

Въ то время, какъ Англійскій Министръ при Константинопольскомъ дворѣ, боролся съ своимъ противникомъ Генераломъ *Себастіани*; въ Средиземномъ морѣ находился Британскій флотъ, подъ начальствомъ Лорда *Коллингвуда*, заступившаго мѣсто *Нельсона*, послѣ Трафальгарской побѣды. Адмиралъ сей, узнавъ о нерѣшительности Дивана и затруднительномъ положеніи *Арбутнота*, назначилъ въ Архипелагъ для подкрѣпленія его представленій, кромѣ отряда Контръ-Адмирала *Люиса*, эскадру, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Сира *Джона-Дюкворта*.

Дюкворть, собравъ у Мальты ввѣренныя ему силы, состоявшія изъ пяти линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ, 22-го Января 1807 года, при попутномъ вѣтрѣ снялся съ якоря и отправился въ предназначенный ему путь. Въ ночь съ 27-го на 28-е, прибылъ онъ на видъ острова Тенедоса, но за сильнымъ вѣтромъ не

могъ стать на якорь прежде 29-го. Въ сей день, эскадра его, по соединеніи съ отрядомъ Сира *Томаса-Люиса* и двумя бомбардирскими кораблями, расположилась на якорѣ между Тенедосомъ и берегомъ малой Азіи, и на всякой случай изготовилась къ бою. 30-го Января *Дюкворть* подвинулся ближе къ Дарданелламъ и хотѣлъ стать на якорь, но неблагопріятный свѣжій вѣтеръ принудилъ его отойти къ западной сторонѣ Тенедоса.

Эскадру, ввѣренную начальству Сира *Джона-Дюкворта*, составляли слѣдующіе корабли и суда:

Линейные корабли:

1.) 100 пуш. Royl George, подъ флагомъ Вице-Адмирала *Дюкворта*, Капитанъ *Доннъ* (Dunn).

2.) 98. пуш. Windsor Castle, Капитанъ *Бойлсъ* (Boyles).

3.) 86 пуш. Canopus, Контръ-Адмиралъ Сиръ *Томасъ-Люисъ*.

4.) 86 пуш. Pompée, Контръ-Адмиралъ Сиръ *Сидней-Смитъ*.

5.) 74 пуш. Ajax, Капитанъ *Блаквудъ* (Blakwood).

6.) 74 пуш. Repulse, Капитанъ *Леггъ* (Legge)

7.) 74 пуш. Thunderer, Капитанъ *Таллбатъ* (Tallbat).

8.) 64 пуш. Standart, Капитанъ *Гервей* (Hervey).

Фрегаты:

1.) 38 пуш. Endymion, Капитанъ *Каппель* (Capel).

2.) 38 пуш. Active, Капитанъ *Моубрей* (Moubray).

3.) 32 пуш. Iuno, Капитанъ *Ричардсонъ* (Richardson).

Бомбардирскіе:

1.) Meteor.

2.) Lucifer.

И того: восемь линейныхъ кораблей, два бомбардирскіе и два Фрегата.

Сверьхъ того, при эскадрѣ *Дюкворта* находилось нѣсколько транспортныхъ судовъ.

Вечеромъ 30 Января, Англійскій флотъ постигло несчастіе: въ четверть десятаго часа загорѣлся корабль *Аяксъ*, и въ самое короткое время, вся надводная часть его сдѣлалась жертвою пламени. — Въ девять часовъ ударили на немъ въ задней части пожарную тревогу; Капитанъ и Офицеры сошли немедленно въ Офицерскій кубрикъ (cockpit), откуда выходилъ дымъ и вылили туда великое количество воды; по прошествіи трехъ минутъ они почувствовали невозможность оставаться долѣе въ семъ мѣстѣ: ибо люди, заливавшіе пожаръ задыхались отъ смрада. *Блаквудъ* велѣлъ поднять въ нижнемъ декѣ порты, но это только увеличило пожаръ: ибо начало выходить пламя съ величайшею силою; тогда снова отдали оные и Капитанъ приказалъ спускать на воду гребныя суда; но и эта мѣра была уже безполезна, и гибель корабля сдѣлалась неизбѣжною; *Тиммерману* велѣно было пробраться съ плотниками въ кормовую часть корабля, но чрезъ десять

минутъ послѣ первой тревоги и сіе покушеніе было невозможнымъ. Дымъ сталъ проходить сквозь щели. Не взирая на то, что ночь была лунная люди не могли на шханцахъ видѣть другъ друга; всѣ покушенія спустить гребныя суда были тщетны; только на барказѣ, висѣвшемъ за кормою, помѣстились, люди бывшіе на верьху.— Между тѣмъ, пламя достигло гротъ-люка. Тогда Капитанъ велѣлъ, чтобы каждый заботился о своемъ спасеніи. Вся задняя часть корабля, начиная отъ средины до гака-борта, была въ пламени, а потому, болѣе четырехъ сотъ человѣкъ команды искали убѣжища на бакѣ, бухшпритѣ и блиндареѣ. Капитанъ *Блаквудъ* видя, что дальнѣйшее его присутствіе на кораблѣ безполезно, кинулся въ воду, откуда чрезъ полчаса былъ вытащенъ въ большомъ изнеможеніи и принятъ на корабль Canopus. *Аяксъ* сгорѣлъ совершенно. Несчастіе сіе произошло отъ неосторожнаго обращенія со свѣчею въ бродъ-каморѣ. По сему случаю было наряжено слѣдствіе, но какъ Капитанъ, такъ прочіе Офицеры и уцѣлѣвшая команда были оправданы. — При семъ бѣдствіи, погибло 25 Офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ.

19-го Февраля, при попутномъ вѣтрѣ, эскадра снялась съ якоря и, наполнивъ паруса, приближалась къ Дарданелламъ. Тогда только съ мыса Янычаръ-Бурну дали знать Капитану Пашѣ объ угрожающей опасности.

Капитанъ-Паша слишкомъ довѣрявшій обѣщаніямъ *Берто-Пизани*, полагалъ что Англій-

ская эскадра по примѣру Русскихъ флотовъ, плававшихъ до сего въ Архипеллагѣ, ограничится однимъ только крейсерствомъ въ семъ морѣ, и потому принялъ равнодушно сообщенныя ему опасенія. Приближеніе *Дюкворта* произошло въ день Мусульманскаго праздника *Курбанъ-Бейрама*, и потому Турецкіе Артиллеристы, вмѣсто того, чтобы находиться при своихъ мѣстахъ въ замкахъ, разбрелись по всѣмъ окрестностямъ. Представленія Капитана *Ласкура* и *Мешеня*, Французскаго Вице-Консула въ Дарданеллахъ, убѣдили наконецъ Капитанъ-Пашу велѣть Артиллеристамъ и прочимъ войскамъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, но приказъ сей, отданный съ видомъ равнодушія, исполнялся съ большою медленностію.

Между тѣмъ, Англійская эскадра, благопріятствуемая свѣжимъ вѣтромъ вступала въ проливъ. Она уже была въ устьѣ онаго, какъ Капитанъ-Паша, увидя свою оплошность, вздумалъ числомъ войскъ, поспѣшностію и несвязными приказаніями, замѣнить потерю времени. Но было поздно. Англійская эскадра, имѣя впереди корабль Canopus, безпрепятственно совершала свой путь и число Турецкихъ Канонировъ, собравшихся въ укрѣпленія, было недостаточно для дѣйствованія изъ всѣхъ орудій. Капитанъ-Паша, встревоженный и нерѣшительный, не зналъ что дѣлать; просилъ совѣтовъ и никого не слушалъ; кричалъ, грозилъ и безъ всякой цѣли перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Капитанъ *Ласкуръ*, слѣдовалъ за всѣми его

движеніями, какъ ни старался, не могъ ни удержать его, ни наставить, ни успокоить.

Артиллеристы и Янычары, находившіеся въ окрестностяхъ древнихъ Дарданеллъ, сами собою поспѣшили къ укрѣпленіямъ и стали по пушкамъ. Капитанъ-Паша, увлеченный ихъ примѣромъ, бросился въ зáмокъ Келедиль-Багаръ; а *Фейзи-Ефенди* велѣлъ перевезти себя въ Султанье-Калесси.

Во время сего смятенія, *Берто-Пизани*, находившійся въ Дарданеллахъ и чудеснымъ образомъ спасшійся отъ ярости Турокъ, былъ схваченъ и объявленъ военноплѣннымъ, каковымъ находился до заключенія мира между Великобританіею и Портою.

Эскадра Вице-Адмирала *Дюкворта*, плывшая въ совершенномъ порядкѣ и съ большою скоростію, прошла передніе зáмки, не отвѣчая на слабый огонь ихъ пушекъ, и казалось, презирала ничтожные и поздные выстрѣлы Дарданельскихъ укрѣпленій. Но когда первый Англійскій корабль поравнялся съ зáмками Келедиль-Багаромъ и Султанье-Калесси, огонь Турецкой Артиллеріи сдѣлался частымъ, и по причинѣ близкаго разстоянія между берегами, нанесъ нѣкоторыя поврежденія Британской эскадрѣ. Canopus открылъ огонь съ обоихъ бортовъ и, не останавливаясь въ своемъ пути, скоро скрылся въ густомъ облакѣ пороховаго дыма. Прочіе корабли также послѣдовали его примѣру и, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, производилась самая жаркая канонада.

Капитанъ-Паша, видя разрушительное дѣйствіе Англійскихъ ядеръ, упавшихъ въ ту часпь зáмка, гдѣ онъ находился, пришелъ въ робость и поспѣшилъ оставить сіе мѣсто, сказавъ, что отправляется сдѣлать распоряженія на своей эскадрѣ, стоявшей за мысомъ Пескисъ. Его отбытіе лишило бодрости Канонировъ, кои объявили, что если Капитанъ-Паша убѣгаетъ опасности, то и они могутъ слѣдовать его примѣру. Не внимая болѣе приказаніямъ своихъ Начальниковъ и убѣжденіямъ Французскихъ Офицеровъ, раздѣлявшихъ съ ними опасности, Турецкіе Артиллеристы раскидали свои банники и прибойники и грозили умертвить всѣхъ, кто станетъ противиться ихъ бѣгству. Черезъ нѣсколько минутъ, Французскіе Офицеры остались одни на укрѣпленіяхъ, по коимъ Англійскіе корабли, проходя, производили свои выстрѣлы.

Когда эскадра миновала Древніе Дарданеллы, то пришла къ той части канала, гдѣ *Жюшсро*, при разрывѣ мира съ Россіею, предполагалъ соединить главные способы обороны. Но батарея, назначенная къ постройкѣ при мысѣ Пескисѣ, едва возвышалась надъ горизонтомъ; прочія даже не были начаты и матеріалы, потребные для постройки новыхъ укрѣпленій, долженствовавшихъ усилить оборону зáмковъ, не были еще собраны; эскадра которую предполагали поставить за мысомъ Пескисъ, состояла только изъ одного линейнаго корабля, пяти фрегатовъ и одного бригга.

Турецкій линейный корабль, на который Капитанъ-Паша не рѣшился отправиться, получивъ нѣсколько пробоинъ въ бортѣ, сдался и былъ преданъ пламени. Его примѣру послѣдовали четыре фрегата и имѣли ту же участь. Только пятый изъ нихъ, коимъ командовалъ человѣкъ необыкновенной храбрости, оказалъ самое жестокое сопротивленіе. Бывъ почти въ одно время атакованъ нѣсколькими кораблями, оный тогда только прекратилъ свой огонь, когда три четверти его экипажа были убиты и ранены. Бриггу удалось уйти и принесть въ Константинополь извѣстіе о приближеніи Англійской эскадры.

Нѣсколько Турецкихъ солдатъ, явились во время сего морскаго дѣла на мысъ Пескисъ и занялись было размѣщеніемъ орудій, для дѣйствія по непріятельскимъ кораблямъ, но Англичане высадили туда десантъ, который прогнавъ Турокъ, заклепалъ всѣ пушки, найденные имъ на мѣстѣ.

Успѣхъ Британцевъ въ семъ предпріятіи былъ совершенный и стоилъ имъ не дорого. Они лишились 38 человѣкъ убитыми и 100 ранеными: за то имѣли славу, пройти первые чрезъ Дарданеллы, дотолѣ почитавшіяся непроходимыми.

Французскіе Офицеры, по отъѣздѣ Капитанъ-Паши, предвидѣвшіе развязку дѣла, не заблагоразсудили оставаться зрителями морскаго дѣла и поспѣшили отправиться въ Константинополь, гдѣ всю вину сего происшествія сложили на Капитанъ-Пашу и *Фейзи-Ефендія*.

Первый изъ сихъ, хотя и болѣе былъ виновенъ, но по благоволенію къ нему Султана, былъ только заключенъ въ Сераль и лишенъ имѣнія и званія; послѣдній же былъ приговоренъ къ смерти и погибъ за свое нераденіе и довѣрчивость.

Первая вѣсть о прорывѣ чрезъ Дарданеллы и скоромъ приходѣ Англійскаго флота, произвела въ Сералѣ величайшее смятеніе. Всѣ Государственные Министры и Совѣтники, собравшіеся поспѣшно въ залу Дивана, не видѣли инаго средства къ спасенію Столицы и Дворца Султанскаго, какъ скорѣйшее согласіе на требованіе Британскаго Посланника. Малодушное ихъ намѣреніе, присоединившіеся къ нимъ вопли женщинъ, стенанія Евнуховъ, явные знаки ужаса, начертанные на всѣхъ лицахъ, сильно подѣйствовали на Султана *Селима*. Государь сей, никогда не выходившій изъ своего Сераля, и слышавшій громы пушекъ только въ торжественныхъ случаяхъ, не могъ избавиться боязни, постигшей всѣхъ его окружавшихъ.

Какъ немедленный разрывъ съ Франціею и высылка Генерала *Себастіани* были изъ главнѣйшихъ условій новаго союза съ Англичанами, требуемыхъ *Арбутнотомъ*: то *Селимъ* отправилъ одного изъ своихъ любимцевъ, *Измаила Бея* (*), къ Французскому Посланнику, извѣстить его объ опредѣленіи Дивана и спросить:

(*) Вельможа сей, привезенный во Францію Барономъ *Тоттомъ* и воспитанный въ Версали щедротами *Лудовика XVI*, сохранялъ величайшую признатель-

готовъ ли онъ къ выѣзду? Холодный и презрительный тонъ, принятый *Измаилъ-Бегомъ* и разсужденія его объ опасностяхъ, какимъ подвергла Столицу Оттоманской Имперіи неблагоразумная политика Порты, весьма озаботили Генерала *Себастіани*. Но успокоившись, онъ отвѣчалъ съ важностію, что приходъ Англійскаго флота нимало его не устрашаетъ, что находясь Посломъ при Портѣ, онъ считаетъ себя безопаснымъ подъ ея защитою и до тѣхъ поръ не оставитъ Константинополя, пока не получитъ на то повелѣній отъ самаго Султана. —

Страхъ, наведенный на обитателей Сераля, не сообщился однако жителямъ остальной части Столицы и ея предмѣстій. Никогда характеръ Мусульманъ не являлся съ большимъ блескомъ. Вмѣсто того, чтобы подобно Серальскимъ затворникамъ, устрашиться прихода сильной эскадры, преодолѣвшей трудности Дарданельскаго прохода, они наполнили улицы кликами ярости и мщенія противъ Англичанъ, кои по словамъ ихъ, вѣроломнымъ образомъ, безъ побудительныхъ причинъ, напали на старинныхъ своихъ друзей, сожгли Турецкую эскадру и готовятся предписывать Султану законы, угрожая истребить его столицу и Сераль. Духъ сей былъ общимъ. Артил-

---

ность къ Фамиліи Бурбоновъ и питалъ самую жестокую ненависть, ко всѣмъ приверженцамъ революціоннаго Французскаго Правленія. —

леристы спѣшили вооружать батареи; Янычары принимались за ятаганы и ружья; старцы и дѣти сбирались толпами къ работамъ и предлагали свои услуги къ носкѣ земли и фашинъ; тѣ изъ жителей, коихъ домы могли мѣшать дѣйствію городской Артиллеріи, немедленно срывали оные, чтобы открыть пушкамъ мѣсто для дѣйствованія по Англійской эскадрѣ; однимъ словомъ, всѣ были готовы лучше погибнуть, нежели уступить непріятелю.

Таковое общенародное стремленіе перемѣнило расположеніе Дивана. Страхъ содѣлаться жертвою народной ярости, превозмогъ въ членахъ его постыдное намѣреніе уничижить своего Государя и Мусульманское имя. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ объявленія Султану, что спасеніе столицы требуетъ немедленнаго исполненія требованій Англійскаго Посланника, они просили Верховнаго Визиря представить Государю, что какъ всѣ жители Константинополя рѣшились защищаться: то и должно воспользоваться симъ общимъ рвеніемъ и привести столицу въ такое положеніе, чтобы она могла противиться приближающемуся непріятельскому флоту.

Селимъ съ удовольствіемъ согласился на сіе мнѣніе, достойное, какъ говорилъ онъ, Мусульманъ и повелѣлъ, чтобы всѣ начатыя укрѣпленія были окончаны, усовершенствованы и вооружены въ ту же ночь; всѣ матеріялы, потребные для построенія новыхъ батарей, были бы немедленно сданы въ распоряженіе Военныхъ Инженеровъ; всѣ Мусульмане были соз-

ваны къ прислугамъ у пушекъ и къ сраженію; далѣе, Султанъ требовалъ, чтобъ всѣ вѣрные Раіи не имѣли другаго занятія, кромѣ переноски земли, фашинъ, огнестрѣльныхъ снарядовъ и перевоза орудій, и наконецъ, чтобы всѣ Министры Порты, надзирали сами за работами, коихъ производство легло на ихъ отвѣтственность. Какъ терасы, кои примыкали къ стѣнѣ ограждающей Сераль со стороны моря, были признаны способными для помѣщенія многихъ батарей: то *Селимъ* далъ повелѣніе отворить садовыя ворота Гарема, имѣвъ предосторожность выслать напередъ всѣхъ женъ своихъ въ старый Сераль.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

Русскій флотъ въ Дарданеллахъ 1770 года.

Когда въ 1807 году Англійская эскадра, подъ начальствомъ Вице-Адмирала *Дюкворта*, прошла чрезъ Дарданельскій проливъ къ Константинополю: тогда предпріятіе сіе, одними хвалимое, другими порицаемое, было предметомъ вниманія не только Европы, но и другимъ частей свѣта. Отважность сего предпріятія удивляла каждаго, но вѣроятно не всѣмъ извѣстно, что и нашъ побѣдоносный флагъ развѣвался еще прежде въ тѣсномъ проливѣ Геллеспонта и

потому, считаемъ неизлишнимъ сообщить здѣсь о семъ событіи, хотя краткое извѣстіе.

Въ 1770 году, къ изумленію Турокъ, Россійскій флотъ прибылъ изъ Балтики въ Средиземное море. Первое время его прихода уже было ознаменовано успѣхами. Флотъ сей, состоявшій подъ начальствомъ Адмирала *Спиридова*, а въ послѣдствіи Графа А. Г. *Орлова*, проименованнаго *Чесменскимъ*, въ короткое время сдѣлался властелиномъ почти всей Мореи и Архипелага. Порта, опасаясь, чтобы Русскіе корабли не явились предъ Константинополемъ, поручила Французскому Инженеру Барону *Тотту*, привести въ лучшее оборонительное состояніе Дарданеллы.

Между тѣмъ, какъ приступали къ симъ работамъ, опасенія *Дивана* были усугублены побѣдою Россіянъ при Чесмѣ. Контръ-Адмиралъ *Сиръ-Джонъ-Эльфинстонъ*, командовавшій въ семъ дѣлѣ Россійскимъ аррiергардомъ, устремился преслѣдовать остатки Турецкаго флота, и по слѣдамъ его вошелъ съ тремя кораблями въ Дарданельскій проливъ. Эскадра сія уже прошла пушки первыхъ двухъ замковъ, называемыхъ: одинъ Новою Европейскою, а другой Новою Азіатскою крѣпостью и намѣревалась плыть далѣе, какъ принуждена была возвратиться къ острову Тенедосу. Намѣреніе *Эльфинстона* состояло въ томъ, чтобы воспользовавшись первыми минутами ужаса, наведеннаго на Турокъ извѣстіемъ объ истребленіи ихъ флота при Чесмѣ, и слабымъ состояніемъ Дарданельскихъ укрѣпленій, плыть въ Марморное море и, явясь предъ

Константинополемъ, предписать Дивану условія мирнаго договора. Неизвѣстно, что побудило Графа *Орлова* не послѣдовать за *Эльфинстономъ* со всѣмъ своимъ флотомъ; его содѣйствіе вѣроятно, сильно потрясло бы, Диванъ и принудило согласиться на всѣ предложенія. Если въ 1807 году, Англичане пришедшіе къ Константинополю съ подобною цѣлію и неуспѣли въ своемъ намѣреніи, то должно припомнить, что обстоятельства сего времени и времени Графа *Орлова*, были совершенно разныя. Тогда Турція, всѣми оставленная и устрашенная побѣдами Русскихъ, находилась въ самомъ критическомъ положеніи, наведшемъ уныніе на духъ всего народа. При прорывѣ же Англичанъ, Порта надѣялась на могущество *Наполеона* и сильное его содѣйствіе. — Видя себя оставленнымъ, *Эльфинстонъ* долженъ былъ отказаться отъ своего покушенія и выдти изъ Дарданеллъ. Онъ, однако же, успѣлъ сохранить въ Туркахъ уваженіе къ Русскому флагу и, во все время его пребыванія у Тенедоса, флотъ ихъ не осмѣливался появляться въ Архипелагѣ. —

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Татары въ Силезіи.

(Историческая повѣсть изъ временъ нашествія Татаръ.)

(*Окончаніе*).

14.

Между тѣмъ, какъ налитыя кровію чаши вѣсовъ, въ рукахъ фортуны колебались, тысячи падали и тысячи ихъ замѣняли, незнакомецъ-измѣнникъ, все еще преслѣдуемый оруженосцемъ, наконецъ достигъ лѣса. Все глубже въ чащу скрывался Полякъ, все неутомимѣе гнался за нимъ оруженосецъ. . . . Полякъ, выскакавъ на лужайку, осадилъ коня, круто поворотилъ его и изготовился принять своего противника. „Сюда хотѣлось мнѣ заманить васъ, молодой Господчикъ, вскричалъ Полякъ изъ подъ забрала, саблею вышибъ изъ рукъ оруженосца копье, съ коимъ сей устремился прямо на грудь его, и съ яростною силою схватилъ юношу за плеча, чтобы стащить его съ лошади.

— „Царица Небесная, помоги мнѣ!“ съ чувствомъ произнесъ оруженосецъ, напрягши всѣ силы для обороны; въ эту самую минуту, упала подъ Полякомъ утомленная его лошадь; въ паденіи своемъ онъ увлекъ за собою противника, котораго онъ крѣпко схватилъ, какъ будто тигровыми когтями. Нога злодѣя переломилась подъ тяжестію павшей лошади и, крѣпко прижатая къ землѣ, отняла у него употребленіе силъ. Отъ нестерпимой боли, онъ выпустилъ изъ рукъ, лежащаго на землѣ непріятеля. Оруженосецъ проворно выхватилъ у него саблю, сорвалъ шлемъ съ головы его, и при первомъ взглядѣ на искаженное, смертною блѣдностію покрытое лице, вскричалъ съ гнѣвомъ: „Мое предчувствіе, сбылось *Круко!*“ И грозно заблисталъ надъ головой предателя мечь смертоносный.

— Адъ и Сатана! это *ея* голосъ!—заревѣлъ безсильный злодѣй и, терзаемый мучительною болью, употребилъ послѣднее тщетное усиліе высвободить раздробленную ногу изъ подъ лошади; застонавъ, упалъ онъ на земь. Молодой оруженосецъ сорвалъ пластырь съ своего лица: „Твой дьяволъ не обманулъ тебя: смотри, кто стоитъ, передъ тобою!“

— *Адельма!* вскричалъ *Круко*, скрежеща зубами, есть Богъ, есть святое Провидѣніе.

„Молись!“ сказала ему прелестная, которая въ мужскомъ вооруженіи и съ высоко-вознесеннымъ мечемъ, стояла надъ нимъ, подобно Ангелу-мстителю.

— Не могу и не хочу молиться! рѣшительно отвѣтствовалъ закоренѣлый злодѣй, стоная отъ боли, — убейте меня, адъ дожидается своей добычи! —

„Молись!“ повторила *Доротея*, кротко его увѣщевая: не хочу погубить души твоей. Можетъ быть, искреннее раскаяніе отворитъ тебѣ нѣкогда двери милосердія.“ Тогда чудовище, изрыгая страшныя проклятія, вытащилъ изъ подъ пояса кинжалъ и пронзилъ себѣ сердце. Грустно стояла передъ нимъ великодушная *Доротея* опершись на мечь, и тихо сказала: „Ты насильственно опередилъ свою участь, сынъ погибели!“

Между тѣмъ, внимательно вслушивалась она въ дальній гулъ битвы, и опомнясь произнесла: „Теперь къ исполненію моей священной обязанности!“ вскочила на своего добраго коня и понеслась обратно въ пылъ сраженія.

15.

Мужественно сражалось Христіанское воинство съ варварами; грозныя волны враговъ сокрушались о броненосные, тѣсно сомкнувшіеся, полки Германцевъ. Съ воплемъ и воемъ разсыпались они во всѣ стороны; но тутъ съ холма подоспѣла конница, грянула на враговъ, по одиначкѣ и безъ всякаго порядка бродившихъ по полю. Копья и палаши Рыцарей проложили себѣ прямую, кровавую дорогу сквозь необозримую толпу до самаго запаснаго войска, гдѣ стоялъ свирѣпый *Батый* передъ

своими Нironами.—„Съ нами Богъ!“ — вскричалъ *Генрихъ*—и кинулся на Хана; но сей коварно поднялъ свою саблю, не для защиты, а въ знакъ чего-то, и въ ту самую минуту, изъ за него поднялась на высокомъ шестѣ страшная Исполинская голова, которая изъ широкой пасти выбрасывала пламя и густыя облака смраднаго дыма. Пораженные ужаснымъ чудовищемъ, Христіанскіе всадники остановились, и конь Герцога захрапѣвъ, отшатнулся. Тутъ раздвинулись первые шеренги Нироновъ, и Христіанамъ представился цѣлый рядъ мѣдныхъ змѣй на подставкахъ; они широко разинули свои пасти. Дымящаяся Исполинская голова безпрерывно колыхалась, и вдругъ вспыхнули огни изъ за мѣдныхъ змѣй, которыя вслѣдъ за тѣмъ изъ широкихъ зѣвовъ своихъ изрыгнули на Христіанскія дружины столпы огня и дыма. Градомъ полетѣли въ ряды ихъ огненные шары, и, подобно адскому пламени, жгли они тѣхъ, въ кого попадали. Всеобщій ужасъ овладѣлъ Христіанами; далеко раздавались ихъ вопли, и всѣ малодушные, которымъ сіи орудія показались адскими, обратились въ бѣгство. Еще благородный *Генрихъ*, *Сулиславъ*, *Попло*, *Клеменсъ*, *Роткирхъ* и *Конрадъ* противостояли огнедышущимъ драконамъ, крича своимъ устрашеннымъ воинамъ: „Съ нами Богъ, товарищи! можетъ ли намъ вредить сатана? Вамъ ли, носящимъ на груди крестъ, бояться дьявола? грянемъ на врага! Богъ не оставитъ поборниковъ истинной Вѣры!“ И грозно вознесши мечь свой, *Генрихъ* бросился прямо на огненныя жерла:

вслѣдъ за нимъ поскакали его вѣрные сподвижники. Тутъ снова задвигалась на воздухѣ огромная голова, и снова вспыхнули огни, и страшныя змѣи въ другой разъ съ трескомъ испустили дымъ и пламя. Герцоговъ конь, которому въ грудь попалъ огненный шаръ, взбѣсился, поворотилъ назадъ, и понесъ своего всадника прямо сквозь Христіанскія дружины, коихъ бѣгство уже сдѣлалось всеобщимъ. Пораженный стрѣлами, палъ *Полло-фонъ-Остерно*. Твердо рѣшившись спасти своего Царственнаго вождя, остальные четыре Героя его свиты, бросились въ слѣдъ за Герцогомъ. Въ сію минуту, его конь, обожженный огненными шарами, грянулся на землю. . . . Съ дикимъ воплемъ радости со всѣхъ сторонъ бросились на него несмѣтныя толпы варваровъ.

Прокладывая себѣ путь мечемъ, *Роткирхъ* первый достигъ до своего Государя, соскочилъ съ коня, и передавъ его *Генриху*, разрубилъ голову Татарину, который уже замахнулся саблею на Герцога; потомъ быстро вскочилъ на лошадь убитаго, и длиннымъ Рыцарскимъ палашемъ началъ косить головы язычниковъ. „Намъ осталось только пробиться, Государь!“ — Вскричалъ онъ Герцогу: *Сулиславъ*, *Клеменсъ* и *Конрадъ* прикроютъ нашъ тылъ“. Но въ эту самую минуту, храбрые вожди, пораженные копьями и стрѣлами, пали мертвые съ коней своихъ. Уже одинъ изъ варваровъ готовъ былъ дерзкою рукою схватить *Генриха;* но мечь *Генриховъ* блеснулъ—и голова невѣрнаго слетѣла съ окровавленнаго туловища. Другой поразилъ его

въ лѣвое плечо, и когда сей, обороняясь, высоко поднялъ покрытую сталью правую руку, третій вонзилъ ему копье въ бокъ, тамъ, гдѣ отъ движенія руки раскрылся панцырь. Неустрашимый палъ на окровавленную землю отчизны, столь мужественно имъ защищенную.—„Господи, спаси мою Силезію!“ были послѣднія слова, имъ произнесенныя, и безчисленныя сабли варваровъ, возложили на главу его вѣнецъ мученическій.

Роткирхъ, который широкимъ палашемъ очистилъ предъ собою дорогу, оглянулся, и видя своего храбраго Государя распростертаго на землѣ и плавающаго въ крови, хотѣлъ было возвратиться, чтобы по крайней мѣрѣ спасти его тѣло; вдругъ нахлынула на него толпа варваровъ и заставила думать о собственной жизни. Уже кровь его лилась изъ многихъ ранъ, но бодро привсталъ онъ на стременахъ, твердо рѣшась, дорого продать свою жизнь варварамъ. Уже трое невѣрныхъ пали отъ меча его, силы его начали ослабѣвать, и онъ погибъ бы непремѣнно, еслибъ въ этотъ самый митъ не прискакалъ къ нему на помощь молодой оруженосецъ съ пластыремъ на лицѣ, въ сопровожденіи двухъ Нѣмецкихъ Рыцарей. Тутъ снова восторжествовали мечи Христіанскіе. Пять Татарскихъ головъ, какъ сжатые снопы, слетѣли съ туловищъ; знатный Мурза, обезоруженъ и взятъ въ плѣнъ самимъ *Роткирхомъ*. „Теперь удалимся съ поля битвы!“ умолялъ оруженосецъ Рыцаря, указывая на густую толпу Татаръ, которые прямо

на нихъ неслися. И, недождавшись отвѣта, онъ схватилъ коня за уздечку—и быстро увлекъ его съ собою. За нимъ послѣдовали оба Рыцаря съ плѣнникомъ, и вскорѣ чаща лѣса скрыла всѣхъ ихъ отъ глазъ непріятеля. Тутъ они остановились. Оруженосецъ заботливо помогъ Рыцарю сойти съ коня, и нѣжною рукою перевязалъ его двѣнадцать славныхъ ранъ, кои получилъ Герой въ этомъ страшномъ побоищѣ.

—„Слава Богу!"—сказалъ вѣрный оруженосецъ, возведя благодарный взоръ на небо; „ни одна изъ ранъ не опасна!"

—Какой голосъ?—воскликнулъ Рыцарь, пристально всматриваясь въ своего юнаго сподвижника.

„Такъ ты узналъ, наконецъ, голосъ твоей вѣрной жены?" спросилъ мнимый оруженосецъ, сбрасывая съ себя шлемъ и пластырь, и прижимая къ нѣжной груди своей изумленнаго Рыцаря.

—*Доротея!* радостно вскричалъ *Роткирхъ*, но вскорѣ лице его омрачилось глубокою горестію, и онъ сказалъ болѣзненнымъ голосомъ: Ахъ! за чѣмъ ты спасла меня въ сраженіи. Жизнь потеряла въ глазахъ моихъ всю свою цѣну: я не могъ спасти Герцога! —

„*Роткирхъ!*"— сказала съ нѣжнымъ упрекомъ, тяжко оскорбленная жена его: „развѣ тебѣ не мило жить для жены, для сына?"

—Увы! я видѣлъ, какъ Отецъ Силезіи палъ подъ саблями невѣрныхъ, отвѣчалъ *Роткирхъ*, я вижу свое отечество осиротѣвшимъ, и сердце мое не можетъ питать другаго чувства,

кромѣ чувства неисцѣлимой горести!—Лишенный послѣднихъ силъ отъ большаго истеченія крови, онъ при сихъ словахъ упалъ безъ чувствъ въ объятія супруги, которая, смотря на него съ горькимъ умиленіемъ, тихо сказала сама себѣ: „Ты презираешь мои услуги, мою любовь, жестокосердый Германецъ! Но послѣдней моей жертвы ты не отвергнешь!"

16.

Въ высокой залѣ Кроссенскаго за́мка, сидѣла задумчиво Герцогиня *Анна;* глаза ея, исполненные слезъ, покоились на трехъ младшихъ дочеряхъ, которыя у ногъ ея безпечно играли съ маленькимъ *Деодатомъ*. Въ рукахъ ея безмолствовала арфа, на которой она бывало прежде столь искусно и охотно игрывала. Нынѣ же она извлекала изъ струнъ одни только отры́вистые, печальные звуки, и когда маленькая *Анета,* ласкаясь къ ней, стала просить ее, чтобы сыграла что-нибудь веселенькое, она въ забвеніи себя заиграла погребальный гимнъ. Герцогиня сама содрогнулась отъ унылыхъ звуковъ арфы, но они были ей пріятны, какъ друзья, раздѣляющіе наши страданія, и глубокую горесть. Тутъ вошла въ комнату благочестивая *Гедвигъ,* и, слыша печальные звуки, ласково погрозила пальцемъ любезной невѣсткѣ, и сказала: „за чѣмъ играть такія заунывныя пѣсни въ сіе грозное, роковое время? Теперь не должно упадать, а крѣпиться духомъ, дабы геройски выдержать всѣ удары непріязненнаго рока. Надъ нашимъ *Генрихомъ* бодр-

ствуютъ Ангелы Божіи, и если онъ падетъ за правое дѣло: то побѣдителемъ изыдетъ изъ сего бреннаго міра. Отри свои слезы, и спой намъ гимнъ побѣды и радости; да подкрѣпитъ и согрѣетъ онъ сердце!" — Грустно посмотрѣла молодая супруга *Генриха* на свою утѣшительницу; но повинуясь ея гласу, быстро и сильно ударила въ струны; громко раздались торжественные звуки, и въ то же время крупныя слезы покатились ей на руки. Но при первомъ полномъ ударѣ въ струны, съ пронзительнымъ визгомъ оборвалась струна, и подобно отдаленному дѣтскому рыданію, плачевный звукъ отозвался въ декѣ арфы. Малютки въ испугѣ вскочили; Герцогиня, объятая ужасомъ, уронила арфу, и пораженная горестнымъ предчувствіемъ, громко зарыдала. Съ видомъ нѣжнаго упрека подошла къ ней *Гедвигъ*, и только-что хотѣла изъяснить ей естественную причину сего происшествія, какъ вошелъ старый Герцогскій камердинеръ *Брунольдъ*, и потирая свои сѣдыя брови, дрожащимъ голосомъ доложилъ о прибытіи Рыцаря *Ганса-фонъ-Роткирха*, который привезъ извѣстія съ поля сраженія.

„Ради Бога, какія?"—вскричала *Анна* пронзительнымъ голосомъ.

Старецъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ, и наконецъ сказалъ съ горестію: я не могу вамъ этого сказать, Милостивѣйшая Герцогиня, благоволите спросить у самаго Рыцаря. При сихъ словахъ, онъ отворилъ дверь и *Роткирхъ* вошелъ; правая рука его была на платкѣ, го-

лова въ перевязи. *Анна*, томимая страхомъ, кинулась къ нему на встрѣчу, вопрошающимъ взоромъ посмотрѣла ему въ блѣдное, горестное лице, и когда глаза его, будучи не въ состояніи вынести взора вѣнценосной вдовы, опустились въ землю, тогда съ жалостнымъ воплемъ быстро произнесла она: „*супругъ мой погибъ!*“ и грянулась на полъ. *Гедвигъ* съ геройскою твердостію велѣла фрейлинамъ имѣть о ней попеченіе, а сама съ Рыцаремъ, вышла въ боковую комнату и спросила: „сраженіе проиграно?“

— Отъ измѣннническаго малодушія Герцога *Мечислава* и отъ сатанинскаго волшебства язычниковъ, отвѣчалъ *Роткирхъ*.

„А сынъ мой?“ — снова спросила *Гедвигъ*, и предчувствуя роковой отвѣтъ, схватилась за кресла, чтобы не упасть.

— Герцогъ *Генрихъ* убитъ, какъ герой! отвѣчалъ Рыцарь.

„Слава и честь ему!“ воскликнула мать, устремя восхищенный взоръ на Небо: благодарю Господа, что я родила сына, который всегда исполнялъ Его святую волю, который всегда любилъ меня, и теперь умеръ славною смертію за отечество!“ — Потомъ спокойно спросила она: „не спасенъ ли трупъ царственнаго мученика?“ —

Еще варвары владѣютъ полемъ битвы, отвѣчалъ угрюмо *Роткирхъ*: а воинство Христіанское уничтожено. Враги сожгли городъ Лигницъ и теперь осаждаютъ за́мокъ, который еще держится. Комендантъ, ожидая Ва-

шего повелѣнія, спрашиваетъ, что ему дѣлать, если непріятель будетъ требовать сдачи: ибо въ случаѣ приступа, жизнь четырехъ Принцевъ подвергнется опасности.

— „Отвѣчать, что Силезія вмѣсто убитаго Герцога имѣетъ четырехъ другихъ, воскликнула *Гедвигъ* съ благородною гордостію, и вмѣстѣ съ моими внучатами погребсти себя подъ развалинами зáмка! Если раны вамъ, Рыцарь, дозволяютъ; то я желала бы, чтобы вы сами извѣстили Коменданта о моей волѣ, и смотрѣли бы за ея исполненіемъ. Истинные Рыцари теперь становятся рѣдки. Завтра я поѣду вслѣдъ за вами, если позволитъ здоровье вдовствующей Герцогини.“

— Милостивѣйшая Государыня! сказалъ *Роткирхъ* сомнительнымъ голосомъ: послѣднее отсовѣтовать велитъ мнѣ моя обязанность. Подумайте Герцогиня, что повсюду рыскаютъ Татарскія полчища.

„Знаю это, возразила *Гедвигъ*, но знаю и то, что одно мановеніе Всемогущаго Бога сильно изгнать навсегда сіи свирѣпыя Орды изъ нашей благословенной Силезіи. Уповайте и вы на Него, и дѣлайте, что я вамъ приказываю.“— Съ благоговѣйнымъ трепетомъ, внимая пророческимъ словамъ Герцогини, *Роткирхъ* откланялся ей и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

17.

Темнымъ покровомъ ночи одѣлось поле битвы. Пары, подымавшіеся изъ напитанной кровью земли, образовали густые туманы, сквозь

кои Луна какъ багряный щитъ, катилась по лазоревому небу. На дальнемъ горизонтѣ рдѣлось еще зарево Лигницкаго пожара, и вокругъ пылали зажженныя Татарами деревни и Рыцарскіе зáмки. Огромныя стаи галокъ и вороновъ носились надъ безчисленными трупами, расбросанными по полю битвы, и карканье сихъ жадныхъ птицъ страшно смѣшивалось съ храпѣньемъ варваровъ, которые, будучи утомлены кровавою работою, спокойно дремали между убитыми. Передъ Ханскою кибиткою взгромождена была гора мѣшковъ, наполненныхъ ушами падшихъ Христіянъ, — трофей, достойный сего Царя дикихъ Ордъ. Въ самой же кибиткѣ сидѣлъ *Ханъ-Батый* съ *Ханомъ-Петою* и знатнѣйшими Мурзами, важно и хладнокровно совѣщаясь съ ними о томъ: „Не истребить ли мечемъ всѣхъ жителей Силезіи, и не обратить ли всю страну въ обширную пустыню?“ Самъ *Батый* желалъ сего, но корыстолюбивый *Пета* съ жаромъ сталъ доказывать, сколь несравненно важнѣйшія выгоды можетъ доставить побѣдителямъ обитаемая Провинція. Вдругъ вошелъ въ палатку, покрытый пылью и пóтомъ гонецъ, и вручилъ *Батыю* повелѣніе Верховнаго *Хана-Октая*, который въ то время опустошалъ несчастный Китай. — *Батый* поспѣшно вынулъ грамоту изъ шелковой обертки, прочиталъ, сильно наморщилъ лобъ, и наконецъ съ негодованіемъ сказалъ присутствующимъ: „Мой дядя, имѣя во мнѣ нужду для поддержанія своего новаго трона, отзываетъ меня съ побѣдоноснаго моего поприща. Я на-

дѣялся еще много славнаго сдѣлать въ этомъ краю; такъ и быть; надобно повиноваться. Но я хочу и смѣю посвятить три дня моему мщенію—и горе Христіанамъ! Черезъ тысячу лѣтъ будутъ здѣсь съ ужасомъ говорить о *Ханѣ-Батыѣ*. Завтра мы приступомъ беремъ замокъ Силезскаго Государя. Ступайте и приготовтесь.“ —

Военачальники упали ницъ передъ *Батыемъ* и удалились. Онъ остался одинъ, и торжествующимъ видомъ взглянулъ на блѣдную голову храбраго *Генриха*, которая, какъ трофей безславной побѣды, была взоткнута на копье. Тутъ ему показалось, будто голова съ гнѣвомъ вперила въ него раскрытые смѣлые глаза. Онъ не въ состояніи былъ вынести этого взора и, опрометью бросился вонъ изъ кибитки.

Въ испугѣ и думѣ, онъ все далѣе и далѣе шелъ по полю битвы, между трупами, и наконецъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдній разъ сражались съ Татарами *Генрихъ* и его сподвижники, гдѣ кругомъ взгромоздились горы убитыхъ Ордынцевъ. Озирая безобразные трупы, долго стоялъ онъ тамъ, и маленькіе глаза его, подобно молніямъ, пробѣгали сію обширную бойню. — „Еще одну такую побѣду и я погибъ!“ вскричалъ онъ и содрогнулся, когда медленно передъ нимъ поднялась изъ-подъ труповъ величественная женщина и грозя, подняла руку. Быстро обнажилъ онъ саблю, но въ эту самую минуту луна, выглянувъ изъ-за разорванныхъ тучь, озарила лице ея. „*Адель-*

ма!" — вскричалъ онъ, кипя жаждою мести и бѣшенствомъ ревности. Но видѣніе, сдѣлавъ ему рукою знакъ, чтобы онъ остался на мѣстѣ, сказала тихимъ, подобнымъ шопоту духовъ, голосомъ: „Мертвые не принадлежатъ тебѣ, *Батый!* и краткій срокъ дозволено мнѣ пробыть на землѣ. Безчеловѣчно опустошилъ ты сію бѣдную страну, тысячи ея невинныхъ жителей, сотни тысячь твоихъ собственныхъ подданныхъ принесъ ты въ жертву своей несправедливой мести: ибо никто, даже самъ мужъ мой не зналъ, что я жена *Батыева*. И такъ, не употребляй долѣе во зло терпѣнія Небеснаго, бѣги отсюда прежде, нежели уничтожитъ тебя молніеносная стрѣла Предвѣчнаго, которая столь близко уже промчалась мимо тебя въ волнахъ Одера. Несчастная виновница твоихъ злодѣйствъ, я разстаюся съ міромъ, и мы никогда не увидимся! — При сихъ словахъ, видѣніе съ тихимъ стономъ исчезло между трупами, а *Батый*, терзаемый адскими муками совѣсти, объятый ужасомъ, поспѣшно возвратился въ свою кибитку.

18.

Протяжный, погребальный звонъ колоколовъ со всѣхъ Бреславскихъ Церквей, и шумное смятеніе народа на улицахъ, пробудили однажды утромъ *Ганса-фонъ-Роткирха*, который только-что заснулъ, ибо всю ночь страдалъ отъ лихорадки. Небрежное лѣченіе ранъ, горесть о смерти *Генриха* и безпокойство объ участи жены, которая въ день несчастнаго

сраженія съ Татарами, пропала безъ вѣсти, повергли Героя на одръ болѣзни. Неутомимо ходилъ за нимъ достойный *Чеславъ*, недавно избранный въ Настоятели монастыря Св. *Адальберта*. Онъ вошелъ въ комнату больнаго. „Приближается по нашей улицѣ погребальное шествіе, сказалъ онъ унылымъ голосомъ, съ Лигницкой равнины; бренные останки храбраго *Генриха* и падшихъ съ нимъ Героевъ. Герцогъ и сподвижники его погребены будутъ въ Монастырѣ Св. *Іакова*, имъ самимъ построенномъ. Если здоровье вамъ позволяетъ Рыцарь, то пойдемте туда, и вмѣстѣ съ благодарнымъ, безутѣшнымъ народомъ, воздадимъ послѣднюю дань признательности нашему доброму Государю и великодушнымъ поборникамъ святыя Вѣры.“ —

Роткирхъ изъявилъ готовность свою, и оба изъ Монастыря *Св. Іакова* вышли посмотрѣть на приближающееся шествіе. Погребальное пѣніе сопровождалось унылымъ звономъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ Бреславскихъ. Впереди шелъ отрядъ съ обвитымъ чернымъ крепомъ, копьями и знаменами. За нимъ, среди толпы рыдающаго народа везли гробъ Герцога, сопровождаемый матерью, вдовою и девятью рыдающими сиротами, въ глубокомъ траурѣ, а на вопросъ *Роткирха:* чьи слѣдующіе гробы? *Чеславъ* отвѣчалъ: „Прусскаго Ландмейстера *Полло*, благороднаго Поляка *Сулислава*, Коменданта *Клеменса* и *Конрада* вѣрнаго оруженосца Герцогскаго. *Послѣдній* гробъ, продолжалъ онъ,

взирая на Рыцаря съ глубокимъ состраданіемъ, заключаетъ тѣло неизвѣстной женщины.“

Вечеромъ того дня, въ который *Ханъ-Батый* столь неожиданно снялъ осаду Лигница, и собравъ всѣ свои полчища, поспѣшно отступилъ въ Моравію, Герцогиня *Анна* отыскивала на полѣ сраженія тѣло своего мученика-супруга. Она обрѣла его вмѣстѣ съ его сподвижниками; вблизи ихъ найдено тѣло прекрасной, по Татарски богато-одѣтой женщины. Правая рука ея держала рукоять кинжала, который она вонзила себѣ въ сердце, а подъ поясомъ у нее былъ скрытъ пергаментный свитокъ. — Медленно вынулъ его *Чеславъ* изъ кармана и съ горестнымъ участіемъ смотрѣлъ на Рыцаря, который, будучи встревоженъ ужаснымъ предчувствіемъ, и вперивъ на него неподвижный взоръ, быстро простеръ руку къ таинственной рукописи. *Чеславъ* медлилъ вручить ему свитокъ, говоря съ отеческою любовію: „ты супругъ и Герой, сынъ мой! это достославно доказалъ ты на полѣ битвы; теперь докажи, что ты болѣе, нежели супругъ и воинъ, что ты истинный Христіанинъ, чуждый преступнаго отчаянія: смиренно покорись десницѣ Отца милосердаго, Который испытуетъ любимѣйшихъ чадъ своихъ, дабы очистить ихъ уже здѣсь на землѣ и вознаградить ихъ на небеси стократнымъ блаженствомъ.“— —

Тутъ подалъ онъ Рыцарю роковую грамоту, который не читалъ, а пожиралъ въ ней написанное. Прочиталъ и блѣдное лице его, безъ того изнуренное недугомъ, посинѣло,

какъ у мертвеца, руки задрожали, и глубоко-впалые глаза вспыхнули дикимъ пламенемъ. Наконецъ, съ болѣзненнымъ усиліемъ вырвался изъ груди его крикъ: „Боже милосердый! жена моя!“ — и онъ покатился безъ чувствъ. Безмолвно поддерживалъ его *Чеславъ* — и утѣшительными словами старался облегчить его горесть. „Благодарю Бога,“ говорилъ онъ, что раны и недугъ обезсилили твое тѣло и вмѣстѣ съ нимъ и душу: ибо еще ужаснѣе было бы дѣйствіе сей роковой вѣсти, еслибъ ты былъ здоровъ. Внимай утѣшительнымъ глаголамъ Вѣры. Твоя великодушная супруга умерла за отечество: этотъ пергаменъ ясно доказываетъ, что поспѣшный отступъ *Батыя* тѣсно сопряженъ съ ея добровольнымъ пожертвованіемъ собою за благо Силезіи. Мнѣ конечно прискорбно, что моя духовная дочь отяготила свою душу преступнымъ самоубійствомъ. Но она дѣлала много добра и за то много проститъ ей премилосердый, и я буду возсылать теплыя молитвы къ Отцу Небесному: да безконечная благость Его не строго судитъ преступницу; да примиренная и очищенная душа ея радостно встрѣтитъ тебя у вратъ небесныхъ!“ —

— Уповаю на милосердіе Божіе! — сказалъ вставая *Роткирхъ* съ мужественнымъ спокойствіемъ, ведите меня теперь къ *Доротеѣ*; да напечатлѣю послѣдній поцѣлуй на земной оболочкѣ моей подруги! —

„Ты еще очень слабъ, сынъ мой, ты не выдержишь такого сильнаго потрясенія, отвѣ-

чалъ *Чеславъ*, и долго не рѣшался дозволить ему проститься съ тѣломъ его возлюбленной, но будучи не въ состояніи противиться умоляющему Рыцарю, онъ повелъ его ко гробу. Его снимали съ одра, когда *Роткирхъ*, поддерживаемый старцемъ, притащился дрожащими стопами. — Открыли гробъ: въ немъ лежала *Адельма-Доротея* въ бѣлой одеждѣ, съ Распятіемъ на груди; руки усопшей сложены были крестомъ; казалось, она улыбается. Долго смотрѣлъ на нее Рыцарь съ безмолвною горестію, потомъ тихо преклонилъ колѣно, и прижалъ уста свои къ холоднымъ устамъ усопшей подруги.

— Папинька! разбуди маминьку: она такъ долго спитъ, вскричалъ позади его дѣтскій голосъ, и маленькій *Деодатъ*, приведенный рыдающею нянею, также, какъ въ день перваго примиренія, обнялъ рукою шею отца своего, а другою усиливался приподнять голову матери, желая какъ тогда, соединить уста родителей въ поцѣлуѣ.

„Пусть она спитъ!“ — сказалъ *Роткирхъ*, горестно улыбнувшись: сонъ ее такъ покоенъ! И, поцѣловавъ въ лобъ младенца, сказалъ ему: „будь добрымъ человѣкомъ, и проси Герцогиню, быть матерью сироты-младенца.“ — Онъ отдалъ его обратно на руки нянѣ, велѣлъ носильщикамъ закрыть гробъ и внести въ Церковь, и вмѣстѣ съ Настоятелемъ пошелъ за нимъ. Въ алтарѣ онъ упалъ на колѣни предъ святымъ Отцомъ и убѣждалъ его постричь его въ Монахи.“—

Чеславъ, хотя пораженъ былъ такою внезапною рѣшимостью, собрался съ мыслями и отклонялъ его отъ такого намѣренія: Такому сильному поборнику св. Вѣры, въ цвѣтѣ лѣтъ, не должно заключать себя въ мрачныя стѣны уединенной кельи. Богъ возвратитъ тебѣ здоровье; время облегчитъ горести и тогда строгость Монашескихъ обѣтовъ подавитъ твое сердце своею тяжестію. Мірская жизнь еще улыбнется тебѣ, еще лучь ея прокрадется въ темную келью, и тогда ты станешь—сперва скучать, потомъ грустить; уединенная жизнь тебѣ опротивѣетъ. —

—„Жизнь мою теперь опускаютъ въ могилу,“ сказалъ *Роткирхъ* рѣшительно: „силы мои навсегда сокрушились. Не въ шумномъ воинскомъ станѣ, а въ безмолвной оградѣ могу я быть полезенъ моимъ согражданамъ; буду поститься и молиться за мою бѣдную страдалицу; молиться до тѣхъ поръ, пока отзоветъ меня Ангелъ смерти, и на вѣки соединитъ съ незабвенною.“

—Да исполнится твое желаніе! сказалъ растроганный *Чеславъ*, и принялъ сего новаго брата въ послушники. И скоро храбрый *Роткирхъ*, нѣкогда ужасъ язычниковъ, подъ именемъ *Ѳеодора*, трудолюбіемъ, кротостью и самоотверженіемъ, пріобрѣлъ уваженіе Настоятеля и любовь братіи. Между тѣмъ, сынъ его возросталъ при дворѣ Герцогскомъ. Но силы *Роткирха* день ото дня ослабѣвали; онъ, какъ призракъ бродилъ по мрачнымъ Монастырскимъ переходамъ. Ровно черезъ годъ послѣ

погребенія *Дороѳеи*, *Чеславъ* вошедъ въ Церковь, нашелъ сего страдальца, преклонившаго колѣна на ступеняхъ алтаря; на верхней ступени покоилась голова его; Богъ услышалъ его молитву: онъ преставился.

Съ Нѣм. *В. Тило.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

На миръ съ Персіею.

Мы вспомнили прекрасно старину!
Черезъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ мы кончили войну,
И Арарашъ, и миръ и славу взяли!
И Русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣша,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣша!

Жуковскій.

2.

Адмиралу *Д. Н. Сенявину.*

Для громкихъ подвиговъ рожденный,
Оливой, лавромъ осѣненный,
Уже вступилъ Ты славы въ храмъ,

Однимъ безсмертія сынамъ
Исторіей сооруженный.
Прошли стремительно вѣка,
Промчатся вновь вѣка иные. . . .
Но, алчная временъ рѣка,
Глотая племена земныя,
Слаба, безсильна погрузить
Великаго въ свои пучины:
Сенявинъ не престанетъ жить,
Вѣковъ грядущихъ до кончины.

А. Б.

3.

Куплеты изъ водевиля: *Арлекинъ.*

Осла какъ хочешь палкой бей
И вдоль спины и межь ушей.
Упрямъ! такъ что же?
Ударь по рожѣ.
Ослу все это не бѣда,
Какъ съ гуся вода, какъ съ гуся вода,
Онъ крѣпкокожій. bis

Какъ лба нашъ *Карпыть* не разбилъ,
Хоть имъ онъ часто объ полъ билъ
Передъ Вельможей
Въ его прихожей.
Ему все это не бѣда:
Какъ съ гуся вода, какъ съ гуся вода,
Онъ крѣпкокожій. bis
Пиши безъ толка, безъ души,
Но только публику смѣши:

И ликъ твой схожій,
Вездѣ расхожій,
Бранятъ! — но это не бѣда:
Какъ съ гуся вода, какъ съ гуся вода
Будь крѣпкокожій. bis

Свои творенья *Фирсъ* издалъ.
„Тебѣ ль писать? — *Зоилъ* сказалъ,
Съ твоей ли рожей?“ —
А авторъ что же?
„Брани, какъ хочешь; не бѣда,
Какъ съ гуся вода, какъ съ гуся вода,
Я крѣпкокожій!“ —

„Моихъ завистниковъ хула
Мнѣ надоѣла, какъ пчела.
Помилуй Боже!
Отъ молодежи.
Бранитъ и рветъ, но не бѣда:
Какъ съ гуся вода, какъ съ гуся вода,
Я крѣпкокожій!“

Ѳ.

4.

Къ Генералу *Р.*

Въ отвѣтъ на его письмо, при которомъ прислалъ онъ мнѣ тетрадь стиховъ Кр—вскаго стихотворца Морозова (*).

Мнѣ *Кр—въ* вѣчно на бѣду!
Пыль, грязь, болѣзни и нападки:

(*) Имя вымышленное. *Изд.*

Визита жди отъ лихорадки (**),
Платы большой промѣнъ Жиду!
Вишь и *Морозова* посланье
Надѣлало мнѣ кучу бѣдъ . . .
Ты спросишь: „какъ?“ . . . Вотъ мой отвѣтъ:
Твое прочетши начертанье,
Стихи его читать я сталъ —
На третьей строчкѣ задремалъ,
И перелегъ въ постелю съ креселъ,
Но не забылъ гостинецъ твой —
И взялъ *Морозова* съ собой.
(Въ тотъ день я былъ здоровъ и веселъ!)
Не помню, долго ли я спалъ,
Но сердце билось, пульсъ стучалъ,
И небо и земля кружились,
Когда глаза мои открылись.
Признаться, я затрепеталъ,
Какъ самый лучшій трусъ исправно.
И впрочемъ, право незабавно
Оставить Ангела - жену
И двухъ пригоженькихъ малютокъ!
Тутъ и Герою не до шутокъ,
И въ жизнь быть можно влюблену!
На крикъ мой, въ мигъ ко мнѣ сбѣжались
Домашніе мои въ слезахъ,
И два слуги въ двоихъ саняхъ
Стремглавъ за лѣкаремъ помчались.
Вотъ звонко брякнуло кольцо,
Вотъ Лѣкарь всходитъ на крыльцо,

(**) Сочинитель сего посланія былъ въ этомъ городѣ опасно боленъ нервическою горячкою. *Изд.*

И вотъ ужь у моей постели
Бормочетъ: „Что вы пили, ѣли?“ —
Жена ему: Въ немъ сильный жаръ. . . .
Ужь не горячка ль? — — „Нѣтъ, угаръ!
Закрыли, видно, съ головнею.“ — —
И хрѣнъ мнѣ нюхать подаетъ,
И клюкву за уши кладетъ,
И розовой поитъ водою . . .
А лучше нѣтъ! . . . Угаръ сильнѣй!
Кто ни былъ въ комнатѣ моей,
Какъ отъ дурмана охмѣлѣли,
Слуги и Лѣкарь отшалѣли,
И надобно въ постелю лечь.
Тотчасъ открыли окна, печь. . . .
И все, и все не помогало! . . .
Но наконецъ, на умъ мнѣ вспало,
Стиховъ *Морозова* тетрадь
Велѣть изъ подъ подушки взять —
И выбросить, куда попало.
И легче стало намъ дышать,
И вотъ нашлась причина смрада.
Герой! *Морозова* читай,
Шути и шутки позволяй,
Но береги себя отъ чада.

В.

Дерптъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Въ семъ отдѣленіи *Славянина* будутъ печататься только заглавія такихъ книгъ, которыя чистотою языка, прелестью слога, полезнымъ или пріятнымъ содержаніемъ, достойны благоволенія Любителей Наукъ и Отечественной Словесности.

9. *Восточная Лютня, Ал. Шишкова.* М. 1824. Собраніе весьма хорошихъ стихотвореній молодаго Поэта, который въ первый разъ кладетъ свои опыты на алтарь Музъ.

10. *Опытъ въ старинной Русской Дипломатикѣ, или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи, съ приложеніемъ рисунковъ.* Издалъ Вологодскій купецъ *Иванъ Лаптевъ.* С. П. Б. 1824.

11. *Караванъ-записки, во время похода въ Бухарію Россійскаго каравана, подъ воинскимъ прикрытіемъ, въ 1824 и 1825 годахъ.* М. 1827. Сіи записки ведены Начальникомъ онаго каравана надъ купечествомъ, *Евграфомъ Кайдаловымъ.* Три части съ литографированными картинками.

12. *Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ съ подлинникомъ, изданныя и переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями Русскими и примѣчаніями, Н. Гнѣдичемъ С. П. Б.* 1825.

13. *Записки Полковника Вутье о нынѣшней войнѣ Грековъ. Переводъ съ Франц. Ореста Сомова. С. П. Б.* 1825.

14. *Труды Общества Исторіи и древностей Россійскихъ.* Часть вторая. М. 1824.

Сіе Общество въ 1815 году издало *первую* часть своихъ трудовъ; теперь, имѣя предсѣдателемъ Г. Попечителя Московскаго Учебнаго округа *А. А. Писарева*, съ новою ревностью продолжаетъ свои полезныя занятія и выдало въ свѣтъ *вторую* часть.

15. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ Мореплаванію, Наукамъ и Словесности.* Съ ландкартами и картинами. Семь частей С. П. Б. 1825.

16. *Подражанія Корану, А. Ротчева.* М. 1828.

Стихотворные опыты молодаго человѣка, уже нѣсколько извѣстнаго своимъ талантомъ.

17. *Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ А. Пушкина.* Пять книжекъ, въ коихъ заключается *шесть главъ.*

18. *Дѣтскій Собесѣдникъ.* Журналъ, который раздается безденежно тѣмъ щедрымъ Особамъ, коимъ благоугодно подписаться на два Журнала и на Газету, издаваемыя *Н. И. Гречемъ* и *Ѳ. В. Булгаринымъ.*

Дареному коню въ зубы не глядятъ!

19. *Лирическая Поэма: Русскій Орелъ, соч. Н. Невѣдомскаго.* С. П. Б. 1828.

20. *Лирическая Поэма: Наполеонъ, соч. Н. Невѣдомскаго.* С. П. Б. 1828.

21. *Аристофанъ, или представленіе Комедіи Всадники.* Историческая Комедія въ древнемъ родѣ и въ разномѣрныхъ стихахъ Греческаго стопосложенія, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, интермедіями, пѣніемъ и хорами. соч. Князя *А. А. Шаховскаго.* М. 1828.

СМѢСЬ.

ХАМЕЛЕОНИСТИКА.

(*Продолженіе шестое*).

Plus on aime quelqu'un, moins il faut qu'on flatte.
Л. л. 1824, стран. 9.

Въ No 1 *Литературныхъ листковъ* на стр. 12 напечатано:

„На замѣчанія *Кн. П. А. Вяземскаго* о незанимательности Библіографіи *Сына Отечества*, предоставляло отвѣчать самому Издателю. На жестокую выходку противу *Литературныхъ Прибавленій къ С. О.*, снискавшихъ однакожъ всеобщую похвалу и одобреніе (*какъ свидѣтельствуетъ подписка на оныя*), Издатели уже сами отвѣчали."

Здѣсь *Ѳ. В. Булгаринъ* берется доказать отличное достоинство *Лит. прибавленій къ С. О.* числомъ подписчиковъ и большою распродажею, скорымъ сбытомъ огромнаго количества сего книжнаго издѣлья; а за двѣ страницы передъ тѣмъ, въ той же самой Антикритикѣ, съ жаромъ доказывалъ, что *хорошія книги въ Россіи совсѣмъ не раскупаются*, а сходятъ съ рукъ съ барышомъ напыщенныя мечтанія *Ла-Мартина* (No 1, стр. 10) и на одну дѣльную книгу продается двадцать книгъ романовъ (No 1, стр. 11). Но послушаемъ самаго *Ѳаддея Венедиктовича*:

„*Кн. П. А. Вяземскій* хочетъ насъ увѣрить, что хорошія книги читаются у насъ охотно, или по крайней мѣрѣ, чтобы не судить по наружности, охотно раскупаются. *Исторія Государства Россійскаго*, *Теорія о налогахъ*, *Опытъ о партизанскомъ дѣйствіи*, сочиненія различнаго достоинства и содержанія (говоритъ *К. Вяземскій*);—но однимъ словомъ, сочиненія Европейскія, доведены въ скоромъ времени до втораго изданія.“ — — Я не буду спорить, — возражаетъ *Ѳаддей Венедиктовичъ* — о достоинствѣ сочиненій, — приведенныхъ въ доказательство, но долженъ повторить сказанное мною выше, что примѣръ трехъ сочиненій можетъ служить не опроверженіемъ правила, а только исключеніемъ изъ онаго. Еслибъ, въ подкрѣпленіе моего мнѣнія, захотѣлъ я приводить всѣ сочиненія, истинно *Европейскаго* достоинства, которыя вовсе не обращаютъ на себя никакого вниманія Публики: то мнѣ надлежало бы составить довольно пространный каталогъ, который, однакожъ, уступилъ бы въ огромности каталогу *Азіатскаго* достоинства (т. е. сказокъ и романовъ, которые съ жадностію читаются Публикою), равно какъ и списку сочиненій *Африканскаго* достоинства (то есть, гадательныхъ книжекъ, снотолкователей и проч.), изъ коихъ нѣкоторые уже напечатаны 15-мъ изданіемъ. Спрашиваю, читаютъ ли у насъ съ такимъ любопытствомъ, какъ должно, Путешествія *Сарычева*, *Головнина*, *Крузенштерна*, *Н. Н. Муравьева*, по отдаленнымъ странамъ свѣта; знаютъ ли у насъ почтенныхъ Академиковъ, описавшихъ

въ первый разъ Россію и богатыя ея произведенія? Историческія сочиненія *Шлецера*, *Миллера*, записки *Миниха*, *Кн. Шаховскаго*, такъ ли приняты Публикою, какъ заслуживаютъ по своему достоинству? И самая Исторія Государства Россійскаго, которою Г. Критикъ уличаетъ меня, можетъ ли служить доказательствомъ, что хорошія книги у насъ охотно читаются, по крайней мѣрѣ, хорошо раскупаются? Положимъ, что въ Россіи изъ числа 45.000.000 жителей, можно считать *одинъ* миліонъ читающихъ, включая въ сіе число Дворянство, Духовенство и женскій полъ. Намъ извѣстно, что изъ двухъ изданій сей Исторіи, понынѣ продано около 5.000 экземпляровъ; и такъ, на 200 человѣкъ читающихъ — приходится только по одному экземпляру! Скажу болѣе: тогда, какъ напыщенныя мечтанія *Ла-Мартина* (Méditations de la Martine) напечатаны вторымъ изданіемъ въ С. Петербургѣ; истинно классическія сочиненія *Батюшкова*, по-нынѣ не распроданы первымъ изданіемъ; сочиненія *М. Н. Муравьева*, также сочиненія *В. А. Жуковскаго*, хотя печатаются новымъ изданіемъ, но находятся во множествѣ въ книжныхъ лавкахъ, равно какъ и творенія *И. И. Дмитріева*."

Заключеніе.

1-е. *Два*, противоположныя одно другому, мнѣнія служатъ явнымъ признакомъ не твердости правилъ оцѣнщика.

2-е. *Ѳ. В. Булгаринъ* желалъ насъ увѣрить, что *Литературныя прибавленія къ С. О.*, принад-

лежатъ къ *книгамъ хорошимъ*, по выбору пьесъ и слогу; но, вмѣсто того, доказалъ, что ихъ надобно причислить къ огромному каталогу книгъ *Азїатскаго* достоинства (т. е. къ пошлымъ сказкамъ и романамъ, которые съ жадностью читаются Публикою).

3-е. Ибо, если бы они дѣйствительно имѣли отличное достоинство: то, вмѣстѣ съ путешествіями *Сарычева*, *Головнина*, *Крузенштерна*, на одной полкѣ съ сочиненіями *Батюшкова*, *М. Н. Муравьева*, *Жуковскаго* и *И. И. Дмитрїева* валялись бы во множествѣ въ книжныхъ лавкахъ.

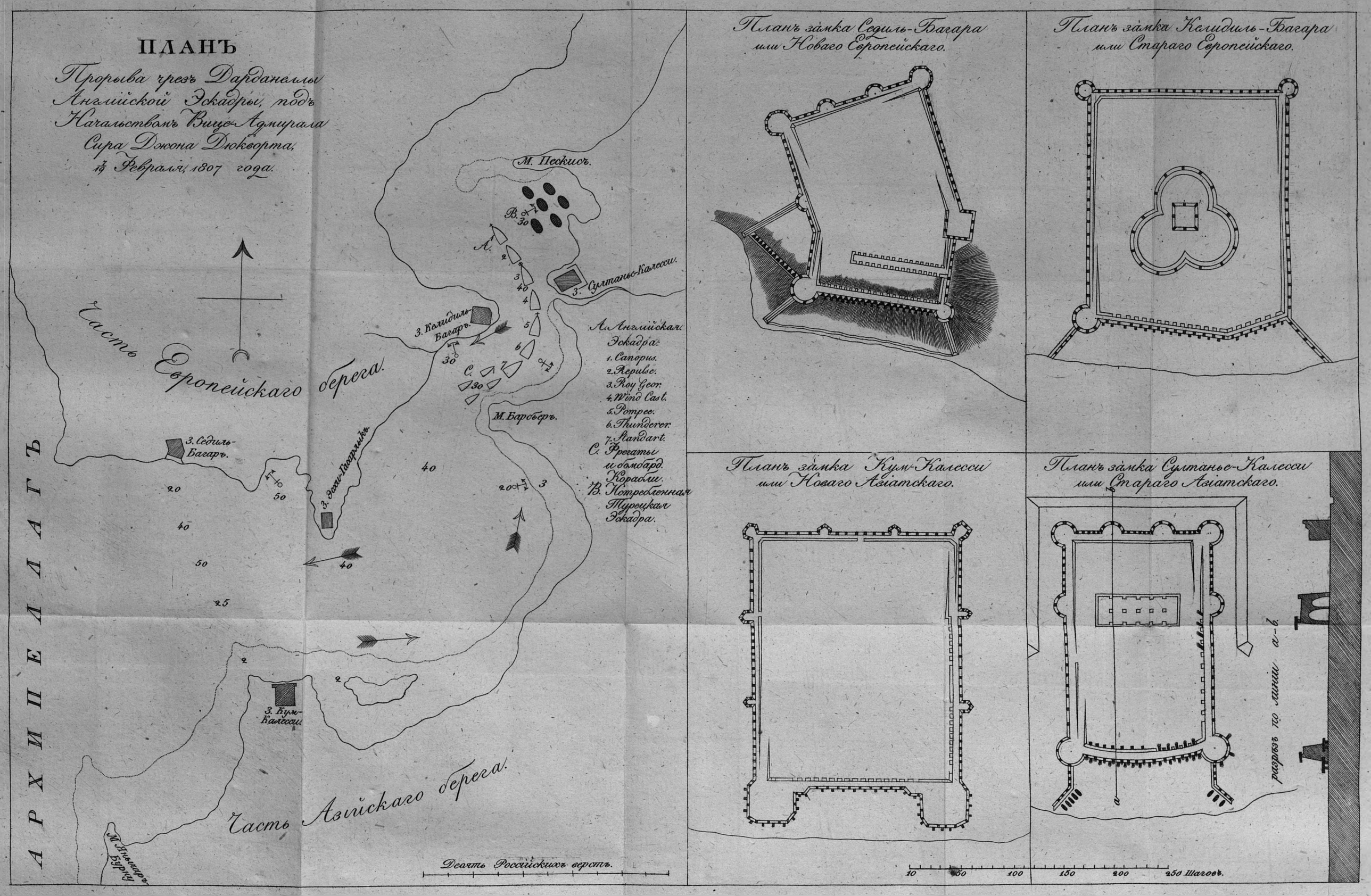
* * *

Ужь эти мнѣ друзья, друзья!

При сей книжкѣ приложенъ планъ Дарданельскаго пролива.

ПЛАНЪ

Прорыва чрезъ Дарданеллы Англійской Эскадры, подъ Начальствомъ Вице-Адмирала Сира Джона Дюкворта, 1/13 Февраля, 1807 года.



План замка Седиль-Багара или Новаго Европейскаго.

План замка Келидиль-Багара или Стараго Европейскаго.

План замка Кум-Калесси или Новаго Азіатскаго.

План замка Султанье-Калесси или Стараго Азіатскаго.

разрѣзъ по линіи а-б.

10 50 100 150 200 250 Шаговъ.

№ XVIII.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Прорывъ Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1807 году.

(*Окончаніе.*)

Генералъ *Себастіани*, обрадованный новыми распоряженіями Турецкаго Правительства, доставлявшими полный успѣхъ его домогательствамъ, поспѣшилъ предстать предъ Диванъ и потребовать чрезъ него особой аудіенціи у Султана. Требованіе сіе было немедленно исполнено. *Селимъ*, желая вознаградить Французскаго Министра за непріятности и безпокойства, нанесенныя ему порученіемъ даннымъ *Измаилъ-Бею*, сдѣлалъ ему самый лестный пріемъ и со вниманіемъ выслушалъ всю его рѣчь. *Себастіани* представлялъ Султану, сколь благородна и достойна его знаменитыхъ предковъ твердая рѣшительность: отразить силою нападеніе наглаго непріятеля, и сколь выгодно для Порты дружество *Наполеона*. Предложеніе, сдѣланное симъ Посланникомъ, относительно готовности, какъ его собственной, такъ и всѣхъ

Французовъ, бывшихъ въ Константинополѣ, къ услугамъ Порты, принято было Султаномъ съ благодарностію. Съ сей минуты, *Себастіани* былъ почти безпрестанно на вновь строившихся батареяхъ, по коимъ, съ согласія Турецкихъ Сановниковъ, онъ размѣстилъ своихъ Офицеровъ и щедрою рукою раздавалъ деньги работникамъ и канонирамъ. Около двухъ сотъ Французовъ явились къ нему добровольно съ предложеніемъ своихъ услугъ, и были также размѣщены по батареямъ.

Посланникъ Испанскаго Двора *Маркизъ-Алменара*, въ то время, какъ *Себастіани* имѣлъ свиданіе съ Султаномъ, убѣждавшій членовъ Дивана оставаться непоколебимыми въ томъ намѣреніи, какое имъ было внушено энтузіазмомъ народа, былъ дѣятельнымъ помощникомъ Французскаго Министра: день и ночь проводилъ онъ на батареяхъ вмѣстѣ съ Секретарями своего Посольства, и составилъ роту канонировъ изъ своихъ соотечественниковъ, жившихъ въ Константинополѣ.

Между тѣмъ, Англійская эскадра пользуясь попутнымъ вѣтромъ, на всѣхъ парусахъ подвигалась къ мысу *Св. Стефана*, находящемуся въ двухъ миляхъ къ югу отъ Константинополя; къ несчастію для нее, затихъ вѣтеръ, наступила ночь, теченіе не дозволяло плыть впередъ, бомбардирскіе суда не могли держаться за кораблями и фрегатами; все сіе принудило *Дюкворта* отдать приказаніе стать на якорь и дожидаться утра.

Въ сію то ночь, начали приводиться въ дѣйствіе всѣ вышеозначенные проэкты, представленные Султану въ донесеніи *Жюшеро*.

Арбутнотъ и *Дюкворть* полагали, что одного появленія Англійскаго флота достаточно для убѣжденія Дивана, перемѣнить его политическую систему, и потому заблагоразсудили предпочесть переговоры открытому нападенію, которое подвергало ихъ корабли гибели, по причинѣ теченія и другихъ мѣстныхъ трудностей, и могло на всегда ожесточить Турокъ противъ Великобританіи. Разсужденіе сіе, коему наступившій противный вѣтръ придалъ весьма много вѣсу, заставило *Дюкворта* расположиться за Проти, самымъ большимъ изъ Принцевыхъ острововъ, разстояніемъ въ осми миляхъ отъ Константинополя. Удобство сего якорнаго мѣста было признано Капитаномъ фрегата Endymion, стоявшаго тамъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, предшествовавшаго отъѣзду *Арбутнота*.

Едва Англійскіе корабли остановились на избранномъ имъ рейдѣ, какъ прибылъ къ Константинопольскому Порту Парламентеръ съ письмами отъ *Арбутнота* и *Дюкворта*. Особы сіи, продолжая употреблять языкъ дружбы, убѣждали Порту склониться немедленно въ пользу Англіи и не вынуждать ихъ, продолжительною своею нерѣшительностію, или явнымъ отказомъ, прибѣгнуть къ силѣ и къ жестокимъ средствамъ, противнымъ ихъ чувствамъ.

Чиновники, посланные съ сими депешами, были приведены къ *Али-Эфендію*, Министру

Морскихъ военныхъ силъ. Грубый пріемъ, имъ оказанный, угрожающій видъ Офицеровъ и матросовъ, и нѣсколько нескромныхъ словъ, ими услышанныхъ, заставили ихъ опасаться, что Турки покусятся примѣромъ надъ ними нарушить права народныя. Будучи же позваны въ Сераль для объявленія причинъ своего посольства, Англичане вообразили, что конецъ ихъ жизни приблизился и, вмѣсто того, чтобы придти въ Зеленый Кіоскъ, мѣсто назначенное для переговоровъ, а иногда опредѣляемое для казней, поспѣшили отплыть обратно къ эскадрѣ, не вручивъ находившихся при нихъ писемъ.

Происшествіе сіе произвело въ переговорахъ замедленіе, послужившее весьма много въ пользу военныхъ работъ, подававшихся впередъ съ невѣроятною, безпримѣрною скоростію. Турки, Греки, Армяне, Франки, даже самые Евреи, участвовали въ оныхъ съ рѣдкимъ усердіемъ и дѣятельностію; весь Константинополь пришелъ въ движеніе, и оба берега: Европейскій и Азійскій были покрыты работающими. Бруствера воздвигались съ такою скоростію, что, казалось, не рука человѣческая, а нѣкое волшебство производило ихъ строеніе.

Гавань, защищаемая двумя сильными батареями, устроенными: одна при оконечности Сераля, а другая при Топханѣ (литейномъ домѣ) была еще въ первую ночь прикрыта двойнымъ рядомъ канонирскихъ лодокъ. Семь линейныхъ кораблей, поставленныхъ на шпрингѣ (бордами къ непріятелю) были назначены

защищать входъ въ Константинопольскій каналъ. Суда, наполненныя зажигательными веществами, были собраны при Топханѣ, дабы въ случаѣ надобности, можно ихъ было пустить противъ Англійской эскадры.

Турецкіе Министры, желая ободрить работающихъ, раздѣлили между собою надзоръ за главными батареями и даже помѣстились при оныхъ съ частію своихъ Чиновниковъ. Дѣятельность, поддерживаемая ихъ присутствіемъ, всеобщимъ энтузіазмомъ и умѣстною щедростію, была столь велика, что по истеченіи перваго дня работъ, три ста орудій поставлены на батареи и готовы къ дѣйствію. Число всѣхъ огнестрѣльныхъ орудій, опредѣленныхъ для отпора непріятелю, въ слѣдующіе дни дошло слишкомъ до тысячи двухъ сотъ, именно: 917 пушекъ и 196 мортиръ.

Султанъ *Селимъ*, который, — бывъ увлеченъ полученнымъ имъ воспитаніемъ и ослѣпляемъ совѣтами своихъ Министровъ, показалъ себя слабымъ въ нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствахъ; во время пребыванія Британской эскадры предъ Константинополемъ, — явилъ рѣдкую дѣятельность. Отбросивъ въ сторону всю Султанскую гордость и Царскую пышность, онъ часто, въ сіе время прогуливался пѣшкомъ, держа въ рукахъ аршинъ изъ слоновой кости и сопровождаемый только двумя или тремя Чиновниками Своего двора. Онъ обращался ко всѣмъ съ улыбкою, дѣлалъ разные вопросы Инженерамъ и повѣрялъ самъ измѣренія батарей, желая знать, тщательно ли и

исправно ли оныя были построены. Щедрость сего Государя придавала весьма много цѣны его похваламъ, которыя впрочемъ онъ дѣлалъ съ разборчивостью.

На другой день стоянія Англійской эскадры на якорѣ у острова Проти, *Арбутнотъ* и *Дюкворть* отправили къ Дивану новыя сильнѣйшія предложенія. Всѣ Англійскіе корабли отдали паруса, и казалось, готовились двинуться. Фрегатъ Endymion отошелъ впередъ на четыре мили и старался идти противъ Босфорскаго теченія, но усилія его были тщетны. Увлеченный вѣтромъ и водою, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ находился подъ дѣйствительными выстрѣлами одной Турецкой батареи. Все, казалось, предвѣщало атаку, но Константинополь уже былъ приведенъ въ оборонительное состояніе.

Главныя батареи сего города были отстроены. Входъ въ гавань и въ проливъ защищался перекрестнымъ огнемъ многочисленныхъ батарей, поставленныхъ по берегамъ Европы и Азіи. Направленіе сихъ береговъ; быстрина теченія; скала, на которой воздвигнута Леандрова башня, вооруженная орудіями большаго калибра и снабженная печью для каленія ядеръ; около сотни канонирскихъ лодокъ, эскадра, расположенная при Безикташи и, наконецъ зажигательныя суда или брандеры, содѣлывали чрезвычайно труднымъ и опаснымъ нападеніе на сію часть Константинополя, которая по своей важности, долженствовала обратить на себя главное вниманіе непріятелей.

Константинопольскій Портъ заключаетъ въ себѣ всѣ военныя заведенія Турецкаго Государства. Только при устьѣ Босфора, между Скутари, оконечностію Сераля и Топханою, Англичане могли дѣйствовать въ одно и то же время: по городу, по населеннымъ его предмѣстіямъ и по дворцу Султана. На берегу Мраморнаго моря, древняя стѣна, высокая, твердая и хорошо сохранившаяся, почти со всѣхъ сторонъ предохраняла городъ отъ дѣйствій непріятельскаго огня и была защищена въ слабѣйшихъ своихъ пунктахъ сильными батареями. Бухта, образуемая въ сей части Константинополя берегомъ, давала возможность еще болѣе усилить сію оборонительную линію, на концахъ коей расположены: семибашенный замокъ и Кіоскъ-Иктерлу, принадлежащій къ Сералю.

Если что особенное устрашало жителей Константинополя, то это были бомбардирскіе корабли, находившіеся при Англійской эскадрѣ, ибо какъ извѣстно, въ Столицѣ сей всѣ домы частныхъ людей построены изъ дерева. Но и на сей счетъ были заблаговременно приняты мѣры, и въ прибрежныхъ мѣстахъ города было запасено великое множество пожарныхъ трубъ. Къ трубамъ симъ было опредѣлено значительное число людей, коихъ должность состояла въ томъ, чтобы управлять оными и носить воду. Для прикрытія ихъ были назначены отряды Янычаръ, кои будучи вооружены топорами и ружьями, долженствовали удерживать стремленіе пожара. Опасеніе жителей на счетъ

бомбардирскихъ кораблей, было однако напрасно, ибо оные не иначе могли дѣйствовать во внутренность города, какъ подойдя подъ дѣйствительные выстрѣлы шести сотъ орудій. Кромѣ сего обстоятельства, которое весьма удобно могло истребить вышеозначенные суда, оныя подвергались опасности отъ плотовъ, наполненныхъ разными горючими веществами, коими болѣе двухъ сотъ Мусульманъ добровольно вызвались управлять, охотно жертвуя своею жизнію за вѣру и за отечество. Вообще Турки, показали въ сіе время примѣры великой смѣлости и отваги. Между прочимъ, матросы ихъ садились на утлыя суда и врѣзываясь въ средину Англійской эскадры, перехватывали непріятельскія лодки, переѣзжавшіе съ одного корабля къ другому.

Переговоры между Портою и Великобританскимъ Посланникомъ продолжались нѣсколько дней. Отвѣты Дивана, сначала нерѣшительные и глухіе, по мѣрѣ успѣха въ производствѣ работъ, становились гордѣе и грознѣе. Къ сожалѣнію для Англичанъ болѣзнь, постигшая *Арбутнота*, была причиною, что онъ поручилъ вести переговоры *Дюкворту*. Адмиралъ сей, позволилъ Диванy обмануть себя, ибо оный, назначивъ ему свиданіе, весьма долго колебался въ выборѣ приличнаго для сего мѣста, и успѣлъ продлить сіе до самаго дня отплытія Англійской эскадры. *Дюкворть*, переставшій уже настаивать въ высылкѣ Генерала *Себастіани*, объявилъ весьма умѣренныя требованія: только сдачи ему пятнадцати линейныхъ кораблей!

Во всю бытность Англійской эскадры предъ Константинополемъ, всѣ военныя дѣйствія ограничились одною только стычкою на островѣ Проти. Отрядъ Турокъ, состоявшій не болѣе какъ изъ 60-ти человѣкъ отважился пристать къ сему острову и утвердиться въ Греческомъ монастырѣ, какъ на такомъ мѣстѣ, откуда они могли препятствовать Англичанамъ запасаться дровами и свѣжею водою.

Дюкворть, дотолѣ не обращавшій вниманія на сіе важное мѣсто, высадилъ на берегъ отрядъ своихъ войскъ для прогнанія Турокъ. Атака была самая жаркая, но поведенная безъ правилъ благоразумія, осталась безплодною. Англичане понесли значительную потерю, начальникъ десанта былъ убитъ и Турки остались по прежнему въ занятомъ ими монастырѣ.

Константинополь, усѣянный орудіями, представлялъ видъ самый грозный. Не только всѣ работы, означенныя въ проэктѣ представленномъ *Жюшеро*, были окончаны, но и еще новыя батареи построены. Столица совершенно обезпечена на случай непріятельской атаки. Переговоры между тѣмъ продолжались и Англійскіе корабли стояли спокойно при Принцевыхъ островахъ.

Министры Оттоманской Порты, кои увлекаясь народнымъ рвеніемъ, рѣшились защищать Константинополь, почувствовали въ тоже время необходимость приняться снова за работы, начатыя въ Дарданеллахъ и укрѣпить оныя какъ можно сильнѣе, дабы воспрепятствовать Англійской эскадрѣ получить

подкрѣпленіе и продовольствіе. — Работы сіи были возложены на дѣятельнаго *Измаила-Пашу*, который и отправился туда, взявъ съ собою изъ Константинополя нѣсколько Турецкихъ Инженеровъ и двѣсти Канонировъ. Съ ихъ прибытіемъ, въ Дарданеллахъ все приняло иной видъ. Тысячи работниковъ, призванныхъ изъ окрестныхъ селеній, явили въ это время столько же дѣятельности, сколько прежде показывали неохоты и нерадѣнія, ибо неутомимый *Измаилъ-Паша*, великодушный къ людямъ трудолюбивымъ и ревностнымъ, поступалъ жестоко и даже варварски съ лѣнивыми.

Дюкворть скоро узналъ объ успѣшномъ ходѣ Дарданельскихъ работъ и опасался остаться запертымъ въ Марморномъ морѣ. Пребываніе его предъ Константинополемъ было совершенно безплодно и переговоры, вмѣсто того, чтобы дать дѣламъ лучшій оборотъ, только что увеличивали надменность Турокъ; къ тому же вѣтры были постоянно неблагопріятны эскадрѣ и въ случаѣ, если бы она покусилась на атаку, то испытала бы отъ того величайшія затрудненія и можетъ быть, совершенную гибель. Всѣ сіи причины убѣдили Англійскаго Адмирала прекратить безполезныя требованія и переговоры, кои не могли имѣть инаго слѣдствія, какъ дальнѣйшія непріятности Британскому флоту.

Февраля 18-го, свѣжій вѣтръ, подувшій отъ полудня, казалось, благопріятствовалъ атакѣ. Еще до свѣта Англійскіе корабли были подъ парусами. Начально ихъ повороты заста-

вляли полагать, что они готовились приступить къ исполненію своего намѣренія. Всѣ жители Константинополя пришли въ движеніе. Многочисленныя толпы усѣяли Европейскія и Азійскія батареи. Общее вниманіе было устремлено на угрожающую эскадру, какъ вдругъ она поворотила на другой галсъ, поставила всѣ паруса и приведя себя къ вѣтру, скоро скрылась изъ виду бесчисленнаго народа, который къ радостнымъ своимъ кликамъ, поспѣшилъ присоединить благодаренія Богу и Пророку.

Обратный путь Англійскаго флота, не былъ столь легкимъ, какъ прежній. Хотя ни одна изъ батарей, устроенныхъ по берегамъ Дарданельскаго пролива, за исключеніемъ мыса Пескиса, не были еще приведены къ окончанію, но за то зáмки Келидиль-Багаръ и Султанье-Калесси находились въ улучшенномъ состояніи. Вмѣсто неопытныхъ и неискусныхъ Артиллеристовъ, бывшихъ тамъ при первомъ прорывѣ эскадры, *Измаилъ-Паша* вызвалъ туда хорошихъ канонировъ изъ столицы и нижнія пушки, изъ коихъ иныя бросаютъ ядра въ 6 или 700 фунтовъ вѣсомъ, не были оставлены безъ употребленія.

Надобно замѣтить, что когда Англійская эскадра стояла въ Мраморномъ морѣ, то новый Капитанъ-Паша *Сеидъ-Али*, родомъ Алжирецъ, человѣкъ смѣлый и дѣятельный, извѣстный намъ неоднократными пораженіями, претерпѣнными имъ отъ Адмирала *Сенявина*, покушался-было напасть на непріятельскій флотъ,

и съ великимъ трудомъ былъ удержанъ отъ сего опаснаго предпріятія.

Ночь съ 18-го на 19-е Февраля эскадра провела на якорѣ между мысомъ Пескисъ и мѣстечкомъ Лампсаки. Въ 10 часовъ, она снялась и въ боевомъ порядкѣ отправилась далѣе. Турки, какъ уже сказано, приготовились встрѣтить непріятелей жестокимъ огнемъ и, едва прорывающійся флотъ поравнялся съ мысомъ Пескисъ, какъ батарея на ономъ устроенная открыла свое дѣйствіе. Англичане, благопріятствуемые попутнымъ вѣтромъ и теченіемъ, шли скоро; они слабо отвѣчали на сіи выстрѣлы. Проходъ мимо старыхъ замковъ былъ самый затруднительный и стоилъ эскадрѣ не дешево. Огромныя мраморныя ядра производили въ корабляхъ великія поврежденія. Одно изъ таковыхъ ударило въ корабль Royal George на нѣсколько дюймовъ отъ воды и сдѣлало такую пробоину, что если бы попало не много ниже, то гибель сего корабля была бы неизбѣжна; на кораблѣ Windsor Castle, одно ядро раздробило гротъ-мачту въ верхнемъ декѣ; Pompée на коемъ находился славный *Сиръ-Сидней-Смитъ*, получилъ ударъ въ бархоутъ, и если бы получилъ оный на футъ ниже, то непремѣнно былъ бы потопленъ; на кораблѣ Repulse, ядро, попавшее въ Капитанскую каюту, пробило оба борта на сквозь, убило и ранило болѣе 30 человѣкъ, и сдѣлало столь великое отверстіе, что два юнга могли свободно пролезать въ оное; подобная каменная масса ударила въ корму корабля

Standart и ниспровергая все ему встрѣтившееся, была остановлена въ своемъ полетѣ бизань-мачтою; удары сего ядра о разныя желѣзныя укрѣпленія, находившіяся внутри корабля, произвели множество искръ, кои причинили взрывъ, разрушившій часть верхней палубы и перебившій болѣе 60 человѣкъ. Два фрегата были такъ разбиты, что съ трудомъ могли выдти въ море; но большая часть сихъ огромныхъ ядеръ, была брошена безъ пользы, ибо почти всѣ орудія, ими стрѣлявшія, по своей неподвижности и дурному устроенію, не могли производить скорыхъ, частыхъ и цѣльныхъ выстрѣловъ. Потеря Англичанъ на семъ обратномъ пути состояла изъ 197 человѣкъ убитыми и 412 ранеными.

Кажется, что если бы *Дюкворт*ъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе, уважилъ совѣты подчиненныхъ ему Адмираловъ, особенно храбраго *Сиднея-Смита*, и не далъ бы Туркамъ обмануть себя пустыми переговорами; то смѣлое его предпріятіе было бы совершено, если не съ полнымъ, то вѣроятно съ значительнымъ успѣхомъ; особенно, если бы дождался прибытія Россійскаго флота, плававшаго въ Архипелагѣ подъ начальствомъ *Сенявина* и чрезъ то былъ бы подкрѣпленъ и совѣтами сего Адмирала и его эскадрою. Желаніе пріобрѣсти всю честь прохода чрезъ Дарданеллы единственно себѣ, заставило *Дюкворта* потерять безъ пользы нѣсколько сотъ храбрыхъ людей, время, и что всего важнѣе, уваженіе, какое имѣли Турки къ Англійскому флоту.

Когда *Дюкворть* прибылъ обратно къ Тенедосу, то соединился вскорѣ съ Русскимъ флотомъ, пришедшимъ также къ сему острову. Вице-Адмиралъ *Сенявинъ* предлагалъ: вторично соединенными силами идти къ Константинополю, дабы не давъ Туркамъ времени: ни опомниться послѣ быстраго перехода отъ страха къ радости, ни усилить свою оборону, изумить ихъ внезапностію. Двое сутокъ убѣждалъ онъ *Дюкворта* рѣшиться на сіе предпріятіе; *Сидней-Смитъ* и другіе храбрые Англійскіе Капитаны соглашались съ симъ мнѣніемъ, но Адмиралъ ихъ, объявивъ, что и пятидесяти кораблей будетъ для сего недостаточно, отказался повторить свое покушеніе; 1-го Марта онъ снялся съ якоря и оставилъ Тенедосъ. Капитанъ *Брентонъ*, написавшій Исторію Англійскаго флота послѣдняго пятидесяти-лѣтія, полагаетъ, что причиною сего отказа была народная гордость, *ибо*, говоритъ онъ, *гдѣ уже не было успѣха Британской эскадрѣ, можно ли получить оный флоту иной Державы.* (!!)

Предпріятіе *Дюкворта*, пишетъ *Жюшеро*, всѣми порицаемое по причинѣ его неуспѣха, должно разсматривать съ двухъ сторонъ: если совершая оное, Англичане думали съ десятью линейными кораблями одержать верьхъ надъ городомъ, заключающимъ въ себѣ болѣе миліона жителей и обведеннымъ прочною стѣною, то ихъ намѣреніе можно назвать безразсуднымъ. Если же, что и вѣроятнѣе, цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы воспользоваться малодушіемъ Турецкихъ Министровъ и страхомъ, какой

могли внушить жителямъ Константинополя прорывъ чрезъ Дарданеллы и внезапное появленіе сильнаго флота; то не должно порицать сего средства, ибо, какъ мы видѣли выше, *Дюкворть* былъ близокъ къ достиженію своей цѣли.

Различныя мнѣнія существовали и существуютъ еще теперь, касательно прорыва Англичанъ къ Константинополю. Многіе полагаютъ, что главною ихъ цѣлію было показать Туркамъ, что Дарданеллы ихъ не непроходимы, дабы чрезъ то не допустить Россійскій флотъ до подобнаго покушенія. Тайны Государственныхъ Кабинетовъ сокровенны для людей частныхъ, и потому трудно опредѣлить, справедливо ли таковое мнѣніе, отчасти оправдываемое поведеніемъ *Дюкворта*. Если принять въ соображеніе политическія обстоятельства того времени: то Англичане не могли извлечь изъ такого намѣренія, никакой для себя пользы; напротивъ, оно послужило бы имъ ко вреду, ибо имъ всѣми мѣрами надлежало возвышать въ мнѣніи Порты могущество Россіи. Война сихъ двухъ Державъ, доставляла большую свободу для властолюбія *Наполеона*, несовмѣстнаго ни съ видами, ни съ выгодами Великобританскаго Правительства; затруднить же Русскому флоту проходъ чрезъ Дарданеллы, значило затруднить и себя въ своихъ домогательствахъ.

Отзывъ Адмирала Нельсона объ отрядѣ Росс. флота Капитана Белли, освободившемъ Неаполитанское Королевство отъ Французовъ въ 1799 году.

(Письмо сего Адмирала, къ Статскому Совѣтнику, — въ послѣдствіи Дѣйствительному Тайному, — *А. Я. Италинскому*).

Палерма, 14-го Августа, 1799 года.

Милостивый Государь!

По прибытіи моемъ въ Неаполь, я нашелъ тамъ Капитанъ-Лейтенанта *Белли* съ командою пяти сотъ Россіянъ; онъ доставилъ мнѣ удовольствіе немедленнымъ своимъ пріѣздомъ ко мнѣ и предложеніемъ дѣйствовать согласно съ моимъ мнѣніемъ для пользы общаго дѣла. Мнѣ не льзя было не знать, что сей малый отрядъ, подъ командою достойнѣйшаго Капитанъ-Лейтенанта *Белли*, оказалъ сему краю величайшія услуги, даже и по прибытіи моемъ къ Неаполю, съ 24-го Іюня по 5-е Августа. Я прошу позволенія засвидѣтельствовать о храбрости и отлично-хорошемъ поведеніи, какъ Капитанъ-Лейтенанта *Белли*, такъ Гг. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ, состоявшихъ подъ его командою при осадѣ Сентъ-Эльма и Капуи.

Благопріятное и твердое Капитанъ-Лейтенанта *Белли* содѣйствіе Великобританцамъ, навсегда утвердитъ успѣхи соединенныхъ Державъ въ дѣлахъ самыхъ важнѣйшихъ. Я надѣюсь,

что на мою просьбу будетъ Ваше согласіе, и потому смѣю просить Васъ, Милостивый Государь, представить *Его Императорскому Величеству*, великія достоинства и добронравіе Капитанъ-Лейтенанта *Белли* и прекраснѣйшее поведеніе каждаго Офицера и рядоваго, подъ командою его находящихся. Какъ я ласкаю себя Вашею ко мнѣ дружбою, то и надѣюсь, вы засвидѣтельствуете сами, что не приписываю достоинствъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ; въ семъ же случаѣ, увѣряю Васъ, не льзя было не признать оныхъ. Имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашъ покорный и вѣрный другъ.

Бронтъ Нельсонъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

МАРІЯ.

Русская повѣсть.

Марія въ шестнадцать лѣтъ была умна, прелестна, образована. Чувствительность ея сердца плѣняла всѣхъ; а пылкость взора, свѣжесть лица и стройный станъ, обворожали юношей. Она лишилась родителей еще въ дѣтскомъ возрастѣ; но знатный, добродѣтельный Вельможа заступилъ ихъ мѣсто. Онъ былъ другомъ отца *Маріина*, и умирающій, поручивъ свое сокровище его попеченіямъ, не могъ вѣрнѣе основать счастія любимой дочери. *Марія* нашла въ Опекунѣ своемъ отца нѣжнаго, просвѣщеннаго, а въ милыхъ дочеряхъ его кроткихъ Ангеловъ, служившихъ ей утѣшеніемъ, и примѣромъ ко всему доброму.

Марія на шестнадцатомъ году испытала новое несчастіе: она потеряла меньшую сестру свою, съ которою хотя и была разлучена по смерти ихъ родителя; но частая переписка,

воспоминанія о прошедшемъ, и обѣщаніе Графа *М. . . .* (такъ звали Опекуна *Маріина*) соединить ихъ вмѣстѣ, услаждали сердце ея пріятнѣйшими чувствами. *Марія* была неутѣшна; нѣсколько мѣсяцевъ прошло, и она еще не снимала печальной одежды, не вмѣшивалась въ любимыя игры, не украшала собою домашняго круга Графа. Внезапный пріѣздъ брата, Гусарскаго Ротмистра, заставилъ ее въ первый разъ улыбнуться, въ первый разъ послѣ смерти милой сестры, пролить радостныя слезы. — „Насъ теперь только двое на земли, сказала она, обнимая вѣтренаго *Александра*, который гремя шпорами, опираясь на саблю и поправляя черные усики, любовался болѣе красотою сестры своей, нежели ея чувствительностію. „Милый *Александръ*, говорила *Марія*, мое сердце создано для дружбы и родственныхъ чувствъ; лишась сестры, я однимъ тобою надѣюсь замѣнить эту потерю. Будемъ жить другъ для друга, будемъ дѣлить вмѣстѣ и радость и горе. Не покидай меня, не возвращайся въ свой полкъ; покровитель нашъ, Графъ *М. . .*, доставитъ тебѣ мѣсто въ Столицѣ, и тогда, мы не будемъ разлучаться.“

Александръ искренно любилъ сестру свою; онъ обнялъ ее съ горячностію, но не обѣщалъ исполнить ея желанія. Сердце его было занято. Въ той отдаленной Губерніи, гдѣ находился полкъ его, началось его счастіе, и тамъ оно должно было или разцвѣсть, или на вѣки погибнуть. Ему платили взаимно, но родители еще не были согласны, и *Александръ*, хотя

огорченный ихъ сопротивленіемъ, не могъ рѣшиться пожертвовать въ двадцать лѣтъ блаженствомъ дышать однимъ воздухомъ съ прекрасною *Серафимою*. Онъ пріѣхалъ просить Графа, не о мѣстѣ, а о исходатайствованіи ему руки его любезной.

Его молчаніе оскорбило *Марію*, она залилась слезами: „Ты не хочешь утѣшить меня," робко выговаривала она *Александру*; „я не мила тебѣ, и ты предпочитаешь холодныхъ товарищей нѣжной, родной сестрѣ." *Александръ* не въ силахъ былъ таиться болѣе; онъ раскасалъ *Маріи* о своей привязанности, и хотя невинная душа ея еще не понимала, чтобы чужая могла быть любезнѣе сестры родной, но слезы ея остановились и она съ ласкою примолвила: „А когда женишься, тогда будешь ли жить здѣсь?" — Ангелъ мой, вскричалъ *Александръ*, поцѣловавъ *Марію* въ румяную щеку, это не отъ меня зависитъ; „*Серафима* имѣетъ родителей, она у нихъ одна, и можетъ быть, даже согласясь ввѣрить мнѣ судьбу ея, они потребуютъ, чтобъ мы ихъ не оставляли." — „И такъ, нѣтъ утѣшенія ни въ родствѣ, ни въ дружбѣ, подумала *Марія*.

Александръ увидѣлся съ Графомъ, описалъ ему красавицу, которая занимала всѣ его мысли, говорилъ о счастіи, любви и супружествѣ съ такимъ жаромъ, съ такимъ краснорѣчіемъ, что Графъ, который самъ нѣжно любилъ жену свою, выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него бумагу и перья, и еще молодой человѣкъ не кончилъ, какъ письмо къ родителямъ *Серафимы*

было уже готово. Графъ хвалилъ въ немъ *Александра*, обѣщалъ ему свое покровительство и дружбу, и просилъ для него ихъ благословенія и руки ихъ дочери. Гусаръ бросился на шею къ своему благодѣтелю, въ восхищеніи побѣжалъ къ *Маріи*, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ.

Письмо Графа подѣйствовало. Знаменитый посредникъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что его ходатайствомъ соединены два сердца, и что двое влюбленныхъ уже супругами. *Александръ* описывалъ свое счастіе въ письмѣ къ *Маріи*, увѣрялъ ее въ своей дружбѣ и въ нѣжности къ ней *Серафимы*; но писалъ также, что родители жены его не соглашаются отпустить ихъ въ Столицу. Онъ поручилъ отдать письмо свое другу, ѣхавшему тогда въ Петербургъ, гдѣ цвѣла *Марія*.

Въ одно утро Февраля мѣсяца, *Марія* разыгрывала на звучномъ Ройялѣ одну изъ блистательнѣйшихъ сонатъ славнаго *Дюссека*. Двери въ столовую были затворены, и *Марія*, въ жару игры своей, не замѣчала, что кто-то, повертывая снаружи бронзовую ручку, тщетно старался отворить дверь. Наконецъ, услышавъ шумъ, она встала, отодвинула задвижку, ожидая встрѣтить кого нибудь изъ домашнихъ. Двери распахнулись, забренчали шпоры, и молодый, военный, красивый мужчина вошелъ въ горницу.— *Марія* остолбенѣла.— Внезапность явленія, незнакомый видъ, ловкость и быстрые взоры гостя, изумили

робкую красавицу. Напослѣдокъ, она рѣшилась спросить его, — не Графа ли ему нужно? — Гусаръ стоялъ неподвижно; казалось, что устремивъ свой пылкій взглядъ на *Марію*, онъ разсматривалъ черты знакомыя. „*Александръ Доброславскій* конечно имѣетъ счастіе быть вашимъ братомъ, Сударыня?“ сказалъ онъ наконецъ, съ тою учтивостію, которая отличаетъ молодыхъ людей нашего времени, и съ тѣмъ примѣтнымъ выраженіемъ удовольствія, которое говоритъ несравненно болѣе, нежели слова.

Марія отвѣчала ему, что онъ не ошибается, и въ то же время замѣтила, что на молодомъ незнакомцѣ былъ мундиръ, совершенно одинаковый съ мундиромъ ея брата. Онъ долженъ быть одного полку съ *Александромъ*, подумала она, и вѣрно это тотъ другъ, о которомъ братъ мой говорилъ съ такимъ восхищеніемъ. — Ты будешь любить его, не правда ли, *Марія?* повторялъ братъ ея, когда былъ въ Петербургѣ. *Марія* вспомнила слова его, и покраснѣла. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. „Вотъ письмо отъ молодаго *Доброславскаго*, сказалъ *М—скій* Гусаръ, подавая *Маріи* запечатанный пакетъ. Она развернула письмо и увѣрилась, что догадки ея были справедливы, что съ нею говорилъ *Ѳеодоръ Родогуновъ*, лучшій другъ ея брата. Письмо сіе содержало извѣстіе о женидьбѣ *Александровой*; пламенныя строки вливали какой-то неизвѣстный безпорядокъ въ душу *Маріи*. Ей казалось, что отказъ брата жить въ Столицѣ производилъ въ ней это смущеніе; но тихій взглядъ, нечаянно

брошенный на выразительное лице молодаго человѣка, заставилъ ее подозрѣвать, что его присутствіе было главною причиною ея замѣшательства; ибо, встрѣтивъ невольно его взоры, она затрепетала, и казалось, что огонь, блиставшій въ темныхъ глазахъ его, проникъ всю ея душу.

Они разстались. Молодый *Родогуновъ* желалъ видѣться съ Графомъ, и бывъ принятъ въ его кабинетѣ, отдалъ ему письма отъ *Александра Доброгливскаго* и его супруги. Добродѣтельный старецъ радовался счастію, котораго былъ виновникомъ; онъ распрашивалъ *Ѳеодора* о сынѣ своего покойнаго друга, и отвѣты сего послѣдняго, также какъ и его разсужденія, столько оказывали ума и чувствительности, что Графъ невольно полюбилъ новаго своего знакомца. Онъ пригласилъ молодаго человѣка провождать иногда досугъ свой въ семейственномъ кругѣ его.

Ѳеодоръ сѣлъ въ легкія сани, и полетѣлъ стрѣлой въ Лондонскую Гостинницу. Образъ *Маріи* не выходилъ изъ его памяти. Онъ зналъ черты ея прежде, но никогда не воображалъ ее столь прелестною. ,,Ни одинъ изъ ея портретовъ не можетъ сравниться съ подлинникомъ, твердилъ онъ невольно; *Александръ* имѣетъ много изображеній милой сестры своей, но гдѣ въ нихъ та живость взора, тотъ яркій румянецъ, та улыбка, которыя дѣлаютъ ее небесною? Это удивительно! я видалъ много красавицъ, и ни одна не производила надо мною такого впечатлѣнія. Я не зналъ, что сказать ей; она можетъ почесть меня невѣждою,

необразованнымъ; я потерялъ всѣ чувства, кромѣ зрѣнія. . . . Есть ли, что-нибудь восхитительнѣе этой чистой, райской невинности, которая блистаетъ во всѣхъ чертахъ лица ея?"

Ввечеру, *Ѳеодоръ* не могъ воспротивиться желанію, воспользоваться приглашеніемъ Графа. Всѣ собрались въ гостиную; дѣвицы сидятъ за работою у столика, Графъ читаетъ въ слухъ *Мильтона* своей супругѣ, любительницѣ красотъ пѣвца Эдемскаго. *Марія* играетъ сонату, которую разыгрывала въ то утро; она задумчива: ровно годъ, какъ умерла сестра ея. На канунѣ ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, она сняла черную одежду. Бѣлое кисейное платье замѣнило печальные уборы, локоны вьются по лилейному лбу, темная лента перетягиваетъ станъ, сотворенный для кисти *Апеллесовой*. Рой молодыхъ людей шумитъ въ залѣ; иные вздыхаютъ издали, смотря на милыхъ дочерей Графа, другіе любуются ими въ близи, еще другіе окружили прекрасную ученицу *Фильда*, которая едва замѣчаетъ, что она не одна въ комнатѣ. Послышался еще разъ звукъ колокольчика, извѣщающій бесѣдующихъ о пріѣздѣ новаго гостя. *Ѳеодоръ Родогуновъ* влетаетъ въ гостиную. Его гибкій станъ рисуется подъ сине-яхонтовымъ ментикомъ; весь облитый золотомъ, глаза его сверкаютъ ярче одежды. Онъ ловко кланяется хозяйкѣ, проситъ Графа представить его дочерямъ его, и Графъ съ удовольствіемъ исполняетъ его желаніе. Молодой человѣкъ садится возлѣ сто-

лика, онъ ищетъ глазами *Маріи*. Она уже оставила музыку, и сидитъ въ другомъ углу комнаты; она не смѣетъ приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ бы чувствовала слишкомъ сильное замѣшательство. Наконецъ, *Ѳеодоръ* теряетъ терпѣніе; ни умъ, ни любезность миловидныхъ подругъ *Маріиныхъ*, не могутъ развлечь его. Онъ встаетъ, оправляется, небрежно вьетъ пальцемъ кудрявые усы свои, и съ видомъ разсѣянности приближается къ Графинѣ. Она заводитъ съ нимъ ласковый разговоръ, но онъ едва отвѣчаетъ ей, опять встаетъ, подходитъ ближе къ Ройялю, чтобъ разсмотрѣть музыкальныя тетради, на немъ разбросанныя. Имя *Маріи Доброславской* попадается почти на каждой; — какъ читать имя молодой, прекрасной дѣвушки, и не начать съ нею разговора, когда она сидитъ въ двухъ шагахъ отъ любопытнаго любителя музыки?—*Марія* краснѣетъ, отвѣты ея робки, но основательны; она хвалитъ *Фильда*, которому обязана дарованіемъ, превосходнымъ, по мнѣнію *Ѳеодора*, но предпочитаетъ ему *Дюссека*. Разговоръ продолжается, *Марія* слушаетъ разсказы о братѣ, о его подругѣ, о ихъ взаимномъ благополучіи, и чрезъ нѣсколько минутъ, *Ѳеодоръ* уже сидитъ возлѣ *Маріи*, и пламенный взоръ его пожираетъ ея прелести. Никто въ залѣ не находитъ страннымъ, что молодой дѣвушкѣ пріятно говорить о единственномъ братѣ. — „Кто этотъ счастливецъ, спрашиваютъ иные, который имѣетъ право разговаривать такъ долго съ робкою красавицею, и котораго слушаютъ

съ такимъ вниманіемъ?" — Это другъ ея брата, отвѣчали тѣ, которые знали связь *Родогунова* съ *Доброславскимъ*.

Бьетъ полночь, — гости разъѣхались; *Θеодоръ* еще не вставалъ съ мѣста. Усъ въ покоѣ, шпоры затихли, онъ на саблю лишь опирается локтемъ, чтобъ ловчѣе смотрѣть на *Марію*. Онъ стѣсняетъ дыханіе, чтобъ не проронить слова, взгляда, улыбки. — Наконецъ, надо разстаться; слуги ужь разставляютъ опустѣлые стулья, взглядываютъ на догорѣлыя свѣчи и бренчатъ щипцами. Графъ уже окончилъ чтеніе, Графиня дремлетъ, дочери ихъ ушли въ свои комнаты. *Марія* чувствуетъ, что ей не прилично оставаться одной въ гостиной; она встаетъ, и *Θеодоръ* пробуждается отъ очаровательнаго упоенія. Онъ медленно сходитъ съ лѣстницы, совсѣмъ не такъ, какъ взбѣгалъ на нее, велитъ кучеру ѣхать въ *Лѣтній садъ*, и досадуетъ, что этотъ невѣжа, раскрывъ глаза и ротъ, его не понимаетъ. — „Помилуйте, Сударь, говоритъ извощикъ, да теперь въ лѣтнемъ саду и днемъ однѣ галки гуляютъ, — а ночью! не приведи Богъ, того и смотри, что на каждомъ деревѣ встрѣтишь вѣдьму." — Это удивительно! вскричалъ *Θеодоръ* въ досадѣ, кто тебѣ говоритъ о галкахъ и вѣдьмахъ, вези меня въ Лондонскую Гостинницу, я давно тебѣ это толкую. — „Да вы приказывали ѣхать въ Лѣтній садъ, вить это не Лондонская Гостинница." — Ну, все равно, надобно понимать, что не такъ сказано. — Эй вы! свиснулъ извощикъ, поправивъ на ухо бобровую

шапку, и проворчавъ сквозь зубы: — „да кто же пойметъ, что не такъ сказано.“

Θеодору только и снилась *Марія*. Ему еще слышались звуки ея сладкаго голоса; онъ еще разсматривалъ сіи плѣнительныя черты, которыя уже глубоко были врѣзаны въ его сердцѣ; онъ еще и во снѣ удивлялся уму ея, скромности, сужденіямъ. Утромъ, ему только и думается о *Маріи*, а вечеромъ, онъ опять летитъ въ гостиную Графа.

Но къ чему пространно описывать постепенное знакомство молодыхъ людей, созданныхъ другъ для друга? Не прошло мѣсяца, и уже *Θеодоръ* вырвалъ признаніе дѣвушки. Надо говорить съ Графомъ.

Въ одно утро, когда толпа дѣловыхъ людей оставила кабинетъ должностнаго Вельможи, *Θеодоръ* къ нему входитъ, описываетъ съ жаромъ привязанность свою къ *Маріи*, и проситъ руки ея. Графъ слушаетъ его съ удовольствіемъ; онъ давно назначалъ *Θеодора* женихомъ *Маріи*. — „*Марія* сирота, говоритъ онъ *Родогуновy*, судьба ея въ моей власти, и я нахожу васъ достойнымъ любви ея; но у васъ есть родители, и я долженъ получить ихъ согласіе. — Уже три года, прервалъ *Θеодоръ*, какъ я самъ управляю собой. Отецъ далъ мнѣ волю выбрать по сердцу подругу моей жизни. — Я этому вѣрю, возразилъ Графъ, и вашъ выборъ не дуренъ; но повторяю, что безъ благословенія вашихъ родителей, я не приступлю къ дѣлу.“

Θеодоръ вышелъ печаленъ; въ тотъ же вечеръ писалъ онъ къ отцу и къ матери, и просилъ ихъ согласія.

Прошло три недѣли, въ продолженіи коихъ *Θеодоръ*, и сама *Марія*, терпѣли муку неописанную. Наконецъ, вмѣсто позволенія жениться, *Θеодоръ* получаетъ извѣстіе о смерти отцовой. — Какъ громомъ, эта вѣсть поразила несчастнаго! Должно было сообщить ее *Маріи*, и однѣ слезы были ихъ утѣшеніемъ.

Мать *Θеодорова*, не упоминая въ письмѣ своемъ ни слова о его невѣстѣ, просила убѣдительно къ ней пріѣхать. — Какъ разстаться съ *Маріею*, не имѣя увѣренности обладать ею! Однако воля печальной матери была священна для сына; онъ скрѣпилъ сердце, — уѣхалъ.

„Твоя, или ничья!“ сказала *Марія* рыдая, въ то время какъ молодый *Родогуновъ* осыпалъ ея руки прощальными поцѣлуями.

Приближалась весна; полусонная природа начинала оживляться; семейство Графа собиралось на богатую дачу, гдѣ каждое лѣто, до поздней осени, глотало съ восхищеніемъ пыль и сырой воздухъ. Всѣ были веселы, всѣ заняты; одна *Марія*, блѣдная, унылая, казалось, увядала какъ цвѣтокъ, застигнутый бурею. Ничто не тѣшило, не занимало ее. *Θеодоръ* писалъ изрѣдка къ Графу; его письма были печальны. Онъ увѣдомлялъ своего стараго друга, что мать его будетъ въ Петербургѣ въ ско-

ромъ времени, и тогда, можетъ быть, рѣшится его участь.

Но дни проходили за днями, мѣсяцы текли за другими, а матери *Ѳеодоровой* все еще не было. Наконецъ, въ одинъ осенній вечеръ, когда уже всѣ перебирались съ дачь въ Столицу, красивая карета останавливается у подъѣзда, незнакомая дама подзываетъ Швейцара, и велитъ доложить Графу и Графинѣ *М*. . . , что вдова Генерала *Родогунова* желаетъ видѣться съ ними.

Сильно забилось сердце *Маріи*, яркимъ румянцемъ вспыхнули давно поблекшія щеки, когда посланный явился въ гостиной и объявилъ имя пріѣзжей. Давно-жданная гостья входитъ. *Марія*, не зная сама, что дѣлаетъ, спѣшитъ ей на встрѣчу; дыханіе спирается, колѣна трепещутъ, она едва сохраняетъ чувство: но это мать *Ѳеодорова*, мысль сія даетъ ей жизнь и силу. Она желала бы упасть къ ногамъ той, коей другъ ея обязанъ бытіемъ своимъ, которую она сама жаждетъ назвать матерью; — но строгій взглядъ, суровое лице, разливаютъ дрожь по ея членамъ. *Марія* опускаетъ взоры, сердце не смѣетъ вѣрить горькимъ предчувствіямъ и, печальная, садится въ молчаніи, не подалеку отъ матери *Ѳеодоровой*.

Разговоръ продолжается около часа, однако рѣчь не касается до женидьбы молодаго *Родогунова*. *Марія* страдаетъ въ безмолвіи; она мыслитъ: „Если *Ѳеодоръ* не пересталъ любить меня, мое терпѣніе преодолѣетъ непріязнь его матери. Я помню, онъ говорилъ мнѣ,

когда кончина отца его поразила обоихъ насъ: *Марія*, я лишаюсь многаго, ибо мнѣ теперь сдѣлалось труднѣе принадлежать тебѣ."

Марія знала, по словамъ *Ѳеодора*, что надменный, повелительный нравъ его матери причинялъ ему неоднократныя горести. Онъ имѣлъ друга въ отцѣ, и при жизни его былъ свободенъ. Но потерявъ въ немъ защитника, и по его послѣдней волѣ завися совершенно отъ матери, ему предстояли многія затрудненія.

Марія была не знатна, не богата, и мать *Ѳеодорова* имѣла для него другіе виды. Не менѣе того, она любила сына, и рѣшилась сама узнать его выборъ. За тѣмъ она пріѣхала въ Петербургъ, за тѣмъ познакомилась съ Графомъ. Но природная гордость не позволила ей приласкать *Марію*; она желала внутренно, чтобъ сынъ ея перемѣнилъ чувства, и надѣялась своею холодностію отвлечь отъ него сердце молодой дѣвушки. Однако, любовь пронырливѣе всѣхъ ухищреній родительскихъ; *Ѳеодоръ* и *Марія* угадали ея мысли и рѣшились, терпѣніемъ и покорностію, вымолить ея согласіе.

Вдова Генерала *Родогунова* прожила шесть недѣль въ Петербургѣ, и уже ласковѣе начинала смотрѣть на *Марію*. Надежда, желаніе ей понравиться, снова оживили румянцемъ прелестныя черты юной красавицы. Письма *Ѳеодоровы* умоляли родительницу утвердить его счастіе. Пожилая Причудница начинала уже

колебаться; но, не рѣшивъ дѣла ничѣмъ, выѣхала изъ Петербурга.

Марія впала опять въ прежнюю тоску. Какъ жить безъ надежды? Смерть, или Монастырь, не выходили у нее изъ мысли. — „Безъ *Ѳеодора*, думала она, нѣтъ мнѣ счастія въ жизни; и, если насъ разлучаютъ несправедливые, одна остается мнѣ отрада, — молиться за моего друга до конца дней моихъ.“

Какъ скоро *Ѳеодоръ* узналъ объ отъѣздѣ матери изъ Столицы, онъ спѣшилъ къ ней пріѣхать, оставивъ на время полкъ, гдѣ влачилъ скучную, одинокую жизнь. Она хотѣла повиновенія къ своимъ желаніямъ; но уже не было времени терпѣть болѣе: грозный врагъ придвигалъ къ границѣ Русской свои неисчетныя полчища. *Ѳеодоръ* былъ въ отчаяніи; онъ грозилъ умертвить себя, она знала нравъ его, и—надо было согласиться. Письмо къ Графу было написано, другое къ *Маріи*, въ которыхъ, мать *Ѳеодорова*, смягчая обыкновенную свою сухость, просила ихъ составить счастіе ея сына.

Недолго ждали отвѣта: Графъ съ удовольствіемъ соглашался на бракъ, съ давняго времени имъ желаемый, и сожалѣлъ только, что всеобщая, грозящая опасность препятствовала свадьбѣ исполниться прежде преднамѣреваемаго похода. Радость *Маріи* была исполнена скромности и покорности къ Провидѣнію. Она заключала письмо свое мольбами о сохраненіи *Ѳеодора*, и умоляла его возвратиться

къ ней съ тѣми же чувствами, хотя увѣнчаннаго славою.

— „Нѣтъ! вскричалъ *Ѳеодоръ*, прочитавъ эти письма; они такъ легко отъ меня не отдѣлаются! Я не оставлю роднаго края, не получивъ названія супруга *Маріина*.“

И въ ту же ночь, безъ дальнѣйшаго позволенія, онъ переодѣлся, и поскакалъ въ Петербургъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ ЛУНѢ.

Полусокрытая подъ шканію прозрачной
Воздушныхъ, снѣжныхъ облаковъ,
Стыдлива и томна Ты дѣвою безбрачной
Идешь по небесамъ Богиня мирныхъ сновъ.
Но сердце вѣруетъ въ завѣтное преданье:
Какъ нѣкогда и Ты, любовью воспылавъ,
Въ лучахъ таинственныхъ слетала на свиданье
Къ ловцу прекрасному дубравъ. . .
И часто юноша влюбленной
Въ бесѣдѣ съ милою Тобою озаренъ,
Своей Діанѣ непреклонной
Твердитъ, къ окну ея склоненъ:
„Взгляни! вотъ и Она взошла на небосклонъ
Для нѣги, для любви подъ сѣнью ночи сонной!“

Т.

Одесса.

2.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Глядя на васъ, писать стихи не трудно;
Къ вамъ сами съ устъ, съ пера они летятъ.
Одарены вы взоровъ властью чудной:
И мысль они, и чувство вмигъ родятъ.

Александръ Глѣбовъ.

3.

ЭЛЕГІЯ КЪ Н***

Ахъ, очи, очи голубыя!
За чѣмъ играть моей душой?
За чѣмъ, скажите, дни былые
Вы мнѣ напомнили собой?
За чѣмъ, за чѣмъ безъ раздѣленья
Вы влили въ душу мнѣ любовь?
За чѣмъ уснувшія мученья
Растевелили въ сердцѣ вновь,
И образъ до могилы милой
Вновь оживя передо мной,
Вы, чудотворной вашей силой,
Меня знакомите съ мечтой?
Я забывалъ свои досады,
Мои страданія прошли;
Но ваши пламенные взгляды
Опять любовь во мнѣ зажгли!...
Лазурны очи, не играйте
Моею бѣдною душой,

И безъ участья не смущайте
Вы мой безжизненный покой.

Н. Богаевскій.

Хотмыжскъ.

4.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не спрашивай меня — я нѣмъ —
На счетъ любви моей ревнивой,
Искательной и прихотливой:
Не убѣдишь меня ни чѣмъ
Тебѣ открыться и признаться. . . .
Ужь я закаялся влюбляться! . .
Я золото нашелъ въ огнѣ,
Смѣсь добродѣтели съ порокомъ —
И что жь, пріятель мой? Предъ рокомъ
Любовь запихнула во мнѣ!
Теперь душею я покоенъ,
Какъ послѣ страшной битвы воинъ,
Безъ ранъ оставшійся въ живыхъ;
Ужъ гласъ страстей во мнѣ утихъ;
Веселье въ сердцѣ обитаетъ,
Блеститъ веселіе въ очахъ;
Такъ въ полночь тихую сіяетъ
Звѣзда въ лазурныхъ небесахъ.

П. Кудряшевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

22. *Невскій Альманахъ на 1828 годъ*, изданный *Е. Аладьинымъ.*

23. *Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.*

Сіе Общество учреждено въ 1811 году. Оно, при содѣйствіи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа *А. А. Писарева*, ревностно подвизается на пользу Россійскаго языка и Словесности: кромѣ превосходныхъ пьесъ въ прозѣ и стихахъ, Опытъ Словопроизводнаго Словаря, собраніе Областныхъ словъ, розыскъ склоненій, родовъ, степеней сравненія, спряженій Россійскаго языка дѣлаютъ честь трудолюбію Гг. Членовъ сего Общества, которое можетъ служить примѣромъ другимъ таковымъ же, учрежденнымъ въ разныхъ городахъ Россійской Имперіи.

24. *Средства для спасенія отравленныхъ и мнимо умершихъ, съ прибавленіемъ приличныхъ способовъ узнавать яды, поддѣльныя вина, и различать истинную смерть отъ кажущейся.* Соч. *М. П. Орфилы, Профессора Химіи и Судной Медицыны, Члена многихъ Университетовъ, Академій и другихъ ученыхъ Обществъ. Перевелъ съ Франц. Гавріилъ Медвѣдевъ.* М. 1824.

25. *Славянская картина пятаго вѣка, соч. Княгини Зенеиды Александровны Волконской, пер. съ Франц. Князь Петръ Шаликовъ.* М. 1825.

26. *Краткая Исторія Россійскаго Государства для начинающихъ, изданная, по руководству новѣйшихъ отечественныхъ, Иларіономъ Васильевымъ.* М. 1825.

Всѣ отечественные Журналисты отдали должную справедливость полезному предпріятію *Г. Васильева*, которое онъ весьма хорошо исполнилъ. Въ этой небольшой книжичкѣ не опущено ни одно достопамятное событіе; слогъ чистъ, изложеніе ясно и для дѣтей вразумительно.

27. *Обязанности домашняго общества по разуму исполнителей Слова Божія, древнихъ Христіянъ; соч. Протоіерея Григорія Ивановича Мансвѣтова.* С. П. Б. 1825.

28. *Подражанія и переводы изъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ, А. Мерзлякова.* М. 1825.

29. *Чернецъ, Кіевская повѣсть; соч. Ивана Козлова.* С. П. Б. 1825.

30. *Хозяйственная Ботаника, заключающая въ себѣ описанія и изображенія полезныхъ и вредныхъ для человѣка растѣній, изд. Н. Щеголовымъ.* С. П. Б. 1825, съ пятью раскрашенными таблицами.

Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ съ 100 таблицами изображеній.

31. *Россійско-Румынская Грамматика,* соч. Кол. Совѣтникомъ *Марцеллою.* С. П. Б. 1828.

32. *Апологическія стихотворенія Николая Остолопова.* С. П. Б. 1827.

СМѢСЬ.

Хамелеонистика.

(*Продолженіе седьмое*).

Когда *Ѳ. В. Булгарину* потребно было доказать, что Газета *Русскій Инвалидъ* и Журналъ *Новости Литературы* никуда не годятся: тогда онъ, подкрѣпляя свое худое о трудахъ *Г. Воейкова* мнѣніе выпискою изъ *Révue Encyclopédique*, превозносилъ сей Французскій Журналъ похвалами, называлъ его *отличнѣйшимъ*, а замѣчанія его на иностранныя книги *основательными* и *справедливыми*.

„Въ одномъ изъ *отличнѣйшихъ Европейскихъ* Журналовъ, издаваемомъ въ Парижѣ Обществомъ Ученыхъ мужей всѣхъ странъ и народовъ, въ Майской книжкѣ 1824 года, на стран. 383, помѣщенъ полный разборъ *Русскаго Инвалида* и *Новостей Литературы*, издаваемыхъ *Г. Воейковымъ* въ С. Петербургѣ.

„Совѣтуемъ почтенному Издателю сихъ Журналовъ прочесть *основательныя* и *справедливыя* замѣчанія на счетъ его трудовъ, и если возможно, послѣдовать совѣтамъ благонамѣренной критики.“

Литературные листки 1824, Ч. III, стр. 127.

Когда же, черезъ нѣсколько времени послѣ сего, понадобилось *Ѳаддею Венедиктовичу* унизить, обругать другой Русскій Журналъ —

Мнемозину, о которой Издатели *Rêvue Encyclopédique* отозвались одобрительно: то сей *отличнѣйшій Европейскій* Журналъ, котораго замѣчанія на иностранныя книги еще недавно были *основательны* и *справедливы*, вдругъ . . . однимъ почеркомъ пера, разжалованъ въ *неосновательные*, сужденія его объ иностранныхъ книгахъ сдѣлались до того *ошибочны*, что не говоря уже о содержаніи, самое *заглавіе книгъ* въ немъ *перемѣшано*.

Вы не вѣрите, мои почтенные читатели? Ссылаюсь на выписку:

Въ *Rêvue Encyclopédique* одна только часть разборовъ хороша; а сообщаемыя Издателями *извѣстія объ иностранныхъ книгахъ и литераторахъ таковы, что у насъ не могли бы появиться даже въ Мнемозинѣ: названія странъ, заглавія, содержаніе книгъ — все въ нихъ перемѣшано.*"

Литературные Листки 1824, Ч. IV, стр. 119.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

О военныхъ морскихъ силахъ Турціи.

Французскій Офицеръ *Жюшеро-де-Сен-Дени*, бывшій въ продолженіе послѣдней войны Россіи съ Портою, главнымъ Инспекторомъ Турецкихъ Инженеровъ, въ сочиненной имъ книгѣ: Revolutions de Constantinople, en 1807 et 1808, пишетъ слѣдующее о состояніи въ сію эпоху морскихъ силъ Оттоманской Имперіи.

Въ правленія Султановъ *Османа I* и *Оркана*, Турки не имѣли никакого понятія о флотѣ и оказывали къ морю такое же отвращеніе, какое питаютъ къ нему горные жители и обитатели странъ, лежащихъ во внутренности твердой земли. Хотя при *Орканѣ* они и владѣли уже Никомедійскимъ заливомъ (*) и большею частію восточнаго берега Марморнаго моря, но взирали на Босфоръ и на Дарданеллы, какъ

(*) *Примѣч.* Никомедія, по Турецки Исникмидъ, есть древній и обширный городъ, лежащій въ Анатоліи и населенный 30.000 жителей, состоящихъ изъ Турокъ, Грековъ, Армянъ и Жидовъ.

на непреодолимую преграду; уже въ 1356 году покусились они пройти въ устье Марморнаго моря къ Галлиполи и проникли во Фракію. Предпріятіе смѣлое, рѣшившее участь Греческой Имперіи, и которому Византійскіе Императоры могли бы воспрепятствовать, поставивъ нѣсколько кораблей въ сіи тѣсныя пространства.

Магометъ II-й, овладѣвъ Константинополемъ, устремилъ дѣятельность своего генія на часть морскую; весьма снисходительно обошелся онъ съ Генуэзцами, обитавшими въ предмѣстіи Галатѣ; нашелъ между ими превосходныхъ кормчихъ и множество мореходцевъ; образовалъ довольно сильный флотъ, и употребилъ его для покоренія Архипелажскихъ острововъ и приморскихъ областей Румеліи. Слѣдовавшіе за симъ Государемъ Султаны съ ревностію занялись умноженіемъ и усовершенствованіемъ морскихъ силъ своего Государства, содержали всегда въ готовности многочисленный флотъ, съ пользою употребляли его при завоеваніи важныхъ острововъ Кипра и Родоса, и успѣшно сражались съ морскими силами Венеціанской Республики.

Великій *Солиманъ*, желая увеличить могущество своего флота и пріохотить своихъ подданныхъ къ морской службѣ, далъ Капитану-Пашѣ или Великому Адмиралу первенство предъ прочими трехъ-бунчужными Пашами, и предоставилъ въ пользу флота доходы, собираемые со всѣхъ острововъ Архипелага и нѣкоторыхъ приморскихъ провинцій.

Лепантская битва была пагубна для морскаго могущества Турокъ. Съ сего страшнаго удара, ему нанесеннаго, флотъ Оттомановъ уже лишился своего блеска.

До войны, оконченной Кучукъ-Кайнарджскимъ миромъ, Турецкіе флоты выходили изъ Константинопольской гавани только въ лѣтніе мѣсяцы, для крейсерства на водахъ Сиріи и Архипелага и для очищенія оныхъ отъ морскихъ разбойниковъ, еще и понынѣ имѣющихъ обыкновеніе посѣщать сіи мѣста. Флоты сіи состояли изъ огромныхъ линейныхъ кораблей, называемыхъ каравеллами и изъ фрегатовъ.

Каравеллы, имѣя кормы съ чудовищными ютами, были высоки, коротки, дурно оснащены и не иначе могли выходить въ море, какъ въ благопріятное время года. Капитаны оныхъ бывъ выбираемы изъ прислужниковъ Капитанъ-Паши, или знатныхъ особъ Сераля и Дивана, дѣйствовали не лучше простыхъ пассажировъ, и управленіе всѣми поворотами возлагали на Турецкихъ или Греческихъ штурмановъ. Люди сіи, имѣя въ своемъ распоряженіи однихъ непонятливыхъ матросовъ, неопытныхъ и собранныхъ на скоро со всѣхъ улицъ Константинополя, полагались во всемъ на Христіанскихъ невольниковъ, содержавшихся въ заключеніи, особенно же на матросовъ, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ Малтійскихъ корсеровъ. Артиллерія сихъ кораблей, будучи составлена изъ орудій всякаго калибра и поставлена на лафетахъ съ длинными станинами, часто не позволяла стрѣлять на оба борта.

Когда случалось одной изъ таковыхъ каравеллъ быть атакованною, то смятеніе не замедляло воцаряться между ея разнобродным экипажемъ. Капитанъ, несвѣдущій, но отвѣтствовавшій головою за несохраненіе ввѣреннаго ему корабля, тотчасъ принималъ начальство и своими распоряженіями только довершалъ безпорядокъ. Турецкіе матросы всегда были готовы обвинять въ измѣнѣ своихъ товарищей, исповѣдывавшихъ иную вѣру, и преимущественно несчастныхъ невольниковъ, управлявшихъ движеніями корабля. Угрожающіе ихъ крики смѣшивались съ жалобами Канонировъ, коимъ рѣдко подавали картузы и снаряды, приходившіеся къ орудіямъ. Бѣдный Штурманъ, заглушаемый угрозами Капитана и матросовъ изъ Мусульманъ, дрожа отдавалъ приказанія, посреди устремленныхъ на него кинжаловъ.

При такомъ порядкѣ вещей, каравеллы могли оказывать самое слабое сопротивленіе, когда были сильно атакованы. По сей-то причинѣ Исторія Ордена *Св. Іоанна Іерусалимскаго* представляетъ намъ множество примѣровъ, что сіи огромные корабли бывали взяты Мальтійскими судами, не имѣвшими даже шестой доли ихъ величины и силы.

Когда Русскіе показали изумленнымъ Туркамъ свой флотъ, пришедшій изъ Балтики въ самый Архипелагъ, и когда обстоятельства Чесменскаго боя дали Турецкому Правительству почувствовать недостатки старинныхъ ихъ кораблей и находившихся на нихъ

экипажей; тогда строеніе Каравеллъ было оставлено. Турецкіе корабли получили видъ болѣе сходный съ Европейскими; но ихъ вооруженіе, составъ экипажей и невѣжество Капитановъ не подверглись никакой перемѣнѣ. Безпрерывныя усилія неутомимаго *Гассана-Паши* (*) послужили только къ умноженію числа кораблей и къ усовершенствованію морскихъ матеріаловъ. Хотя Адмиралъ сей учредилъ школу для обученія Офицеровъ и устроилъ обширныя казармы для жительства Галлонджіевъ (матросовъ), но первые по прежнему оставались погруженными въ постыдное невѣжество; а вторые не перестали быть безпокойными, свирѣпыми и чуждыми всякой подчиненности.

Въ правленіе Султана *Селима III-го*, старинный образъ строенія кораблей былъ во все оставленъ. Выборъ *Кучукъ-Гуссейна*, одного изъ любимцевъ сего Государя, въ званіе Капитанъ-Паши было счастливымъ событіемъ для морскихъ силъ Оттоманской Имперіи. Вельможа сей, дѣятельный, неутомимый, смѣлый, строгій, весьма свѣдущій, великодушный и увѣренный въ милостивомъ расположеніи къ нему Султана, рѣшился произвести совершенную перемѣну по ввѣренной ему части и успѣлъ въ этомъ.

(*) *Гассанъ-Паша* родился въ Алжирѣ и происходилъ изъ простыхъ матросовъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе отличною храбростію, оказанною имъ въ Чесменскомъ сраженіи. Послѣ онъ былъ сдѣланъ Капитанъ-Пашею и много лѣтъ занималъ сіе важное мѣсто.

Кучукъ-Гуссейнъ убѣдилъ своего Государя выписать Инженеровъ и кораблестроителей изъ Франціи, старинной союзницы Порты, и изъ Швеціи, которая по усиліямъ сдѣланнымъ ею въ пользу Турціи, заслуживала также сіе названіе. Франція доставила *Гг. Руа, Ле-Брюна* (*) и *Бенуа*. Швеція отправила въ Константинополь многихъ Инженеровъ, изъ коихъ только одинъ *Роде* оказался полезнымъ построеніемъ бассейна и производствомъ разныхъ гидравлическихъ работъ.

Французскіе Инженеры дали Турецкимъ кораблямъ разрѣзъ, мѣру и оснастку, тѣ же, какихъ придерживались въ Тулонѣ. Морскіе магазины были обильно снабжены всѣми нужными потребностями. Множество корабельныхъ верфей приведены въ дѣятельность. Вездѣ господствовалъ величайшій порядокъ. Старинныя заведенія по морской части, находившіяся въ Родосѣ и Синопѣ, поставлены въ такое же состояніе, какъ и въ Константинополѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вышло изъ сихъ трехъ Портовъ около двадцати линейныхъ кораблей, изъ которыхъ многіе были о трехъ декахъ и могли стать наряду съ лучшими кораблями, строенными въ Англіи и во Франціи.

Морское Училище, основанное Барономъ *Тоттомъ* и возстановленное *Гассанъ-Пашею*, по-

---

(*) *Брюнъ-Сен-Катеринъ*, нынѣ Генералъ-Маіоръ Россійской службы и Директоръ кораблестроительнаго Департамента морскаго Министерства.

печеніемъ *Кучукъ-Гуссейна* было приведено въ такое состояніе, что могло приносить пользу. Свѣдущіе учители, управляемые Европейскими Инженерами, имѣли порученіе обучать болѣе двухъ сотъ воспитанниковъ, кои бывъ раздѣлены на два класса, предназначались для доставленія Офицеровъ Турецкому флоту и Инженеровъ по кораблестроительной части. Турецкіе мореходы, ободренные щедрыми наградами *Кучукъ-Гуссейна*, и содержимые въ повиновеніи его неумолимою строгостію, перестали быть страшными жителямъ Константинополя своимъ развратомъ и буйствомъ. Ихъ часто занимали дѣломъ и упражняли въ крейсерствахъ на водахъ Архипелага и Сиріи.

Прекрасные лѣса, осѣняющіе полуденный хребетъ Тавра и многочисленныя его отрасли, были поручены надзору людей свѣдущихъ, кои постановили правила для рубки и сохраненія оныхъ. Богатые мѣдные рудники, находящіеся въ окрестностяхъ Токата и Трапезонта, бывъ поручены благоразумному управленію, значительнымъ образомъ умножили общественные доходы и доставили въ изобиліи весь металлъ, потребный для обшивки казенныхъ кораблей.

Всѣ сіи улучшенія, сдѣланныя въ короткое время, и доведшія морскую силу Турціи до такой степени, что оная стала почти на ряду съ флотами Европейскихъ Державъ, показываютъ, что можетъ произвесть великой геній въ сихъ странахъ, столь богатыхъ и столь благопріятствуемыхъ природою. Смерть *Ку-*

чукъ-Гуссейна, особенно же низложеніе *Селима III-го*, ввергли Турецкій флотъ въ первобытное его состояніе слабости и безсилія. Строительные матеріалы сдѣлались рѣдки; учебныя заведенія были заброшены; матросы или Галлонджіи обратились къ прежнему своему разврату; оказался недостатокъ въ деньгахъ и новыя постройки не могли замѣнить потерь, скоро произведенныхъ рукою времени, между сими, подверженными истребленію и слабыми зданіями. Можно полагать, со всѣмъ вѣроятіемъ, что въ скоромъ времени, морская сила Турокъ будетъ уменьшена до нѣсколькихъ посредственныхъ фрегатовъ и малаго числа линейныхъ кораблей, неспособныхъ къ отправленію службы.

Превосходная Константинопольская гавань спокойна во всякое время; болѣе пятидесяти линейныхъ кораблей могутъ безопасно помѣститься въ Босфорскомъ проливѣ, который простираясь въ длину на семь миль, а въ ширину, принявъ среднее число отъ 500 на 600 тоазовъ, представляетъ вездѣ удобное мѣсто для стоянія на якорѣ. За тѣмъ, Марморное море есть обширный и великолѣпный бассейнъ, коего поверхность простирается почти на 400 квадратныхъ миль, гдѣ вновь построенные корабли могутъ маневрировать и стоять на якорѣ, и гдѣ можно заниматься ученіемъ и образованіемъ ихъ экипажей, не опасаясь, чтобы все сіе было прервано сильнѣйшимъ и опытнѣйшимъ непріятелемъ. Переходя потомъ

къ Дарданельскому проливу, столь удобному для обороны, и на который должно смотрѣть какъ на гавань безопасную, на всемъ его пространствѣ длиною около 20 миль: и приведя все сіе въ соображеніе, должно согласиться что Порта, имѣя въ одно и то же время въ своемъ распоряженіи и великое народонаселеніе и безчисленныя средства къ доставленію потребныхъ матеріаловъ для флота, могла бы содѣлаться легко и въ короткое время одною изъ первѣйшихъ морскихъ Державъ Европы.

Примѣчаніе: Въ семъ послѣднемъ мы несогласны съ мнѣніемъ *Г. Жюшеро*: ибо не богатство кораблестроительныхъ матеріаловъ и не многочисленность морскихъ служителей, но хорошее построеніе кораблей, искуство Офицеровъ и опытность матросовъ суть вѣрные средства къ усовершенствованію флота. Возстаніе же Грековъ лишило Порту лучшихъ ея мореходцевъ и, потому, условное предположеніе *Жюшеро*, при настоящемъ ходѣ Турецкихъ дѣлъ, и при слабомъ состояніи дряхлѣющей Оттоманской Имперіи, едва ли можетъ исполниться. Осмилѣтняя, нерѣшительная война Турціи съ Греками, ознаменованная весьма частыми и постыдными пораженіями ея флотовъ, и еще недавняя Наваринская битва, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что пока Русскій флагъ будетъ развѣваться съ свойственною ему честію на водахъ Средиземнаго и Чернаго моря, никогда Оттоманскій

флотъ недостигнетъ той степени совершенства, на какую бы могъ онъ взойти при иныхъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ.

Переправа чрезъ рѣку Адду при Лоди въ 1796 году (*).

Австрійская Армія, подъ начальствомъ Генерала *Болье* (Beaulier), по отступленіи отъ рѣки По, и послѣ потеряннаго сраженія при Фомбіо, перейдя на лѣвый берегъ Адеры, укрѣпилась по теченію сей рѣки, начиная отъ большой дороги, идущей чрезъ Лоди, до впаденія рѣки Адеры въ По. *Бонапарте*, командовавшій тогда Французскою Арміею въ Италіи, принялъ намѣреніе атаковать непріятеля въ укрѣпленныхъ его позиціяхъ; но Генералъ *Болье*, не ожидая атаки, отступилъ до Кремы, оставя Генерала *Себботендорфа* съ десятью баталіонами для обороны моста при Лоди. Три пункта: Пиччигетоне, Кассано и Лоди, казались удобными для переправы Французовъ

(*) Отрывокъ изъ большаго военнаго творенія одного знаменитаго Русскаго Генерала, который самъ занимался образованіемъ молодыхъ Офицеровъ въ учебномъ заведеніи, при ввѣренномъ ему корпусѣ войскъ. Онъ равно извѣстенъ блистательными бранными подвигами, строгою дисциплиною и благоволеніемъ къ своимъ подчиненнымъ. *В.*

чрезъ Адду; но, по недостатку судовъ и не имѣнію понтоновъ, не льзя было думать о переправѣ при Пиччигетонѣ; въ Кассано, хотя и былъ готовый мостъ чрезъ Адду, но для сего надобно было сдѣлать два перехода; слѣдовательно, *Болье* пользуясь симъ временемъ, могъ бы разломавъ его, отступить къ Бресчію. И такъ, надлежало рѣшиться на переправу при Лоди, не смотря на то, что пунктъ сей укрѣпленъ гораздо болѣе прочихъ (*).

Мостъ сей, содѣлавшійся знаменитымъ отважнымъ предпріятіемъ Французскаго Полководца, имѣлъ 100 саженъ длины. Австрійскій Генералъ *Себботендорфъ* съ 10-ю т., и болѣе, нежели 30-ю орудіями, находился на лѣвомъ берегу Адды, одинъ баталіонъ его пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ занимали Лоди.

Дивизіи Генераловъ: *Ожеро* и *Массены* атаковали Лоди и вытѣснили Австрійцевъ, между тѣмъ, какъ другія войска сближились къ мѣсту сраженія. *Бонапарте*, осмотрѣвъ мостъ и позицію непріятеля на противулежащей сторонѣ, приказалъ устроить батареи противъ непріятельской Артиллеріи, дабы тѣмъ отвлечь нѣсколько дѣйствіе ея противъ мо-

---

(*) Обыкновенный Генералъ въ семъ случаѣ нашелъ бы конечно переправу при Лоди невозможною, не расчитывая того, какое вліяніе имѣть можетъ успѣхъ таковаго предпріятія на послѣдствія кампаніи.

Слабое сопротивленіе Австрійцевъ на рѣкѣ Минчіо, сдача Пескіеры и проч., суть плоды отважнаго предпріятія при Лоди.

ста. Генералу *Массенѣ* поручено соединить всѣ Гренадерскіе баталіоны его дивизіи (*) въ густую колонну и переходить чрезъ мостъ; остальная часть дивизіи *Массены* и Генерала *Ожеро* должны были поддерживать сію атаку. Колонна двинулась на мостъ; но дѣйствіе картечь изъ 30 орудій остановило первое стремленіе оной (**); еще минута нерѣшимости и все потеряно. Французскіе Генералы *Массена*, *Бертье*, *Червони*, *д'Алеманъ* и *Ланнъ*, чувствуя опасность отъ неудачи перваго покушенія (***),

---

(*) Вотъ истинная обязанность Гренадеръ: въ подобныхъ случаяхъ должны они быть примѣромъ другимъ войскамъ.

(**) При защищеніи дифилей, дѣйствіе ядеръ гораздо убійственнѣе картечь (я говорю о такихъ дифилеяхъ, кои обороняемы быть могутъ горизонтальными выстрѣлами) потому, что выстрѣлы ядрами дѣйствуютъ гораздо болѣе въ глубину колонны, между тѣмъ, какъ картечные останавливаются на первыхъ рядахъ.

(***) Первая неудачная атака, содѣлала бы послѣдующія гораздо кровопролитнѣйшими, а можетъ быть и вовсе безуспѣшными. — Какую бы напротивъ того Австрійцы имѣли поверхность, если бы Генералъ *Болье*, находившійся только въ 4-хъ миляхъ отъ Лоди, вмѣсто ретирады за Минчіо, при первомъ извѣстіи о предпріятіи Французовъ, направилъ всѣ свои силы для соединенія съ Генераломъ *Себботендорфомъ*, отступившимъ къ Бельзонѣ и въ сей, невыгодной для *Бонапарте* позиціи, принудилъ его принять сраженіе, имѣя въ тылу такую рѣку, какова Адда, и никакой другой коммуникаціи съ противолежащимъ берегомъ — кромѣ одного узкаго

бросились впередъ. Гренадеры, послѣдуя примѣру ихъ и внемля гласу чести своихъ начальниковъ, въ одно мгновеніе перебѣжали мостъ. Сею отважною атакою, первая линія Австрійцевъ была совершенно опрокинута, Генералы *Ожеро*, *Руска* и *Баярдъ* слѣдуютъ за дивизіею *Массены* и довершаютъ побѣду.

Еслибъ Французская Кавалерія переправилась въ слѣдъ за пѣхотою при Лоди, тогда весь корпусъ Генерала *Себботендорфа*, подвергся бы совершенному истребленію, но *Боналарте* не предполагая, чтобы отважное сіе предпріятіе совершилось съ такою необычайною скоростію, отрядилъ всю свою Кавалерію подъ начальствомъ Генерала *Бомона* къ Моччаникѣ, гдѣ должна была она переправиться чрезъ Адду въ бродъ и атаковать непріятеля во флангъ. По неудобности брода, *Бомонъ* переправился гораздо позже, нежели расчитывалъ *Боналарте*, и потому Генералъ *Себботендорфъ* отступилъ въ теченіи дня до Бельзоны, и съ наступленіемъ ночи ретировался къ Кремѣ.

и длиннаго моста при Лодѣ. Но видно, что предшествовавшіе ему успѣхи Французскаго оружія, сдѣлали сильное впечатлѣніе на Генерала *Болье*, который не мыслилъ уже болѣе о наступательныхъ дѣйствіяхъ, но положилъ рѣшительно, отступить изъ одной крѣпкой позиціи въ другую, не находя нигдѣ достаточной преграды, могущей остановить стремленіе непріятеля.

Потеря Австрійцевъ состояла въ 20 орудіяхъ и отъ двухъ, до трехъ тысячь убитыми, ранеными и плѣнными. Уронъ же Французовъ простирался не свыше тысячи человѣкъ (*).

(*) Вотъ еще примѣръ, гдѣ отступившіе, не смотря на всѣ выгоды занимаемой ими позиціи, потеряли гораздо болѣе тѣхъ, кои рѣшились на самое дерзкое и, даже на отчаянное, предпріятіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

МАРІЯ.

Русская повѣсть.

(*Окончаніе*).

Все семейство собралось въ гостиную; *Марія* разливаетъ чай. Вдругъ отворяются двери, входитъ мужчина во фракѣ, никто не узнаетъ его. Одно сердце *Маріи* угадываетъ истину!—Серебряный чайникъ выпадаетъ изъ руки ея, блѣдная, какъ полотно, она вскрикиваетъ: *Ѳеодоръ!*—И *Ѳеодоръ* уже у ногъ ея, уже лобызаетъ ея руки.

Но недолго продолжалось упоеніе влюбленныхъ. Графъ М. . . пробуждаетъ молодаго *Родогунова*. . . . .

„За чѣмъ ты здѣсь, *Ѳеодоръ?* сказалъ Графъ, когда уже въ предѣлахъ Отечества гремитъ гроза кровавой брани. За чѣмъ ты не въ мундирѣ, не предувѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ? Торопливъ, смущенъ; что все это значитъ?“ . . .

— Это значитъ, Графъ, вскричалъ *Родогуновъ*, что я не могу жить безъ *Маріи*; я столько времени ждалъ позволенія родительницы, и теперь, когда она соглашается видѣть меня счастливымъ, вы, мой первый другъ и благодѣтель, вы противитесь моему блаженству. Даже, сама *Марія!* . . . Я чуть не помѣшался въ умѣ прочитавъ ваши письма, въ которыхъ вы такъ хладнокровно уговариваете меня ожидать съ терпѣніемъ окончанія войны, чтобъ сдѣлаться ея мужемъ. Но кто мнѣ поручится, что я не буду убитъ прежде сего окончанія? Кто меня увѣритъ, что подъ градомъ пуль и ядеръ голова моя уцѣлѣетъ? — Нѣтъ, Графъ, вы не захотите уморить меня прежде времени; вы согрѣете грудь мою новымъ жаромъ для пораженія враговъ Отечества: ибо, сдѣлавшись супругомъ *Маріи*, я чувствую . . . да, я увѣренъ, что сдѣлаюсь непобѣдимымъ. —

Вся эта рѣчь, произнесенная со всею пылкостію любви и юности, была выговорена менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты. *Марія* стояла потупивъ взоры, не смѣя дохнуть; и, между тѣмъ, какъ въ тайнѣ, сердце ея соглашалось съ *Ѳеодоромъ*, она ожидала въ молчаніи рѣшенія Графа.

Сей послѣдній хотѣлъ дѣлать представленія, требовалъ отъ молодаго человѣка покорности къ обстоятельствамъ; но Графъ былъ добръ, чувствителенъ, — *Ѳеодоръ* влюбленъ безъ памяти; и съ тѣмъ могуществомъ, съ коимъ сильныя страсти управляютъ сердцами другихъ, онъ

черезъ нѣсколько минутъ убѣдилъ Графа согласиться на его желаніе.

Молодый *Родогуновъ* оставилъ полкъ безъ позволенія; ему не льзя было медлить въ Столицѣ; и такъ, на другое же утро, *Марію* нарядили въ бѣлое тюлевое, подвѣнечное платье, и въ присутствіи всего семейства, которое съ малыхъ лѣтъ она привыкла почитать своимъ собственнымъ, благочестивый Священникъ, въ домовой Церкви Графа, соединилъ ее неразрывными узами съ милымъ ея сердцу. Сіе торжественное благословеніе было запечатлѣно нѣжнымъ, родительскимъ благословеніемъ Графа и его супруги, и сердечными, радостными поздравленіями милыхъ дочерей ихъ.

Праздновать свадьбы было нѣкогда; семейственный обѣдъ и покалъ Шампанскаго за здоровье новобрачныхъ, были единственнымъ пиршествомъ для счастливыхъ. Наскоро уложили по чемоданамъ пожитки *Маріи*, и къ вечеру, распрощавшись съ благодѣтелемъ своимъ и съ добрыми подругами, *Марія* кинулась на шею къ *Ѳеодору*, который снесъ ее почти на рукахъ, всю въ слезахъ, къ дорожной коляскѣ, гдѣ свѣжій воздухъ и быстрый переѣздъ до заставы, нѣсколько освѣжили ея разстроенныя чувства.

Вихремъ промчалась коляска до Софіи; на разсвѣтѣ, *Родогуновъ*, съ молодою женою, были уже далеко отъ Столицы. *Марія* еще вздыхала, слезы навертывались на прелестныхъ глазахъ ея; но другъ ея осушалъ ихъ жаркими поцѣлуями, онъ былъ внѣ себя отъ радости, онъ такъ горячо любилъ ее, съ такимъ жа-

ромъ говорилъ о своемъ счастіи, что *Марія* не могла долго печалиться. Прислонясь головою къ плечу супруга, рукою сжимая его пламенную руку, она забывала все на свѣтѣ; она была счастлива, какъ дочь въ объятіяхъ матери. Время непримѣтно проходило въ дружескихъ разговорахъ; воспоминанія о прошедшемъ, надежда на будущее, услаждали разговоры ихъ, занимали ихъ мысли, и часы катились быстро, очень быстро одни за другими.

Чрезъ три дни, наши молодые путешественники пріѣхали въ Слонимъ, гдѣ стоялъ полкъ *Родогцнова*. Полка уже не было, онъ двинулся на границу. Пріѣхавъ на свою квартиру, *Ѳеодоръ* нашелъ въ ней стараго слугу, который подалъ ему письмо отъ *Александра Доброславскаго*, брата *Маріина*. Предъ отъѣздомъ въ Петербургъ, *Ѳеодоръ* открылъ другу свое намѣреніе, и поручилъ ему описать его положеніе и страданія Полковнику ихъ, котораго умолялъ, чрезъ *Доброславскаго*, простить ему кратковременный побѣгъ его. Теперь, *Александръ* увѣдомлялъ его въ письмѣ своемъ, что добрый Полковникъ далъ слово не взыскивать за его вѣтренность (такъ онъ называлъ поѣздку его въ Петербургъ), и только велѣлъ сказать ему, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе спѣшилъ въ полкъ, которому назначено было остановиться въ Бѣлостокѣ.

„Все будетъ ладно, сказалъ *Ѳеодоръ*, лишь бы не выдавалъ меня Полковникъ; а разить враговъ Отечества ни одинъ Русскій не отстанетъ. Завтра же въ погоню за полкомъ...

Но *Марія!* ей не льзя ѣхать со мною; тяжело, а надо разстаться;—да это не на долго: она проведетъ время моего отсутствія съ *Серафимою*, которая также не поѣхала съ *Александромъ*, и вмѣстѣ, онѣ поплачутъ и посмѣются.“

На другое утро, надо было объявить *Маріи* необходимость разлуки. . . . Какъ кроткое дитя, она всегда безмолвно покорялась обстоятельствамъ. Въ тотъ же день имъ должно было разстаться, и *Марія*, залившись слезами, почти безъ дыханія, проводила своего друга до той же самой коляски, которая была первымъ свидѣтелемъ ея счастія.

Дружбы и нѣжныя ласки добродушной жены *Александровой*, смягчили нѣсколько ея горесть. Она оставила домъ, которой для нее опустѣлъ, унылъ безъ *Ѳеодора*, и принятая, какъ дочь, родителями *Серафимы*, она въ ихъ семействѣ нашла нѣкоторое облегченіе грусти, тяготившей ея сердце.

Между тѣмъ, громъ брани становился ближе и ближе. Вся Европа ополчилась противъ Россіи, вся Европа перешла уже священную границу, двѣсти лѣтъ неприступную для враговъ Отечества. Сердце Русское раздиралось отъ горести, но не унывало. — *За Царя и за Русь*, говорилъ Полководецъ,— *за Царя и за святую Русь*, повторялъ послѣдній солдатъ въ арміи.

Уже Вильна и Бѣлостокъ достались во власть непріятелямъ; жители ближайшихъ городовъ и селеній оставляли свои домы, и спѣшили во внутренность Государства; одна-

ко, только жители Русскіе: ибо, ослѣпленные высокопарными прокламаціями *Наполеона*, Поляки не трогались съ мѣста, и ожидали Французскихъ воиновъ, какъ друзей и возстановителей.

Въ одно утро, *Марія* пробуждается стукомъ, проходящей мимо ея окошекъ легкой конницы. Она съ любопытствомъ встаетъ съ постели, накидываетъ утреннее платье, и подходитъ къ окну, заставленному снутри первыми весенними цвѣтами. Синіе ментики мелькаютъ предъ ея глазами, сердце ея сильно забилось.... Вдругъ шумъ въ ближней комнатѣ, и *Марія* въ объятіяхъ *Ѳеодора!*—„Ангелъ мой! радость твоя продолжится не долго, вскричалъ разстроенный супругъ;—мы отступаемъ, Французы идутъ въ слѣдъ за нами; вамъ едва остается нѣсколько часовъ, чтобъ выѣхать отсюда; я самъ спѣшу къ эскадрону, и завернулъ сюда только съ тѣмъ, чтобъ обнять и утѣшить тебя.“

—Погоди минуту, дай натлядѣться!—Но... чтожь я не вижу *Александра?* что не спѣшитъ онъ къ женѣ, къ сестрѣ, какъ ты, милый другъ.“

Ѳеодоръ поблѣднѣлъ. . . . слезы навернулись на сверкающихъ глазахъ. . . . несчастная *Марія* угадала роковую истину!—Съ крикомъ кинулась она предъ Икону, и стала молить небо о душѣ *Александровой*, о подкрѣпленіи молодой вдовы его.—„Онъ убитъ подъ Ошмянами, выговорилъ *Ѳеодоръ* глухимъ голосомъ, скрѣпивъ сердце;—онъ изъ первыхъ пролилъ кровь свою въ дань Отечеству. Дѣло было не важное, но

Александру суждено было положить тамъ свою голову. Умирающій сжалъ мою руку; имена *Серафимы* и *Маріи* были послѣдними его словами. Наши солдаты погребли его особо, подъ курганомъ,—и, если души усопшихъ носятся иногда надъ могилами, нашъ другъ будетъ доволенъ мѣстомъ, выбраннымъ для сокрытія бренныхъ остатковъ его. Живописные берега прозрачной Яселды, осѣненные душистымъ кустарникомъ, омываютъ крутый холмъ, гдѣ положенъ молодый любитель Природы. Нога человѣческая рѣдко топтала мягкій дернъ, покрывающій скаты его. Деревянный крестъ въ головахъ, кругомъ рѣшетка изъ прутьевъ; вотъ единственные знаки, по которымъ прохожій узнаетъ, что тутъ лежитъ одинъ изъ Героевъ Русскихъ, отдавшихъ отчизнѣ начатки жизни, созданной для презрѣнія трудовъ и опасностей."

Марія слушала въ нѣмомъ изступленіи; но упованіе на Промыслъ твердо охраняло ея сердце отъ ропота.—„Бѣдная *Серафима!* наконецъ выговорила она рыдая. Увы! можетъ быть, и меня ждетъ та же участь. . . .„Слова замирали на устахъ ея; она глядѣла, какъ безумная, на мужа, который съ нѣжностію прижималъ ее къ сильно біющемуся сердцу.—„Скажи *Серафимѣ*, что я не могъ видѣть ее, что я не хотѣлъ прерывать сна ея ужасною вѣстью."— Сказалъ, и вырвавшись изъ объятій *Маріи*, вскочилъ на коня и полетѣлъ въ слѣдъ за товарищами.

Не станемъ описывать картинъ плачевныхъ, онѣ слишкомъ часто встрѣчаются съ нами на пути жизни. Легко угадать горесть, отчаяніе *Серафимы*.—„Я одна въ свѣтѣ! восклицала она; *Александръ* не оставилъ мнѣ даже надежды быть матерью; на что жизнь? гдѣ ея радости? тамъ, тамъ, на берегу Яселды, погребено все мое счастіе. Я жила для него и умру съ нимъ.“ — Ни мольбы родителей, ни слезы *Маріи* не могли перемѣнить ея намѣренія; она постриглась въ Монастырѣ, близь того мѣста, гдѣ прозрачныя воды Яселды омываютъ крутый холмъ; гдѣ деревянный крестъ и простая рѣшетка изъ прутьевъ указываютъ могилу убитаго воина.

Марія, между тѣмъ, уже выѣхала изъ Слонима. Она думала застать въ Москвѣ мать своего друга, думала исполненіемъ дочернихъ обязанностей, заглушить тоску сердечную. Но матери *Ѳеодоровой* тамъ уже не было. Жители Первопрестольнаго града, предвидя грозу издали, удалялись за Волгу, на Югъ, иные къ Уралу: и хотя врагъ былъ еще за Смоленскомъ, но обширная Москва уже пустѣла, и только народъ толпился въ храмахъ и на улицахъ. Высшія сословія (впрочемъ, почти все состоявшія изъ дѣтей, дряхлыхъ стариковъ и старыхъ барынь) не считали нужнымъ дожидаться послѣдней минуты; и дороги къ Костромѣ, Рязани и Владиміру, были загромощены каретами и обозами.

Марія никого не знала въ Москвѣ, не къ кому было пріютиться. Она слыхала, что

близъ Костромы въ деревнѣ, жила престарѣлая бабушка *Θеодорова*, мать отца его, которая нѣжно любила своего внука, и даже на рукахъ коей онъ росъ до отроческихъ лѣтъ. Къ ней рѣшилась ѣхать *Марія*. — Не трудно вообразить себѣ, какъ ласково была она принята. Старушка не сводила глазъ съ нее, называла ее не иначе какъ своимъ Ангеломъ, и каждый день благодарила Бога, что Онъ послалъ ея дорогому, балованному *Θеодору*, такую кроткую подругу, что соединилъ его съ такою доброю Христіанкою, и что ей самой подъ старость, доставилъ утѣшеніе въ одиночествѣ. *Марія* угождала бабушкѣ со всевозможною дѣтскою покорностію; по вечерамъ, читала Библію въ слухъ до поздней ночи, разливала чай, прибирала ключи, кормила собачку и попугая, и *бабушка* не могла нахвалиться услужливостію доброй *Машеньки*.

Ничто не тревожило ихъ скромнаго уединенія. *Марія* писала часто къ дочерямъ Графа М. . ., и ихъ отвѣты служили ей сладкимъ утѣшеніемъ въ печали; она еще чаще отправляла на удачу письма свои въ М-скій полкъ, иногда по почтѣ, иногда съ проѣзжими Офицерами; но почта не доходила, Офицеры не всегда попадали въ главную квартиру, и нѣсколько мѣсяцевъ прошло, а *Марія* не получала ни строчки. Сердце ныло отъ грусти, подушка всякую ночь омывалась слезами, и *бабушка* стала замѣчать, что *Машенька* примѣтно худѣетъ.

— „Другъ мой, говорила она *Марїи*, Богъ награждаетъ теплое усердіе. Въ двѣнадцати верстахъ отъ нашей деревни есть Монастырь, гдѣ поклоняются чудотворной Иконѣ Божіей Матери. Возьми съ собою старушку *Федотьевну* и буфетчика *Макара*, и ступай пѣшкомъ въ святую Обитель; отслужи тамъ молебенъ, помяни родителей,—кто знаетъ, что Господь пошлетъ тебѣ.“

Внучка послушалась. На другой день ранехонько, она отправляется въ путь. Сафьянный мѣшечикъ полонъ усердныхъ даровъ двухъ затворницъ, въ карманахъ *Федотьевны* бренчатъ мѣдныя деньги на свѣчи и для нищихъ.— Приходятъ, молятся; протяжное пѣніе Монаховъ раздается подъ сводами старинной Церкви. Молебенъ кончился, *Марїя* приложилась къ св. Иконѣ, опустила въ кружку нѣсколько денегъ, одарила Священнослужителей и келейниковъ, раздала деньги нищимъ, вручила отцу казначею приношеніе бабушки на потребности обители и вышла изъ Церкви. День былъ осенній, она устала отъ дороги, и Монастырскій Строитель пригласилъ ее успокоиться въ гостинницѣ. *Марїя* замѣтила необыкновенное движеніе по кельямъ; она захотѣла узнать причину онаго, и къ удовольствію своему открыла, что благочестивые Монахи, не желая оставаться праздными, въ то время, какъ Отечество погружено было въ горести выпросили позволеніе принимать въ своихъ кельяхъ раненыхъ воиновъ, коихъ, съ поля битвы,

развозили по разнымъ городамъ, находящимся за *Москвою*.

Уже храбрые Россіяне оросили своею кровію стѣны Смоленска, уже многіе легли на поляхъ Бородинскихъ; врагъ овладѣлъ уже Москвою: вездѣ царствовали грусть и уныніе. Нѣкоторые знатные, богатые дворяне, коихъ помѣстья находились въ сосѣдственныхъ Губерніяхъ около древней Столицы, устроивали Гошпитали въ домахъ своихъ, гдѣ изувѣченные и больные находили пріютъ и усердныя попеченія. Общія страданія, большія несчастія сближаютъ людей; когда всѣ вмѣстѣ горюютъ, или страшатся чего-нибудь, тогда великія узы человѣчества снова обрѣтаютъ потерянныя права свои. Богачь перестаетъ на время почитать золото единственнымъ своимъ кумиромъ; надмѣнный Баринъ начинаетъ думать, что ему не унизительно простирать руку нищему собрату; купецъ боится обмѣривать и обсчитывать, Священникъ съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ воздѣваетъ руки къ алтарю. Въ ту бѣдственную годину, когда Россія стонала подъ тяжестію громадъ *Наполеоновыхъ*, всѣ сыны ея сдѣлались братьями; всѣ спѣшили другъ другу на помощь; многіе дѣлились всѣмъ, что имѣли съ страждущими, какъ будто съ родными, и не жалѣли ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ облегчать страданія раненыхъ и горесть разоренныхъ.

Въ особенности, видъ изувѣченнаго воина сдѣлался тогда самымъ почтеннымъ, самымъ трогательнымъ зрѣлищемъ. Многія свѣтскія

красавицы считали за честь перевязывать раны простыхъ солдатъ; многія невѣсты отказывали женихамъ, если они не потеряли руки, или ноги подъ Бородинымъ или Полоцкомъ; многіе Журналисты (*) издавали въ свѣтъ листки въ пользу пролившихъ кровь за Отечество! Послѣ сего, должно ли удивляться, что *Марія*, коей сердце было столь чувствительно, душа столь благородна, захотѣла навѣстить больныхъ, лежавшихъ по разнымъ кельямъ Монастыря, въ коемъ она находилась. Испросивъ на то дозволеніе у Строителя, въ сопровожденіи *Федотьевны*, которая вслухъ твердила молитвы, для предохраненія молодой Барыни отъ заразы, *Марія* обходила кельи, распрашивала раненыхъ о ихъ нуждахъ, и въ головахъ каждаго оставляла доказательства нѣжнаго, сострадательнаго участія. Сафьянный мѣшечикъ пустѣлъ примѣтно; но *Марія* внутренно радовалась, что имѣла случай помочь страждущимъ. Каждый воинъ былъ милъ ея сердцу, ибо раздѣлялъ съ ея *Θеодоромъ* одно ремесло и подвергался тѣмъ же опасностямъ.

—„Къ вамъ не привозятъ раненыхъ Офицеровъ, батюшка?" спросила *Марія* у провожавшаго ее Монаха, при выходѣ изъ послѣдней кельи.—„Большую часть раненыхъ Офицеровъ отвозятъ къ ихъ роднымъ, къ помѣщикамъ,

---

(*) Не многіе, а только одинъ *П. П. Безаровіусъ*, первый основатель Инвалиднаго капитала, который теперь до 7.000.000 рублей простирается. *В.*

или по городамъ, отвѣчалъ Монахъ. Слава Богу, ихъ не много, и у насъ до сихъ поръ не было ни одного, какъ дни два тому назадъ, лихой ямщикъ примчалъ къ воротамъ обители молодаго Офицера безъ руки. Съ ними ѣхалъ деньщикъ, по словамъ кучера, который и повезъ Барина въ эту сторону; но дорогою онъ упалъ съ телѣжки, переломилъ себѣ ногу и принуждены были его оставить на дорогѣ, въ больницѣ, потому что обоимъ раненымъ не было мѣста лежать въ ихъ тѣсной повозкѣ. Офицеръ былъ въ безпамятствѣ, ямщикъ зналъ только, что надобно было отвезти его въ П. . . ую Пустыню, въ окрестностяхъ которой находятся у него родные; и до сихъ поръ мы не знаемъ, что съ нимъ дѣлать, кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ объявить о немъ. Самъ онъ не можетъ ничего расказать о себѣ, у него сильная горячка, онъ лежитъ въ бреду и кромѣ нѣсколькихъ несвязныхъ рѣчей, не говоритъ ни слова."

Марія изъявляетъ желаніе видѣть несчастнаго; тайное предчувствіе влечетъ ее въ комнату незнакомца. . . . Въ концѣ перехода особая келья; двери слегка притворены. Монахъ вошелъ первый; за нимъ *Марія*. — Блѣдныя, искаженныя черты страдальца много измѣнились; но образъ милаго сердцу всегда одинаковъ! . . . *Марія* узнала его. . . . она едва вѣритъ глазамъ; почти бездыханная упадаетъ на колѣна предъ кроватью друга; беретъ изсохшую руку, прижимаетъ ее къ устамъ своимъ, называетъ его нѣжнѣйшими именами, но онъ не внемлетъ,

не видитъ *Маріи*.—Дикій взоръ чего-то ищетъ: щоки пылаютъ, уста шевелятся; но онъ не узнаетъ той, которая дороже ему всего на свѣтѣ.

И вотъ, *Марія* совершила краткую, благодарственную молитву предъ Иконою; потоки слезъ облегчили стѣсненное сердце; она спросила перо и бумаги, и посылаетъ нарочнаго къ бабушкѣ съ извѣстіемъ, что милый *Ѳеодоръ* живъ еще, но болѣнъ; она проситъ, чтобъ послали въ городъ за Докторомъ и чтобъ снабдили больнаго всѣмъ нужнымъ: — „чтожь до меня касается, прибавляетъ она, я или воскресну, или умру, у его постели.“

Всю ночь просидѣла она въ головахъ его; на разсвѣтѣ, подъѣзжаетъ къ обители карета, наполненная подушками; по карманамъ разставлены вина и склянки съ лѣкарствами, подъ козлами подвязана коробка съ съѣстными припасами. Изъ кареты выходитъ Лѣкарь, человѣкъ сострадательный, просвѣщенный; онъ спѣшитъ къ кельѣ больнаго. *Марія* заплакала отъ радости, она видитъ въ немъ избавителя. Пульсъ означаетъ горячку, но Докторъ надѣется на молодость и крѣпкое сложеніе *Ѳеодора*. Онъ перевязываетъ ядромъ оторванную руку; рана болѣзненна, но не опасна. Больной пьетъ прохладительныя лѣкарства; рука *Маріи* возвращаетъ ему жизнь и память: къ вечеру онъ узналъ ее. Все прежнее казалось ему какъ сонъ, теперь, онъ чувствуетъ только блаженство лобызать супругу, столь нѣжно любимую; онъ слышитъ

этотъ знакомый голосъ, прижимаетъ къ сердцу эту трепещущую руку. Радость скоро возстановляетъ здоровье; чрезъ нѣсколько дней *Θеодоръ* былъ уже въ состояніи переѣхать въ домъ къ бабушкѣ. Лѣкарь и *Марія* подъ руки свели его съ лѣстницы, *Марія* щедро наградила Монаховъ за попеченія, оказанныя ея другу; больнаго посадили въ карету, обложили подушками, и въ сопровожденіи милой подруги, Лѣкаря, и доброй *Федотьевны*, онъ шагомъ пустился къ жилищу бабушки, которую не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ записанъ въ службу.

Восхищеніе бабушки, радость добрыхъ слугъ, съ трудомъ могутъ быть описаны. Въ кругу милыхъ сердцу, здоровье *Θеодорово* скоро поправилось. *Марія* вкушала чистѣйшее блаженство; страдавшей такъ долго (ибо въ страданіи и мѣсяцы кажутся годами), ей наконецъ было позволено жить для ея друга. Пять мѣсяцевъ уже она была за мужемъ; уже пять мѣсяцевъ носила подъ сердцемъ залогъ нѣжности *Θеодоровой*. Какъ восхищался молодый супругъ мыслію о близкомъ счастіи: — „Когда война кончится, говорилъ онъ, когда врагъ будетъ изгнанъ изъ православной Руси, я выйду въ отставку, и мы будемъ жить здѣсь, въ Костромской глуши, вмѣстѣ съ бабушкою; здѣсь я узналъ первыя радости младенческихъ лѣтъ, здѣсь я вторично нашелъ тебя, мое сокровище!“

Время летѣло непримѣтнымъ образомъ; *Θеодоръ* совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя безъ

руки, но въ глазахъ *Маріи* онъ казался столь же ловкимъ, столь же прелестнымъ, какъ и въ дни перваго ихъ знакомства. — Между тѣмъ, врагъ уже бѣжалъ изъ Москвы неоглядкою; сыны Русскіе стремились по слѣдамъ его. Кровь *Ѳеодорова* кипѣла отъ нетерпѣнія, всякій разъ, когда какой-нибудь сосѣдъ, другъ ихъ лѣкарь, или привезенная изъ города *реляція*, объявляла ему о торжествахъ Россіи. Пылкая душа рвалась къ новымъ опасностямъ, и еще не прошло двухъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ *Ѳеодоръ* переѣхалъ къ бабушкѣ, а онъ уже готовился въ новый походъ.—Онъ обнялъ плачущую *Марію*, далъ ей слово воспользоваться первымъ случаемъ пріѣхать къ ней, и утѣшалъ ее обѣщаніемъ, тотчасъ послѣ окончанія войны, поселиться съ нею въ Костромской Губерніи.

Ѳеодоръ уѣхалъ; *Марія* тосковала, плакала, но частыя извѣстія о другѣ подкрѣпляли ея силы. Уже онъ увѣдомлялъ ее, что *Наполеонова* Армія за Смоленскомъ, что Витебскъ и Орша очищены отъ непріятеля. *Ѳеодоръ* увѣрялъ *Марію*, что они скоро увидятся: онъ, какъ будто, предузналъ мрачную будущность!

Между тѣмъ, разбитая Французская Армія бѣжала въ полномъ разстройствѣ. Уже на мутной Березинѣ заготовлена переправа; — но мудрый вождь Россійскаго войска у рѣки: „Не перейдешь чрезъ нее, сопостатъ, задумалъ *Смоленскій*, тутъ захлопнемъ тебя, какъ въ западнѣ!“

Но событія не всегда отвѣчаютъ мудрости человѣческой. Русскій Вождь готовилъ на Березинѣ могилу для рати вражіей; а хитрый врагъ, хотя и пожертвовалъ частію войскъ своихъ, однако же переправился; и вся Русь смекнула, что еще много прольется родной крови на чужбинѣ.—Россіяне твердо отстаивали переправу; почти на каждомъ помостѣ сверкали штыки, пылали ружья, лилась кровь ручьями. Батареи гремѣли съ прибрежья; Французская конница, только-что пришедшая изъ Германіи, бросилась и отбила Русскія пушки, Артиллеристы опрокинуты на пѣхоту, пѣхота разстроилась, Генералъ, предводившій ее раненъ, Полковникъ также, дѣло казалось, потеряно. . . Но вотъ 14 Егерскій полкъ снова собрался, Генералъ сказалъ имъ: „*Егери очистите мнѣ квартиру въ Борисовѣ.*" — *Ура!* предтеча побѣды было отвѣтомъ; густою колонною бросились они штурмовать укрѣпленіе; вотъ Гусарскій дивизіонъ показался на той сторонѣ рѣки, во флангѣ у Французовъ; синіе ментики, облитые золотомъ, покрыты кровью и пылью, каждый Гусаръ, загорѣлый и закопченный дымомъ биваковъ, смотритъ героемъ. Впереди всѣхъ скачетъ Ротмистръ; широкій мечь его виситъ при бедрѣ, правая рука управляетъ лошадью; лѣвой, уже давно нѣтъ у него. — „М—цы! кричитъ онъ, за Бога и Святую Русь!"—Не постоимъ за жизнь, кричатъ солдаты—молодцы; намъ дорога наша матушка Святая Русь! —

Егери увидя своихъ товарищей, которые уже неслись во весь опоръ на пушки непріятельскія, удвоили шагъ, Французы дрогнули, укрѣпленіе взято... но непріятельскій Артиллерійскій Офицеръ выстрѣлилъ изъ пистолета въ двухъ шагахъ въ Ротмистра, и онъ приклонился къ хребту лошади. Гусары, поддерживая его съ обоихъ сторонъ, выводятъ за поводъ лошадь храбраго своего начальника; пуля пролетѣла насквозь, нѣсколько ниже сердца; но раздробила позвонки спинной кости, блѣденъ, какъ полотно, почти безъ чувствъ, онъ не хочетъ оставить поля битвы:—„Отнесите меня немного въ сторону, говоритъ онъ умирающимъ голосомъ, выньте изъ шапки мою записную книжку и позовите сюда полковаго Лѣкаря."—Въ минуту приказаніе исполнено; онъ вынулъ карандашъ, клочокъ бумаги и съ величайшимъ усиліемъ написалъ:

„*Маріи!* я раненъ смертельно; нѣтъ надежды обнять тебя. Не убивай себя, другъ мой, это большой грѣхъ, живи для нашего младенца: мы увидимся въ лучшей жизни!"—

Умирающій подписалъ: *Ѳеодоръ Родогуновъ.*

Бѣдный Ротмистръ угадалъ роковую истину! чрезъ два часа его не стало. Послѣдній вздохъ его вылетѣлъ съ именемъ *Маріи.* Онъ передъ смертью отдалъ полковому Лѣкарю письмо, прося его убѣдительно отправить оное въ Костромскую деревню его бабушки. Однако Лѣкарь не отправилъ письма, изъ жалости ли, или забылъ про него; но листокъ писанный умирающимъ, остался въ его бумажникѣ.

Но что дѣлала *Марія*, между тѣмъ, какъ другъ ея кончилъ жизнь на полѣ ратномъ? — Она каждую минуту молилась о сохраненіи дней, столь для нее драгоцѣнныхъ. Она уже готовилась быть матерью, и ежедневно занималась приготовленіями для ожидаемаго въ свѣтъ новаго гостя. *Ѳеодоръ* писалъ къ ней, что они скоро увидятся, что онъ пріѣдетъ; и она ждала его, какъ унылая птичка ждетъ ясной погоды. Однако же, *Ѳеодоръ* не ѣхалъ, время родовъ приближалось, и *Маріѣ*, видно суждено было одной обнять своего первенца. Наконецъ, насталъ давно желанный день, *Марія* уже матерью! . . . Но силы ея истощились. . . . Она чувствуетъ, что отдала сыну собственное свое существованіе; она обнимаетъ младенца, орошаетъ его слезами:—„бѣдное дитя, говоритъ она, ты не выростешь подъ присмотромъ матери. Отецъ будетъ ласкать тебя; онъ спроситъ: — гдѣ *Марія?*— Душа ея будетъ летать надъ вами!"

Марія томилась нѣсколько дней; нѣсколько дней, какъ весенній цвѣтокъ, колебалась между жизнію и смертію... наконецъ, угасла...

Бабушка похоронила милую внучку, поплакала надъ ея могилою, отправила и поминки и панихиды, и отписала къ невѣсткѣ въ Нижегородскую Губернію, обо всемъ случившемся.— Скоро поразила ее вѣсть о смерти *Ѳедоровой*. Старушка не перенесла сего новаго удара и сама легла въ могилу.

Сиротка, сынъ *Ѳеодора* и *Маріи*, и понынѣ еще воспитывается у *своей* бабушки. *Юлій* весь

въ отца; остръ, пригожъ, какъ онъ. Кроткая улыбка матери смягчаетъ пылкую живость въ глазахъ отрока. *Юлій*, богатый наслѣдникъ, воспитанъ отлично; онъ кажется, созданъ для любви, для военной славы и для счастія!—Но, ахъ! довольный взоръ родителя не останавливался на рѣзвыхъ играхъ его; рука нѣжной матери не ласкала розовыхъ его щочекъ; сердце его не трепетало отъ радости при зовѣ родительскомъ. Онъ выросъ одинокъ, въ глазахъ строгой бабушки; и только иногда, украдкой, слушалъ разсказы старой няни *Федотьевны*, которая никогда не могла говорить безъ слезъ о печальной участи молодыхъ господъ своихъ.

Д. —

Клепалы.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НАДГРОБІЕ ВЕЛИКОМУ.

Среди гробницъ безмолвныхъ и священныхъ
Кому сей вновь воздвигся мавзолей? —
Послѣдній кровъ останковъ чьихъ онъ тлѣнныхъ? —
„Пришлецъ! — слезу сердечную пролей! —
Великаго привѣтствовали громы,
Какъ солнце Онъ землѣ сіялъ въ лучахъ,

Его черты сердцамъ еще знакомы —
И предъ тобой Его недавній прахъ.

Александръ Глѣбовъ.

2.

МОЯ ЗВѢЗДА.

Звѣзда на небѣ голубомъ
Привѣтливо сіяла;
И бриліантовымъ огнемъ
Играла и сверкала. . . .

* * *

И мнѣ, какъ другъ, была вѣрна;
Путь снѣжный осребрила;
И между соснами — она,
Какъ ласточка, мелькала. . . .

* * *

Ея привѣтъ мнѣ былъ знакомъ —
И сердце тосковало:
Она мнѣ какъ-то о родномъ,
Объ *ней* напоминала. . . ,

* * *

И на лазоревомъ кругу
Любуюсь той звѣздою!
Такъ много лилій на лугу; —
Но *я* . . . плѣненъ *одною*. . . .

В. Владиславлевъ.

3.

КЪ А. Е. ГРЕНУ.

Мой другъ! сбылися упованья,
Мнѣ сердце тайно говоритъ:
Пѣвецъ! твой вѣкъ очарованья,
Какъ сонъ туманный пролетитъ.
Не утѣшай меня напрасно,
Былое вновь ужь не придетъ;
И ахъ! томяся ежечасно
Моя жизнь въ горѣ отцвѣтетъ.
Привѣтный голосъ пѣснопѣнья
Уже не трогаетъ духъ мой,
Я весь простылъ для упоенья,
Простылъ для жизни молодой.
Мнѣ тяжки грустные оковы:
Они терзаютъ грудь мою,
И сквозь туманные покровы
Предвижу участь я свою.
Не говори объ утѣшеньи,
Ужь мой послѣдній близокъ часъ.
Я вѣрю въ тайныя видѣнья,
И мнѣ понятенъ сердца гласъ.

4.

БОЛТУНУ.

Что въ васъ есть разность съ истуканомъ,
Вопросъ сей всякой разрѣшитъ:
Вы оба смотрите болваномъ,
Но тотъ умнѣе: онъ молчитъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

33. Второе путешествіе *Вальяна* во внутренность Африки чрезъ мысъ Доброй Надежды; съ Франц. Три части. С. П. Б. 1824.

34. Начертаніе Практической Хирургіи, излагаемой въ настоящемъ ея состояніи на началахъ Паталогической и Хирургической Анатоміи, съ картинами. Сочин. *Самуила Купера*, Члена Королевской Хирургической Коллегіи, Лондонскаго Медико-Хирургическаго Общества и Марсельскаго Врачебнаго. Три части. М. 1824.

35. Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора Е. И. В. Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера *Графа Ѳедора Андреевича Толстаго*. Издали *К. Калайдовичъ* и *П. Строевъ*. Съ палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ. М. 1825.

Имя *Графа Ѳ. А. Толстаго*, вмѣстѣ съ именами *Графа А. И. Мусина-Пушкина* и *Графа Н. П. Румянцева*, будетъ благословляемо въ позднѣйшихъ вѣкахъ любителями Отечественныхъ древностей и Исторіи. Мы должны также благодарить *Г. Строева* и *Калайдовича* за хорошую методу и важный трудъ, подъятый ими на пользу просвѣщенія.

36. Разсужденіе о жизни растѣній, сочиненное изъ класса Естественной Исторіи и Физики, Благороднаго Пансіона при Император-

скомъ Московскомъ Университетѣ воспитанникомъ *Василіемъ Головинымъ*. М. 1825.

37. Жизнь и подвиги Князя *Милоша-Обреновича*, Верховнаго Вождя и предводителя народа Сербскаго. С. П. Б. 1825.

38. Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго Театра на 1825 годъ. Издалъ *Ѳ. Булгаринъ*. С. П. Б. 1824.

39. Лондонскій Пустынникъ, или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія. Перев. съ Фран. *С. де-Шеллетъ*. Три части. С. П. Б. 1825.

40. Сѣверные цвѣты на 1825 годъ, собранные Барономъ *Дельвихомъ*. Изданы *Иваномъ Сленинымъ*.

41. Разсужденіе о водяныхъ сообщеніяхъ въ Россіи, соч. Московскаго Университета Кандидатомъ *Д. Дубенскимъ*. М. 1825.

42. Подробное описаніе совершенно новой методы содержанія померанцовыхъ, лимонныхъ и всѣхъ къ сему роду принадлежащихъ деревъ; пер. съ Нѣм. *Г. Шварцъ*. М. 1825.

43. Шпіонъ, новый романъ *Г. Купера*; перев. съ Франц. *И. Крупениковъ*. Три части. М. 1825.

Хамелеонистика.

(*Продолженіе осьмое*).

Отвѣтъ Д. С. Совѣт. фонъ К—су на письмо, въ которомъ Его Прев. требуетъ подробныхъ свѣдѣній о горшкѣ съ картофелемъ, сдѣлавшемся, по милости П. П. Свиньина, Историческимъ.

М. Г.!

Въ почтеннѣйшемъ письмѣ В. П., пущенномъ изъ Феллина 20-го текущаго Апрѣля, Вы просите о сообщеніи обстоятельнаго описанія, какъ наружнаго вида, такъ и дивныхъ похожденій прославившагося горшка (*), въ достопамятный день 7-го Ноября 1824 года. Вамъ не нужно было оправдываться въ незнаніи сего Анекдота, долговременнымъ Вашимъ пребываніемъ въ чужихъ краяхъ по дѣламъ службы. Ваша воля для меня священна: спѣшу удовлетворить Вашей страсти къ рѣдкостямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждаю Васъ, М. Г.! что всѣ извѣстія касательно сего горшка, ставшаго на чреду драгоцѣнныхъ Этрурскихъ вазъ, выкапываемыхъ въ Ольвіи, и жертвенныхъ сосудовъ, доставаемыхъ изъ развалинъ Геркуланума, будутъ почерпнуты мною изъ *Литературныхъ Листковъ Ѳ. В. Булгарина*. Сему неутомимому изыскателю Отечественныхъ

(*) О семъ чудномъ горшкѣ было упомянуто въ XV книжкѣ *Славянина*.

рѣдкостей, обязана вселенная за распространеніе и поясненіе Анекдота, первоначально напечатаннаго въ *Отечественныхъ Запискахъ П. П. Свиньина* (*).

„Одинъ бѣдный Чиновникъ,—повѣствуетъ *П. П. Свиньинъ* оставилъ въ низменной хижинѣ жену и дѣтей. Хозяйка поставила въ печь горшокъ съ картофелемъ. Между тѣмъ, вода хлынула въ ихъ хижину и заставила ихъ взобраться на печь. Время текло — и малютки проголодались: они съ слезами просили пищи у матери. Къ счастью, увидѣла она плавающій по горницѣ горшокъ съ картофелемъ. Она достала его и утолила голодъ дѣтей своихъ, кои спокойно послѣ того уснули на краю своей гибели (т. е. *на печи!* прибавляетъ *Ѳаддей Венедиктовичъ*). *Вода не дошла на полвершка до печи* и скоро сбыла. На другое утро никто не приходилъ освободить ихъ: такъ прошелъ день и ночь (т. е. 8-е Ноября). На третій день (9-е Ноября), прибѣжалъ отецъ и спасъ ихъ. Онъ чрезвычайно обрадовался, отчаявшись видѣть ихъ—въ живыхъ: ибо онъ полагалъ, что они раздавлены *галіотомъ, остановившимся на крышкѣ, банею* и множествомъ разнаго рода хламу, который принесло къ домику: такъ что не видно было и слѣдовъ онаго.“

Ѳаддей Венедиктовичъ не то, чтобы совершенно отвергалъ возможность такого приключенія; но *немножко* сомнѣвается въ вѣрности сего повѣствованія. (**) Сомнѣнія свои основы-

(*) Отечеств. Зап. 1824 года, No LV, стр. 345 до 370 стр.
(**) Литературные листки 1824 года, Ч. IV, стр. 165. Меня увѣряли, что подлинный горшокъ находится

ваетъ онъ на слѣдующихъ Логическихъ предположеніяхъ:

1) *Весьма трудно (повѣрить)*, чтобы горшокъ съ картофелемъ выплылъ изъ печи и продолжалъ плавать по горницѣ, не теряя равновѣсія, при внезапномъ наплывѣ воды.

2) *Почти невѣроятно*, чтобъ изъ многихъ сотенъ работниковъ (и цѣлыхъ полковъ), отряженныхъ для очистки улицъ, отысканія утопленниковъ и проч., никто не слыхалъ громкихъ воплей несчастнаго семейства.

3) *Мудрено (повѣрить)*, чтобы отецъ этаго семейства не старался достигнуть до своего дома—къ женѣ и дѣтямъ, въ тотъ же самый день.

4) *Во все невѣроятно*, чтобы *галіотъ очутился на крышѣ, когда вода не доходила на полвершка до печи!!?* — Полагая, что галіотъ могъ остановиться на крышкѣ, надобно, чтобы вода была выше крышки, или, чтобъ печка была выше дома. *Все это* физически *невозможно*.

5) *Невозможно вѣрить*, чтобы отецъ семейства въ двое сутокъ не могъ добраться до своего дома. Въ трое сутокъ уже почти всѣ домы были осмотрѣны и многіе очищены.

Вотъ сомнѣнія *Г. Булгарина*. Впрочемъ, это написано имъ въ 1824 году; съ того времени,

---

въ одномъ извѣстномъ Отечественномъ Музеумѣ и хранится между кистенемъ *Стеньки Разина* и рукавицею *Ермака*, и что на немъ золотыми литерами написано: *Kozlofsky fecit, anno 537. Славенскъ, стольный градъ великаго Гостомысла.*

многое перемѣнилось: *autres temps, autres moeurs.* Теперь уже осыпаютъ хвалами Издателя *Отечественныхъ Записокъ* и въ *Сѣверной Пчелѣ*, и въ *Сынѣ Отечества*, и въ *Сѣверномъ Архивѣ*, и въ *Дѣтскомъ Собесѣдникѣ*, *и въ пространной и въ практической и въ краткой Грамматикѣ.* Теперь, безъ справокъ и ссылокъ—все вѣроятно и вѣрно.

Вы, можетъ быть, пожелаете узнать: какимъ образомъ Гг. *Грѣчъ* и *Булгаринъ* переходили отъ язвительныхъ насмѣшекъ (4) надъ *П. П. Свиньинымъ*, уликъ во лжи, (5) похищеніи чужой Литературной собственности (6), незнаніи Грамматики, Риторики, Логики (7) Исторіи, къ пышнымъ похваламъ его честности, учености, краснорѣчію. Готовъ удовлетворить васъ: вооружитесь долготерпѣніемъ и наблюдайте *постепенность!*

I. Въ No 15, 1825 года *Сѣв. Пчелы*, Издатели, посмѣявшись надъ извѣстнымъ Писателемъ нашимъ *Б. М. Федоровымъ* и упрекнувъ *П. П. Свиньина* за то, что онъ печатаетъ у себя нелѣпыя статьи *Г. Федорова*, начинаютъ окуривать его ѳиміамомъ лести, а именно:

„При всемъ томъ Издатель *От. Зап.* заслуживаетъ одобреніе и хвалу за добрыя свои намѣренія, привязанность къ національному, и желаніе распространять любовь ко всему Русскому. Если онъ иногда ошибается въ сре-

---

(4) Лит. листки 1824, стр. 103 и слѣдующія.
(5) Лит. листки 1823, стр. 46, 47, 48 и 49.
(6) Тамъ же и въ С. О. 1818 года, No 52, стр. 331.
(7) Лит. листки 1823, стр. 46, 47, 48 и 49.

ствахъ и въ исполненіи — то не онъ первый, не онъ послѣдній: on fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut.—Я даже ошибки *П. П. Свиньина* ставлю выше безошибочнаго бездѣйствія Литературныхъ трутней."

II. Черезъ три мѣсяца съ половиною, въ No 58 *Сѣв. Пчелы*, Издатели сей Газеты уже не упоминаютъ ни о промахахъ, ни объ опечаткахъ, ни объ ошибкахъ *Г. Свиньина*, а полною горстью осыпаютъ его лаврами, оливами и розами.

„Издатель *Отеч. Зап.*, — говорятъ они, — Статскій Совѣтникъ (прислушайте, даже не забытъ и чинъ!) *Павелъ Петровичъ Свиньинъ* (прислушайте: имя, отечество и фамилія всѣми буквами напечатаны. Вотъ какъ величаютъ!) на сихъ дняхъ отправился въ шестое путешествіе по Россіи, для снятія живописныхъ видовъ, описанія любопытныхъ мѣстъ, заведеній, наблюденія равнородныхъ нравовъ, обычаевъ и т. д. Онъ намѣренъ въ нынѣшнемъ году объѣхать землю Донскихъ Козаковъ, Тавриду, Грузію и Кавказскую область. Изданіе въ свѣтъ его Живописнаго Путешествія по Россіи особою книгою, будетъ безъ сомнѣнія любопытно и занимательно; кромѣ того, оно будетъ *первое* въ своемъ родѣ." — —

III. Но какъ не льзя было воображать, чтобъ всѣ Читатели забыли колкости и улики въ невѣжествѣ *П. П. Свиньину*, столь недавно еще щедрою рукою *Г. Гречемъ* и *Булгаринымъ* въ ихъ Журналахъ и Газетѣ расточаемыя: то, для

успокоенія и ихъ и Литературной своей совѣсти, къ предыдущей статьѣ примолвлено:

„Не взирая на журнальную нашу съ нимъ (*П. П. С.*) войну, желаемъ, ему всевозможныхъ успѣховъ для общей пользы и его собственной славы, и душевно будемъ радоваться, когда просвѣщенные помѣщики и чиновники, любители древностей и всего отечественнаго, станутъ споспѣшествовать ему въ сихъ похвальныхъ предпріятіяхъ.“ — —

Но тотъ же самый *Г. Булгаринъ*, оцѣнилъ произведенія *П. П. Свиньина* въ *Лит. Листкахъ* 1824, стран. 106, слѣдующимъ образомъ:

„Мнѣ право недосугъ перечитывать полное изданіе *От. Зап.*; но развертывая иногда на угадъ книжки, я всегда нахожу странныя несообразности въ сужденіяхъ Г. Издателя, которыя доказываютъ, что онъ не коротко знакомъ съ Исторіею и Географіею. — „Въ описаніи взятія Казани (*П. П. Св.*) не только истощены всѣ извѣстныя прилагательныя имена, метафоры и гиперболы, но даже изобрѣтены новыя. Правила Логики также не вездѣ соблюдены въ точности.“

Рекомендуя сего Русскаго путешественника помѣщикамъ и чиновникамъ Губернскимъ, онъ, безъ сомнѣнія, запамятовалъ — выше имъ написанное. Иначе нѣтъ средства растолковать сію рекомендацію.

IV. Человѣкъ скоро привыкаетъ къ самымъ чуднымъ, къ самымъ разительнымъ явленіямъ! Я помню, какъ всѣ изумились, увидя въ No 73 *Сѣв. Пчелы* на 1825 годъ, напечатанное письмо

П. П. Свиньина о Тульскомъ оружейномъ заводѣ. Это былъ первый шагъ; послѣ того, Издатели *Сѣв. Пчелы* сдѣлали тысячу прыжковъ — и пріучили Публику равнодушно смотрѣть, какъ Литературный *Ракъ* превращается въ быстропарнаго Орла, шестидесяти-лѣтній дамскій угодникъ въ Геркулеса съ небрежно-накинутою на мощныя рамена львиною кожею, безталанный Авторъ плоскихъ сказокъ въ *Валтера Скотта*.

V. Къ довершенію всего, въ No 77 *Сѣв. Пчелы* 1825, *Ѳ. В. Булгаринъ*, желая изъявить Издателю *Отеч. Зап.* совершенное свое благоволеніе, напечаталъ письмо къ нему о поѣздкѣ своей въ Парголово — и полилъ оное *медовою сытою*.

„Прощайте, почтенный *Павелъ Петровичъ!* веселитесь на пути, собирайте важные матеріалы для своего Журнала — и не забывайте присылать Пчелѣ на медокъ перелетныхъ извѣстьицъ.“

Нѣжное прощанье *Г. Булгарина* съ *Г. Свиньинымъ* напомнило мнѣ, что пора кончить безконечное письмо. Имѣю честь быть и пр.

№ XX.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Персидскія дѣла 1795 и 1796 годовъ.

Статья сія взята изъ Персидской Исторіи, сочиненной *Сиромъ-Джономъ-Малькольмомъ*. Авторъ, въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія, находился при Тегеранскомъ Дворѣ Полномочнымъ Министромъ Британскаго Правительства въ Восточной Индіи. Нашедъ въ изданной имъ Исторіи описаніе происшествій, связанныхъ съ Персидскимъ походомъ *Графа В. А. Зубова*, который столь мало у насъ извѣстенъ, мы почли не излишнимъ помѣстить слѣдующій отрывокъ въ нашемъ Журналѣ. *Изд.*

Грузинскій Царь *Ираклій*, бывшій данникомъ Персіи, пользуясь смятеніями потрясавшими сіе Государство, изъявилъ Россіи ту покорность, какую предки его, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, сперва добровольно, а потомъ принужденно оказывали Персіи. Старецъ *Ираклій* объявилъ двѣ причины, его къ сему побудившія: желаніе освободить Христіанъ отъ жестокаго Магометанскаго ига и доставить имъ покровительство народа сильнаго,

исповѣдующаго съ ними одну Православную Вѣру. Обладатель Персіи не могъ согласиться на отторженіе отъ нея одной изъ лучшихъ своихъ областей, особенно, когда Государство его было соединено и преобразовано. Дѣйствительно, *Ага-Магометъ*, изъ низкаго состоянія Евнуха, возшедшій на Персидскій Престолъ, и прекратившій смятенія, господствовавшія въ его отечествѣ, увидѣвъ себя свободнымъ отъ соперниковъ, рѣшился принудить *Ираклія* обратиться къ повиновенію. Но прежде, нежели станемъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ имъ для обратнаго покоренія Грузіи, должно замѣтить, какимъ образомъ состоялся союзъ между сею послѣднею Областію и Россіею; ибо за него отмщалъ Царю *Ираклію* Персидскій Монархъ.

Еще *ПЕТРЪ Великій*, согласно съ Дворомъ Константинопольскимъ, составилъ планъ для раздѣла между собою Сѣверо-Западныхъ Областей Персіи. Предпріятія сіи были разрушены Геніемъ *Шаха-Надира;* но слабое состояніе сего великаго Государства, чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ внушило *ЕКАТЕРИНѢ II-й* мысль возобновить намѣреніе Великаго Ея предшественника. Она согласилась на предложеніе, сдѣланное Ей *Иракліемъ* о принятіи подъ Ея покровительство Грузинскаго Царства и даже состоялся формальный Трактатъ, которымъ Царь *Ираклій*, обязывался за себя и за свое потомство состоять въ Россійскомъ подданствѣ; *Императрица* же, съ своей стороны обѣщалась, какъ за Себя такъ и за своихъ

Преемниковъ, оказывать покровительство какъ Царю, такъ и народу Грузинскому. Сверьхъ сего, въ семъ Трактатѣ было сказано, что *Государыня* обнадеживала въ такомъ расположеніи и другія владѣнія, могущія отойти къ ней въ послѣдствіи (*). Смыслъ сей статьи и покушеніе, сдѣланное въ томъ же 1783 году для заведенія колоніи близь города Азрафа, что въ Мазендеранѣ, заставляли думать, что намѣренія *ЕКАТЕРИНЫ* простирались еще далѣе, нежели на одинъ союзъ съ *Ираклїемъ* (**). Другія же обстоятельства служили къ опро-

---

(*) Утверждаютъ, что сіе произвело впечатлѣніе на жителей Ганжи и Имереціи. *Сос.*

(**) Повѣствуютъ, что въ 1783 году, одинъ Русскій Чиновникъ прибылъ съ нѣсколькими вооруженными лодками къ Азрафу и просилъ дозволенія учредить въ семъ мѣстѣ торговую Контору; но пріѣхавшіе съ нимъ, платя за всѣ товары весьма высокую цѣну, брали за свои самую умѣренную; очевидное доказательство, что не торговля была ихъ цѣлію. *Аеа-Магометъ*, подозрѣвая сихъ людей въ неблагонамѣренныхъ предпріятіяхъ, далъ повелѣніе заключить ихъ въ темницу. Тотъ же Писатель, у котораго мы сіе заимствовали, говоритъ, что Русскіе, бывъ однажды приглашены на праздникъ, были схвачены и отправлены къ *Аеѣ-Магомету*. Государь сей убѣдился ихъ оправданіями и даже одарилъ почетными кафтанами, подтвердя имъ, что открытыми глазами будетъ смотрѣть за ихъ поведеніемъ. *Сос.*

Прим. Изд. Происшествіе сіе случилоеь съ Капитаномъ 2-го ранга Графомъ *Воиновичемъ*, посланнымъ изъ Астрахани съ флотиліею, для вышеозначеннаго предмета.

верженію сего мнѣнія: колонія, заведенная въ Мазендеранѣ была оставлена и корпусъ Россійскихъ войскъ, посланный для вспоможенія Грузинскому Царю, проведя въ его владѣніяхъ четыре года, былъ внезапно отозванъ: войска сіи были въ то время заняты осадою крѣпости Ганжи, нынѣшняго Елисаветполя, и сняли оную при самомъ возвращеніи въ отечество.

1795-й годъ.

Ага-Магометъ-Ханъ, рѣшившійся вторгнуться въ Грузію, вознамѣрился быстротою вторженія воспрепятствовать *Ираклію* получить благовременную помощь изъ Россіи. По завоеваніи Кермана, Начальники Персидскихъ войскъ получили повелѣніе соединить всѣ силы къ веснѣ слѣдующаго (1795) года. Соединеніе сіе воспослѣдовало въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, недалеко отъ Тегерана, и войска здѣсь собранныя, какъ говорятъ, простирались до 60, по мнѣнію же иныхъ, до 80 т. человѣкъ. Назначеніе ихъ оставалось неизвѣстнымъ до самаго выступленія въ походъ. Они шли тремя колоннами. Правая двинулась по дорогѣ, идущей чрезъ Муганъ, Ширванъ и Дагестанъ; лѣвая пошла къ Эривани, столичному городу Арменіи; а средняя, подъ предводительствомъ *Аги-Магомета*, на Шушу, главную крѣпость въ Карабагѣ, прекрасной Области, идущей по лѣвому берегу Аракса. Войско переправилось чрезъ сію рѣку по мосту, устроенному *Солиманъ-Ханомъ*, нарочно для сего высланнымъ впередъ. Правая

колонна Персидской Арміи не встрѣтила никакого сопротивленія. Всѣ владѣльцы тѣхъ мѣстъ, или покарялись приближающемуся войску, или спасались бѣгствомъ; но Ханы: Эриванскій и Шушинскій, ободряемые *Ираклієм*, рѣшились противиться Персіанамъ. Когда же самъ Грузинскій Царь получилъ повелѣніе явиться къ *Аѣ-Магомету*, и заплатить установленную дань: то мужественный сей старецъ объявилъ, что не признаетъ надъ собою инаго Государя, кромѣ Россійской *Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II-й*.

Войско *Аги-Магомета*, состояло почти все изъ конницы, почему онъ и не надѣялся взять Эривань и Шушу, а разсудилъ, довольствуясь видимою покорностію разныхъ владѣльцевъ, оставить значительныя отряды войскъ для наблюденія за сими крѣпостями, или лучше для ихъ блокады, между тѣмъ, какъ самъ съ остальными главными силами пошелъ на Тифлисъ, Столицу Грузіи. Повелѣніе уже было дано средней колоннѣ соединиться съ лѣвою; правая примкнула къ нимъ при Ганжѣ. Персидская Армія, хотя ослабленная отдѣленіемъ отъ оной значительнаго числа войскъ, состояла все еще изъ 40 т. человѣкъ и двинулась противъ *Ираклія*. Государь сей, хотя изумленный быстротою похода своихъ непріятелей, и не успѣвшій даже просить помощи у Россіи, рѣшился дать Персіанамъ сраженіе. Войско его не превышало четвертой доли непріятельской Арміи, но не взирая на сіе онъ рѣшился двинуться впередъ и занялъ

позицію въ семнадцати миляхъ отъ своей столицы. Дано сраженіе и, какъ говорятъ, Грузинцы дрались съ отчаянною храбростью; но побѣжденные многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, смѣшались и обратились въ бѣгство (*). Царь ихъ, съ частію своего семейства и нѣсколькими людьми пребывшими ему вѣрными, нашелъ убѣжище въ ближайшихъ горахъ. Между тѣмъ, побѣдители вступили въ Тифлисъ, который былъ преданъ самому ужасному грабежу. Персидскій Монархъ самъ воодушевлялъ раздраженныхъ своихъ воиновъ и желалъ, чтобы сей городъ послужилъ примѣромъ для тѣхъ народовъ, кои бы дерзнули впередъ презрѣть его властію. Историкъ *Аги-Магомета*, описавъ всѣ ужасы того дня, говоритъ: „При семъ достославномъ случаѣ, храбрые воины Персіи дали невѣрнымъ (Грузинцамъ) понятіе о томъ, что ожидаетъ ихъ въ день страшнаго Суда.“ Трудно исчислить, сколько людей погибло въ Тифлисѣ при семъ кровопролитіи: фанатизмъ воспламенялъ звѣрскую ярость Персидскихъ солдатъ. Церкви были срыты и всѣ Священники, коихъ только могли отыскать, преданы смерти (**). Не ща-

---

(*) *Аga-Магометъ-Ханъ* велѣлъ въ продолженіи битвы пѣть стихи *Фердози* изъ *Шахъ-Нама* для ободренія своихъ воиновъ. Это бываетъ весьма часто въ Персидскихъ войскахъ. *Сог.*

(**) Историкъ *Аги-Магомета* увѣряетъ, что Священниковъ вязали и бросали въ рѣку, протекающую чрезъ Тифлисъ. *Сог.*

дили ни красоты, ни юности: ибо побѣдители искали себѣ невольниковъ. Семнадцать тысячь плѣнныхъ выведено за торжествующею Арміею, которая обременена была богатою добычею (*).

Несчастные жители, обратившіеся въ бѣгство для избѣжанія смерти, возвратились назадъ оплакивать истребленіе своихъ семействъ, разрушеніе домовъ и опустошеніе селеній; ихъ бѣдствія были не менѣе тѣхъ, какія терпѣли ихъ соотечественники, увлеченные въ плѣнъ побѣдителями. Послѣдніе даже были меньше достойны жалости: ибо, должно принять въ уваженіе то, что съ самаго своего младенчества, большая часть изъ нихъ были осуждены въ рабство; они почитались бы даже не весьма злополучными, если бы можно было забыть, сколь великое несчастіе для сихъ несчастныхъ младенцевъ быть воспитанными въ вѣрѣ ихъ непріятелей (**). Женщины, по причинѣ до-

---

(*) *Мулла-Магометъ-Ханъ* пишетъ, что число плѣнныхъ не превышало 17 т. Извѣстія точнѣйшія, какія я могъ собрать у лучшихъ Грузинскихъ и Армянскихъ Писателей, говорятъ, что ихъ было до 25 т. Мнѣ кажется, что они основываютъ свои показанія на доказательствахъ. Вѣроятно что 17 т., выведены изъ самаго Тифлиса, а прочіе изъ его окрестностей. *Сог.*

(**) Нѣкоторые изъ сихъ плѣнныхъ были уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать собственнымъ разсудкомъ; они пребыли вѣрными своей Религіи. Между ними нашлись и женщины. Я зналъ одного богатаго купца, который мнѣ разсказы-

стойной удивленія ихъ красоты, почти всѣ поступали въ Гаремъ: это была обыкновенная участь Грузинокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже вступали въ бракъ съ своими Господами. Касательно же мужескаго пола: то, по обычаямъ того края, побѣдители всегда обходились съ ними и милостиво и ласково. Почти всѣ, согласившіеся принять вѣру своихъ Господъ, получали свободу, а дѣти, достигнувъ возмужалости, поступали въ Армію или въ служители. Въ первомъ случаѣ, они скоро доходили до высокихъ чиновъ; во второмъ, съ ними всегда обращались какъ съ любимѣйшими служителями; дѣти ихъ, рожденные въ домѣ Господина, почитались, можно сказать, за дѣтей его семейства, занимая почти ту же степень, какъ и сіи послѣдніе.

Ага-Магометъ, разоря Тифлисъ, пошелъ на Ганжу, положа непремѣнно завоевать всѣ сіи Области. Онъ расположился лагеремъ въ Муганской долинѣ, близь коей, Цирусъ или Куръ, одна изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ Грузіи, сливается съ Араксомъ. Персидскій Монархъ назначилъ было Ширванскимъ Правителемъ одного изъ старѣйшинъ своего племени; но вско-

---

валъ, что предлагалъ прекрасной Грузинкѣ, купленной имъ у солдата, жениться на ней, если она согласится сдѣлаться Магометанкою; но она въ этомъ отказала. „Она съ такимъ благоговѣніемъ молится предъ своими маленькими Образами, продолжалъ онъ, что смотря на нее, я самъ неоднократно готовъ былъ принять ея вѣроисповѣданіе.“ *Сог.*

рѣ отрѣшилъ его за его безчеловѣчные поступки. Между тѣмъ, жители Ширвана, выведенные изъ терпѣнія варварскими поступками сего Шахова Намѣстника, возмутились и умертвили его. Говорятъ, что сей случай сильно огорчилъ *Агу-Магомета*, и всѣ полагали, что убійцъ постигнетъ казнь ужасная. Но сей Шахъ рѣдко увлекался негодованіемъ, и когда предмѣстникъ Ширванскаго Правителя, сначала предавшійся бѣгству, явился въ Персидскій лагерь, умолять *Агу-Магомета* о пощадѣ себѣ и своему народу: то немедленно получилъ оное. Слѣдствіемъ сего великодушія было добровольное покореніе цѣлой Области. Владѣлецъ Эриванскій также принятъ съ благоволеніемъ, явясь къ Шаху по первому его призыву. Только *Ибрагимъ-Ханъ*, Правитель Шушинскій еще противился, и какъ Персидскія войска, за неимѣніемъ Артиллеріи, не могли взять сей крѣпости: то Предводитель ихъ ограничилъ свою месть грабежемъ и опустошеніемъ окрестностей.

1796-й годъ.

Хотя *Ага-Магометъ* давно уже былъ облеченъ верховною властію, но еще не возлагалъ на главу свою вѣнца Царскаго. Онъ далъ обѣтъ до тѣхъ поръ не принимать титла Шаха, пока власть его не будетъ признана на всемъ пространствѣ прежняго Персидскаго Царства.

Когда совершилось покореніе Грузіи: то Придворные убѣждали *Агу-Магомета* возложить на себя корону. Онъ согласился на сіе, съ при-

творнымъ отвращеніемъ. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ Военачальниковъ своей Арміи, и держа въ рукахъ и показывая имъ Корону, спросилъ: „Желаютъ ли они, чтобъ она украсила его голову? Вспомните, сказалъ онъ имъ, что вмѣстѣ съ симъ, труды ваши только еще начнутся; ибо не соглашусь никогда носить сей Короны, если съ оною не будетъ сопряжено владычество, какого еще не имѣлъ ни одинъ изъ Персидскихъ Монарховъ.“ — Военачальники его Арміи, Вельможи Двора и родственники единогласно убѣждали его увѣнчать себя сею короною, обѣщаясь посвятить всю свою жизнь на распространеніе его могущества. *Ага-Магометъ* уступилъ ихъ просьбамъ, но надѣлъ на себя только малую діадему, украшенную перлами (*). Онъ отказался надѣть драгоцѣнную корону *Шаха-Надира*, на коей алмазные челенги означали Царства, покоренныя симъ завоевателемъ (**). Однако же, согласился опоясать себя Царскимъ мечемъ, хранившимся на гробѣ, почитаемаго за святаго, родоначальника дома Софіевъ (***). Этимъ

(*) Шахи надѣвали ее только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. *Сос.*

(**) *Надиръ* имѣлъ на своей коронѣ четыре пера, означавшія четыре Царства имъ покоренныя: Афганистанское, Индостанское, Татарское и Персидское. *Сос.*

(***) Гробница сія находится въ Ардебилѣ, куда Персидскіе Государи обязаны непремѣнно отправляться за симъ священнымъ оружіемъ: оное на одну ночь кладутъ во гробъ и въ продолженіе сего времени

давалъ онъ себѣ право употреблять сіе оружіе для защиты Шеитской вѣры, которая, съ возрожденіемъ сей династіи, содѣлалась господствующею въ Персіи.

Силы, собранныя *Агою-Магометомъ*, для похода на Хороссанъ, были еще превосходнѣе тѣхъ, коими онъ покорилъ Грузію. Онъ выступилъ по дорогѣ, идущей чрезъ Астрабадъ, чтобы въ то же время наказать сосѣдственныхъ сему городу Туркомановъ, которые начали производить набѣги на Персидскія владѣнія и опустошать оныя. Онъ отправился къ Мошеду, и на пути своемъ принялъ покорность отъ всѣхъ мѣлкихъ владѣльцевъ мѣстъ имъ проходимыхъ (*). Никто не смѣлъ сопротивляться многочисленной Арміи, предводимой Монархомъ, который, какъ было всѣмъ извѣстно, былъ неумолимъ въ отношеніи къ тѣмъ, кои отказывались ему повиноваться. Между явившимися къ нему съ таковою покорностію былъ *Исакъ-Ханъ Торбо-Идерскій*. Враги сего владѣльца старались заблаговременно очернить его передъ *Агою-Магометомъ*,

---

молятъ своего Святаго, о благоволеніи къ Монарху, который будетъ носить его; на утро Государь препоясывается мечемъ и при дворѣ его по сему случаю бываетъ большое празднество, при коемъ раздаются бѣднымъ великія суммы. *Сос.*

(*) Прежде всѣхъ покорился *Эмиръ-Гунахъ* Ханъ Шикаранскій; *Аеа-Магометъ*, прислалъ ему Коранъ, заключавшій въ себѣ за его печатію присяжный листъ, гдѣ содержалось обѣщаніе ему безопасности и покровительства. *Сос.*

представляя ему, что *Исакъ-Ханъ*, будучи изъ низкаго происхожденія, служилъ опаснымъ примѣромъ; но мудрый Шахъ, презирая всѣ пронырства, принялъ сего Князя съ отличною благосклонностію. *Исакъ-Ханъ* былъ одинъ изъ всѣхъ владѣльцевъ, отъ коего не потребовали заложниковъ въ поруки въ вѣрности, и его преданность была платою за великодушное довѣріе ему оказанное.

Мошедъ былъ цѣлію усилій *Аги-Магомета*. Слабые и безразсудные Правители довели сей городъ до такого бѣдственнаго положенія, что, казалось, оному уже нечего было опасаться; однако же Узбеки довершили страданія его жителей, кои ожидали *Аги-Магомета* болѣе съ надеждою, нежели съ боязнью: ибо онъ объявилъ, что идетъ къ нимъ единственно для поклоненія гробу святаго *Имана-Роза*; для возстановленія тишины и благоденствія города, заключавшаго въ себѣ останки сего Святаго, и для наказанія тѣхъ, коихъ святотатственная рука дерзнула ограбить сокровища, украшавшія гробницу потомка Пророка. Настоящею же причиною, побудившею Шаха къ сему вторженію, было желаніе утвердить свое владычество въ Хороссанѣ, положить на будущее время преграду опустошеніямъ Туркомановъ и Узбековъ, и овладѣть сокровищами, коими обладали слабые потомки *Надира*. Думаютъ также, что *Ага-Магометъ* питалъ къ нимъ давнюю ненависть за убійство своего дѣда и за жестокое обращеніе, оказанное ему самому наслѣдникомъ завоевателя.

Надиръ-Мирза, властвовавшій въ Мошедѣ, узнавъ о приближеніи *Аги-Магомета*, бѣжалъ въ Афганскую землю, поручивъ слѣпому отцу своему, злосчастному Шаху *Року*, сдать городъ Монарху, противъ коего всякое сопротивленіе казалось безполезнымъ. Когда Персидское войско подступило къ стѣнамъ Мошеда, то Шахъ *Рокъ* вышелъ на встрѣчу Государю, который принявъ отъ него покорность, отправился пѣшкомъ, въ сопровожденіи Вельможей своего Двора, ко гробу *Имана-Роза*, преклонилъ предъ онымъ колѣна и облобызалъ землю для показанія своего уваженія къ священнымъ для народа останкамъ, хранившимся въ гробницѣ.

Алчность къ богатствамъ, въ душѣ *Аги-Магомета* была почти столь же сильною, какъ властолюбіе и, можетъ быть, что онъ охотнѣе желалъ обладать драгоцѣнными вещами, нежели собирать сокровища для своего Государства. По смерти *Лутфа-Али-Хана*, онъ имѣлъ уже нѣкоторые изъ богатѣйшихъ камней, пріобрѣтенныхъ *Шахомъ-Надиромъ* въ Индіи. По прибытіи своемъ въ Хороссанъ, *Ага-Магометъ* получилъ еще нѣсколько таковыхъ меньшей цѣны отъ владѣльцевъ сего края, раздѣлившихъ между собою имущество наслѣдниковъ *Шаха-Надира*. Они спѣшили возвратить сіи рѣдкія сокровища, кои опасно было долѣе удерживать, ибо *Ага-Магометъ* почиталъ незагладимымъ преступленіемъ, если кто имѣлъ у себя вещи, кои по его мнѣнію составляли Царскую собственность. — Злополучный Шахъ *Рокъ* уже давно пересталъ быть Прави-

телемъ, но всѣ полагали, что у него еще находились драгоцѣнные камни, скрываемые имъ даже отъ собственныхъ своихъ сыновей. *Ага-Магометъ* потребовалъ оныхъ, но Шахъ *Рокъ* увѣрялъ, что ничего не имѣетъ и даже подтверждалъ сіе самыми торжественными клятвами, думая чрезъ то, болѣе удостовѣрить Персидскаго Монарха; но все было тщетно. Слѣпой владѣтель подвергся всѣмъ возможнымъ пыткамъ и даже перестаешь жалѣть о семъ несчастномъ, когда видишь, что онъ открывалъ свои сокровища по частямъ и по мѣрѣ усиленія мученій. Онъ показывалъ, что многіе дорогіе каменья были брошены имъ въ колодцы или заложены въ стѣну. Наконецъ, когда положили ему на голову вѣнецъ изъ тѣста и въ средину налили растопленнаго свинцу, то отъ нестерпимой боли онъ открылъ необыкновенной величины и удивительной красоты рубинъ, украшавшій нѣкогда корону *Оренізеба*, и составлявшій именно то, чего всего болѣе *Ага-Магометъ* доискивался. Увѣряютъ, что когда сей послѣдній узналъ о найденіи сего камня, то изъявилъ живѣйшую радость и приказалъ прекратить муки надъ Шахомъ *Рокомъ*. Персидскій Монархъ обвинялъ, и не совсѣмъ безъ основанія, сего владѣльца въ томъ, что онъ самъ былъ причиною претерпѣнныхъ имъ мученій; однако былъ столько еще жестокъ, что приказалъ отправить его со всѣмъ семействомъ въ Мазандеранъ. Несчастный внукъ *Шаха-Надира* кончилъ свою

жизнь чрезъ нѣсколько дней по выѣздѣ изъ Мошеда (*).

Ага-Магометъ отправилъ въ Бухару, къ *Абдулъ-Хази* Хану письмо, въ коемъ заключалось слѣдующее: „Я узналъ, что сынъ *Эмира Даніила* захватилъ верховную власть, отъ чего „произтекло множество золъ; величайшее же „изъ нихъ состояло въ томъ, что правовѣр„ные были захватываемы въ самой Персіи и „продавались въ Бухарѣ на рынкѣ, подобно „скотинѣ.“ Шахъ убѣждалъ *Абдула-Хази* Хана возвратить немедленно всѣхъ Персіянъ, забранныхъ въ плѣнъ его подданными и совѣтовалъ ему впредь быть осторожнѣе, дабы не возбудить его мщенія. *Бедже-Янъ*, получившій сіе письмо, насмѣялся надъ Персидскимъ Монархомъ еще презрительнѣйшимъ образомъ: „До моего свѣденія дошло, писалъ сей престарѣлый жрецъ въ циркулярномъ своемъ письмѣ къ Хороссанскимъ владѣльцамъ,— „что къ вамъ прибылъ Господинъ Евнухъ; если можете, захватите его, если же не въ силахъ сего сдѣлать, то увѣдомьте меня; я помогу вамъ наказать его.“ Оба сіи владѣтели никогда не сходились вмѣстѣ, и если бы до сего дожили, то трудно рѣшить, кто бы изъ нихъ остался торжествующимъ.

Ага-Магометъ отправилъ за тѣмъ Посланника къ *Земану-Шаху*, властвовавшему въ Ка-

---

(*) *Шахъ-Рокъ* умеръ въ Дамганѣ. Смерть его была слѣдствіемъ мученій, имъ претерпѣнныхъ. Отъ роду было ему 63 года. *Сос.*

булѣ, съ показаніемъ причинъ приведшихъ его въ Хороссанъ и съ предложеніемъ: общими силами предпринять покореніе Бухаріи. Если вѣрить Персидскому Историку, описавшему происшествія того времени, то Афганскій Монархъ согласился на сей союзъ и уже все было готово ко вторженію въ Тартарію, какъ *Ага-Магометъ* былъ отвлеченъ отъ сего въ другую сторону, для защиты своихъ владѣній, противъ многочисленной Арміи Россіянъ, вступавшихъ въ Персію.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Мнѣніе Фельдмаршала Князя А. А. Прозоровскаго о Генералѣ Князѣ Сергіѣ Ѳедоровичѣ Голицынѣ.

Что принадлежитъ до Генерала *Князя С. Ѳ. Голицына:* то онъ мнѣ близкій родственникъ; но какъ я дѣла партикулярныя никогда со службою не мѣшаю, то и стану говорить объ немъ со всею откровенностью: *Государь Императоръ* лично изволитъ знать, что онъ человѣкъ весьма неглупый и храбрый. Я съ нимъ вмѣстѣ не служилъ и видѣлъ его въ Арміи только Капитаномъ при *Графѣ Брюсѣ*, то по сему судить о немъ не льзя. Въ послѣдствіи же времени, пріобрѣлъ онъ чрезвычайно хорошую репутацію въ Арміи, сперва какъ достойный Офицеръ, а наконецъ въ званіи Гене-

рала. Препорученнымъ ему въ Курляндіи постомъ, гдѣ онъ имѣлъ небольшое число, да и то собранныхъ войскъ, командовалъ онъ, какъ я замѣтилъ, съ большою похвалою. Всѣ ввѣренныя ему земли остались непоколебимы и онъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ любовь Курляндцевъ. По всѣмъ таковымъ соображеніямъ моимъ, нахожу я его конечно, достойнымъ командовать отдѣленіемъ войскъ въ Галлиціи, и я увѣренъ, что онъ таковую милость и довѣренность *Его Величества* приметъ съ благоговѣніемъ и исполнитъ волю *Монаршую*.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа (1), содержащее нѣсколько библіографическихъ и критическихъ статей, касательно Россійской Словесности.

М. Г.!

Позвольте избрать посредникомъ Вашъ Журналъ для объясненія моего, по случаю напечатанной въ *Révue Encyclopédique* (2) статьи о сочиненіяхъ Князя *Шаликова*, изданныхъ въ Москвѣ въ 1819 году, въ 2-хъ томахъ, въ осьмушку. Статья сія напечатана была не въ томъ видѣ, въ какомъ доставлена мною въ Редакцію. Я чрезвычайно удивился найдя, что Издатели отчасти перемѣнили слова, въ которыхъ я изложилъ свое мнѣніе о Князѣ *Шаликовѣ*. Впрочемъ, я не предполагаю, чтобы содержаніе мо-

(1) Оно напечатано на Франц. языкѣ въ Москвѣ 1828, и безденежно роздано при No *V*-мъ Моск. Телеграфа.

(2) Окт. 1823. Ч. XX стр. 138 и 139.

его замѣчанія перемѣнено было съ умысла: первыя двѣнадцать строкъ онаго составляютъ почти буквальный переводъ статьи *Г. Греча*, а остальныя тринадцать, коихъ смыслъ совершенно измѣненъ, заключаютъ въ себѣ собственное мое мнѣніе о нѣкоторыхъ статьяхъ Журналовъ Кн. *Шаликова*, случайно попавшихся мнѣ въ руки. Жаль, что Издатели *Révue* помѣстили въ семъ отличномъ періодическомъ изданіи статью, содержащую въ себѣ противорѣчащія сужденія. Статья сія начинается слѣдующими словами: „Кн. *Шаликовъ*, одинъ изъ „Русскихъ Писателей, поддерживающихъ классическій духъ и вкусъ въ Русской Словесности, владычествовавшіе въ исходѣ 18-го столѣтія и введенные *Г. Карамзинымъ*. Школа, „основанная симъ послѣднимъ, не всегда удачно слѣдовала по стопамъ его (3).“ По сему сужденію, отличному отъ сообщеннаго мною въ *Révue*, Кн. *Шаликовъ* долженъ быть Писателемъ, которому Русская Словесность обязана довольно важною услугою: ибо онъ поддержалъ классическій духъ и вкусъ. Но содержаніе моей рукописи было иное; вотъ оно: „Кн. *Шаликовъ* принадлежитъ къ Россійскимъ „Литераторамъ, писавшимъ въ духѣ и вкусѣ, „которые владычествовали въ Россійской Словесности при концѣ XVIII вѣка, и введены „были *Карамзинымъ*. Школа, симъ Писателемъ „основанная, не всегда съ одинакимъ счастіемъ

(3) Révue Encyclopédique. Окт. 1823. Ч. XX, стр. 138.

„слѣдовала по стопамъ его.“ — Это сужденіе *Г. Греча*, напечатанное за восемь лѣтъ назадъ въ Журналѣ, издаваемомъ нынѣ имъ вмѣстѣ съ *Г. Булгаринымъ*, гдѣ ни слова не говорится ни о духѣ, ни о вкусѣ классическомъ. Остальная часть статьи *Revue*, есть также почти буквальный переводъ вышеупомянутаго замѣчанія *Г. Греча* (4). „У Кн. *Шаликова* встрѣчаются мысли острыя и новыя; часто видна истинная чувствительность; въ слогѣ примѣтно стараніе быть яснымъ и правильнымъ и пріятнымъ, но есть и принужденность, есть какое-то педанство чувствительности и хорошаго тона.“ — Такъ *Г. Гречъ* опредѣляетъ Литературныя достоинства Кн. *Шаликова*. Онъ находитъ въ немъ острыя и новыя мысли, чувствительность, ясность и чистоту слога, принужденность и педанство; но удивительнѣе всего то, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ Кн. *Шаликовъ*, что напечатано (безъ сомнѣнія, ошибкою), будто бы слогъ его вмѣстѣ и ясенъ и теменъ.

Судя по вышесказанному, трудно еще опредѣлить, какое мѣсто долженъ занимать Кн. *Шаликовъ* между Русскими Писателями. Г. *Гречъ* принялъ на себя сей трудъ, помѣстивъ его въ числѣ Писателей, отличающихся хорошими произведеніями краснорѣчія и Поэзіи, и старающихся очищать языкъ (5) а я, вѣря

---

(4) Сынъ Отч. 1819 года No 30-й; Ч. LX, стр. 183.

(5) Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы, 1822 года, стр. 329 и 347—348.

Г. Грегу, къ несчастію сказалъ въ *Révue*, что,— „Литературные труды Кн. *Шаликова* заслуживаютъ одобреніе, потому, что Авторъ сей старался очищать свой языкъ и обращать писателей къ изученію хорошихъ образцевъ.“ Впрочемъ, противорѣчіе сихъ разныхъ сужденій весьма очевидно: въ самомъ дѣлѣ, можно ли согласить, приписываемыя слогу его достоинства съ принужденностью и педантствомъ? Какъ можно предполагать въ такомъ Писателѣ способность очищать языкъ и блистать краснорѣчіемъ и Поэзіею?

Не льзя поправить окончанія статьи, помѣщенной въ *Révue*: ибо эта часть ея совершенно искажена. И такъ, остается только мнѣ замѣнить оную сужденіями, содержащимися въ моей рукописи, которыя, кажутся мнѣ гораздо справедливѣе сужденій *Г. Греча*. Вотъ что я прибавилъ въ концѣ своей статьи: „Достойно замѣчанія, что Кн. *Шаликовъ* съ нѣсколькихъ лѣтъ въ каждомъ первомъ номерѣ „*Московскихъ Вѣдомостей* продолжаетъ помѣщать „стихи на новый годъ, въ которыхъ тщетно „будемъ искать Поэзіи. Онъ занимается также разборомъ пьесъ, представляемыхъ на Московскомъ Театрѣ и надутыми критиками „на игру Актеровъ, какъ мы уже замѣтили. „(*Révue Encyclop.* Декабрь 1822, томъ XVI, стр. „566). Кн. *Шаликовъ* въ 1806 году издавалъ *Московскій Зритель* (4 част. въ 12 дол.) и *Аглаю* „съ 1808 до 1812 (54 книжки въ 8); сіи два „Литературные Журнала не имѣли никакого „успѣха. Публика не равнодушно приняла объ-

„явленіе Кн. *Шаликова* въ 1822 году о приноше-
„ніи имъ послѣдней жертвы Музамъ, изда-
„ніемъ книжечки въ 12-ю долю на 94 страни-
„цахъ. Но наконецъ, съ горестію увидѣла, что
„сей Авторъ нарушилъ свой обѣтъ Музамъ,
„предпринявъ издавать въ 1823 году весьма по-
„средственный Журналъ подъ названіемъ *Дам-*
„*скаго*, который въ годъ составлятъ 24 книж-
ки."

Къ сему надлежало бы еще присовокупить, что Кн. *Шаликовъ* былъ одинъ изъ сотрудниковъ *Г. Греча* (6), и что онъ нѣсколько лѣтъ доставлялъ множество прозаическихъ пьесъ и стиховъ въ *Сынъ Отечества* и *Вѣстникъ Европы*, издаваемый *Г. Каченовскимъ*.

Не приписывая измѣненія моей статьи ни чему другому, какъ только неосмотрительности Издателей *Révue*, которымъ не мудрено сдѣлать ошибку при обширныхъ ихъ сношеніяхъ съ разными частями свѣта, я былъ увѣренъ, что они поспѣшатъ это исправить и хотѣлъ-было послать къ нимъ свою отповѣдь, по мнѣнію моему, необходимую для обнаруженія истины и для исправленія въ Изданіи, заслужившемъ общее уваженіе, столь важнаго промаха по части Русской Словесности. Стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не дозволило мнѣ сообщить сію отповѣдь Издателямъ *Révue Encyclopedique*, конечно не менѣе

---

(6) Это несправедливо. Кн. *Шаликовъ* никогда не бывалъ постояннымъ сотрудникомъ *Н. И. Греча* по изданію Сына Отечества. В.

меня желающимъ исправить въ своемъ Изданіи невѣрныя извѣстія; и такъ, я принужденъ былъ до благопріятнаго случая отложить исполненіе моего предпріятія. Прошло довольно времени, и я уже забылъ сію статью, какъ вдругъ Кн. *Шаликовъ* вздумалъ помѣстить ее въ своемъ *Дамскомъ* Журналѣ (7), основывая на оной свои права на уваженіе и Авторскую славу. Это заставило меня сообщить вамъ мое объясненіе о семъ предметѣ, посредствомъ вашего *Телеграфа*, который дойдетъ до Редакціи *Révue*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнится мое намѣреніе доставить Издателямъ оной средство сдѣлать поправки, о коихъ я хотѣлъ непосредственно имъ сообщить.

Кн. *Шаликовъ*, напечатавъ въ своемъ Журналѣ статью изъ *Révue*, прибавилъ къ ней замѣчанія, гдѣ честитъ меня титломъ Литератора, и похваляетъ вниманіе, съ которымъ я занимаюсь Русскою Словесностію. Не льзя было болѣе не впопадъ приписывать мнѣ сихъ похвалъ, внушенныхъ однимъ только самолюбіемъ при чтеніи статьи, заключающей въ себѣ, подъ заглавными буквами моей фамиліи, лестный отзывъ о его произведеніяхъ. Я со всѣмъ не добиваюсь титла Словесника за нѣсколько Библіографическихъ замѣчаній; такъ какъ не льзя присвоить онаго кому-либо другому, издавшему въ свѣтъ такія свои сочиненія, которыхъ не льзя прочитать. Находя

(7) Май, 1827. No 9, стр. 171—178.

вниманіе въ образѣ занятія моего отечественною Словесностію, Кн. *Шаликовъ* еще болѣе ослѣпленъ былъ самолюбіемъ: ибо, скажу по совѣсти, что я никогда не былъ столько неостороженъ, какъ при составленіи статьи, гдѣ говорю о сочиненіяхъ Писателя, вовсе ихъ не читавши. Ничто не можетъ оправдать моей безпечности, даже и въ томъ, что я повторилъ сужденіе *Г. Греча*, котораго почиталъ заслуживающимъ довѣріе, какъ Автора Исторіи Словесности. Правда, что невозможно перечитать всего достопримѣчательнаго въ Литературахъ разныхъ народовъ: нерѣдко надобно ссылаться на сужденія чужія о сихъ произведеніяхъ, на Критиковъ, имѣющихъ голосъ въ семъ дѣлѣ. Такъ, на примѣръ, можно смѣло совѣтоваться съ превосходными твореніями *Гингене* и *Сисмонди*, пріобрѣтшихъ всеобщую извѣстность. Между достоинствомъ сихъ твореній и опыта *Г. Греча* (8) находится превеличайшая разница, такъ, что ихъ не льзя ставить ни въ какую параллель съ симъ послѣднимъ; однакожъ, мнѣ казалось, что можно съ довѣренностію совѣтываться въ томъ, что относится къ Русской Словесности, съ книгою *Г. Греча*, единственною, какая у насъ въ семъ родѣ находится, но которая къ несчастію, не изъята отъ недостатковъ, пропусковъ, неосновательныхъ и противорѣчущихъ одно другому сужденій. Впрочемъ *Г. Грѣчъ*, ка-

---

(8) Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы. 1822.

жется, не имѣетъ постояннаго и твердаго мнѣнія: онъ самъ нѣсколько разъ отпирался отъ своихъ словъ; не упоминая о прочихъ примѣрахъ, довольно привести одинъ и именно въ *Сынѣ Отечества* (9), гдѣ онъ отрекается отъ слишкомъ выгоднаго сужденія о произведеніяхъ Кн. *Шаликова*, произнесеннаго имъ въ Опытѣ краткой Исторіи Русской Словесности (10).

Давно уже объявлено было о Нѣмецкомъ и Французскомъ переводахъ Опыта *Г. Греча*; а потому, считаю не излишнимъ предварить всѣхъ, занимающихся Россійскою Словесностью, что надлежитъ совѣтоваться съ симъ сочиненіемъ съ большою осмотрительностью, и безъ повѣрки не повторить невѣрныхъ извѣстій, о сей столь мало извѣстной Словесности. При опредѣленіи достоинствъ нашихъ Писателей и разныхъ ихъ произведеній: въ *Гречевой* книгѣ столь мало характеристики, что съ пособіемъ оной трудно назначить степень, какую долженъ занимать каждый изъ сихъ Писателей. Опытъ сей можно почесть болѣе собраніемъ матеріаловъ, нежели Исторіею Словесности, которой у насъ еще недостаетъ, и которая ожидаетъ трудовъ и дарованій разсудительнаго, безпристрастнаго и искуснаго Критика. Я самъ уже намекнулъ о семъ *Г. Гречу*, въ сообщенной ему года три тому назадъ статьѣ (11), гдѣ я сдѣлалъ весьма строгія за-

---

(9) No 37, 1822 года. Ч. XL, стр. 176—177.

(10) Стр. 329 и 347.

(11) Литер. листки 1824, No 16. и С. О. 1824, No 38.

мѣчанія о его *Опытѣ*, показавъ ошибки, недостатки и противорѣчія, найденныя мною въ ономъ. Издатели *Литературныхъ листковъ* и *Сына Отечества*, расхваливъ цѣль моей статьи, признавъ справедливость моихъ замѣчаній, и поблагодаривъ меня за сообщеніе оныхъ, не удостоили меня однакоже отвѣтомъ, какъ они сначала меня обнадеживали (12).

Надѣюсь, М. Г., что я достаточно оправдался въ глазахъ Издателей *Revue Encyclopédique* предъ ихъ многочисленными Читателями, и наконецъ, предъ всею просвѣщенною Русскою Публикою. Конечно, мнѣ надлежало бы пощадить ихъ терпѣніе и ваше, окончивъ мое письмо, довольно длинное. Но не безполезнымъ считаю присовокупить еще нѣсколько замѣчаній, по мнѣнію моему необходимыхъ, для сохраненія чести и пользы Русской Литературы въ такое время, когда есть Писатели, упорно продолжающіе давать ей столь ложное направленіе.

Само собою разумѣется, что повторивъ сужденіе *Г. Греча* о сочиненіяхъ *Кн. Шаликова*, я рѣшился прочесть ихъ самъ, желая знать, какое произведетъ на меня дѣйствіе чтеніе сочиненій сего Автора. Я досталъ сіи сочиненія (13), началъ ихъ перечитывать, но по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ . . . . книга выпала изъ рукъ моихъ. . . . Здѣсь не нужно ни-

---

(12) С. О. 1824, No 38, стр. 205.

(13) Сочиненія *Кн. Шаликова*. М. 1819.

какое объясненіе! Пусть всѣ тѣ, которые почитаютъ сего Автора отличнымъ, потому только, что съ пера *Г. Греча* соскользнуло сіе прилагательное, сами пробѣгутъ нѣсколько страницъ въ сихъ двухъ томахъ, и скажутъ намъ свое мнѣніе. Нечаянно заглянулъ я на 90 и 92 страницы перваго тома и замѣтилъ въ нихъ отрывокъ, котораго *Г. Грегъ* напрасно не помѣстилъ въ своемъ Литературномъ и Біографическомъ Извѣстіи о *Князѣ Шаликовѣ* (14). Сей послѣдній размышляя, или лучше сказать, дѣлая восклицанія на день своего рожденія, спрашиваетъ самъ себя: „Для чего я жилъ до „сихъ поръ? Для чего буду жить впередъ? „Какая польза въ томъ, что я занимаю мѣсто „въ системѣ Эфемернаго бытія? . . . (Трудно „понять, что такое система Эфемернаго бы„тія). Что прибыли въ существованіи мо„емъ (15)?"

Если бы статья, помѣщенная въ 9 нумерѣ *Дамскаго* Журнала, къ несчастію, попалась на глаза Издателямъ *Révue Encyclopédique*, какое понятіе возымѣли бы они о Русской учтивости и вѣжливости? Чтобы они подумали о полемикѣ нашихъ Журналовъ? Что стали бы они отвѣчать Автору, отступившему въ своемъ отзывѣ на счетъ ихъ отъ законовъ приличія, послѣ сказаннаго ими въ ихъ Изданіи, что Журналъ его отличается духомъ неспра-

---

(14) Опытъ краткой Исторіи Русской Словесности, стр. 347—348.

(15) Сочиненія *Князя Шаликова*, Ч. I, стр. 90 и 92.

ведливости и насмѣшекъ, руководствующимъ Издателемъ (16)? Чтобы сказали они о дарованіяхъ *Кн. Шаликова*, утверждающаго, что педанство необходимо (17)? Какое понятіе должны они имѣть о изданныхъ имъ переводахъ *Шатобріана*, когда онъ не умѣлъ даже списать статьи изъ ихъ Журнала, не сдѣлавъ безчисленнаго множества ошибокъ (18)? Справедливость моихъ замѣчаній, безъ сомнѣнія, должна привесть въ затрудненіе *Кн. Шаликова*, который не кстати осыпалъ меня своими вѣжливостями; но для меня было бы пріятнѣе, если бы онъ отъ нихъ меня уволилъ, и я съ такою же поспѣшностію ихъ ему возвращаю, съ какою они ко мнѣ были присланы. Я столько же мало забочусь о его похвалахъ, какъ о его хулѣ и безконечной полемикѣ, которая по видимому, не прекратится до тѣхъ поръ, пока рука его будетъ водить перомъ.

Но для любителей Россійской Словесности всего прискорбнѣе видѣть Издателей *Сына Отечества*, *Сѣвернаго Архива* и *Сѣверной Пчелы*, принявшихъ участіе въ сей перебранкѣ, столь предосудительной для просвѣщенія и успѣховъ Словесности. Съ того времени, какъ вы начали издавать *Телеграфъ*, то есть, сначала 1825 года, они не переставали нападать на сей

---

(16) Révue Encycl. Дек. 1825, Ч. XXVIII, стран. 949. Сія статья переведена въ Моск. Телеграфѣ, Мартъ 1827. No 6, Ч. XIV стр. 100 и 101.

(17) Дамскій Журналъ, Май 1827, No 9, стр. 176.

(18) М. Т. Апр. 1827, No 8.

Журналъ, съ такимъ ожесточеніемъ и несправедливостью, по которымъ не льзя узнать прежнихъ Издателей *С. От.* и *Сѣв. Архива;* Журналовъ, которые прежде издавались съ большимъ стараніемъ, нежели теперь, и которые въ годовомъ Изданіи своемъ со всѣмъ не выполняютъ предположенной цѣли: доставлять Читателямъ извѣстія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ и успѣхахъ Наукъ, Словесности и Художествъ. Съ нѣкотораго времени Издатели ограничились безпрерывными нападеніями на одинъ только *Телеграфъ.* Они даже забыли должное уваженіе къ Иностраннымъ Писателямъ, коихъ ученая слава ни въ одной просвѣщенной землѣ не оспоривается. Не упоминая здѣсь о неприличныхъ выходкахъ *Сѣв. Пч.* и *С. О.*, на счетъ Геніевъ, прославившихъ Францію, какъ-то *Вольтера, Г-жи Сталь* (19) и другихъ, я приведу здѣсь только слова *Г. Булгарина* (20), который

---

(19) Надлежитъ включить въ лѣтописи Русской Словесности, что нелѣпая и противу-Европейская статья *С. О.* (Май 1825. No 10, Ч. CI, стран. 148—157) о *Г-жѣ Сталь,* заставила одного изъ величайшихъ нашихъ Поэтовъ, Сочинителя Руслана и Людмилы, Цыганъ и Онѣгина, написать критическія замѣчанія, доказывающія, что сей Поэтъ соединяетъ въ себѣ качества просвѣщеннаго цѣнителя и превосходнаго прозаика. Замѣчанія сіи помѣщены въ *Моск. Т.* 1825. No 12; стр. 353—359.

(20) Сѣв. Пч. 1825 No 125. „Смѣшно подумать, что у нихъ нашлись люди съ талантами, которые не стыдились даже подражать Нѣмцу *Бюргеру* и Французамъ *Ла-Мартину* и *Делилю.*“

находитъ смѣшнымъ, что между Русскими нашлись люди съ талантами, которые не постыдились подражать *Бюргеру* и даже *Ла-Мартину* и *Делилю*. Еще недавно сіи Издатели вздумали напечатать въ *Сѣв. Пч.* (21), „Что пора уже „Русскимъ Поэтамъ отстать отъ подражанія „Французскимъ писателямъ,“ и употребивъ весьма неприличную игру словъ, которую не льзя перевесть на Французскій языкъ, прибавляютъ, „что надобно предоставить мышамъ „и крысамъ трудъ заниматься *Делилями, Мильвуа, Ла-Мартинами* и *Нодье* (22).“ Подобныя сужденія, не противорѣчатъ ли всѣмъ правиламъ справедливости, вѣжливости и безпристрастія, которыхъ не исполнять стыдно? Не разрушаютъ ли они явно довѣрія къ Издателямъ *Сѣв. Пч.*, которые давно уже обѣщали и, вновь повторили свое обѣщаніе, уважать

---

(21) Сѣв. Пч. 1827, No 55, „Не знаю, чѣмъ Французская Литература прилакомила нашихъ Поэтовъ. . . Пора отвыкнуть отъ привычки подражанія; оставьте мышамъ и крысамъ переводить Делилей, Мильвуа, Ла-Мартиновъ и Нодье.“

(22) Мнѣніе, подобное сему въ сущности, хотя иначе выраженное, къ сожалѣнію, встрѣчается въ лучшемъ изъ многихъ Русскихъ Альманаховъ, недавно изданномъ (Сѣверные Цвѣты на 1828 годъ, стр. 223). Въ немъ находится слѣдующій парадоксъ, или еще хуже. „Французская Словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.“ М. Т., одинъ только изъ всѣхъ Русскихъ Журналовъ замѣтилъ ложность сего страннаго и жалкаго мнѣнія. (Январская книжка 1828. No 1, стр. 127).

таланть и никогда не быть отголоскомъ пристрастія (23)? Послѣ сего, должно ли удивляться, что издаваемые ими Журналы потеряли много уваженія своихъ Читателей, коихъ число ежегодно уменьшается? Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, М. Г., сколь желательно намъ, чтобы познаніе нашего языка распространилось въ чужихъ краяхъ. Какая же будетъ для насъ польза, когда мы съ пренебреженіемъ говоримъ о Геніяхъ и Поэтахъ, составляющихъ ихъ славу и честь? Къ счастію, сужденія *Г. Греча* и *Булгарина*, между нами, мало находятъ отголосковъ. Никто не скажетъ о просвѣщенной части Русской націи, чтобы она не умѣла воздавать должную дань удивленія и хвалы Геніямъ и талантамъ, прославившимъ какую-либо иностранную Литературу. Издатели *С. О.*, не замедлили подвергнуть опалѣ Редакторовъ *Révue Encyclopédique*, а особенно *Г. Гера*, за похвалы вашему *Телеграфу* (24). Они помѣстили въ 6 нумерѣ своего *С. О.* (25) статью на 24

---

(23) Сѣв. Пч. 1828, No 16. „Скажемъ смѣло предъ Публикою, что Сѣв. Пч. никогда не будетъ отголоскомъ пристрастія и орудіемъ къ униженію таланта. Любовь къ изящному, уваженіе къ дарованіямъ, снисхожденіе къ недостаткамъ, вѣжливость (!?!!), безпристрастіе и совершенное уничтоженіе всякой личности, вотъ что будетъ составлять основаніе нашихъ статей. . . . (?!!)“

(24) Révue Encycl. Окт. 1826. Ч. XXXII, стр. 118 — 123 и М. Т. 1827, No 4, стр. 150—160.

(25) 1827. No 6, стр. 174—198.

страницахъ, на счетъ *Телеграфа*, *Révue* и *Г. Геро*, вызывая чрезъ то къ объясненію, на которое до сихъ поръ я никакъ бы не рѣшился. Статья ихъ втрое длиннѣе статьи *Кн. Шаликова* (26) и отличается тѣмъ же ѣдкимъ и сердитымъ тономъ, тою же несправедливостью и забвеніемъ всего, что вѣжливость и приличіе предписываютъ наблюдать въ Литературныхъ преніяхъ.

Библіографическую статью *Г. Геро* о *Телеграфѣ*, не должно смѣшивать съ статьями, доставляемыми отъ дальнихъ корреспондентовъ. Ни *Г. Гречь*, никто либо другой не имѣли вліянія на приговоръ *Г. Геро*. Сей почтенный Литераторъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ сотрудниковъ *Révue Encycl.* писалъ о *Телеграфѣ* не по слухамъ. Прочитавъ сей Журналъ и составивъ о немъ полное понятіе, онъ могъ судить о достоинствѣ его по собственному удостовѣренію; изъ соотечественниковъ нашихъ не одинъ я говорю, что чтеніе статьи его о *Телеграфѣ* доставило намъ удовольствіе: ибо мы, наконецъ, нашли въ иностранномъ Журналѣ справедливое сужденіе о *Телеграфѣ*, сужденіе, которое должны бы предупредить Русскіе (27) Журналисты, еслибъ Издатели оныхъ съ упорствомъ не отказывали въ похвалахъ должныхъ

---

(26) Дамскій Журналъ. 1827, No 9, стр. 171—178.

(27) Редакторъ Русскаго Инвалида всегда отзывался съ похвалою о Моск. Телеграфѣ — и недавно еще изъявилъ сердечное сожалѣніе о томъ, что *Н. А. Полевой* сдѣлалъ важную потерю въ *Князѣ П. А. Вяземскомъ*. В.

благонамѣренности и полезнымъ трудамъ. Въ сей статьѣ *С. О.* (28) мы находимъ между прочимъ упрекъ *Г-ну Геро* за то, что онъ основалъ свое сужденіе о *Телеграфѣ*, имѣя у себя только двѣ книжки сего Журнала (29). Сіе замѣчаніе есть грубая клевета: кому не позволено, прочитавъ двѣ книжки Журнала (изъ коихъ каждая заключаетъ въ себѣ до 7 печатныхъ листовъ), судить о цѣли и духѣ Изданія, о намѣреніи Редактора, и о степени заслугъ, какія онъ можетъ доставить Словесности; не смотря на ошибочныя заключенія *С. От.*, *Г. Геро* въ правѣ былъ сказать, что *Телеграфъ*, по видимому, сдѣлается однимъ изъ лучшихъ Русскихъ Журналовъ (30). Если бы *Г. Геро* сталъ судить о достоинствѣ *С. О.*, о безпристрастіи Издателей онаго, по одному только No 6-му 1827 года, а о духѣ *Сѣв. Пчелы* по вышеупомянутымъ двумъ нумерамъ (125-мъ 1825 и 55-мъ 1827 года); то не долженъ ли былъ онъ возымѣть весьма невыгодное мнѣніе о сихъ Изданіяхъ? Хорошій отзывъ *Г-на Геро* о вашемъ *Телеграфѣ*, они приписываютъ тому, что вы перевели (31) *Разборъ басней Крылова*, помѣщенный въ *Révue Encyclopédique* (32) и на-

---

(28) 1827 года, No 6, стр. 174—198.

(29) А развѣ Г. *Гретъ* не произнесъ рѣшительнаго приговора о Военно-Литературномъ Журналѣ Славянинъ по одной первой книжкѣ онаго? В.

(30) Révue Encyclopédique. Окт. 1826, Ч. XXXII, стр. 119.

(31) М. Т. Сентябрь 1825, No 18, Ч. *V*, стр. 137—154.

(32) Іюнь, 1825. Ч. XXVI, стр. 717—736.

писанный *Г. Геро*, для самолюбія коего, какъ думаютъ Издатели *С. О.*, лестно было ваше вниманіе и который считалъ за долгъ поплатиться вамъ учтивостью. Вотъ какъ, М. Г., перетолковали въ *С. О.* чистосердечное намѣреніе *Г. Геро!* Такъ цѣнятъ безпристрастіе сего почтеннаго Критика и, такъ отдаютъ справедливость Иностранцу, занимающемуся съ толикимъ стараніемъ, вниманіемъ и участіемъ нашею Отечественною Словесностью, столь мало извѣстною въ Европѣ! Не должно ли было имъ со всѣми своими просвѣщенными и чуждыми предубѣжденія соотечественниками согласиться въ томъ, что не только ни въ одномъ Иностранномъ, но даже ни въ одномъ Русскомъ Журналѣ не было помѣщено Разбора о переводѣ басенъ *Крылова* (33), столь подробнаго и занимательнаго и съ такимъ умомъ и стараніемъ написаннаго, какъ Разборъ *Г. Геро* (34) и благодарить васъ за переводъ онаго

---

(33) Басни Русскія, избранныя изъ сочиненій *Г. Крылова*, перев. стихами на Франц. и Итал. языкъ разными Авторами; съ присовокупленіемъ Французскаго введенія *Г. Лемонна* и Италіянскаго предисловія Г. *Сальфи*, изд. Графомъ *Орловымъ*, съ портретомъ *Г. Крылова* и 5-ю виньетками. Парижъ, 1825. 2 части.

(34) Разборъ сей не понравился Издателямъ С. О.; они помѣстили въ Декабрской кн. Критическія замѣчанія, которыя *Г. Геро* опровергнулъ съ такою справедливостію, умомъ и успѣхомъ, въ Библіографіи Révue Encyclopédique (Апрѣль 1827, Ч. XXXIV, стр. 151—153) перев. въ М. Т. 1827, No 14. Странно, что Издатели С. О., охуждая Разборъ басенъ *Крыло-*

въ вашемъ *Телеграфѣ*. Чтобы еще разительнѣе доказать свое безпристрастіе и прямодушіе, Издатели *С. О.* до того превращаютъ сужденіе *Г. Геро*, что влагаютъ ему въ уста слѣдующія слова: „Главная цѣль *Телеграфа*, по видимому, „состоитъ въ составленіи лѣтописи модъ.“ *Г. Геро* вовсе не утверждалъ, чтобы это было главною цѣлью М. Т. Замѣчаніе сіе относилось къ прибавленію, имѣющему особый счетъ страницъ (35). Еще должно замѣтить, что статья *С. О.* заключается похвалою Издателей *Г-ну Геро*, котораго называютъ они почетнымъ и отличнымъ Писателемъ, какъ бы желая вознаградить за все, сказанное на его счетъ, прибавляя, что онъ не преминетъ пристать къ ихъ мнѣнію о *Телеграфѣ* какъ скоро разсмотритъ его со вниманіемъ. *Г. Геро* выполнилъ сіе условіе: онъ разсмотрѣлъ цѣлое годовое изданіе *М. Т.* на 1825 годъ и первыя книжки 1826 года, напечатавъ о семъ Журналѣ, вопреки увѣреніямъ и надеждамъ Издателей *Сына Отечества*, новую статью (36), которой изъ скромности вы не хотѣли помѣстить въ вашемъ Журналѣ, и изъ коей съ истиннымъ удовольствіемъ привожу здѣсь нѣкоторыя мѣста:

ва Г. Геро, не сдѣлали лучшаго и удовольствовались, по старой своей привычкѣ, однимъ обѣщаніемъ (С. О., 1825, No 13, стр. 67), которое, вѣроятно, никогда не сбудется: ибо, уже около трехъ лѣтъ прошло, какъ сіе обѣщаніе остается не исполненнымъ.

(35) Révue Encycl. Окт. 1826.

(36) Révue Encycl. Май, 1827.

„Между тѣмъ, какъ старые Русскіе Журналы, со дня на день, видимо теряютъ свою занимательность, которую доставляло имъ содѣйствіе столь отличныхъ людей, какъ покойный *Карамзинъ* (который между прочимъ началъ издавать *Вѣстникъ Европы*, нынѣ издаваемый *Г. Каченовскимъ*), *Московскій Телеграфъ*, о достоинствѣ коего мы сообщили нашимъ Читателямъ (см. *Révue Encycl.* Ч. XXXII, стр. 118 — 123) продолжаетъ оспоривать первенство, и скоро совершенно восхититъ оное. . . . Расположенный большею частію по образцу нашего *Révue*, Журналъ сей есть первый въ Россіи, который представляетъ разнообразіе предметовъ и соединеніе всѣхъ отраслей наукъ, достойное особеннаго вниманія свѣтскихъ людей. . . . Одного сдѣланнаго нами разбора 17 и 18 книжекъ *М. Т.* на 1825 годъ, конечно достаточно для оправданія превосходства, приписаннаго нами сему періодическому Изданію, надъ многими старыми его совмѣстниками. Пробѣгите только первыя книжки 1826 года и вы удостовѣритесь въ томъ, что онъ удержалъ за собою сіе первенство, благодаря усиліямъ своихъ Издателей, и особенно разнообразію статей. . . . Такое разнообразіе предметовъ, безъ сомнѣнія, должно возбуждать любопытство Читателей и *М. Т.* возвысится болѣе и болѣе, если будетъ наполняться по прежнему, столь удовлетворительными статьями, и устоитъ въ похвальномъ намѣреніи избѣгать отнынѣ полемики; ежели не вредной, то безполезной, въ которую онъ былъ завле-

ченъ и которой въ двухъ новыхъ разсмотрѣнныхъ нами книжкахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ."

Г. Геро, не имѣлъ еще въ рукахъ книжекъ *С. О.* за 1827 годъ, когда писалъ статьи (37) о семъ Журналѣ, судилъ о семъ періодическомъ Изданіи слишкомъ снисходительно, и не одобрялъ въ немъ только того, что *мало помѣщается оригинальныхъ статей*, и что въ ономъ видѣнъ *дурной вкусъ* (38). *Сынъ Отечества*, несмотря на нѣкоторые недостатки, прежде почитавшійся однимъ изъ лучшихъ Русскихъ Журналовъ (39), съ нѣсколькихъ лѣтъ много утратилъ занимательности, отъ небрежности Издателей. *Révue Encycl.* мало выиграетъ отъ того, если Издатели *С. О.* будутъ удовлетворять желаніе *Г. Геро* (40) сообщеніемъ извѣстій, заключающихся въ ихъ Изданіяхъ, которыя большею частію содержатъ въ себѣ (какъ Французскій Рецензентъ самъ замѣтилъ) сказки, переведенныя съ Нѣмецкаго; *Полемическія статьи* подъ названіемъ *Критики;* извлеченіе изъ Газетъ подъ пышнымъ названіемъ *Совре-*

---

(37) Révue Encyclop. Январь 1827 и Апрѣль 1827.

(38) Тамъ же, 1827.

(39) Ужь не въ 1820 ли, или не въ 1821 и первой половинѣ 1822 года? — Извините, *Г. П—ій!* этаго быть не могло. Въ эти годы безграмотный *Г. Воейковъ* былъ товарищемъ *Г. Греча* въ Изданіи С. О., а *Г. Гречъ* ограничивалъ свою Литературную дѣятельность единственно переводомъ Газетныхъ политическихъ статеекъ. В.

(40) Révue Encyclop. Янв. 1827.

менной Исторіи, нѣсколько *Стихотвореній* и, наконецъ, сухое и не полное исчисленіе вновь напечатанныхъ книгъ, безстыдно украшенное титуломъ *Современной Русской Библіографіи*.

Въ заключеніе моего письма, мнѣ остается, М. Г., только пожалѣть, что утомилъ вниманіе ваше чтеніемъ онаго. Мнѣ надлежало исполнить свою обязанность къ почтеннымъ Издателямъ *Révue Encyclopédique*, доставивъ имъ средство исправить ошибку; для этаго, я и пишу къ вамъ по Французски, мнѣ надлежало вывесть васъ изъ замѣшательства, въ которое приведены вы перепечатаніемъ статьи изъ *Révue* въ 9-мъ нумерѣ *Дамскаго* Журнала на 1827 годъ; наконецъ, я долженъ былъ объясниться и обнаружить истину предъ Публикою. Мнѣ пріятно думать, что замѣчанія мои принесутъ нѣкоторую пользу Русской Словесности и потому, прошу васъ, М. Г., напечатать мое письмо въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Телеграфа*.

Имѣю честь быть, и проч.

Одинъ изъ вашихъ подписчиковъ

С. П — ій, Московскій житель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Дружеская бесѣда поселянъ.

Что вы други приуныли?
И задумались о чемъ?
Мысли ль сердце возмутили,
За дубовымъ здѣсь столомъ?
Намъ грѣшно не веселиться,
Милымъ и роднымъ друзьямъ!
Слава Богу! — хлѣбъ родится,
По златымъ у насъ полямъ.

* * *

Горькой нужды мы не знаемъ,
Дружно межь собой живемъ;
Каждой день съ зарей встаемъ,
И съ весельемъ работаемъ.
На поля ли бросимъ взглядъ, —
Сколько тамъ пшеницы зрѣлой! —
При стадахъ пастухъ веселый!
Будто лѣсъ скирды стоятъ!

* * *

Не зоветъ на ратно поле
Насъ военная труба;
Мы живемъ въ прохладной волѣ
Не грозитъ бѣдой судьба —
Подъ защитою Царевой,
Какъ за каменной горой!
Не посмѣетъ врагъ суровый
Къ намъ придти сюда съ войной.

Наши дѣды не боялись
Никогда своихъ враговъ;
Богу слава! — мы остались,
На поминъ своихъ отцовъ!
Наша грудь крѣпка съ рукою,
Только врагъ лишь покажись! —
Мы готовы будемъ къ бою,
Врагъ со свѣтомъ распростись!

* * *

Есть на что полюбоваться!
На дѣтей мы бросимъ взглядъ!
Что же скукѣ предаваться
Всѣ Творца благодарятъ!
Пейте жъ други, забавляйтесь,
Веселитесь межъ собой;
Ничего не опасайтесь, —
Мы за каменной горой! —

Слѣпушкинъ.

Іюль 12,
1827.

№ XXI.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Персидскія дѣла 1795 и 1796 годовъ.

(*Окончаніе.*)

Императрица ЕКАТЕРИНА Великая ужаснулась, когда получила извѣстіе о жестокомъ наказаніи, совершенномъ Персидскимъ Шахомъ надъ народомъ и Царемъ, коихъ вся вина состояла въ томъ, что они прибѣгли подъ покровительство Россіи, и кои подвергались угрожавшимъ имъ опасностямъ, въ надеждѣ на обѣщанное пособіе. Много было толковъ о причинахъ, замедлившихъ сію помощь. Одинъ Грузинецъ, составившій описаніе всѣхъ происшествій сего вторженія, утверждаетъ, что Генералъ *Гудовичъ*, бывшій отъ Тифлиса въ разстояніи только на шесть дней похода и начальствовавшій надъ Арміею, достаточною для защиты сей Столицы, отказался идти къ ней на помощь, вопреки безпрестанныхъ убѣжденій *Ираклія*. Генералъ сей, говоритъ Сочинитель, не хотѣлъ вѣрить, чтобы опасность была столь близка; онъ полагалъ, что силы

Аги-Магомета-Хана были преувеличены, и во всякомъ случаѣ не ожидалъ, чтобы Государь сей осмѣлился атаковать Тифлисъ, не овладѣвъ прежде Эриванью и Шушею. Но дѣло состояло въ томъ, что Россійскій Генералъ, имѣя свои войска, расположенными по всей Кавказской линіи, не могъ скоро ихъ соединить и придти въ Тифлисъ ранѣе трехъ или четырехъ недѣль. Вѣроятно, что *Ираклій*, слишкомъ поздно прибѣгнулъ къ его помощи, бывъ въ надеждѣ, что какія-либо обстоятельства остановятъ или перемѣнятъ путь, принятый *Агою-Магометомъ*.

Событія сіи произвели надъ *Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ* сильное впечатлѣніе, доказательствомъ чему служатъ сдѣланныя Ею приготовленія. По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о пораженіи и бѣгствѣ *Ираклія*, Ген. *Гудовичу* было предписано вступить въ Грузію съ 8-ю тысячами человѣкъ. Одинъ изъ Русскихъ Генераловъ съ небольшимъ корпусомъ достигъ Дербента и провелъ зиму подъ стѣнами сего города; въ слѣдующую же весну (1796) къ нему присоединилась 35-ти-тысячная армія, состоявшая подъ начальствомъ Генерала *Валеріяна Зубова*, который немедленно началъ вести войну, болѣе дѣятельную: крѣпости Дербентъ, Баку, Ганжа сдались, или признали могущество побѣдителей. До наступленія зимы, Русскіе владѣли всѣмъ берегомъ Каспійскаго моря, начиная отъ устья Терека до Кура, и утвердили вдоль береговъ сей послѣд-

ней рѣки сообщеніе съ Грузіею. Послѣ сихъ успѣховъ, Гр. *Зубовъ* съ главными силами своей Арміи перешелъ за Араксъ, и расположился на зимнихъ квартирахъ въ славной Муганской долинѣ. Отсюда былъ ему открытъ весь Адербеджанъ, а за покореніемъ сей Области вѣроятно бы послѣдовало нападеніе на Тегеранъ, Столицу Персидскихъ Шаховъ. Тылъ Арміи *Зубова* былъ обезопасенъ войсками, занимавшими Грузію; одинъ корпусъ былъ отправленъ изъ Астрахани для прикрытія его лѣваго фланга, и авангардъ его уже занималъ Ленкоранъ, на берегахъ Гилани.

Ага-Магометъ-Ханъ, извѣстясь объ успѣхахъ Россіянъ, назначилъ Правителемъ Мошеда одного изъ Князьковъ собственнаго своего поколѣнія и, оставя подъ его начальствомъ войско, какое полагалъ достаточнымъ для защиты сего города, быстро двинулся къ Тегерану. Время уже было поздное для начатія въ семъ году какихъ-либо военныхъ дѣйствій (*), но Армія Шаха получила повелѣніе соединиться раннею весною и всѣмъ Военачальникамъ было приказано собрать свои войска, дабы наказать дерзость Европейцевъ, осмѣлившихся вторгнуться во владѣнія Шаха.

(*) Онъ прибылъ въ свою Столицу 20-го Сентября (н. ст.). Въ Адербеджанѣ зима часто начинается въ Октябрѣ, и не рѣдко случалось, что въ семъ мѣсяцѣ падалъ весьма сильный снѣгъ. Въ 1810 году, вся страна сія была покрыта снѣгомъ, отъ Урагана, начавшагося, 20-го Октября. *Сог.*

Давно Персія не была угрожаема столь великою опасностію; но гроза прошла въ одно мгновеніе, со смертію *ЕКАТЕРИНЫ*, случившеюся въ концѣ сего года. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Ея Преемника, было отозваніе Арміи, предводительствуемой *Зубовымъ*. Войска сіи возвратились въ Россію, не бывъ безпокоемы на своемъ обратномъ походѣ; конечно, онѣ проходили землями дружественными (*), и Генералъ, ими начальствовавшій, наблюдалъ столь строгую дисциплину въ областяхъ имъ посѣщенныхъ, что оставилъ глубокое впечатлѣніе правосудія и могущества своей Монархини. Слава *ЕКАТЕРИНЫ* разнеслась по всему Востоку. Персіяне слышали разсказы своихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ изъ Россіи, о мудрости Ея (**) правленія и успѣхахъ въ войнахъ съ чужестранцами. Удивленіе ихъ, возбуждаемое Ея дѣлами, увеличивалось еще болѣе, когда они вспоминали о Ея полѣ. Въ землѣ, гдѣ женщины почитаются только рабами, созданными для удовольствія

(*) Одинъ Русскій Офицеръ отправился въ повозкѣ изъ Дербента въ Астрахань, безъ всякаго конвоя и не потерпѣлъ никакой обиды. *Сост.*

(**) *ЕКАТЕРИНА II-я*, въ продолженіе всей Ея жизни, была извѣстна въ Персіи подъ именемъ *Хуршидъ-Кулаи или Вѣнчаннаго Солнца*. Жители сего Государства, еще и теперь даютъ ей сіе прозваніе, которое содѣлалось особеннымъ титуломъ сей Государыни. *Сочин.*

мущинѣ, почиталось неизъяснимымъ чудомъ, что женщина управляетъ обширнымъ Государствомъ, съ большимъ искуствомъ, нежели часто мущина; личная слава *ЕКАТЕРИНЫ* придавала еще большую силу Ея войскамъ, и если бы Она жила долѣе, то вѣроятно, что произвела бы надъ Персіею глубокое впечатлѣніе.

Ага-Магометъ оказывалъ всегда большую самонадѣянность: онъ казался увѣреннымъ въ способахъ, кои думалъ противопоставить вторженію Русскихъ и, по справедливости, планъ имъ принятый, былъ именно тотъ, который представлялъ наиболѣе успѣховъ. Намѣреніе, которое онъ принялъ, можно видѣть изъ слѣдующаго Анекдота, который въ то же время дастъ ясное понятіе о его характерѣ. Собравъ своихъ Военачальниковъ, онъ сказалъ имъ, что въ то время, когда находился въ Хороссанѣ, Русскіе осмѣлились вторгнуться въ предѣлы его Государства, съ другой стороны; „но, храбрые мои воины, продолжалъ онъ, „пойдутъ противъ нихъ, и если позволитъ „Богъ, мы нападемъ на сіи стѣны, сгроможденные изъ пушекъ; на сіи строи славной пѣхоты, и разрубимъ ихъ на части нашими побѣдоносными мечами.“ Начальники Персидскихъ войскъ одобрили сію геройскую рѣшимость ихъ предводителя, и обѣщали пролить за него всю свою кровь. Когда они разъѣхались, то Шахъ призвалъ къ себѣ своего Министра *Хаджи-Ибрагима* и спросилъ его, слышалъ ли онъ слова, сказанныя имъ Войсковымъ Начальникамъ. Министръ отвѣчалъ, что слышалъ.

„И ты думаешь, что я поступлю согласно „сказанному мною?“ — Безъ сомнѣнія, если такъ будетъ угодно Вашему Величеству! — „*Хаджи*, сказалъ *Ага-Магометъ*, полу-разсерженный, не уже ли я ошибся? Не уже ли ты „столь глупъ, какъ и прочіе? Такой умный человѣкъ, какъ ты, можетъ ли повѣрить, „чтобы я когда-либо подставилъ мою голову, „подъ сіи желѣзныя стѣны, или допустилъ „истребить неправильную мою армію ихъ Артиллеріею и благоустроенными войсками? Я „знаю лучше мое дѣло. Никогда Русскія пули „до меня не достигнутъ и Россіяне могутъ „овладѣть только тѣмъ, что будетъ находиться подъ огнемъ ихъ Артиллеріи. Имъ „некогда будетъ дремать и они могутъ идти „куда пожелаютъ, я вездѣ буду открывать „имъ одну пустыню.“

Ага-Магометъ узнавъ, что Русскіе удалились, рѣшился идти въ Грузію. *Ираклій* умеръ вскорѣ послѣ потери своей Столицы; ему наслѣдовалъ старшій его сынъ *Георгій*. Государь сей, видя удаленіе Россійскихъ войскъ, прибѣгнулъ къ опасному средству: онъ принялъ въ свою службу многочисленный корпусъ Лезгинцевъ (*), сихъ горныхъ жителей, производившихъ столь частыя вторженія въ прелестныя долины Грузіи. Слабость Государя, представлявшаго имъ

(*) Въ рукописи одного отличнаго Писателя, уроженца Тифлисскаго, число Лезгинцевъ, вступившихъ въ Грузію показано до 17.000. — „*Такіе друзья*, говоритъ онъ, *были гораздо опаснѣе всякаго непріятеля.*“ *Сост.*

столь удобный случай для удовлетворенія ихъ любви къ грабежамъ, не могла противиться господствующей страсти сего народа. — Персидская армія выступила изъ Тегерана при самомъ началѣ весны. *Ага-Магометъ-Ханъ* находился уже только въ шестидесяти миляхъ отъ Аракса, какъ получилъ извѣстіе, что старѣйшіе жители Шуши, хотѣли захватить своего Правителя *Ибрагима-Хана*, но оный бѣжалъ въ Дагестанскія горы. Шушинцы упрашивали Персидскаго Монарха занять крѣпость, приготовленную ими къ сдачѣ. *Ага-Магометъ* оставя свой обозъ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда своей арміи, выступилъ съ корпусомъ легкихъ войскъ для занятія сей важной крѣпости, сопротивлявшейся столь долго всѣмъ его усиліямъ. Онъ нашелъ Араксъ въ полномъ разлитіи, однако далъ своему войску повелѣніе переправиться черезъ оный. Число перевозныхъ судовъ было недостаточно, но страхъ не повиноваться его приказаніямъ былъ столь силенъ, что тѣ, кои не могли умѣститься въ лодки, рѣшились пуститься вплавь. Множество изъ нихъ утонуло, ибо рѣка была быстра и глубока; однако Персидскій Монархъ достигнулъ желаемаго и вступилъ въ Шушу прежде, нежели приверженцы *Ибрагима-Хана*, могли употребить какія-либо усилія для овладѣнія сею крѣпостью. Сей счастливый успѣхъ, обѣщалъ арміи *Аги-Магомета* блистательную кампанію, но между тѣмъ, какъ она, заранѣе утѣшала себя побѣдами, казав-

шимися ей легкими, внезапное обстоятельство перемѣнило ходъ всего дѣла.

Черезъ три дня, по вступленіи *Аги-Магомета-Хана* въ Шушу, возникла ссора между *Саадукомъ*, Грузинскимъ невольникомъ, однимъ изъ любимѣйшихъ его служителей, и другимъ слугою (*), за какую-то недостававшую сумму денегъ. Шахъ разгнѣванный на шумъ ими произведенный, далъ повелѣніе умертвить обоихъ на мѣстѣ (**). *Саадукъ* Ханъ Шекинскій, знатный Вельможа, просилъ пощадить виновныхъ. Шахъ былъ непреклоненъ и только сказалъ, что по случаю Пятницы, коей ночь посвящена молитвѣ, онъ отлагаетъ ихъ казнь до слѣдующаго утра. Послѣ сего, можно отчасти повѣрить молвѣ, носившейся въ то время о разстройствѣ ума *Аги-Магомета-Хана* (***); зная, что осужденные имъ на смерть слуги, были твердо увѣрены, что приговоръ ихъ властителя былъ непремѣненъ, онъ допустилъ ихъ отправлять обыкновенныя должности, въ послѣднюю ночь ихъ жизни. Отчаяніе при-

---

(*) Онъ назывался *Худададомъ* и должность его состояла въ томъ, чтобы раскидывать палатки и имѣть за ними смотрѣніе. *Сог.*

(**) Другіе разсказы имѣютъ разность съ симъ показаніемъ. Въ одной рукописи сказано, что еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ *Саадукъ*, возбудилъ гнѣвъ своего Государя, проливъ воду на коверъ, на коемъ сей совершалъ свое моленіе. *Сог.*

(***) Одинъ изъ Министровъ *Аги-Магомета* увѣрялъ меня, что въ это время, разумъ сего Государя весьма близко подходилъ къ дурачеству. *Сог.*

дало имъ мужества, и когда Государь сей заснулъ, они вошли въ его покой, въ сопровожденіи еще одного человѣка, подговореннаго ими къ содѣйствію, и кинжалами прекратили жизнь одного изъ мудрѣйшихъ Монарховъ, бывшихъ на Престолѣ Персіи. Полагаютъ, что невольники сіи были поощрены къ совершенному ими убійству *Саадукомъ* Ханомъ Шекинскимъ; послѣдствія придали сему подозрѣнію видъ правдоподобія: ибо властолюбивый сей Военачальникъ оказалъ убійцамъ свое покровительство, принялъ Царскія украшенія, ими ему поднесенныя и, собравъ подвластныхъ ему единоплеменниковъ, домогался овладѣть Верховнымъ Правленіемъ.

Ага - Магометъ - Ханъ былъ умерщвленъ на шестьдесятъ третьемъ году своего возраста. Государь сей часто говаривалъ о нынѣшнемъ Персидскомъ Шахѣ, своемъ племянникѣ: — „Всю эту кровь я пролилъ для того, чтобы „сей ребенокъ, *Баба - Ханъ*, могъ властвовать „спокойно.“ —

А. Висковатовъ.

Матеріалы для Исторіи войны съ Горцами и Персіанами.

Одиннадцатое письмо Генерала отъ Инфантеріи Князя Циціанова къ Генералу В., изъ деревни Караклисъ, въ Бомбакской провинціи, отъ 14-го Сентября 1804 года.

М. Г.!

Великую правду изрекъ безсмертный *Задунайскій*, что войну надобно начинать съ брюха. По недоставленію для отряда войскъ, подъ моимъ начальствомъ блокировавшаго Эриванскую крѣпость, изъ Казаховъ провіанта, я долженъ былъ снять сію блокаду. Хлѣба изготовлено было 3.000 кодъ, (1.000 четвертей): это ясно изъ рапорта ко мнѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Князя Чевчевадзева*; но испорченность и трудность дорогъ, и неспособность нѣкоторыхъ Чиновниковъ, для перевозки сего провіанта употребленныхъ, оголодили моихъ храбрыхъ солдатъ. Я истощилъ всѣ человѣческія средства къ продовольствію моего отряда: замѣнялъ половинную дачу хлѣба, закупленнымъ у подводчиковъ подвижнаго магазина на порцію скотомъ; отыскивалъ по 5 четвертей на форштатѣ въ ямахъ и забралъ весь хлѣбъ, закладенный въ стѣнахъ Эчміадзина. До послѣдней крайности, надѣялся я, что чрезъ 15 дней *Баба-Ханъ* удалится: потому, что меня въ томъ, преданные мнѣ люди согласно увѣряли — и тогда-то, крѣпость сія

безъ пролитія крови сдаться долженствовала. Между тѣмъ, Персидская конница въ окружностяхъ Эчміадзина и Эривана весь хлѣбъ на поляхъ выжгла.

Сіе послѣднее критическое положеніе принудило меня созвать Военный Совѣтъ, приглася въ оный Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ до Подполковничьяго чина. Я предложилъ имъ, что по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, мы поставлены въ необходимость избрать изъ двухъ средствъ одно, а именно: штурмъ или снятіе блокады, убѣждая ихъ къ первому, потому, что послѣдствія влекутъ за собою непріятности. Однако же большинство голосовъ было противъ штурма; со мною былъ одного мнѣнія только Генералъ-Маіоръ *Портнягинъ;* другіе пять противнаго. Я вынужденнымъ нашелся согласиться съ сими послѣдними. Почему, 4-го Сентября снята блокада Эривани и мы начали отступленіе, посреди величайшихъ опасностей; но по Божіему покровительству, застращенный нами непріятель не смѣлъ изъ крѣпости показаться, а ограничился пушечными выстрѣлами, и тогда уже, какъ кареи находились внѣ онаго.

При семъ горестномъ случаѣ, не могу безъ стѣсненія сердца видѣть себя, въ теченіи 35-ти лѣтней моей службы, вторымъ только въ Россійскомъ войскѣ, снявшимъ блокаду изъ подъ города, не взявъ его. Имѣю честь быть.

Примѣч. Славная тѣнь Генерала *Кн. Цицїанова*, измѣннически умерщвленнаго Персіанами,

теперь утѣшена. *Графъ Паскевичъ - Эриванскій*, Генералъ - Лейтенантъ *Красовскій* и Генералъ - Адъютантъ *Графъ Сухтеленъ* знаменитыми подвигами вознаградили за неудачу его подъ Эриванью и за смерть его.

Къ *Графу Паскевичу* можно примѣнить стихи *Державина:*

Ты, бѣлаго Царя уронъ
Отмстилъ побѣдами сторицей.

Издатель.

Двѣнадцатое письмо Генерала отъ Инфантеріи Кн. Циціанова къ Ген. В., отъ 17-го Сентября 1804 года.

М. Г.!

Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, взятіе Эривани сдѣлалось необходимостью. Долгомъ считаю изложить важныя причины оной: 1-е. Надлежитъ уничтожить Хана, вѣроломно призывавшаго меня на помощь при подступленіи *Баба - Ханова* сына и послѣ самыми пустыми отговорками окончившаго. 2-е Для поддержанія славы Россійскаго оружія и для пользы дѣлъ нашихъ въ здѣшнемъ краю.

Но для благоуспѣшнаго облежанія и овладѣнія сею важною крѣпостью, нужно усилить меня войсками; а именно: къ двумъ назначеннымъ Козачьимъ, еще два полка, и, по крайней мѣрѣ, два пѣхотныхъ, сверьхъ укомплектованія полковъ, находящихся нынѣ въ Грузіи. Время удобнѣйшее ко взятію Эривани есть

зимою, хотя по снѣжному хребту горъ, раздѣляющему Грузію съ Эриванью и весьма затруднительно; но затрудненіе сіе помрачается тою выгодою, что блокирующее войско не будетъ имѣть 40 тысячь непріятеля въ окруженіи, и въ короткое время можетъ взять крѣпость. Буде же предположено будетъ брать оную весною; то необходимо нужно Каспійской флотиліи выступить и стать противъ Зенделей, дабы удержать *Баба-Хана* въ Тегеранѣ, или держать его въ страхѣ потерять Рящу: и тогда, по взятіи Эривани, оная флотилія можетъ, выполня по плану взятіе Баки, возвратиться въ Астраханскій Портъ.

Необходимымъ также почесть можно то, чтобъ имѣть 1.000 человѣкъ запасныхъ рекрутъ, для укомплектованія полковъ въ Грузіи, держа ихъ на линіи, и по удобности проѣзда брать ихъ сюда; безъ чего рекруты, приходя на линію весьма поздно, и когда весенній путь чрезъ Тагаурское ущелье кончится, должны дожидаться Сентября мѣсяца, и въ самое трудное и холодное время проходить, какъ сіе ущелье, такъ и Кашаурскую гору, непроходимыми снѣгами покрывающуюся, и частыми обрывами снѣга опасную; на которой должно всякой разъ прорывать чрезъ 15 верстъ дорогу, иногда до сажени глубиною. Имѣю честь быть, и пр.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Состояніе Императорскихъ Россійскихъ военныхъ сухопутныхъ силъ въ 1828 году.

Краткое извлеченіе изъ любопытной книги, изданной при Главномъ Штабѣ Е. И. В., подъ заглавіемъ: *Списокъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ всей Россійской Арміи, съ показаніемъ чиновъ, фамилій и знаковъ отличій.*

Главный Штабъ *Его Императорскаго Величества* составляютъ

Департаменты:

Инспекторскій, Аудиторіатскій, Артиллерійскій, Инженерный, Коммисаріатскій, Провіантскій, Медицинскій.

Сверьхъ того:

Военно-Ученый Комитетъ, Военно-Топографическое Депо, Корпусъ Топографовъ, Совѣтъ Военнаго Министерства, Генералъ-Адъютанты, состоящіе въ свитѣ *Его Величества*, Флигель-Адъютанты.

Гвардейскій Генеральный Штабъ, Генеральный Штабъ, Инженерный Корпусъ: а.) *Гвардейскіе Инженеры;* б.) *Полевые Инженеры;* Артиллерія; *Состоящіе по Артиллеріи;* Состоящіе по Арміи.

ГВАРДЕЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

Легкая Гвардейская Кавалерійская дивизія. 1-я бригада: Лейбъ-Гвардіи: Драгунскій и Уланскій полки. 2-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи: Гусарскій, Конно-Егерскій, Козачій полки; седьмый Черно-

морскій эскадронъ, Лейбъ-Уральская сотня, Лейбъ-Гвардіи Крымско-Татарскій эскадронъ, 1-й Конно-Піонерный эскадронъ.

Пѣхота Гвардейскаго Корпуса.

1-я *Гвардейская пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи: Преображенскій и Московскій полки. 2-я Бригада: Семеновскій и Гренадерскій полки.

2-я *Гвардейская пѣхотная дивизія.* 3-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи: Измайловскій и Павловскій полки и Саперный баталіонъ. 4-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи: Егерскій и Финляндскій полки.

Гвардейска пѣхотная Артиллерія: 1-я Артиллерійская бригада; 2-я Артиллерійская бригада.

Гвардейская Фурштатская бригада.

I-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

1-я *Кирасирская дивизія:* 1-я бригада: Кавалергардскій и Лейбъ-Гвардіи Конный полки. 2-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи Кирасирскій и Лейбъ-Кирасирскій *Ея Императорскаго Величества* полки.

Лейбъ-Гвардіи конно-Артиллерійская бригада.

1-я *Уланская дивизія:* 1-я бригада: Уланскій Его Имп. Высоч. Вел. Кн. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА полкъ, Сибирскій. 2-я бригада: Оренбургскій и Ямбургскій полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 9 и 10.

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУСЪ ВОЙСКЪ, состоящихъ подъ начальствомъ *Его Императорскаго Высочества Цесаревича.*

Главный Штабъ Е. И. Высочества Цесаревича.

Корпусный Штабъ.

Гвардейская Кавалерійская дивизія. 1-я Бригада:

Лейбъ-Гвардіи Подольскій Кирасирскій и Уланскій *Его Им. Высочества Цесаревича* полки. 2-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи: Польскій конно-Егерскій и Гродненскій Гусарскій полки.

Батарейная батарея.

Сводная Гвардейская и Гренадерская дивизіи: 1-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи Литовскій и Польскій Гренадерскій полки. 2-я Бригада: Самогитскій и Луцкій Гренадерскіе полки. 3-я Бригада: Лейбъ-Гвардіи Волынскій и Несвижскій Карабинерный полки; Саперный баталіонъ.

Лейбъ-Гвардіи батарейная No 3 рота.

Гренадерская Артиллерійская бригада.

ПЕРВАЯ АРМІЯ.

Главный Штабъ.

Резервныя подвижныя Инвалидныя роты: No 55, 58 и 61.

I-й КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

1-я *Гусарская дивизія:* 1-я бригада: Сумскій и Ольвіопольскій полки; 2-я бригада: Клястицкій и Лубенскій полки.

Конныя Артиллерійскія роты: No 1 и 2.

1-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: 1-й Морской и 2-й Морской; 2-я бригада: 3-й Морской и 4-й Морской полки. 3-я Бригада: 1-й и 2-й Егерскіе полки.

2-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Принца *Вильгельма* Прусскаго и Принца *Карла* Прусскаго пѣхотныя полки. 2-я Бригада: Ревельскій и Эстляндскій. 3-я Бригада: 3-й и 4-й Егерскіе полки.

3-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Старо-Ингерманландскій и Ново-Ингерманландскій; 2-я бригада: Пѣхотный Фельдм. *Кн. Кутузова-Смоленскаго* и Великолуцкій; 3-я бригада: 5-й и 6-й Егерскіе полки.

Бригада третьихъ баталіоновъ 1-го пѣхотнаго корпуса.

1-я *Артиллерійская дивизія:* 1-я, 2-я и 3-я Артил. бригады.

1-й *Піонерный баталіонъ.*

1-я *Фурштатская бригада.*

Подвижныя инвалидныя роты: No 32, 33 и 56.

II-й КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

2-я *Гусарская дивизія.* 1-я Бригада: полкъ Эрцъ-Герцога *Фердинанда* и Павлоградскій. 2-я Бригада: Елисаветградскій и Иркутскій полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 3 и 4.

4-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Архангелогородскій и Вологодскій; 2-я бригада: Костромскій и Галицкій; 3-я бригада: 7-й и 8-й Егерскіе полки.

5-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Бѣлозерскій и Олонецкій; 2-я бригада: Шлиссельбургскій и Ладожскій; 3-я бригада: 9-й и 10-й Егерскіе полки.

6-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я Бригада: Невскій и Софійскій; 2-я бригада: Нарвскій и Копорскій; 3-я бригада: 11-й и 12-й Егерскіе полки.

Бригада третьихъ бат. 2-го пѣхотнаго Корпуса.

2-я *Артиллерійская дивизія:* 4-я, 5-я и 6-я Артиллерійскія бригады.

Піонерный баталіонъ второй.
Фурштатскій баталіонъ второй.
Подвижная Инвалидная рота No 57.

III-й КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

3-я *Гусарская дивизія.* 1-я бригада: Ахтырскій и Александрійскій; 2-я бригада: Генералъ-Фельдмаршала Графа *Витгенштейна* и *Принца Оранскаго* полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 5-й и 6-й.

7-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Муромскій и Нижегородскій; 2-я бригада: Низовскій и Симбирскій; 3-я бригада: 13-й и 14-й Егерскіе полки.

8-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Троицкій и Пензенскій; 2-я бригада: Тамбовскій и Саратовскій; 3-я бригада: 15-й и 16-й Егерскіе полки.

9-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Черниговскій и Полтавскій; 2-я бригада: Алексопольскій и Кременчугскій; 3-я бригада: 17-й и 18-й Егерскіе полки.

Бригада третьихъ баталіоновъ, 3-го пѣхотнаго Корпуса.

3-я *Артиллерійская дивизія:* 7-я, 8-я и 9-я Артиллерійскія бригады.

Піонерный баталіонъ третій.
Фурштатская бригада третья.
Подвижная Инвалидная рота No 58-й.

Сводная дивизія 4-го пѣхотнаго Корпуса: 1-я бригада: Елецкій, Сѣвскій, Брянскій, Орловскій, 21-й и 22-й Егерскіе полки; 2-я бригада: Курскій, Старосколъскій, Рыльскій, Воронежскій, 23-й и 24-й Егерскіе полки.

Примѣчаніе. Всѣ полки сей сводной дивизіи имѣютъ только по два баталіона.

Бригады третьихъ баталіоновъ: Сводной 4-го пѣх. корпуса, 10-й и 16-й пѣх. дивизій.

4-я *Артиллерійская дивизія.* 10-я, 11-я и 12-я бригады.

Піонерный баталіонъ четвертый.

Фурштатская бригада четвертая.

Подвижныя Инвалидныя роты: No 35-й и 36-й.

10-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Генералъ-Фельдм. *Герцога Веллингтона* и *Могилевскій;* 2-я бригада: Витебскій и Полоцкій; 3-я бригада: 19-й и 20-й Егерскіе полки.

Сводная дивизія 5-го пѣхотнаго Корпуса. 1-я бригада: Владимірскій, Суздальскій, Ген. Фельд. Графа *Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена;* Ярославскій, 25-й и 26-й Егерскіе полки; 2-я бригада: Московскій пѣхотный, Бутырскій, Бородинскій, Тарутинскій, 27-й и 28-й Егерскіе полки; 3-я бригада: Рязанскій, Ряжскій, Бѣлевскій, Тульскій, 29-й и 30-й Егерскіе полки.

Всѣ полки сей Сводной дивизіи двух-баталіонные.

Бригада третьихъ баталіоновъ Сводной дивизіи 5-го пѣхотнаго Корпуса.

5-я *Артиллерійская дивизія:* 13-й, 14-й и 15-й бригады.

Піонерный баталіонъ пятый.

Фурштатская бригада пятая.

Отряды, при построеніи крѣпостей Динабургской и Бобруйской.

1-я *Сводная Піонерная бригада:* изъ 1-го, 2-го и 5-го Піонернаго баталіоновъ.

2-я *Сводная Піонерная бригада:* изъ Сапернаго баталіона и изъ 3-го и 4-го Піонерныхъ.

II-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

2-я *Кирасирская бригада.* 1-я бригада: Екатеринославскій и Глуховскій; 2-я бригада: Астраханскій и Псковскій Кирасирскіе полки.

2-я *Уланская дивизія.* 1-я бригада: Бѣлгородскій и Чугуевскій; 2-я бригада: Борисоглѣбскій и Серпуховскій Уланскіе полки; Поселенные и Резервные эскадроны второй Кирасирской дивизіи. Поселенные и Резервные эскадроны второй Уланской дивизіи.

4-я *Гусарская дивизія.* 1-я бригада: Ингерманландскій и Нарвскій Гусарскіе; 2-я бригада: Кіевскій и Митавскій Гусарскіе полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 11 и 12, 13 и 14, 7 и 8-го.

Фурштатская бригада седьмая.

IV-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

1-я *Драгунская дивизія.* 1-я бригада: Московскій и Каргопольскій; 2-я бригада: Кинбурнскій и Новороссійскій Драгунскіе полки.

1-я *Конно-Егерская дивизія.* 1-я бригада: Сѣверскій и Черниговскій; 2-я бригада: Нѣжинскій и Дерптскій Конно-Егерскіе полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 19 и 20, 21 и 22.

Фурштатская бригада осьмая.

V-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

2-я *Драгунская дивизія.* 1-я бригада: Казанскій и Его Корол. Выс. *Герцога Александра Виртембергскаго.* 2-я Бригада: Тверскій и Финляндскій Драгунскіе полки.

2-я *Конно-Егерская дивизія.* 1-я Бригада: Переяславскій и Его Вел. *Короля Виртембергскаго.* 2-я бригада: Арзамасскій и Тираспольскій полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 23 и 24, 25 и 26.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВЕЙНАМЕНА И ЮКОВАЙНА (*).

Разъ разумный *Вейнамена*
И безбрадый *Юковайна*,
Встрѣтясь въ быстромъ санномъ бѣгѣ,
Полозъ за полозъ задѣли,
Съ трескомъ сшиблися ихъ дуги!
И воскликнулъ *Юковайна:*
„Стой! тому лежитъ дорога,
Кто изъ двухъ насъ больше знаетъ:
А тому долой съ дороги,
Кто съ другимъ неровенъ въ знаньи.
Вотъ: я знаю тайны бездны,
Какъ, когда пахали море;
Знаю, какъ дѣлили землю;

(*) Сей образчикъ Финской Поэзіи съ соблюденіемъ *аллитераціи* т. е. повторенія одной и той же буквы въ каждомъ стихѣ, изъ книги: „Ueber die Finnissche Schprache und ihre Litteratur:“ экземпляръ сей книги получилъ я отъ самого Сочинителя *Г-на Шегрина*, который былъ здѣсь (въ городѣ Петрозаводскѣ) въ исходѣ прошлаго года. *Ѳ. Г.*

Какъ столпы творили въ небѣ.
Знаю синихъ горъ строенье,
Знаю какъ круглили холмы!!! —

(*Тутъ старый Вейнамена, показавъ силу свою надъ молодымъ Юковайною, говорилъ такъ*):

„Дѣтскій разумъ! Бабья мудрость!
Дерзкій мальчикъ, безбородый!
Вѣдай: я расширилъ воды!
Я обвелъ брегами бездны!
Я пахалъ долины моря,
Я дѣлилъ поля земныя!
Въ небѣ я жь столпы поставилъ!
Я взбугрилъ и сини горы,
И холмы скруглилъ все я же!"

(*Юковайна смирился и ласкаясь, вызывалъ Вейнамена къ пѣнію*).

„Пой мнѣ, пой мнѣ, *Вейнамена!*
Сладкій, свѣтлый небо-житель!" —
Но разумный *Вейнамена*,
Далъ отвѣтъ ему совѣтный:
„Рано, рано пѣть намъ пѣсни,
Не пора будить блаженства!" —

(*Однакожъ, видя неотступность младаго Юковайна старый Богъ пѣснопѣнія воспѣлъ и . . .*)

Вздулись щеки, въ членахъ трепетъ,
И кремнистый берегъ треснулъ:
И граниты заскрыпѣли
Отъ напѣва *Вейнамена* —
Распахнулись двери Норда,
И разсѣлись своды неба
Отъ напѣва *Вейнамена!* —

Ѳ. Глинка.

2.

ВЕСНА.

Отъ высоты незримой Рая,
Въ плѣнительныхъ зари лучахъ,
Въ улыбкѣ животворной Мая,
Въ журчащихъ нѣгою ручьяхъ,
Въ благоухающихъ цвѣтахъ,
Въ прохладныхъ легкихъ вѣтеркахъ,
Въ привѣтахъ нѣжныя свирѣли,
Въ волшебныхъ пѣсняхъ Филомелы,
Во блескѣ свѣжія росы,
Въ забавахъ сельскія красы,
Холмовъ зеленыхъ въ ризѣ брачной,
И въ ароматахъ рощи мрачной, —
Весна прекрасная идетъ,
Съ собою жизнь, любовь несетъ.
О благодатная! какою
Мнѣ пѣснію тебя воспѣть!
И льзя ль холодною душою
На красоту твою смотрѣть!
Лишь тотъ къ тебѣ безчувственъ, хладенъ,
О вѣчно-юная краса,
Въ комъ сердца нѣтъ, кто къ злату жаденъ,
Кому не милы небеса;
Чей духъ и сердце вѣчно тлѣютъ
Подъ гнетомъ нравственныхъ цѣпей,
Чьи чувства и языкъ нѣмѣютъ
Предъ истуканами страстей.
Но тотъ, кто дорожитъ Природой
И сердца милою свободой, —
На чудный дѣвственный ликъ твой,

Взираетъ съ радостной слезой:
Въ твоемъ всемірномъ обновленьѣ
Свое онъ видитъ возрожденье;
И вѣры, упованья полнъ,
Среди невѣрныхъ жизни волнъ,
Великій духомъ, не трепещетъ
Плывя туда, гдѣ тихо плещетъ
Безсмертья свѣтлая волна:
И вся жизнь мудраго — весна!

В. . . . . ій.

3.

В. А. С — ВУ.

Мой юный другъ! — стиховъ моихъ ты просишь;
Ты дани рифмъ желаешь отъ меня,
И просьбою мой пылкій духъ маня,
Его въ страну Поэзіи уносишь. —

Досель по зву волшебницъ молодыхъ
Туда леталъ онъ, сладкимъ имъ плѣненный,
И красотой земной обвороженный
Въ тѣхъ неземныхъ странахъ пѣвалъ о нихъ. —

Мой другъ! — Поэтъ всегда смѣшной мечтатель;
Изящному онъ дань принесть готовъ,
И образовъ его, какъ сладкихъ сновъ,
Онъ на яву безумный обожатель.

Но дорогъ взоръ ему привѣтный дѣвъ;
Бѣда, когда другимъ онъ Неба даромъ

Прельстясь, отъ нихъ заслужишъ правый гнѣвъ,
И оскорбишъ красы ихъ чуждымъ жаромъ! —

Нѣтъ, нѣтъ! — и ты, соперникъ ихъ, но другъ,
Любимецъ ихъ покоющихся взоровъ,
Не навлекай опасныхъ ихъ укоровъ,
Не обольщай блуждающій мой духъ! —

Александръ Глѣбовъ.

4.

ОТРЫВОКЪ.

. . . . . Таковъ я былъ, таковъ и буду я!
Когда на прихоти, на сладкіе обѣды
Казна растрачена моя;
Когда наскучатъ мнѣ жеманныя бесѣды
Жеманныхъ барынь городскихъ;
Когда измѣнница — Лилета
Въ гостяхъ у богачей, на пышномъ ложѣ ихъ
Забудетъ бѣдный одръ Поэта; —
Сажуся дома я! Здѣсь, укрѣпясь душой,
Я мыслю и учусь и славлю жребій мой!
Кричу: „о свѣтскія заботы!
„О суета людей! безумные расчеты!
„За чѣмъ преслѣдовать, невѣрные какъ сны,
„И злато и любовь, и славу и чины!“
Но только сребряной струею
Разгульные рубли польются въ мой карманъ;
Или придворною, Сіятельной четою
Я буду важно въ гости званъ;

Но если вечеркомъ дорожкой потайною
Ко мнѣ *Лилета* завернетъ,
И сладостно меня любовью обнадежитъ,
И взоромъ усмиритъ и взоромъ привлечетъ,
И разцѣлуетъ и разнѣжитъ,
Не дастъ и слова молвить мнѣ; —
Прощайте мудрецы, прощай моя пустыня,
И думъ возвышенныхъ Богиня,
И вольный трудъ наединѣ!
Тутъ снова потекутъ и вздохи и лобзанья,
Затѣи рѣзвыя, наряды и катанья
И бредни нѣжныя и тайные дары;
И Вакху вѣрные, всенощные пиры.

Т.

1826.
Москва.

5.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

„Не крутися красна дѣвица!
Не роняй ты по напрасну слезъ!
Позабудь на вѣкъ невѣрнаго!
Много, много молодцевъ въ селѣ:
Красотой твоей плѣняются.
Другъ предъ другомъ красной дѣвицѣ!
Всѣ понравиться стараются. — —
Говоритъ въ отвѣтъ красавица:
„Красота моя бесчастная:
Моя доля безотрадная!
Кто не знаетъ сердца дѣвицы! —

Разъ полюбишъ друга милаго
А тоскуешъ цѣлый вѣкъ по немъ!"

Сухановъ.

6.

МЕЛАНХОЛІЯ.

(*Въ Альбомъ А. Е. И.*)

Блѣдна, задумчива, грустна,
Въ пустынныхъ дебряхъ бродитъ;
И радостей нигдѣ она,
Отрады не находитъ.
Бѣжитъ отъ свѣта и людей;
Своей страшится тѣни;
Бѣжитъ веселья — какъ злодѣй; —
Однѣ густыя сѣни,
Одна безмолвная страна,
Одинъ лишь сумракъ ночи
И въ тучахъ блѣдная луна —
Ея плѣняютъ очи!

* * *

Она живетъ — въ глуши лѣсовъ,
На кладбищахъ заглохшихъ;
Скитается среди гробовъ,
Густой травой заросшихъ. . . .
И тусклъ, угасшій взоръ ея —
И отцвѣли ланиты;
Вздыхаетъ тяжко грудь ея;
Уста полу-открыты.

И тихъ — унылый, скорбный гласъ;
И звукъ рѣчей не внятенъ;
Ей страшный полуночный часъ —
Отраденъ и пріятенъ.

* * *

И часто, поздою порой,
Мятежной ночью бурной —
Стоитъ, томимая тоской,
Въ слезахъ, надъ хладной урной.
И трескъ громовъ и бури свистъ —
Ее не пробуждаетъ:
Но часто, упадая, листъ —
Тревожитъ, ужасаетъ.
Она мила, она страшна,
Дика и боязлива,
Очаровательна, скромна —
И вѣчно молчалива.

А. Шидловскій.

7.

КЪ НАДЕЖДѢ.

За чѣмъ забытыя мечты,
Весны моей дни золотые,
И взоры дѣвы огневые
Мнѣ вновь припоминаешь ты!
И хочешь усыпать цвѣтами
Мой путь проложенный бѣдами!
Сынъ Сѣвера, могу ли я
Счастливымъ быть, переселенный
Въ край чуждый, солнцемъ опаленный,

Въ страну, гдѣ буйная струя
Кипитъ Аракса подъ скалами;
Гдѣ неба пламеннаго зной,
И съ недоступною главой,
Съ несокрушимыми снѣгами
Восточнымъ солнцемъ Араратъ;
И видъ безплодьемъ омраченныхъ
Степей и битвамъ обреченныхъ,
Гдѣ вновь войны блеститъ булатъ
И видѣнъ свѣжій слѣдъ — пробитый
Аббасъ Мирзы (*) лихимъ конемъ,
По коему бѣжалъ разбитый
Наслѣдникъ Шаха со стыдомъ,
Страшась рабовъ своихъ измѣны
И плѣна тягостныхъ оковъ,
Какъ Русскій внесъ своихъ орловъ
Твердыни Эриванской въ стѣны.
Все даль отъ родины святой,
Гдѣ сердца другъ живетъ прекрасной,
Мнѣ вспоминаетъ ежечасно!
И неизбѣжный жребій мой:
Отечества за рубежами
Всѣ жизни испытавъ бѣды,
Ее окончитъ подъ шатрами,
Въ степяхъ кочующей Орды.

1. . . . 3. . .

Лагерь на Араксѣ,
Въ Ноябрѣ, 1827 года.

(*) Наслѣдника Персидскаго трона.

8.

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ.

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда!
Я клянусь, не влюблюсь
Въ цвѣтъ другой никогда!

И принудишь меня,
И заставишь меня
Разлюбишь черный цвѣтъ —
Силы нѣтъ, власти нѣтъ!

Отъ чего жь я въ него
Влюблена, спросишъ свѣтъ.
Я скажу: черный цвѣтъ —
Друга цвѣтъ моего.

1. . . . 3. . .

Лагерь на рѣкѣ
Араксѣ.

Хамелеонистика.

(Дополненіе къ продолженію седьмому.)

Мнѣніе *Н. А. Полеваго*, о достоинствѣ критическихъ сужденій *Ѳ. В. Булгарина.*

Безпристрастный Издатель *Московскаго Телеграфа* никогда не былъ отступникомъ отъ истины: за то онъ уважается всѣми людьми благомыслящими. Онъ, также какъ *Редакторъ Русскаго Инвалида*, часто находитъ въ сужденіяхъ *Ѳ. В. Булгарина* явное противорѣчіе: два совершенно различныя мнѣнія объ одной и той же книгѣ. Выписываемъ отрывокъ изъ *Особеннаго прибавленія* къ No XXII *М. Т.*, стр. 37.

„Вотъ въ чемъ дѣло. Въ *Литер. листкахъ* 1824 No 16, стр. 127,—пишетъ *Н. А. Полевой*— напечатано: Въ *Revue Encyclopédique*, одномъ изъ отличнѣйшихъ Европейскихъ Журналовъ, издаваемомъ въ Парижѣ Обществомъ Ученыхъ Мужей всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, въ Майской книжкѣ 1823 г., на стр. 384-й, помѣщенъ полный разборъ *Русскаго Инвалида* и *Новостей Литературы*, изд. *Г. Воейковымъ*. Совѣтуемъ почтенному Издателю сихъ Журналовъ прочесть *основательныя и справедливыя замѣчанія на счетъ его трудовъ* и, если возможно, послѣдовать совѣтамъ благонамѣренной Критики.“ Въ томъ же году *Лит. листковъ* въ No 21 и 22, стр. 117, напечатано: Въ *Revue Encyclopédique одна только часть разборовъ хороша, а сообщаемыя Издателями извѣстія объ иностранныхъ книгахъ и*

Литераторахъ таковы, что у насъ не могли бы появиться даже въ Мнемозинѣ: названія *странъ*, *заглавія*, *содержаніе книгъ — все тамъ перемѣшано!* — *Г. Воейковъ* замѣтилъ, что тутъ явное противорѣчіе: два разныя мнѣнія объ одной книгѣ. Г. *Булгаринъ* отвѣчаетъ (въ No IV *С. О.*): „Не могу понять, какимъ образомъ Г. *Воейковъ* отыскалъ тутъ противорѣчіе! Въ *Лит. листкахъ* сказано, что въ *R. E.* помѣщенъ *Полный Разборъ Р. И.* и *Н. Л.*, и повторено, что въ *Révue Encyclopédique* одна только часть разборовъ хороша, слѣдовательно: превосходство *Полнаго Разбора Р. Инвалида* не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію.“ —

Въ заключеніе, *Г. Булгаринъ* обѣщалъ помѣстить сей *Полный разборъ* въ *С. О.*, но онъ не исполнилъ этаго; угодно ли знать *почему?* Въ *Révue Encycl. никогда не бывало Полнаго разбора Русскаго Инвалида!* Тамъ помѣщено, съ небольшимъ на двухъ страничкахъ, Библіографическое извѣстіе объ *Инвалидѣ* (слѣдственно, въ томъ разрядѣ извѣстій, который былъ осужденъ *Г. Булгаринымъ*).

Сколько же неправдъ и противорѣчій насказалъ здѣсь *Г. Булгаринъ!* 1-е, Когда надобно было осудить *Инвалидъ* — онъ похвалилъ *Révue*. 2-е, Когда надобно было унизить *Мнемозину* — онъ уничтожилъ достоинство *Révue*. 3-е, Когда ему замѣтили тутъ противорѣчіе, онъ отдѣлался неправдой, сказавши, что въ *Révue* помѣщенъ *Полный разборъ Русскаго Инвалида*. 4-е, Такъ, какъ въ *Révue* нѣтъ *Полнаго разбора*,

а онъ обѣщалъ помѣстить его въ *С. О.;* — онъ не помѣстилъ сего разбора. Кромѣ того, всякой замѣтитъ, что онъ почитаетъ своихъ Читателей или слѣпыми, или совершенными невѣждами, которые ничего не читаютъ, кромѣ его Журнала и вѣрятъ всему, что ни скажетъ *Г. Булгаринъ!*" — —

Благодаримъ отъ всего сердца Г. Издателя *М. Т.!* Не за то, что онъ вступился за *Р. Инвалидъ;* но за то, что онъ съ благородною ревностью защищаетъ святую правду и честь Русской Словесности!

БИБЛІОГРАФІЯ.

44. *Отчетъ Комитета Общества поощренія Художниковъ за* 1824 *годъ*, съ присовокупленіемъ списка Гг. Членамъ онаго, и таблицы, представляющей состояніе Общества въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ. С. П. Б. 1825.

45. *Первое прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей*, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора *Графа Ѳ. А. Толстаго*. Издалъ *Павелъ Строевъ*. С. П. Б. 1825.

46. *Путеводитель въ Москвѣ*, изд. *С. Н. Глинкою*, сообразно Французскому подлиннику *Г. Лекоэнта де-Лаво*, съ нѣкоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М. 1824.

47. *Разборъ трехъ статей*, помѣщенныхъ въ Запискахъ *Наполеона*. *Денисомъ Давыдовымъ*. М. 1824.

48. *Полное Историческое, Медико-Топографическое, Физико-Химическое и Врачебное описаніе Кавказскихъ Минеральныхъ водъ*, соч. *Александромъ Нелюбинымъ*, Докторомъ Медицины. Двѣ части съ планомъ и таблицами. С. П. Б. 1825.

49. *Обозрѣніе XVI столѣтія*, въ отношеніи къ успѣхамъ въ Наукахъ и Словесности, соч. Московскаго Университета Словесныхъ Наукъ Кандидатомъ *Ѳ. Яковлевымъ*. М. 1825.

50. *Краткое начертаніе древней Географіи*. М. 1825.

51. *Первое прибавленіе къ книгѣ о засмныхъ актахъ*, соч. *П. Дегая*. М. 1825.

52. *Планъ первобытной Кіевской десятинной Богородицкой Церкви съ объясненіемъ*. Соч. *Евгенія*, Митрополита Кіевскаго. С. П. Б. 1825.

53. *Записки, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности.* Часть осьмая. С. П. Б. 1825.

54. *Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту.* М. 1828.

55. *Записки Москвича.* М. 1828.

56. *Собраніе Законовъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ Уголовномъ*, съ 1649 по 1825 годъ, включительно. Составлено *Петромъ* и *Тимоѳеемъ Хавскими.* С. П. Б. 1825.

57. *Собраніе Законовъ, заключающихъ въ себѣ Уголовное Уложеніе.* Составили *Петръ и Тимоѳей Хавскіе.* С. П. Б. 1825.

58. *Собраніе Законовъ объ управленіи питейными сборами въ Россіи.* Составилъ *И. Пестовъ.* С.П.Б. 1825.

59. *О происхожденіи Руси*, разсужденіе, сочин. Московскаго Университета Кандидатомъ *М. Погодинымъ.* М. 1825.

60. *Систематическое собраніе существующихъ правъ и обязанностей управленія казенныхъ крестьянъ Губернскаго, Волостнаго и Сельскаго*, составленное *П. Гуляевымъ.* М. 1825.

61. *Основанія Права Частнаго Гражданскаго.* Изд. *Л. Цвѣтаевъ.* М. 1825.

62. *Начертаніе Теоріи Уголовныхъ законовъ*, изд. *Л. Цвѣтаевъ.* М. 1825.

СМѢСЬ.

Нѣчто объ Англійскомъ Журналѣ: *Лондонскій Трутень.*

Въ 38 No *Сѣверной Пчелы*, напечатана весьма любопытная благонамѣренная статья, взятая изъ одного Французскаго Журнала, въ которой разсказывается, будто нѣсколько молодыхъ людей, досадуя, что никто не хочетъ печатать ихъ стиховъ и критикъ, рѣшились сами издавать Журналъ и назвали его Эдинбургскимъ Вѣстникомъ; что они просьбами и лестными обѣщаніями склонили *Лорда Байрона* участвовать въ ихъ Журналѣ, что, не смотря на то, Журналъ началъ упадать, что главный Редакторъ сего Журнала не имѣлъ никакой власти, а что всѣмъ завѣдывали *мальчики*, что молодые люди, для поддержки падающаго (будто) Журнала, принялись со всѣми браниться и нападать на *огромныя репутаціи* и проч.

Для удовольствія Публики, мы помѣщаемъ продолженіе этаго Анекдота, заимствованное изъ слѣдующей книжки того же самаго Французскаго Журнала.

Въ этой книжкѣ Иностранный Журналистъ объявляетъ, что помѣщенная имъ въ предыдущемъ No статья, есть не иное что, какъ низкая выдумка ловкаго и опытнаго Издателя *Лондонскаго Трутня* (The London Drone). Сей Журналистъ, бывшій, прежде искателемъ при-

ключеній, и никогда ничему не учившійся, но одаренный отъ Природы рѣдкою увертливостью, почиталъ Литературу единственно средствомъ для пріобрѣтенія денегъ, а потому видѣлъ въ каждомъ новомъ Журналѣ новаго врага и находилъ всѣ способы позволенными для пораженія своего противника. Нѣсколько времени забавникъ этотъ морочилъ Публику увѣреніями о своихъ познаніяхъ, талантахъ, дешевизнѣ и достоинствахъ своего Журнала; самъ изволилъ писать похвалы своимъ сочиненіямъ и втирался въ дружбу къ извѣстнымъ Литераторамъ. Возгордившись неожиданнымъ успѣхомъ, онъ принялъ уже на себя тонъ покровительства, и хотѣвшихъ издавать Журналъ увѣщевалъ оставить это предпріятіе и сдѣлаться его сотрудниками; кто же не соглашался, или не вѣрилъ его личинѣ, — тому онъ мстилъ особеннымъ образомъ: провѣдывалъ про его домашнія обстоятельства и описывалъ ихъ въ своемъ Журналѣ. Но не долго продолжалось мишурное торжество Издателя *Лондонскаго Трутня:* множество грубыхъ ошибокъ всякаго рода явно показали его невѣжество, а замашки площаднаго витязя возбудили всеобщее къ нему презрѣніе; узнали, что все его маранье поправлялось (какъ онъ и самъ однажды проболтался), или лучше, вновь передѣлывалось другимъ его товарищемъ, который впрочемъ, ради денежныхъ оборотовъ и своей меркантильной операціи, придерживался этаго Литературнаго сплетника; всѣ Литераторы почувствовали къ нему отвращеніе и отзыва-

лись о немъ такъ, какъ онъ дѣйствительно заслуживалъ.

Въ числѣ Журналовъ, которые вывели *Лондонскій Трутень* на свѣжую воду, находился и *Эдинбургскій Вѣстникъ*. *Трутень*, не будучи въ силахъ отвѣчать *Вѣстнику* на дѣльную Критику, принялся сперва по привычкѣ отвѣчать личностями, а потомъ старался всѣми средствами, во чтобы то ни стало, поссорить Редактора съ сотрудниками, а сотрудниковъ съ Редакторомъ и съ *Лордомъ Байрономъ*. Съ сею цѣлію, Издатель *Трутня* напечаталъ выше сказанную выдумку. Но къ несчастію, онъ далъ промахъ и напрасно ломалъ свою пустую голову: никто не поссорился, *Эдинбургскій Вѣстникъ* продолжается и будетъ продолжаться на зло Литературному Артельщику, а только къ *Трутню* возбудилось презрѣніе больше прежняго — если это только возможно.

Одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ *Трутня*, изумленный мѣднолобіемъ своего прежняго Журналиста - хозяина, долгомъ почелъ извѣстить о семъ почтеннѣйшую Публику и помѣстилъ подъ своею статьею эпиграфъ: *Avis aux lecteurs* (*).

(*) Мы съ своей стороны не можемъ не порадоваться, что подобныя статьи печатаются не у насъ, и что Русскіе Литераторы сохраняютъ въ спорахъ своихъ всю возможную пристойность.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Состояніе Императорскихъ Россійскихъ военныхъ сухопутныхъ силъ въ 1828 году.

(*Продолженіе.*)

ВТОРАЯ АРМІЯ.

Главный Штабъ.

Резервная Инвалидная ½ рота No 62.

VI-й КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

16-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Селенгинскій и Якутскій; 2-я бригада: Охотскій и Камчатскій; 3-я бригада: 31-й и 32-й Егерскіе полки.

17-я *Дивизія.* 1-я бригада: Екатеринбургскій и Тобольскій; 2-я бригада: Томскій и Колыванскій; 33-й и 34-й Егерскіе полки.

Сводная бригада третьихъ баталіоновъ 16 и 17 *пѣх. дивизій.*

6-я *Артиллерійская дивизія:* 16 и 17 *бригады.*
Сводная Піонерная бригада третья.
Піонерный баталіонъ шестой.
Подвижныя Инвалидныя роты No 41 и 63.

VII-й КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

4-я *Уланская дивизія.* 1-я бригада: Санктпетербургскій и Харьковскій; 2-я бригада: Смоленскій и Курляндскій Уланскіе полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 27 и 28.

18-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Казанскій и Вятскій; 2-я бригада: Уфимскій и Пермскій; 3-я бригада: 35 и 36 Егерскіе полки.

19-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Азовскій и Днѣпровскій; 2-я бригада: Украинскій и Одесскій; 3-я бригада: 37 и 38 Егерскіе полки.

Бригада третьихъ баталіоновъ 18 *и* 19 *пѣх. дивизій.*

20-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Крымскій и Севастопольскій; 2-я бригада: Козловскій и Нашебургскій; 3-я бригада: 39 и 40 Егерскіе полки.

7-я *Артиллерійская дивизія.* 18, 19 и 20 бригады.
Піонерный баталіонъ седьмой.
Подвижныя Инвалидныя роты No 65, 43 и 64.

ПОСЕЛЕННЫЯ ВОЙСКА.

Главный Штабъ Е. И. В. по военному поселенію.
Корпусный Штабъ.

1-я *Гренадерская дивизія.* 1-я бригада: Гренадерскій Е. В. *Императора Австрійскаго* и Гренадерскій Е. В. *Короля Прусскаго;* 2-я бригада: Гре-

надерскій Графа *Аракчеева* и Гренадерскій *Наслѣднаго Принца Прусскаго;* 3-я бригада: 1-й Карабинерный и Карабинерный Фельдмаршала Князя *Барклая-де-Толли* полки.

2-я *Гренадерская дивизія.* 1-я бригада: Кіевскій Гренадерскій и Гренадерскій Е. К. Высоч. Принца *Евгенія Виртемберскаго;* 2-я бригада: Екатеринославскій Гренадерскій и Гренадерскій Е. К. Высоч. Принца *Павла Мекленбурскаго;* 3-я бригада: 3-й и 4-й Карабинерные полки.

3-я *Гренадерская дивизія.* 1-я бригада: Сибирскій Гренадерскій и Гренадерскій Фельдмаршала Графа *Румянцева-Задунайскаго;* 2-я бригада: Гренадерскій Генералиссимуса Князя *Суворова* и Астраханскій Гренадерскій; 3-я бригада 5-й и 6-й Карабинерные полки.

Бригада третьихъ баталіоновъ 3-й Гренадерской дивизіи.

Гренадерская Артиллерійская дивизія. 1, 2 *и* 3 *Грен. Арт. бригады.*

Саперный баталіонъ.

Гренадерская Фурштатская бригада.

III-й РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

3-я *Поселенная Кирасирская дивизія.* 1-я бригада: Орденскій и Стародубовскій; 2-я бригада: Малороссійскій и Новгородскій Кирасирскіе полки.

3-я *Уланская дивизія.* 1-я бригада: 1-й и 2-й Украинскіе; 2-я бригада: 3-й и 4-й Украинскіе Уланскіе полки.

Бугская поселенная дивизія. 1-я бригада: 1 и 2 Бугскіе; 2-я бригада: 3 и 4 Бугскіе Уланскіе полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 15 и 16, 17 и 18.

ОТДѢЛЬНЫЙ КАВКАЗСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

Нижегородскій Драгунскій полкъ.

21-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Куринскій и Апшеронскій; 2-я бригада: Тифлисскій и Ширванскій пѣхотные; 3-я бригада; 41-й и 42-й Егерскіе полки.

Каспійскій морской баталіонъ.

Бакинскій и Дербентскій Гарнизонные баталіоны.

22-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Тенгинскій и Навагинскій; 2-я бригада: Кабардинскій, пѣхотные и 43 Егерскій; 3-я бригада: Мингрельскій пѣхотный и 44-й Егерскій полки.

Влади-Кавказскій гарнизонный трехъ-баталіонный полкъ.

Таманскій гарнизонный двухъ-баталіонный полкъ.

Моздокскій и Кизлярскій гарниз. баталіоны.

Резервная Гренадерская бригада: Херсонскій и Грузинскій Гренадерскіе и Эриванскій Карабинерный полки.

Кавказская Артиллерійская дивизія. 21-я и 22-я бригады и Кавказская Гренад. Арт. бригада.

Піонерный баталіонъ осьмой.

Подвижныя Инвалидныя роты: No 44, 45, 46, 47, 59 и 60.

ОТДѢЛЬНЫЙ ФИНЛЯНДСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

Подвижныя Инвалидныя роты No 48 и 49.

23-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Выборгскій и Петровскій; 2-я бригада: Нейшлотскій и Вильманстрандскій; 3-я бригада: 45-й и 46-й Егерскіе полки.

Артиллерійская бригада 23.

ОТДѢЛЬНЫЙ ЛИТОВСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

Подвижная Инвалидная рота No 50.

Литовская Уланская дивизія. 1-я бригада: Польскій и Татарскій; 2-я бригада: Литовскій и Волынскій Уланскіе полки.

Конно-Артиллерійскія роты: No 29 и 30.

24-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Брестскій и Бѣлостокскій; 2-я бригада: Литовскій и Виленскій пѣхотные; 3-я бригада: 47 и 48-й Егерскіе полки.

25-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Волынскій и Минскій; 2-я бригада: Подольскій и Житомирскій, пѣхотные; 3-я бригада: 49-й и 50-й Егерскіе полки.

Литовская Артиллерійская дивизія. 24-й и 25-й Артил. бригады.

Литовскій Піонерный баталіонъ.

Литовская Фурштатская бригада.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОРЕНБУРГСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

26-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Оренбургскій Гарнизонный двухъ-баталіонный полкъ.

Уральскій гарнизонный баталіонъ и Орскій гарнизонный баталіонъ; 2-я бригада: Кизильскій баталіонъ, и 1-й, 2-й и 3-й Линейные Оренбургскіе гарнизонные баталіоны; 3-я бригада: Верхне-Уральскій, Троицкій, Звѣриноголовскій и четвертый линейный Оренбургскій, баталіоны.

ОТДѢЛЬНЫЙ СИБИРСКІЙ КОРПУСЪ.

Корпусный Штабъ.

27-я *Пѣхотная дивизія.* 1-я бригада: Петровскій гарнизонный баталіонъ, Омскій гарнизонный трехъ-баталіонный полкъ; Тобольскій Внутренній Гарнизонный баталіонъ; Тобольская Жандармская команда; Инвалидныя команды; Этапныя команды; 2-я бригада: Желѣзинскій, Семипалатинскій, Усть-Каменогорскій, Прѣсногорьковскій, гарнизонные баталіоны; Томскій Внутренній Гарнизонный баталіонъ, Томская Жандармская команда; Инвалидныя и Этапныя команды; 3-я бригада: Иркутскій Гарнизонный двухъ-баталіонный полкъ; Иркутская Жандармская команда; Инвалидныя и Этапныя команды; Красноярскій Гарнизонный баталіонъ; Красноярская Жандармская команда; Инвалидныя и Этапныя команды; Подвижныя Инвалидныя роты: No 21, 22, 23 и ½ роты No 52.

КРѢПОСТИ.

Перваго класса.

С. Петербургская, Кронштадтская, Выборгская, Свеаборгская, Ревельская, Рижская, Динабургская, Бобруйская, Кіево-Печерская, Севастопольская и Бакинская.

Втораго класса.

Нарвская, Ново-Двинская, Фридрихсгамская, Аландская, Динаминдская, Бендерская, Тираспольская, Измаильская, Кинбурнская, Еникольская, Астраханская, Дербентская, Оренбургская и Омская.

Третьяго класса.

Нейшлотская, Гангутская, Шварцгольмская, Аренсбургская, Перновская, Хотинская, Килійская, Перекопская, Фанаторійская, Кавказская, Моздокская, Кизлярская, РедутЪ-Кале, СухумЪ-Кале, Орская, Св. *Петра* на Сибирской линіи, Усть-Камено-горская и Иркутская.

Мѣста, имѣющія чиновъ противъ крѣпостей перваго класса.

Москва, Вильна, ХерсонЪ, ТифлисЪ, Казань, ТобольскЪ.

Противъ втораго класса.

Усть-ЛабинскЪ.

Укрѣпленныя мѣста.

ТроицкЪ, КизильскЪ, Верхне-УральскЪ, Звѣрино-головскЪ, БухтарминскЪ, ЯмышевскЪ, СемипалатинскЪ, БійскЪ, КузнецкЪ.

Города, имѣющіе Комендантовъ и крѣпости:

РоченсальмЪ, Ставрополь, АкерманЪ, Кюмень-городЪ, Шлиссельбургская кр., Кексгольмская кр., Вильманстрандская кр., Або, Архан-

гельскъ, Балтійскій Портъ, Варшава, Верхне-Озерная кр., Витебскъ, Гельзингфорсъ, Горійская кр., Губернинская кр., Гродно, Желѣзинская кр., Илецкая защита, Ильинская кр., Каменецъ-Подольскъ, Каракульская кр., Кишеневъ, Кіевъ, Красногорская кр., Крутоярская кр., Кубинская кр., Кутайскъ, Ленкоранская кр., Митава, Могилевъ, Магнитная кр., Минскъ, Нижній-Новгородъ, Новгородъ, Одесса, Петро-Павловская кр., на Оренбургской линіи, Прѣсногорьковская кр., Псковъ, Разсляная кр., С. Петербургъ, Симбирскъ, Смоленскъ, Степная кр., Тавастгустъ, Таналыкская кр., Тверь, Торнео, Уртазымская кр., Усть-Уйская кр., Ѳеодосія, Чернорѣченская кр., Царское Село, Павловскъ, Ораніенбаумъ, Петергофъ, Кисловодскъ, Нерчинскіе Рудники.

ЖАНДАРМСКІЙ КОРПУСЪ.

1, 2, 3, 4 и 5 Округи, Лейбъ-Гвардіи Жандармскій полу-эскадронъ, Жандармскій полкъ, С. Петербургскій и Московскій Жандармскіе дивизіоны.

Фельдъ-Егерскій корпусъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АТАКА КРѢПОСТЕЙ.

Краткое изложеніе дѣйствія Артиллеріи при осадѣ крѣпостей.

1-е). Пріуготовительныя дѣйствія.

Пріуготовительныя дѣйствія къ осадѣ со стороны Артиллеріи состоятъ: въ доставленіи къ крѣпости осадныхъ орудій и всѣхъ для нихъ нужныхъ припасовъ, и въ расположеніи осаднаго парка передъ осаждаемою крѣпостію.

При доставленіи осадныхъ орудій, ихъ снарядовъ и другихъ принадлежностей, составляется такой большой транспортъ, что всегда почти нужно бываетъ раздѣлить его на нѣсколько отрядовъ, изъ коихъ часто послѣдніе не прежде поспѣваютъ на мѣсто, какъ во время самой осады. По сему, раздѣленіе на отряды должно быть такъ сдѣлано, чтобы во время осады не нуждаться въ чемъ-либо, и всѣ припасы находились подъ крѣпостью тогда, когда они понадобятся.

Транспорты лучше всего доставлять водою, если сіе возможно (*). При нагруженіи судовъ, какъ и при выгруженіи, должно наблю-

(*) Мы здѣсь будемъ говорить только о доставленіи къ крѣпости осадныхъ орудій и всего къ нимъ принадлежащаго, на рѣчныхъ судахъ по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ; ибо перевозка Артиллеріи на морскихъ судахъ не относится къ нашему предмету.

дать самый строгій порядокъ. Орудія обыкновенно снимаются съ лафетовъ, а съ сихъ послѣднихъ и со всѣхъ фуръ и ящиковъ колеса, для того, чтобы лучше можно было оныя укладывать. (Дабы не перемѣшать всѣ сіи части, должно тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ однѣ къ другимъ означать одинакими знаками). Подъ тѣми орудіями, лафетами и проч., которыя будутъ положены въ низу, подкладывать брусья; стараться укладывать всѣ вещи плотно и въ порядкѣ, а тяжесть разпредѣлить такимъ образомъ, чтобы всякое судно было нагружено соотвѣтственно величинѣ его и одна сторона не тяжелѣе другой. Особенной осторожности въ нагрузкѣ и выгрузкѣ требуютъ пороховые бочки и ящики съ зарядами. Ихъ должно поставить на подставкахъ изъ сухаго дерева, накрыть парусиною или досками, и какъ при укладываніи на суда, равно и при выгрузкѣ, по возможности предохранять отъ сырости, для чего на берегу рѣки дѣлать родъ стелажа, на который оныя ставить.

Суда слѣдуютъ по рѣкѣ въ порядкѣ одно за другимъ, соблюдая достаточные интервалы. Тѣ изъ нихъ, кои нагружены зарядами или пороховыми бочками, должны составлять особенную часть транспорта, и слѣдовать одно отъ другаго въ разстояніи 500 или болѣе шаговъ. Имъ придается надежное прикрытіе, котораго дѣло состоитъ въ томъ, чтобы съ точностію наблюдать за исполненіемъ всего, служащаго къ предохраненію пороха отъ огня.

Впереди каждаго транспорта слѣдуетъ особый Авангардъ, который старается о томъ, чтобы мосты были разведены, когда транспорту должно проходить подъ оными; отстраняетъ всякія препятствія; тушитъ огонь по берегамъ и на тѣхъ судахъ, которыя плывутъ транспорту на встрѣчу. Авангардъ долженъ при себѣ имѣть хорошаго лоцмана, который бы могъ предохранить транспортъ отъ всѣхъ опасныхъ подводныхъ мѣстъ.

Когда транспортъ отправляется сухимъ путемъ, то для облегченія марша, каждое главное отдѣленіе онаго, лучше подраздѣлить на меньшія, состоящія не болѣе, какъ изъ 50 повозокъ. Таковыя отдѣленія слѣдуютъ другъ отъ друга на разстояніи, по крайней мѣрѣ 4 или 5 верстъ, при чемъ и ночлеги и выступленія изъ оныхъ должны быть такимъ образомъ учреждены, чтобы не могло произойти никакихъ безпорядковъ и одна часть транспорта не мѣшала другой.

Такъ, какъ осадныя орудія не рѣдко возятся на обывательскихъ лошадяхъ, то дабы не было остановки въ заготовленіи оныхъ, требать заблаговременно распоряженія мѣстнаго Правительства по сему предмету, и имѣть впереди Офицера съ отрядомъ Кавалеріи, который принявъ нужное число лошадей, распредѣляетъ ихъ, и съ помощію своихъ людей разсылаетъ по отдѣленіямъ транспорта. Лошадей сихъ безъ крайней нужды не гонять далѣе того мѣста, гдѣ назначена была имъ смѣ-

на; и наконецъ какъ можно строже смотрѣть за людьми при нихъ находящимися.

Нужно также обратить особенное вниманіе на дороги: осматривать ихъ прежде выступленія транспорта, и если нужно будетъ, то поправить хотя Саперами, находящимися при отрядѣ.

Мѣсто для Артиллерійскаго Депо передъ крѣпостію, тогда только можетъ быть назначено, когда уже избранъ атакуемый фронтъ. Артиллерійское Депо должно располагать не слишкомъ далеко отъ траншей и если можно, сзади средины оныхъ. Необходимо, чтобы Депо было внѣ выстрѣловъ крѣпостной Артиллеріи; (не ближе 1.000 саженъ) на мѣстѣ сухомъ, неподверженномъ затопленію; заключало бы достаточное пространство для помѣщенія всего принадлежащаго къ осадной Артиллеріи; имѣло удобное сообщеніе какъ съ траншеями, когда оныя открыты будутъ, равно и съ окружными мѣстами. Весьма выгодно, если Депо будетъ закрыто отъ крѣпости возвышеніями или лѣсомъ; послѣдній доставитъ еще и то удобство, что можно изъ него вырубить деревья, потребныя для осадныхъ работъ. Когда атака противъ крѣпости должна производиться отдѣльно съ двухъ сторонъ, то лучше для каждой части устроить особенное Артиллерійское Депо.

Какъ скоро избрано мѣсто для Депо, то должно означить кольями мѣста для орудій всѣхъ калибровъ, для зарядныхъ ящиковъ, для Лабораторіи, пороховыхъ магазиновъ и мастер-

скихъ. (Послѣднія однако же преимущественно располагаются въ близь-лежащихъ строеніяхъ или деревняхъ, дабы тотчасъ по прибытіи можно было начать нужныя работы).

Осадный паркъ располагается обыкновенно въ нѣсколько линій и состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

Большой паркъ. Въ немъ помѣщаются орудія, зарядныя фуры и ящики. Пушки, единороги и мортиры, составляютъ первую линію, мортирныя дроги и передки вторую, а зарядныя фуры и прочій Артиллерійскій обозъ третью и остальныя линіи. За ними кладутся по разрядамъ ядра, незаряженныя бомбы и проч., снаряды, — также лѣсъ запасный и лѣсъ для платформъ. Разстояніе линіи отъ линіи около 7 саженъ, а отъ одного орудія до другаго не менѣе 2 саженъ.

Малый паркъ. Заключаетъ въ себѣ нестроевый обозъ, то есть: повозки, на коихъ возятъ снаряды, инструменты, запасный лѣсъ и прочія потребности. Въ семъ отдѣленіи помѣщаются впереди кузницы, за ними въ 20 саженяхъ мастерскія и шалаши для мастеровыхъ (которыя однако же можно расположить и сзади обоза). Малый паркъ устроивается обыкновенно, на которой нибудь сторонѣ отъ большаго, саженъ около 40 отъ онаго.

Лошадиный паркъ. Также въ сторонѣ отъ большаго въ 40 саженяхъ. Въ немъ помѣщается коновязь для лошадей, которыхъ должно имѣть достаточное число для доставленія всего потребнаго на разные отдаленные пункты.

Лабораторные шалаши. Должны отстоять около 100 саженъ отъ крайнихъ повозокъ и на 30 саженъ одинъ отъ другаго. Въ нихъ пріуготовляются заряды и прочія потребности для осады, по части дѣйствованія Артиллеріи.

Пороховые погреба располагаются въ 200 или 300 саженяхъ отъ самыхъ заднихъ частей парка, и въ 50 или болѣе саженяхъ одинъ отъ другаго. Ихъ должно устроить нѣсколько, и въ томъ числѣ одинъ, такъ называемый расхожій, на срединѣ разстоянія между паркомъ и линіею пороховыхъ погребовъ. Сей погребъ долженъ имѣть два выхода для удобнѣйшаго отпуска пороха, а прочіе всѣ по одному.

Пороховые магазины обносить рвомъ и валомъ, или вынутую изъ рва землю набрасывать къ стѣнамъ магазина; смотрѣть, чтобы магазины были хорошо покрыты. Пороховыя бочки ставить на нарочито устроенныхъ стелажахъ, не выше двухъ рядовъ. Величину пороховаго магазина, *Гассенди* опредѣляетъ въ 135 квадратныхъ саженъ, дабы помѣстилось въ немъ 100 т. фун. пороха.

Должно стараться, о скоромъ пріуготовленіи всего лѣса, нужнаго при осадѣ, о построеніи пороховыхъ магазиновъ, Лабораторій и мастерскихъ и о скорѣйшемъ начатіи производства работъ, какъ-то: дѣланіи снарядовъ, платформъ и проч.; наконецъ, объ изготовленіи фашинъ и туровъ, въ такомъ случаѣ, когда послѣднія въ Артиллерійское Депо не будутъ доставлены готовыя отъ Инженеровъ.

2-е). *О первыхъ батареяхъ осаждающаго.*

Первыя батареи осаждающаго строятся для того, чтобы еще издали привести въ молчаніе крѣпостную Артиллерію. Число ихъ зависитъ отъ числа тѣхъ верховъ и линій крѣпости, съ которыхъ осажденный въ состояніи защищать атакованный фронтъ Артиллеріи. Чѣмъ болѣе пунктовъ осажденный займетъ своими орудіями, и чѣмъ искуснѣе онъ въ надлежащее время будетъ умѣть перемѣщать оныя, тѣмъ осаждающему надобно будетъ построить большее число батарей; и на оборотъ, чѣмъ болѣе осажденный подвергнетъ свои орудія пораженію съ первыхъ батарей осаждающаго, тѣмъ менѣе послѣдній будетъ имѣть надобности подвигать оныя впередъ, или замѣнять новыми.

Первыя батареи осаждающаго раздѣляются: на *Рикошетныя* или *Анфиладныя*, на *Мортирныя* батареи и на *Демонтиръ-батареи*.

а). *О Рикошетныхъ и Анфиладныхъ батареяхъ.*

Рикошетныя батареи строятся, дабы выстрѣлами, произведенными вдоль по линіямъ крѣпостнаго строенія, поражать орудія и все на валгангѣ находящееся. Удобнѣйшій родъ выстрѣловъ для сего суть рикошетные, такъ какъ при оныхъ бруствера, закрывающіе непріятельскія линіи и траверзы, поперегъ оныхъ построенныя, дѣлаютъ менѣе препятствія дѣйствію снарядовъ.

Рикошетныя батареи располагаются перпердикулярно къ обстрѣливаемой линіи, и назначеніе направленія оныхъ есть собственно обязанность Артиллерійскихъ Офицеровъ. Для сего должно напередъ, сколь возможно вѣрнѣе взять продолженіе тѣхъ линій, которыя предположено анфилировать. Дѣло сіе, сколь ни кажется оно просто, требуетъ большаго вниманія, особенно, когда крѣпостный валъ не высокъ или закрытъ другими строеніями. Въ ненастную погоду, а также среди дня во время яркаго солнечнаго сіянія, почти совершенно невозможно хорошо назначить продолженія: но лучшее для сего время есть по утрамъ и по вечерамъ, когда солнце, находясь низко надъ горизонтомъ, освѣщаетъ одинъ только фасъ, и отъ того другой, составляющій съ нимъ уголъ, будетъ находиться въ тѣни.

Если, по причинѣ неудобной мѣстности, не возможно построить рикошетъ-батарей на продолженныхъ линіяхъ крѣпостнаго строенія, то стараются располагать батареи для анфилады такимъ образомъ, чтобы можно было обстрѣливать сіи линіи косвенными, въ тылъ дѣйствующими выстрѣлами.

Рикошетныя батареи строятся обыкновенно въ первой параллели. На каждую изъ оныхъ ставятъ отъ 4 до 6 орудій; при чемъ наблюдается, чтобы всегда одинъ или два единорога, обстрѣливали прикрытый путь параллельно рикошетируемому фасу.

Отъ расположенія крѣпостнаго строенія и расположенія траншей, равно отъ большаго

или меньшаго сопротивленія осажденнаго, будетъ зависѣть время дѣйствія рикошетъ-батарей, и нужно будетъ ихъ перенести въ ближайшія къ крѣпости параллели, или нѣтъ. Выгодно будетъ, ежели образъ атаки нашей дозволяетъ рикошетъ-батареямъ, продолжать дѣйствіе противъ главныхъ фасовъ, атакуемаго фронта, до открытія послѣдней параллели, а противъ фасовъ, прилегающихъ до тѣхъ поръ, покуда осажденный на нихъ еще выставляетъ орудія; ибо оныя фасы анфилируются обыкновенно съ батарей, построенныхъ въ первой параллели, а съ батарей въ полу-параллеляхъ или 3-й параллели, обстрѣливаются только прикрытый путь и фланги главнаго строенія. Если же построенныя впереди батареи, или другія осадныя работы, препятствуютъ свободному дѣйствію батарей первой параллели, то стараются замѣнить оныя демонтиръ-батареями.

b). *О мортирныхъ батареяхъ.*

Хотя батареи сіи, для лучшаго успѣха въ бросаніи бомбъ, выгодно располагать на продолженіи тѣхъ линій, по коимъ дѣйствовать нужно, но не всегда имъ можно дать таковое положеніе. Причиною тому бываетъ отъ части, что должно сообразоваться съ расположеніемъ апрошей, дабы оныя не беспокоить своими выстрѣлами; но болѣе, что всякая мортирная батарея назначается для обстрѣливанія не одного а нѣсколькихъ мѣстъ. Такъ какъ мортиры не располагаются за амбразу-

рами, и слѣдовательно направленіе ихъ выстрѣловъ ни чѣмъ неограничено, то мортирамъ можно назначить сообразно обстоятельствамъ ту или другую цѣль, дабы для сильнѣйшаго пораженія сосредоточивать навѣсные выстрѣлы съ нѣсколькихъ батарей, тамъ, гдѣ надобность востребуетъ. Впрочемъ, мортирныя батареи раздѣляются на такія, на которыхъ располагаются большія или среднія мортиры, на такія, гдѣ ставятся малыя мортиры и Кегорновы, и наконецъ на такія, на коихъ помѣщаются каменометы (*).

Батареи для большихъ и среднихъ мортиръ учреждаются сначала въ первой параллели, но потомъ переносятся впередъ, когда надобность потребуетъ. Сіе приближеніе мортирныхъ батарей дѣлается отъ части для того, чтобы придать большую вѣрность полетамъ бомбъ, а частію, чтобы избавить людей въ переднихъ апрошахъ находящихся, отъ вреда, который могутъ причинить имъ недолетѣвшія бомбы своимъ разрывомъ.

Мортирамъ большаго калибра, должно предпочтительно назначить цѣлью тѣ части атакуемаго фронта, по которымъ не льзя стрѣлять изъ пушекъ, какъ-то: куртины, фланги

(*) У насъ нѣтъ каменометовъ, а бросаются картечныя пули или камни изъ обыкновенныхъ 5-ти п. мортиръ.

Къ положеннымъ до сего въ осадной Артиллеріи 5, 2-хъ-пуд. и 6-ти-фун. Кегорнов. мортиркамъ, введены у насъ нынѣ еще $\frac{1}{2}$ пудовыя мортиры, на манеръ Прусскихъ 7-ми-фунт. (по каменному вѣсу).

и редуиты, дабы метаніемъ бомбъ сбить орудія уже прежде, нежели осажденный начнетъ изъ оныхъ дѣйствовать по близко подведеннымъ траншеямъ. Другая, столь же значительная, польза отъ мортиръ большаго калибра есть та, что ими разрушаютъ на атакуемомъ фронтѣ Блакгаузы, Каноньеры и т. д.

Примѣчаніе. Иногда, еще до открытія траншей, располагаются батареи противъ тѣхъ фронтовъ, которые не избраны для атаки; что дѣлается или для того, чтобы привести осажденнаго въ недоумѣніе, или чтобы послѣ открытія апрошей, можно было беспокоить непріятеля во время перевозки орудій изъ другихъ частей крѣпости на атакуемый фронтъ.

Малыя мортиры, весьма удобны къ тому, чтобы безпокоить осажденнаго, ежели онъ не прикрытъ съ верху, и когда мы находимся уже не въ дальнемъ разстояніи, т. е., отъ 400 до 500 шаговъ. Дѣйствіе сихъ мортиръ, обыкновенно начинается изъ второй параллели; но легкость и скорость, съ которою батареи для нихъ вездѣ могутъ быть построены, способствуетъ къ тому, чтобы вмѣстѣ съ приближеніемъ апрошей, перемѣщать ихъ ближе къ крѣпости. Они могутъ также служить съ большею выгодою противъ тѣхъ крѣпостныхъ орудій, которыя осажденный неожиданно выставилъ на частяхъ крѣпостнаго строенія, въ сторонѣ лежащихъ, и по которымъ съ нашихъ батарей, или вовсе не льзя стрѣлять, или не иначе, какъ передѣлавъ совершенно амбразуры и перемѣнивъ ихъ направленіе. Нако-

нецъ, батареи съ мортирами малаго калибра, суть лучшее средство, чтобы осажденнаго принудить къ отступленію изъ полевыхъ укрѣпленій, лежащихъ впереди, или въ сторонѣ атакуемаго фронта крѣпости.

Батареи для каменометовъ располагаются обыкновенно въ третьей параллели, потому, что орудія сіи только на разстояніи 180 шаговъ могутъ оказывать существенную пользу. На столь близкой дистанціи отъ крѣпости, построеніе батарей съ амбразурами для произведенія картечной пальбы, было бы весьма затруднительно и сопряжено съ большою потерею времени; — а потому учрежденіе батарей для каменометовъ, (которое не требуетъ амбразуръ и производится несравненно скорѣе и легче) будетъ весьма полезно, тѣмъ болѣе, что бросаемыя изъ сихъ орудій гранаты и камни могутъ нанести болѣе вреда непріятелю, прикрытому брустверами и траверзами, нежели картечный огонь изъ пушекъ. По сей причинѣ, каменометы располагаются въ послѣдней параллели, и даже передъ оною въ достаточномъ количествѣ, дабы принудить осажденнаго оставить прикрытый путь и вообще нанести вредъ людямъ, находящимся на тѣхъ частяхъ крѣпостнаго строенія, которыя не прикрыты съ верху.

c). *Демонтиръ-батареи.* Строятся для того, чтобы привести въ молчаніе пушки осажденнаго, разрушеніемъ амбразуръ и брустверовъ, за которыми оныя находятся, и сбитіемъ самыхъ осудій. Они должны быть поставлены

совершенно прямо противъ тѣхъ частей крѣпостнаго строенія, которыя сбивать назначено, содержать болѣе орудій, нежели противуположная имъ непріятельская линія, и находиться, если можно, въ разстояніи не болѣе 400 шаговъ. Сіе послѣднее обстоятельство причиною, что демонтиръ-батареи строятся обыкновенно послѣ открытія 2-й параллели. Однако же, когда разстояніе первой параллели отъ прикрытаго пути составляетъ не болѣе вышеозначенной для демонтиръ-батарей дистанціи, какъ то при новѣйшихъ осадахъ часто случалось, то демонтиръ-батареи можно расположить уже въ первой параллели, что въ особенности необходимо, когда расположеніе крѣпости и окружающая оную мѣстность препятствуютъ построенію рикошетныхъ батарей. Въ семъ случаѣ, осаждающій принужденъ располагать демонтиръ-батареи иногда даже далѣе 400 шаговъ, почему и должно составлять оныя изъ орудій самаго большаго калибра.

Примѣчаніе 1-е. Если демонтиръ-батареи, по какимъ-либо причинамъ, располагаются въ первой параллели, и притомъ исходящіе углы атакуемыхъ частей крѣпости составляютъ менѣе 90°, то можно уменьшить число рикошетъ-батарей: ибо демонтиръ-батарея, будучи построена на приличномъ мѣстѣ и сбивая орудія одного фаса, можетъ вмѣстѣ служить амфиладною батареею противъ другаго фаса, составляющаго съ первымъ исходящій уголъ.

Примѣчаніе 2-е. Въ послѣднихъ параллеляхъ вообще стараться по возможности избѣгать построенія такихъ батарей, которыя требуютъ амбразуръ; во первыхъ, по причинамъ уже выше упомянутымъ, а во вторыхъ потому, что таковыя батареи должны будутъ молчать, когда головы сапъ подвинутся до гребня гласиса.

д). *Фланговыя батареи*, расположенныя по концамъ первой параллели, и другія, полевыми орудіями обставленныя батареи, построенныя на случай вылазокъ, должны быть расположены на подобіе редутовъ, ежели непріятель можетъ атаковать оныя съ тылу; въ противномъ же случаѣ, бываютъ сзади открыты, какъ всѣ осадныя батареи. Орудія ставятся на барбетахъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Маркъ Гюйонъ.

Ученый Кабинетъ *Марка Гюйона* находился въ верхнемъ жильѣ красиваго загороднаго дома его, построеннаго въ концѣ улицы; то была большая угловая комната, освѣщенная съ трехъ сторонъ стеклянными дверьми, отворявшимися на кровлю зданія, сдѣланную терасомъ, окруженную балюстрадомъ и покрытую парусиннымъ наметомъ, наподобіе Азіатскихъ шатровъ. Уединенный Кабинетъ сей предлагалъ своему хозяину убѣжище для размышленія и тихихъ удовольствій. Простая, опрятная утварь, рѣдкія книги, древнія рукописи, составляли все его убранство; но первымъ, но изящнѣйшимъ украшеніемъ его былъ — самъ *Гюйонъ*; молодой, цвѣтущій *Гюйонъ*, во всемъ блескѣ лучшихъ лѣтъ жизни. — Высокая душа, пламенное воображеніе, глубокая ученость, тонкій и проницательный умъ; и, что всего лучше, доброта сердечная, кротость нрава, нѣжное состраданіе къ несчастнымъ, смиреніе

и всѣ добродѣтели истиннаго Христіанина, изображались въ свѣтлыхъ чертахъ лица его. Взоръ его не выражалъ гордости; но каждый, какъ въ чистомъ зеркалѣ, видѣлъ въ немъ всѣ отмѣнныя качества благородной его души.

Гюйонъ сидѣлъ у стола, приложа палецъ ко лбу и, казался, погруженнымъ въ размышленіе; въ рукѣ его было перо, которымъ онъ только что пересталъ писать, но вѣтеръ свѣялъ со стола бумаги и разметалъ по полу. *Гюйонъ*, не замѣчалъ безпорядка, какое-то высокое углубленіе мыслей отвлекало въ сію минуту вниманіе его отъ всего, его окружавшаго. Прошло нѣсколько времени — и выраженіе мрачной задумчивости измѣнилось; взоръ его просвѣтлѣлъ, небесный восторгъ озарилъ лице, омоченные слезами глаза устремились на небо; — онъ всталъ — подошелъ къ налою, на коемъ лежала открытая книга, и, прочтя нѣсколько страницъ, сказалъ съ восторгомъ: „рѣшено! я одинъ совершу подвигъ — предназначенный мнѣ отъ Бога! Отецъ небесный благослови меня и подкрѣпи духъ мой.“ При сихъ словахъ, упалъ онъ на колѣна и молился съ жаромъ; потомъ, подошелъ опять къ столу—вынулъ изъ мѣдной шкатулки, небольшой свитокъ пергамента — написалъ на немъ нѣсколько строкъ и спряталъ опять въ шкатулку. Кончено!.. промолвилъ онъ, запирая ее — теперь остается не много!.. Сколько блаженныхъ часовъ жизни моей провелъ я здѣсь, продолжалъ онъ, осматривая печально комнату свою.... Какъ тяжело оставить

тихое сіе уединеніе, и какое прелестное утро! . . . Въ самомъ дѣлѣ, день былъ прекрасный; лучи солнца, проницая сквозь тонкія занавѣсы, разливали золотой свѣтъ по стѣнамъ; свѣжій утренній вѣтерокъ игралъ въ длинныхъ поляхъ намета, кои, развѣваясь, свистѣли подобно парусамъ, несущимъ корабль по волнамъ Океана. *Гюйонъ* вышелъ на терасу, уставленную цвѣтами и померанцовыми деревьями; долго стоялъ онъ, наклонясь на кусты туберозъ и ясминовъ, впивая въ себя ихъ запахъ. Ему казалось, что никогда еще благоуханіе ихъ не было столь обворожительно. Долго смотрѣлъ онъ въ даль на поля, сады, горы, и на синѣющееся на горизонтѣ море, отражавшее въ сію минуту всю красоту и великолѣпіе безоблачнаго неба. Бѣлые паруса быстро неслись по неизмѣримымъ безднамъ бурной стихіи, птицы порхали въ пространныхъ областяхъ эѳира; веселые поселяне работали въ полѣ, а рѣзвые дѣти играли на зеленомъ лугу. *Гюйонъ* не сводилъ глазъ съ плѣнительной картины; онъ, какъ будто, прощался съ природою, какъ будто хотѣлъ въ послѣдній разъ налюбоваться ею. — „Довольно, сказалъ онъ наконецъ, съ тяжкимъ вздохомъ — мнѣ не должно оставаться здѣсь долѣе — и перешелъ на другую сторону терасы. Какая перемѣна! Городъ Марсель, не давно еще столь шумный, столь разнообразный, казалось, заснулъ глубокимъ сномъ смерти; — одинъ рѣдкій, унылый звонъ колокола перерывалъ страшную тишину пустыхъ улицъ, и *Гюйонъ*, съ за-

мирающимъ сердцемъ, смотрѣлъ на высокіе опустѣвшіе домы, кои, возвышаясь по обѣимъ сторонамъ узкой улицы, еще болѣе стѣсняли зараженный воздухъ. Вдругъ — раздался вдали глухой протяжной стонъ: постепенно усиливаясь, медленно переходилъ изъ улицы въ улицу — и приближался къ дому. *Гюйонъ* прислушивается и узнаетъ слишкомъ знакомый ему скрыпъ. . . Въ сію минуту повѣялъ — гнилой удушающій запахъ, — *Гюйонъ* содрогнулся и невольно взглянулъ въ низъ; огромная фура, нагруженная мертвыми смердящими трупами, тяжело двигалась по заросшей травою мостовой къ городской заставѣ. Съ содроганіемъ отворотился онъ отъ ужаснаго сего зрѣлища, и взоръ его устремился въ даль; но тамъ, на городскихъ воротахъ, развѣвался черный флагъ и, тихо трепеща отъ вѣтра, какъ будто слѣдовалъ за размѣренными ударами погребальнаго колокола.

Гюйонъ пришелъ послѣдній въ городскую Ратушу, куда собрался весь Марсельскій Медицинскій Факультетъ, для совѣщанія о средствахъ остановить заразу, въ короткое время истребившую большую половину Гражданъ Марсельскихъ. Засѣданіе продолжалось долго;— каждый предлагалъ свое мнѣніе — разсуждали, спорили; наконецъ, одинъ молодой врачь, бывшій въ Смирнѣ, во время свирѣпствовавшей тамъ моровой язвы, съ большимъ краснорѣчіемъ и ясностію описалъ всѣ обстоятельства сей ужасной болѣзни и, въ заключеніе, предложилъ вскрыть тѣло одного изъ погибшихъ

отъ чумы, изслѣдовать обстоятельно всѣ признаки и причину язвы, и составить на мѣстѣ подробное описаніе оной. Вотъ, говорилъ онъ, единственный способъ, дойти до средствъ успѣшнаго лѣченія отъ сего страшнаго и таинственнаго недуга. Всѣ слушали со вниманіемъ и, по окончаніи рѣчи, одобрили единогласно мнѣніе молодаго Доктора, осыпая его похвалами. Въ сію минуту, Президентъ собранія, уважаемый по лѣтамъ своимъ и долговременной опытности, всталъ съ своихъ креселъ и сказалъ печальнымъ голосомъ: вы правы, Господинъ Докторъ, и я первый согласенъ съ вами. Но вамъ извѣстно, что неминуемая смерть неизбѣжно поразитъ того, кто рѣшится на предлагаемый вами опытъ; кто же, скажите, кто, изъ присутствующихъ здѣсь, согласится добровольно пожертвовать собою?— Говоря сіе, онъ пристально смотрѣлъ въ глаза молодому человѣку, который примѣтно измѣнился въ лицѣ, чувствуя, что обреченная имъ жертва былъ самъ онъ.—Отчаяніе, ужасъ, заступили мѣсто одушевлявшаго его энтузіазма; холодный потъ проступилъ на челѣ, смертная блѣдность покрыла лице, уста его дрожали — языкъ оцѣпенѣлъ, и рука — которою, въ жару восторга и самонадѣянности — онъ смѣло ударялъ по сукну стола, съ трудомъ поддерживала дрожащіе члены его, когда онъ, почти въ безпамятствѣ, ухватился за столъ. Несчастный имѣлъ молодую жену, дѣтей и престарѣлую мать, которыхъ содержалъ своими трудами. Всѣ поняли положеніе молодаго

Медика. Растроганный до глубины души Президентъ, отворотился и, молча осматривалъ вокругъ себя, какъ бы выжидая, чтобы кто нибудь вызвался на опытъ; — но глубокая тишина царствовала въ залѣ и всѣ съ трепетомъ взглядывали другъ на друга. — „Что же? сказалъ Президентъ; развѣ никто изъ васъ не придумаетъ средствъ предупредить пагубное вліяніе заразы; никто не рѣшится спасти человѣчество? Но одинъ изъ знаменитѣйшихъ собратій нашихъ не сказалъ еще ничего — и мы ожидаемъ его мнѣнія; *Гюйонъ!* — продолжалъ онъ — вы одни можете рѣшить, въ семъ случаѣ, наше неудомѣніе!" — Всѣ обратились къ *Гюйону*, который дѣйствительно во все это время не говорилъ ни слова, но записывалъ карандашемъ свои замѣчанія. — „Я слышалъ и размышлялъ, отвѣчалъ онъ, съ скромностію пробѣжавъ глазами записную свою книжку, и по долгомъ размышленіи удостовѣрился, что вскрытіе мертваго тѣла есть единственный способъ изыскать причину заразы; — но оператора ожидаетъ неминуемая смерть, которую никакія предосторожности отвратить не могутъ. . . . Милостивые Государи, продолжалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи, всѣ вы принадлежите обществу; каждый изъ васъ супругъ, отецъ, или сынъ, нѣжно любимый родителями — для нихъ жизнь ваша драгоцѣнна и вы не имѣете права располагать ею. Я одинъ не имѣю никого, кромѣ нѣсколькихъ друзей и слѣдовательно, могу жертвовать собою. Благодарю Бога, что слабыя мои

познанія могутъ принесть пользу; я умру безъ ропота, помышляя о небесномъ Искупителѣ явившемъ намъ великій примѣръ самоотверженія! . . . Не старайтесь поколебать меня, сказалъ онъ друзьямъ своимъ; — я рѣшился и всѣ ваши возраженія тщетны. — Не жалѣйте обо мнѣ: смерть моя будетъ мнѣ сладка! Божественный Спаситель, умирая на крестѣ за грѣхи человѣческаго рода, испустилъ духъ посреди неблагодарныхъ, дерзостно издѣвавшихся надъ Божественнымъ Страдальцемъ — а я, я, недостойный грѣшникъ, умру спокойно, съ утѣшительною мыслію, что слезы друзей и благословенія согражданъ проводятъ меня въ вѣчное жилище! . . . Завтра на разсвѣтѣ начну операцію, и съ помощію Божіею, надѣюсь совершить ее успѣшно. Клянусь торжественно, именемъ Всевышняго, со всею возможною ревностію исполнить долгъ, къ коему онъ призвалъ меня!" —

Гюйонъ еще въ малолѣтствѣ остался сиротою, въ бѣдности, и безъ покровителей. Извѣстный благочестіемъ своимъ Епископъ Марсельскій, призрѣлъ сиротство его и воспиталъ на свой счетъ. Скоро молодой *Гюйонъ* успѣхами своими оправдалъ его попеченія: — въ послѣдствіи времени, онъ пріобрѣлъ славу и нажилъ хорошее состояніе. Епископъ любилъ его, какъ сына, и *Гюйонъ* всегда чтилъ въ немъ отца и благодѣтеля. Добродѣтельный старецъ, услыша въ Парижѣ о Марсельской чумѣ, немедленно оставилъ столицу и, какъ древній Ааронъ, явившійся нѣкогда въ станѣ

Израильскомъ, опустошаемомъ язвою, поспѣшилъ ко ввѣренной ему отъ Бога духовной паствѣ, и ставъ между живыми и мертвыми, вознесъ ко Всевышнему чистую молитву вѣры и любви.

Прямо изъ Ратуши, *Гюйонъ* пришелъ къ Епископу и просилъ его благословенія на предпринимаемый подвигъ. Благочестивый старецъ выслушалъ его безмолвно; но слезы невольно катились по почтенному лицу его. Удались, сказалъ онъ наконецъ рыдая; у меня нѣтъ еще силъ говорить съ тобою; ты поразилъ меня въ самое сердце; оно разрывается и мнѣ нужно придти въ себя; но я одобряю великое твое предпріятіе — приходи въ полночь, я пріобщу тебя Святыхъ Таинъ! — иди сынъ мой, присовокупилъ онъ торжественнымъ голосомъ — иди совершить твое назначеніе. Божественный Искупитель подаетъ мнѣ силы перенести съ твердостію послѣднее свиданіе наше въ здѣшнемъ мірѣ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

СМѢСЬ.

Три Русскія пословицы.

I.

Безъ вины виноватъ.

Нѣсколько знакомыхъ мнѣ литтераторовъ, издавая *Собраніе новыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ* 1823 *по* 1825 *годъ*, выпросили у меня дозволеніе напечатать въ немъ мое *Путешествіе изъ Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Золотой Орды.*

Одинъ Русскій Журналистъ, безъ сомнѣнія, весьма озабоченный разнообразными трудами, бѣгло прочитавъ заглавіе вышеупомянутой книги, вообразилъ, что это Собраніе *Образцовыхъ* сочиненій и разгнѣвавшись на Охотниковъ набирать томы, такъ называемыхъ *Образцовыхъ* сочиненій изъ всякаго сброда, безъ малѣйшей разборчивости, восклицаетъ: „Не понимаемъ еще, какъ зашли въ *Образцовую* прозу „отрывки изъ дорожныхъ записокъ странствованія *А. Ѳ. Воейкова* по Волгѣ. Мы увѣрены, что если бы Собиратель спросился у „самаго почтеннаго *А. Ѳ.*, то сей извѣстный „Литераторъ не позволилъ бы выдавать на „скоро имъ написанныхъ строкъ за *образцы*.“

Мы также увѣрены, что еслибъ благомыслящій нашъ Собратъ изволилъ взять на себя трудъ со вниманіемъ прочесть хотя заглавіе книги, имъ осуждаемой: то онъ собственными глазами изволилъ бы удостовѣриться, что это Собраніе *новыхъ*, а не *образцовыхъ* сочиненій и что, слѣдственно, я имѣлъ Право, безъ тщеславія, отдать въ этотъ *Сборникъ* строки, наскоро мною написанныя. Но Журналистъ прочелъ *криво* заглавіе книги, далъ о ней *кривой* толкъ; а я сталъ: *Безъ вины виноватъ!*

2.

Власть ваша!

Другой Журналистъ, также мой соотечественникъ, въ благородномъ, справедливомъ негодованіи, болѣе двухъ лѣтъ, въ каждой книжкѣ своего періодическаго Изданія возстававшій противъ лицепріятія Издателей *Сѣверной Пчелы*, *Сѣв. Архива* и *Сына Отечества*, составившій, напечатавшій и безденежно раздавшій нѣсколько особенныхъ обличительныхъ противъ нихъ книжекъ на разныхъ языкахъ; теперь вздумалъ укорять Издателя *Славянина* въ недоброжелательствѣ къ Гг. *Гречу* и *Булгарину*. Но давно ли самъ онъ, поймавъ *Г. Булгарина* и обличивъ его въ плохомъ знаніи Русской Исторіи, по случаю названія *Ерсовымъ* — сочиненія Профессора *Эрдмана* о Булгарахъ, изволилъ восклицать: „Новое доказательство свѣдѣній „Г. *Булгарина* о сей книгѣ! Вообще забавно

„слушать, когда *Г. Булгаринъ* судитъ объ Исто-„ріи. Помѣщая иногда въ своемъ Журналѣ ска-„ски, подъ названіемъ Исторіи, Географіи и „Путешествій, онъ съ важностью разсуж-„даетъ въ No 8 *Сѣв. Пч.*, что одни Писатели „называютъ Русь—*Шведами*, а другіе *Норманна-„ми* и не понимаетъ, что называющіе Русь „Шведскимъ поколѣніемъ, отнюдь не проти-„ворѣчатъ тому, что Руссы были Норманны, „принимая Норманновъ, какъ *родъ*, а Шведовъ, „какъ *видъ!* Издатель *Сѣв. Пч.*, совѣтуетъ „*Г. Погодину* прибѣгнуть къ Сагамъ: не хочетъ „ли онъ, чтобы *Г. Погодинъ* повторилъ бредни, „высказанныя уже въ *Сѣв. Архивѣ* 1824, No 7. „Не понимаемъ, какъ осмѣливается *Г. Булга-„ринъ* говорить о томъ, чего не понимаетъ, „и спрашиваемъ его: гдѣ отыскалъ онъ новое „Изданіе Сагъ съ объясненіями? Это Изданіе „только еще *предполагаютъ печатать*. Впрочемъ, „ловкій *Г. Булгаринъ* (какъ назвалъ его почтен-„нѣйшій *Н. И. Гречъ, С. О.*, 1825, No 11, стр. 303) „конечно успѣетъ вывернуться. Онъ можетъ сказать: kon czteri nogi ma, a przecie, szwankuie.

Давно ли — „ему совѣстно было читать, „какъ *усердно просилъ Г. Булгаринъ* въ концѣ 1824 „года, *подписываться на его Журналъ?*" Онъ вы-„писалъ тогда все „*трогательное, исполненное „чувствительности* моленіе *Г. Булгарина*, въ ко-„емъ Издатель *Сѣв. Архива* говоритъ: Приложу „*всѣ мои старанія*, употреблю *всѣ мои способно-„сти*, чтобъ возблагодарить моимъ читате-„лямъ за ихъ вниманіе къ трудамъ моимъ

„*улучшеніемъ* моего изданія. Самая лестная для „меня награда за всѣ труды мои состоитъ „въ сохраненіи благосклонности моихъ чита„телей, которыхъ имена я намѣренъ припеча„тать къ моему Журналу въ будущемъ году, „чтобы *сохранить память ихъ благосклоннаго ко „мнѣ вниманія* въ Публикѣ, кромѣ того, что „оно *глубоко начертано въ моемъ сердцѣ.*" — — „Опытные подписчики, продолжаетъ сей *дру„гой* Журналистъ, улыбались и не вѣрили убѣ„дительной просьбѣ и обѣщаніямъ *Г. Булгарина.* „Уже не въ первый разъ ему, говорить одно, „а думать другое! Въ 1822 году *Г. Булгаринъ* „увѣрялъ, что *благосклонность просвѣщенной Пу„блики возлагаетъ на него обязанность продолжать „Сѣв. Архивъ и на* 1823 *годъ.* Разверните же въ „No 1 *Сѣв. Архива* на 1825 годъ, статью: *Путь „къ богатству,* вы увидите другую, *болѣе побу„дительную причину* издавать *Сѣв. Архивъ,* безъ „которой *Г. Булгаринъ не принялся бы печально* „выправлять буквы и запятыя." — —

По какому же Праву, сей *другой* Журналистъ, мой соотечественникъ, находитъ дурнымъ то, что я въ свою очередь также обличаю пристрастные приговоры книгамъ Гг. Издателей *Сѣв. Пчелы,* противоположныя ихъ мнѣнія объ одномъ и томъ же писателѣ, объ одной и той же книгѣ? Вижу тутъ одно Право, Право силы и отваги; смиряюсь и раболѣпно восклицаю: *власть ваша!*

3.

Не радъ, да готовъ!

Третій Журналистъ, ученый и благомыслящій, но немного опрометчивый, немного самонадѣянный, перебирая всѣ Русскіе Журналы, увѣряетъ, что 1) *Воейковъ* участвовалъ въ изданіи *Сына Отечества* съ 1821 года: тогда, какъ на самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ эту честь съ 1-го Іюля 1820 года; 2) что *Г. Пезаровіусъ* издавалъ Газету *Русскій Инвалидъ* до 1821: тогда, какъ всѣмъ извѣстно, что сей незабвенный основатель Инвалиднаго капитала, продолжалъ изданіе Военныхъ Вѣдомостей до 1-го Января 1822 года; 3) что *Воейковъ* началъ издавать *Инвалидъ* съ 1823 года, между тѣмъ, какъ первый листъ онаго, изд. нынѣшнимъ *Редакторомъ* вышелъ 19-го Марта 1822 года, въ славный день вступленія Россійскихъ войскъ въ столицу Франціи, и 4) что *Журналъ Мануфактуръ и торговли* издается *Г. Яценко*, тогда, какъ настоящая фамилія Его Превосходительства *Григорья Максимовича* есть — *Яценковъ*.

По неволѣ, надобно вывесть это наружу, сказать, что стыдно Русскому Библіографу не знать имени почтеннаго *Редактора* Журнала *Мануфактуръ*, издававшаго полезный, ученый *Духъ Журналовъ*, умѣвшаго въ бытность свою Цензоромъ — обуздывать своевольство, не стѣсняя свободы мыслить и писать. Осмѣльтесь напечатать объ этомъ — и

Посыплется на васъ градъ жалкихъ насмѣшекъ, давно-напечатанныхъ острыхъ словъ. Начнутъ придираться къ каждому вашему слову, выведутъ изъ терпѣнья: вы станете отражать нападки, отбраниваться — и чѣмъ же все это кончится? . . . Не смотря на отвращеніе ваше къ Журнальной войнѣ, вы принуждены будете проливать рѣки чернилъ. Тогда съ вами сбудется пословица: *не радъ, да готовъ!*

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

АТАКА КРѢПОСТЕЙ.

Краткое изложеніе дѣйствія Артиллеріи при осадѣ крѣпостей.

(*Окончаніе.*)

3-е. О построеніи первыхъ батарей и дѣйствіи съ оныхъ.

Построеніе батарей первой параллели можетъ быть начато, или вмѣстѣ съ построеніемъ траншей, или въ слѣдующую ночь. Въ первомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, непріятель будетъ имѣть менѣе времени приготовиться къ оборонѣ на атакуемомъ фронтѣ: ибо будетъ пораженъ нашею Артиллеріею тотчасъ по открытіи 1-й параллели; но съ другой стороны: во 1-хъ, осажденному легко будетъ отгадать, которой фронтъ избранъ для атаки, потому, что направленіе директрисъ для батареи должно будетъ назначить наканунѣ вѣ-

хами; во 2-хъ, построеніе параллели и батарей въ одно время, не только требуетъ много шанцовыхъ инструментовъ, но бываетъ причиною, что собирается для работъ на малое пространство большое число людей, которыхъ успѣшный огонь изъ крѣпости, или удачная вылазка осажденнаго, тѣмъ легче приведутъ въ безпорядокъ, чѣмъ ихъ число значительнѣе. По сему, большею частію должно будетъ довольствоваться, когда построеніе мортирныхъ батарей начнется вмѣстѣ съ параллелью, а построеніе другихъ останется до слѣдующей ночи.

По мѣрѣ приближенія осадныхъ работъ къ крѣпости, должно опредѣлить мѣста для построенія новыхъ батарей. Выборъ сихъ мѣстъ зависитъ отъ общаго расположенія и дѣйствія крѣпостной Артиллеріи и отъ положенія тѣхъ крѣпостныхъ батарей, которыя въ состояніи препятствовать нашему приближенію. Болѣе всего принуждаетъ насъ къ построенію новыхъ батарей, всякая новая параллель или полу-параллель; но и тутъ, большею частію, построеніе сихъ батарей не прежде можетъ быть начато, какъ по окончаніи самой параллели.

Размѣщеніе орудій на батареяхъ производится всегда до разсвѣта, и избѣгая по возможности всякаго шума; когда же осажденный, не взирая на сіи предосторожности, узнаетъ о намѣреніяхъ нашихъ, то должно стараться привести непріятеля въ недоумѣніе, дѣлая шумъ и въ другихъ мѣстахъ. Дабы можно

было орудія доставить до батареи на лошадяхъ, не подвергая оныя опасности могущей произойти отъ одного опрокинутаго орудія, останавливающаго цѣлый транспортъ, — то, безъ сомнѣнія, выгоднѣе вести орудія на батареи, прямо чрезъ поле, (при чемъ надлежитъ осмотрѣть сперва дороги съ большимъ тщаніемъ), нежели тащить оныя по узкимъ, часто изгибающимся траншеямъ. Если при таковой перевозкѣ, по какой-либо причинѣ, не возможно будетъ довести, одного котораго-нибудь орудія до батареи прежде разсвѣта, и оно потому должно остаться до слѣдующей ночи на открытомъ полѣ, то необходимо прикрыть его отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ, земляною насыпью. Орудія большаго калибра еще въ паркѣ надлежитъ переложить съ дрогъ (буде на оныхъ везены походомъ) на ихъ лафеты; а мортиры большаго калибра доставлять на батареи, или на мортирныхъ дрогахъ, или посредствомъ лѣтняго волока (*). Мортиры меньшаго калибра, для избѣжанія шума, также лучше доставить на батареи посредствомъ лѣтняго волока.

(*) Лѣтній волокъ, (la triqueballe) есть крѣпкая ось на двухъ высокихъ (въ 7 футовъ въ діаметрѣ) колесахъ и съ дышломъ. Къ оси прикрѣплена подушка. Онъ служитъ для перевозки орудій безъ лафетовъ. Для сей же цѣли употребляется и медвѣдка (le diable), продолговатая изъ толстыхъ брусьевъ сдѣланная рама, на двухъ крѣпкихъ осяхъ и четырехъ низкихъ колесахъ.

Въ каждые 24 часа, батареи должны быть снабжены новыми зарядами изъ маленькихъ депо, устроенныхъ за траншеями. Сіи Депо должны быть прикрыты, ежели то возможно, самою мѣстностію. Припасы изъ оныхъ доставляются отдѣльно на каждую батарею посредствомъ носилокъ или тачекъ. На самыхъ батареяхъ также имѣть небольшія депо, для складки суточной пропорціи зарядовъ.

Депо или погребки, на батареяхъ располагаются въ 7-ми или 8-ми саженяхъ отъ бруствера противъ мерлона, а если они назначены для помѣщенія бомбъ, то и далѣе, какъ мѣсто позволитъ. Они врываются въ землю, и закрываются съ верху брусьями и досками, а также фашинами и землею, дабы охранить ихъ не только отъ дождя, но и отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Депо, устраиваемыя за траншеями, располагаются подобнымъ же образомъ.

Цѣль, для которой построена каждая изъ первыхъ батарей, уже довольно показываетъ, какимъ образомъ съ оныхъ дѣйствовать должно. Но замѣтить можно еще слѣдующія правила:

1-е). Для дѣйствованія съ рикошетъ-батарей.

а). Стрѣлять безъ большихъ промежутковъ днемъ и ночью, но не часто (*).

(*) Для стрѣльбы ночью, должно удерживать то возвышеніе и тотъ зарядъ, которыя днемъ признаны за лучшія. Можно на платформѣ приколотить два бруса,

b). Предпочитать всегда тотъ зарядъ, который сильнѣе, съ тѣмъ однако же, чтобы выстрѣлы совершенно выполняли свое назначеніе.

c). Удерживать зарядъ и возвышеніе, найденныя лучшими; калибровать лучше снаряды; стрѣлять всегда однимъ сортомъ пороха.

d). На рикошетъ-батареяхъ имѣть всегда нѣсколько зарядовъ картечныхъ, на случай вылазки съ крѣпости.

2-е). Огонь съ батарей первой параллели начинается по сигналу, и не прежде, какъ тогда уже, когда всѣ батареи, предполагаемыя въ сей параллели, или цѣлый разрядъ оныхъ (напримѣръ всѣ мортирныя батареи) будутъ построены. Сіе дѣлается для того, чтобы не обратить всего огня крѣпостныхъ линій на одну батарею. При батареяхъ же, которыя строятся въ послѣдствіи времени, и гдѣ осажденный уже занятъ на другихъ пунктахъ, сія предосторожность не нужна, и всякая батарея, которая окончена и снабжена всѣмъ нужнымъ, можетъ тотчасъ начинать свое дѣйствіе.

3-е). Всѣ ночи должны быть употребляемы на нужныя починки. Ежели, во время сей работы, многія крѣпостныя орудія сосредоточиваютъ свои выстрѣлы на починиваемую батарею, то на оныя должно обратить самой силь-

---

вдоль коихъ орудіе откатывалось бы колесами, а возвышеніе замѣнить особою чертою на подъемномъ камнѣ.

ной огонь изъ другихъ осадныхъ батарей, дабы по крайней мѣрѣ облегчить починку.

4-е). Ежедневной расходъ въ зарядахъ на каждой батареѣ долженъ быть опредѣленъ (кромѣ особенныхъ случаевъ, когда оныхъ потребуется болѣе), и соотвѣтственно сему назначенію, расчитывать выстрѣлы на батареяхъ, дабы въ пальбѣ не было большихъ промежутковъ.

5-е). При значительной вылазкѣ, всѣ тѣ батареи, которыхъ положеніе и устройство позволяетъ, стрѣляютъ по выходящимъ войскамъ; а прочія обращаютъ свой огонь противъ той части крѣпости и тѣхъ орудій, которыми прикрывается вылазка. Если при таковой вылазкѣ, люди, которой-нибудь батареи, принуждены будутъ оставить на время свои орудія, то имъ должно взять съ собою всю принадлежность, — и послѣ, когда непріятель будетъ прогнанъ, осмотрѣть тотчасъ пороховый магазинъ и все прочее, дабы удостовѣриться, не заложилъ ли непріятель гдѣ нибудь огня.

6-е). Всѣ орудія одной и той же батареи должны, если только обстоятельства позволятъ, свои выстрѣлы обращать на одну точку. Сіе особенно относится къ демонтиръ-батареямъ, которымъ должно до тѣхъ поръ стрѣлять по одному орудію, пока оно будетъ сбито или снято, и тогда уже обращать весь огонь противъ другаго орудія. Посему же правилу поступать и при дѣйствіи противъ брустверовъ, причемъ заряды, для

разрушенія бруствера, не имѣющаго каменной одежды, соразмѣрять разстоянію, дабы гранаты углублялись не слишкомъ много. Чтобы препятствовать осажденному въ починкѣ поврежденныхъ частей брустверовъ и амбразуръ, можно ночью съ демонтиръ-батарей стрѣлять картечью; ибо выстрѣлы ядрами въ таковое время дѣлаются невѣрными, и потому, не произведутъ предположеннаго дѣйствія.

Должно наконецъ поставить правиломъ, чтобы ни одна батарея безъ особаго приказанія начальства не мѣняла предмета прицѣливанія, но обстрѣливала тѣ линіи, противъ которыхъ она устроена, или которыя ей будутъ назначены.

4-е. О вторыхъ батареяхъ.

Вторыми батареями называются тѣ, которыя располагаются на коронованіи гласиса, въ ложементахъ, устроенныхъ на отнятыхъ у противника наружныхъ пристройкахъ, и т. д. Они различаются отъ первыхъ батарей тѣмъ, что съ нихъ производится огонь сильнѣе и чаще, и раздѣляются на *брешъ-батареи*, *контръ-батареи* и *мортирныя батареи*.

Брешъ-батареи располагаются частію противъ наружныхъ пристроекъ, частію же противъ главнаго вала, дабы пробить брешъ для входа штурмующихъ колоннъ. Выбираются для пролома такія части крѣпостнаго строенія, которыя имѣютъ слабѣйшую фланговую оборону, а именно: фасы бастіона или равелина.

Число орудій на брешъ-батареѣ, когда ей надлежитъ дѣйствовать противъ сильнаго крѣпостнаго строенія, должно состоять, по крайней мѣрѣ, изъ 4 пушекъ самаго большаго калибра.

Для сдѣланія пролома, надлежитъ сначала стрѣлять въ подошву каменной одежды и стараться пробить въ оной горизонтальную черту (въ главномъ валѣ отъ 60 до 80 футовъ длиною); потомъ пробиваютъ одежду по направленію двухъ вертикальныхъ линій, идущихъ въ верьхъ отъ концевъ нижней горизонтальной черты; когда же и сіе будетъ окончено, то залпами изъ всѣхъ орудій стрѣляютъ по части каменной одежды, очерченной означенными 3-мя чертами, дабы сильнымъ потрясеніемъ обвалить оную (*). Готовую брешъ, должно обстрѣливать картечью, чтобы прогнать оттуда непріятельскія войска и рабочихъ. Ежели за отвалившеюся частію каменной одѣжды не будетъ никакихъ контръ-форсовъ или сводовъ, то уже брешъ посредствомъ дѣйствія ядеръ не льзя будетъ улучшить; по сему, когда по твердости земли, изъ которой построенъ валъ, брешъ неудобопроходима, то надобно будетъ прибѣгнуть къ помощи минеровъ.

(*) Дабы на брешъ-батареяхъ и контръ-батареяхъ закрыть людей при орудіяхъ находящихся отъ ружейныхъ выстрѣловъ, то внутреннія отверстія амбразуръ заграждаются особыми щитами въ 3 фута вышиною, сколоченными изъ толстыхъ досокъ. Щиты сіи называются *блиндами*.

Въ случаѣ, когда возможно предвидѣть таковое неудобство, то выгоднѣе не дѣлать формальной бреши, но пробить только въ каменной стѣнѣ отверстіе, достаточное для производства работъ минеровъ. Если же, послѣ разрушенія каменной одѣжды, еще будутъ цѣлы контръ-форсы или своды, препятствующіе землѣ валиться, и по сей причинѣ проломъ неудобопроходимъ, то должно стараться разрушить оныя препятствія косвенными выстрѣлами.

Изъ всего выше сказаннаго видно, какое мѣсто удобнѣе для брешъ-батареи. Оно должно быть: во 1-хъ, довольно близко къ контръэскарпу, дабы можно было выстрѣлами открыть подошву, или по крайней мѣрѣ часть каменной одѣжды довольно къ оной близкую, и по сему необходимо, если крѣпость хорошо расположена, построить брешъ-батареи на гребнѣ гласиса, или даже на прикрытомъ пути. Во 2-хъ, онѣ по возможности должны быть расположены параллельно той части крѣпостнаго строенія, въ коей предположено сдѣлать брешъ, дабы можно было въ каменную одѣжду стрѣлять выстрѣлами перпендикулярными къ ея протяженію и послѣ разрушить контръ-форсы и т. п. перекрестными выстрѣлами. Для сей цѣли, т. е., для разрушенія контръ-форсовъ, можно иногда будетъ употребить съ успѣхомъ нѣсколько орудій той демонтиръ-батареи, которая построена противъ частей крѣпости, доставляющихъ избранной для бреши линіи, фланговую оборону.

Если та часть крѣпостнаго строенія, въ которой намѣрены сдѣлать брешъ прикрыта контръ-эгардомъ, и подошву каменной одѣжды не льзя обстрѣливать во все, а на самомъ контръ-эгардѣ нѣтъ мѣста для брешъ-батареи, то лучше тотчасъ по завладѣніи онымъ разрушить его минами, дабы послѣ того самую брешъ-батарею, которая была построена противъ контръ-эгарда, обратить противъ главнаго вала.

Въ земляныхъ валахъ, въ коихъ нѣтъ каменной одѣжды, почти невозможно сдѣлать совершенно удобную брешъ. Лучшее средство въ семъ случаѣ дѣйствовать гранатами, ибо разрывъ ихъ, если и не сдѣлаетъ пролома въ полной мѣрѣ удобнаго, то разроетъ столько крутость, что входъ на валъ значительно облегчится.

Контръ-батареи, суть демонтиръ-батареи, назначенныя для сбитія послѣднихъ крѣпостныхъ орудій, и дабы уничтоженіемъ оныхъ отнять у противника послѣднее средство оборонять съ боку ровъ и брешъ. Мѣсто расположенія контръ-батарей соотвѣтствуетъ цѣли, съ которою они строятся, т. е., онѣ располагаются на гребнѣ гласиса и въ ложементахъ, завладѣнныхъ частей крѣпостнаго строенія противъ амбразуръ тѣхъ орудій, которые стоятъ на флангахъ или на фасахъ, замѣняющихъ фланги. Контръ-батареи должны состоять изъ 24-хъ-фунтовыхъ, или по крайней мѣрѣ, 12-ти-фунтовыхъ пушекъ большой пропорціи, и на оныхъ помѣщать столько орудій,

сколько мѣсто позволитъ. Обыкновенно, по недостаточности послѣдняго, не льзя помѣстить болѣе 8 орудій на каждую батарею. Огнемъ изъ сихъ батарей надлежитъ стараться, какъ можно скорѣе привести въ молчаніе противуположныя онымъ орудія. Когда намъ удалось произвести сіе въ дѣйствіе, то обратить выстрѣлы на разрушеніе каменной одѣжды обстрѣливаемаго фланга и на пробитіе въ ономъ бреши. Сіе дѣлается частію для того, чтобы съ разбитіемъ каменной одѣжды обрушить и самые бруствера, и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ постановленіе за оными новыхъ орудій; иногда же и для того, чтобы въ случаѣ надобности произвесть штурмъ и на сіи бреши. Подобно сему употребляютъ и тѣ контръ-батареи, которыя привели фланговую оборону рва равелина въ молчаніе, къ произведенію бреши въ фасѣ бастіона, или къ содѣйствію по сему предмету нарочно для того устроенной решъ-батареѣ.

Самое трудное дѣло для контръ-батарей есть: привести въ молчаніе орудія, расположенныя въ хорошо устроенныхъ казематахъ. Въ семъ случаѣ, кажется, лучше начать прямо пробивать брешъ, дабы разрушеніемъ каменной одѣжды открыть казематы съ переди, и тогда уже будетъ легче прогнать осажденнаго изъ оныхъ, хотя бы онъ и прикрывался мѣшками, наполненными землею; ибо тутъ даже и тѣ выстрѣлы, которые не попадутъ въ орудія, ударяясь въ стѣны каземата причи-

нятъ непріятелю большой вредъ самыми обломками стѣнъ.

Если таковое дѣйствіе противъ казематныхъ орудій не увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ, то кажется нечего болѣе дѣлать, какъ разрушить переднія части каземата съ батарей, лежащихъ на кось боковыхъ стѣнъ онаго. Для сего можно: или построить особыя батареи въ ложементахъ, если оныя довольно просторны, или употребить уже готовыя. Напримѣръ, при атакѣ фронта, имѣющаго сильную фланговую оборону и большое число казематныхъ орудій, весьма удобно будетъ употребить тѣ брешъ-батареи, которыя были построены противъ редуитовъ сборныхъ мѣстъ, во входящихъ углахъ прикрытаго пути, по завладѣніи и разрушеніи сихъ послѣднихъ. Сіи батареи въ потребномъ случаѣ можно усилить, такъ какъ они по положенію своему могутъ служить также контръ-батареями противъ куртины, или другихъ около сего мѣста расположенныхъ низкихъ крѣпостныхъ батарей.

Мортирныя батареи переносятся изъ послѣдней параллели и изъ траншей у подошвы гласиса, на гребень гласиса и въ послѣдствіи времени, когда то нужно, даже въ ложементы, устроенные на завладенныхъ частяхъ крѣпостнаго строенія. Назначеніе ихъ во время послѣднихъ дѣйствій осады весьма различно, какъ напримѣръ: чтобы своимъ огнемъ помогать контръ-батареямъ; чтобы мортирныя батареи осажденнаго привести въ молчаніе или

тревожить по возможности, чтобы затруднить сообщенія наружныхъ пристроекъ съ главнымъ крѣпостнымъ строеніемъ; и наконецъ, произвести вредъ внутри крѣпости.

Предъ начатіемъ штурма усиливаютъ сколько можно болѣе огонь изъ всѣхъ мортирныхъ батарей, и сіе должно продолжаться даже во время самаго штурма, въ особенности противъ фланговъ и тѣхъ верковъ, которые находятся за брешью, если только можно то сдѣлать безъ вреда для нашихъ войскъ.

Когда атакуемаго фронта рвы такъ устроены, что можно впускать и выпускать воду, то переправа чрезъ оные весьма затруднительна и почти невозможна, ежели не истребить напередъ шлюзы. Сіе разрушеніе шлюзъ можно произвести иногда пушечными, иногда мортирными батареями, или даже тѣми и другими вмѣстѣ, смотря по положенію самыхъ шлюзъ.

5-е). Объ ускоренной осадѣ.

Такъ называемая ускоренная осада состоитъ въ томъ, что строится одна только параллель въ разстояніи отъ главнаго вала 600 или 800 шаговъ, и въ самой сей параллели или въ близи оной, располагаются одна сильная брешъ-батарея, одна большая контръ-батарея, и нѣсколько рикошетъ и мортирныхъ батарей; и какъ скоро дѣйствіемъ сихъ батарей, будетъ сдѣлана удобо проходимая брешъ, то тотчасъ

производится штурмъ. Такого рода атаки, при благопріятствующихъ къ тому обстоятельствахъ, были производимы нерѣдко съ успѣхомъ, какъ въ прежнее такъ и въ новѣйшее время, и по оной атакѣ въ особенности замѣчательны ниже означенныя три осады въ Испаніи, во время послѣдней войны Англичанъ съ Французами. Противъ Ціудадъ-Родриго были батареи построены на разстояніи отъ 175 до 225 саженъ (отъ 400 до 512 метровъ), и изъ 38 пушекъ 18 и 24 фун. 9.500 выстрѣлами въ теченіи 6 дней, пробиты двѣ бреши и крѣпость взята штурмомъ послѣ 11-ти дневной ускоренной осады. Противъ Бадайоза дѣйствовали на разстояніи отъ 240 до 280 саженъ (отъ 549 до 640 метровъ) 36 пушекъ 18 и 24 фунт.; выпустили слишкомъ 30.000 выстрѣловъ въ продолженіи 8 дней, и сдѣлали 3 бреши. Крѣпость была взята штурмомъ послѣ 30 дневной осады. Противъ Сентъ-Себастіана въ 1813 году, съ разстоянія 240 саженъ (550 метровъ) 26 пушекъ 18 и 24 фунт. въ продолженіи 9-ти дней сдѣлали слишкомъ 52.000 выстрѣловъ и пробили двѣ бреши; послѣ чего крѣпость взята была также штурмомъ.

Дѣйствіе Артиллеріи при таковой осадѣ, различается тѣмъ отъ дѣйствія при обыкновенной осадѣ, что тутъ огонь, для достиженія желаемой цѣли, долженъ производиться гораздо сильнѣе и скорѣе, по причинѣ кратковременности всей осады.

6-е). *О расположеніи и дѣйствіи Артиллеріи при бомбардированіи, при нападеніи открытою силою, и при блокадѣ крѣпостей.*

При бомбардированіи крѣпости, гдѣ только стараются зажечь внутреннее строеніе бомбами, калеными ядрами или зажигательными ракетами и гдѣ преимущественно служатъ цѣлію крыши домовъ, тамъ вообще расположеніе батарей не можетъ быть подведено подъ правила. Стараются преимущественно для помѣщенія орудій избирать господствующіе пункты; такіе, на которыхъ мѣстность облегчаетъ построеніе батарей, и гдѣ уже природа сама составляетъ нѣкотораго рода прикрытіе; наконецъ такіе, кои находятся близко къ важнѣйшимъ изъ обстрѣливаемыхъ предметовъ, какъ-то: къ пороховымъ погребамъ, провіантскимъ магазинамъ и проч. На сіи части, должно со всѣхъ сторонъ обращать огонь, дабы зазженіемъ оныхъ, произвести болѣе безпорядковъ и разстройства въ бомбардированной части крѣпости. Предпочтительно продолжать сильно обстрѣливать то мѣсто, гдѣ уже произошелъ пожаръ.

При нападеніи на крѣпость открытою силою, придается каждой штурмующей колоннѣ нѣкоторое число Артиллеристовъ, кои по завладѣніи валомъ тотчасъ обращаютъ стоящія на немъ орудія внутрь крѣпости противъ осажденныхъ, пока пѣхота частію распространяется по занятому ею валу, частію врывается во внутренность крѣпости. Между

тѣмъ, Саперы, съ помощію резервной пѣхоты, стараются построить родъ ложемента на завладѣнной части крѣпостнаго строенія. Таковой ложементъ вооружается орудіями, не только для того, чтобы въ случаѣ отступленія штурмующихъ колоннъ, прикрыть оныя, но также, чтобы посредствомъ сихъ ложементовъ въ случаѣ неудачи, удержаться на валу до тѣхъ поръ, пока не придетъ сильный резервъ, при помощи коего можно будетъ опять принять наступательное дѣйствіе. Тѣмъ резервнымъ колоннамъ, которымъ назначено входить въ крѣпостныя ворота, открытыя штурмующими, можно придать нѣсколько легкихъ орудій для помѣщенія оныхъ на городскихъ площадяхъ и перекресткахъ, дабы тамъ не дать собраться гарнизону и обезпечить колонны наши отъ нечаяннаго нападенія съ боку или съ тылу. Въ случаѣ совершенной неудачи, должно внѣ крѣпости расположить нѣсколько легкихъ орудій давъ имъ достаточное прикрытіе, дабы они могли защищать отступленіе въ случаѣ вылазки Гарнизона. Обстрѣливать крѣпость передъ штурмомъ, котораго успѣхъ зависитъ болѣе всего отъ внезапнаго нападенія, въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ принесетъ прямую пользу, именно тогда только, когда Гарнизонъ состоитъ изъ войскъ не устроенныхъ и непривыкшихъ къ войнѣ, или, когда крѣпостная Артиллерія отмѣнно слаба.

При блокадѣ крѣпости, Артиллерія употребляется точно также, какъ въ обыкновенныхъ позиціяхъ, но здѣсь въ особенности должно

обращать вниманіе на то, чтобы она была прикрыта отъ выстрѣловъ крѣпостныхъ орудій, которыя уже безъ того имѣютъ преимущество предъ первыми, не только въ калибрѣ, но и въ томъ, что стоятъ за брустверомъ. Особенно затруднительно блокировать приморскую крѣпость, когда блокирующій отрядъ не будетъ поддерживаемъ военными кораблями. Въ такомъ случаѣ, болѣе нечего дѣлать, какъ стараться овладѣть тѣми отдѣльными укрѣпленіями, которыя обстрѣливаютъ гавань и входъ въ оную, и расположить въ оныхъ укрѣпленіяхъ батареи изъ орудій большаго калибра; при чемъ предпринять всѣ нужныя мѣры, чтобы изъ нихъ можно было стрѣлять калеными ядрами.

ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Состояніе Императорскихъ Россійскихъ военныхъ сухопутныхъ силъ въ 1828 году.

(*Окончаніе*).

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1-й, 2-й и Московскій Кадетскіе Корпуса. Дворянскій полкъ; Пажескій Корпусъ, *Императорскій* Военно-Сиротскій Домъ; *Императорскій* Царскосельскій Лицей, Пансіонъ Царскосельскаго Лицея; Тульское Александровское Дворянское училище; Кондукторская рота, Главное Инженерное училище, Артиллерійское училище, Учебный Кавалерійскій эскадронъ, 1-й и 2-й Учебные Карабинерные полки, Саперный баталіонъ, Учебная Артиллерійская бригада.

ГАРНИЗОННАЯ АРТИЛЛЕРІЯ.

С. Петербургскій Округъ: 1-я, 2-я и 3-я бригады.
Старо-Финляндскій Округъ: 4-я бригада.
Ново-Финляндскій Округъ: 5-я бригада.
Лифляндскій Округъ: 6-я бригада.
Кіевскій Округъ: 8-я бригада.
Дунайскій Округъ: 9-я бригада.
Южный Округъ: 10-я бригада.
Кавказскій Округъ: 11-я и 12-я бригады.
Грузинскій Округъ: 13-я бригада.

Оренбургскій Округъ: 14-я бригада.
Сибирскій Округъ: 15-я бригада.

ОКРУГИ ИНЖЕНЕРНЫХЪ КОМАНДЪ.

С. Петербургскій, Старо-Финляндскій, Ново-Финляндскій, Лифляндскій, Кіевскій, Херсонскій, Грузинскій, Оренбургскій, Сибирскій, Дунайскій.

Гарнизонные Инженеры.

Военно-рабочія роты Инженернаго Корпуса.

ОТДѢЛЬНЫЙ КОРПУСЪ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

Корпусный Штабъ.

Гвардейская Инвалидная бригада: Лейбъ-Гвардіи Гарнизонный баталіонъ, Гвардейскія подвижныя Инвалидныя роты.

Внутреннїе Гарнизонные баталїоны. 1-й *Округъ*, 1-я бригада: Митавскій и Рижскій; 2-я бригада: Ревельскій, Аренсбургскій и Псковскій.

2-й *Округъ.* 1-я бригада: Смоленскій и Калужскій; 2-я бригада: Витебскій и Могилевскій.

3-й *Округъ.* 1-я бригада: Черниговскій и Кіевскій; 2-я бригада: Полтавскій, Харьковскій и Курскій.

4-й *Округъ.* 1-я бригада: Кишеневскій и Херсонскій; 2-я бригада: Екатеринославскій и Таврическій.

5-й *Округъ.* 1-я бригада: Выборгскій и Свеаборгскій; 2-я бригада: Архангелогородскій Гарнизонный трехъ-баталіонный полкъ; 3-я бригада: Петрозаводскій и Вологодскій.

*

6-й *Округъ*. 1-я бригада: С. Петербургскій и Новгородскій; 2-я бригада: Тверскій и Ярославскій; 3-я бригада: Владимирскій и Костромскій.

7-й *Округъ*. 1-я бригада: Московскій и Рязанскій; 2-я бригада: Тульскій и Орловскій; 3-я бригада: Воронежскій и Тамбовскій.

8-й *Округъ*. 1-я бригада: Вятскій, Пермскій и Уфимскій.

9-й *Округъ*. 1-я бригада: Нижегородскій и Симбирскій; 2-я бригада: Саратовскій и Пензенскій; 3-я бригада: Казанскій Гарнизонный двухъ-баталіонный полкъ.

10-й *Округъ*. 1-я бригада: Ставропольскій, Тифлисскій и Астраханскій.

11-й *Округъ*. Причисленъ къ Сибирскому Отдѣльному Корпусу.

12-й *Округъ*. 1-я бригада: Виленскій и Минскій; 2-я бригада: Гродненскій и Бѣлостокскій; 3-я бригада: Житомирскій и Каменецъ-Подольскій.

ДНЕВНИКЪ

Подполковника Симоновича, о происшествіяхъ при блокадѣ Эриванской крѣпости въ 1804 году, Генераломъ отъ Инфантеріи Княземъ Цицiановымъ отъ 15-го Іюля, по день отступленія, т. е., по 4-е Сентября.

Іюль.

16-го, Пойманъ въ цѣпи шпіонъ, изъ войска Персидскаго прокрадывавшійся въ крѣпость, а другой его товарищъ убитъ.

17-го, Таковый же схваченъ и 4 Эриванскихъ Армянина, увлеченныхъ войсками Персидскими въ Нахичевань, пришли оттолѣ къ намъ.

18-го, Ничего не произошло, кромѣ, какъ и въ предыдущіе дни, рекогносцировала насъ партія Персіанъ до 300 человѣкъ.

Два плѣнника, при вылазкѣ 15-го числа захваченные, отпущены въ крѣпость.

19-го, Присыланъ отъ *Мамадъ-Хана Эриванскаго* Посланникъ, а ввечеру пойманъ Козаками Персіанинъ, пробиравшійся въ крѣпость изъ Персидскаго войска.

20-го, Посыланными отъ *Дона-Паркулихана* (?) людьми приведенъ Персіанинъ, схваченный изъ *Баба-Ханскаго* войска. Передъ вечеромъ же отправлены 27 арбъ при Армянахъ въ *Эчміадзинскій* Монастырь,

дабы въ окружности онаго накосить хлѣба.

21-го и 22-го, дѣланы туры для брешъ-батареи, которая въ ночь на 23-е заложена на правомъ флангѣ облежанія, противъ Ханскаго дома, что услыша непріятель, производилъ сильную ружейную пальбу по рабочимъ, изъ коихъ одинъ и раненъ.

23-го, Получено извѣстіе, что *Баба-Ханъ*, удалившійся-было къ деревнѣ Шарури, возвратился паки въ Гарничай, и непріятельскія толпы разъѣзжали около насъ по высотамъ. Слухъ носился, что хотятъ ночью ударить на насъ; но сіе не произошло.

24-го, Пріѣхалъ Трухменецъ изъ Персидскаго войска, подъ предлогомъ присланнаго отъ находящихся тамъ Трухменскихъ Старшинъ; но посаженъ подъ караулъ, какъ оказавшійся подозрительнымъ въ шпіонствѣ.

По утру видны были большія партіи Персидскія, потянувшіяся къ рѣчкѣ Каркбулахъ, изъ коихъ одна въ 300 человѣкахъ, ударивъ на наши Казачьи пикеты, принудила ихъ отступить, и какъ имъ случившійся оврагъ воспрепятствовалъ угнать своихъ лошадей (ибо при нападеніи непріятеля, Козаки спѣшились); то 35 оныхъ достались непріятелю въ добычу.

Того же числа, лѣвый флангъ облежанія отъ рѣки Занги снятъ, такъ какъ предположено командировать въ ночь на 25-е число

каре, для ночнаго нападенія на полагаемый при Гарничаѣ Персидскій лагерь *Баба-Ханскаго* сына, который и выступилъ подъ командою Генералъ-Маіора *Портнягина*, бывъ составленъ изъ 170 гренадеръ, 210 мушкетеръ Саратовскаго полка, 190 мушкетеръ Тифлисскаго и 100 Драгунъ, съ придачею 6-ти орудій, 30 Козаковъ, 100 Грузинъ. Съ онымъ каре послѣдовалъ самъ *Джаларъ-Кули-Ханъ Хойскій* со 100 человѣками Персіанъ. Шефскій же баталіонъ Тифлисскаго полка поставленъ при въѣздѣ въ сады по Тифлисской дорогѣ со стороны Канагирь, для обезпеченія тыла облежанія. Осажденные, пользуясь онымъ снятіемъ, выпускали лошадей на кормъ изъ крѣпости и во многомъ числѣ выѣзжали туда, гдѣ происходило сраженіе и опять въѣзжали свободно, чему препятствовать мы не могли, по малолюдству своему.

Каре оный возвратился ночью предъ зарею, не достигнувъ своей цѣли: ибо къ лагерю не могъ поспѣть ранѣе седьмаго часа утра, когда войска, снявъ уже лагерь, бѣжали съ онымъ къ Араксу, а прочіе заняли выгоднѣйшія высоты и дефиле, и ждали на себя нашихъ въ нѣсколькихъ колоннахъ.

Въ то время, когда каре началъ отступать къ своему мѣсту облежанія, то непріятель началъ сильно окружать и нападать. Между тѣмъ, *Баба-Ханъ*, стоявшій съ половиною войска на Канагирѣ, поспѣлъ на помощь своему сыну и также ударилъ со всемъ стремленіемъ на каре, ретируясь чрезъ цѣлый день, отстрѣливаясь то орудіями, то высы-

лаемыми фланкерами, поражало нападающихъ такъ, что уронъ ихъ безошибочно положить можно до 800 человѣкъ. Съ нашей стороны двое убито и 60 ранено.

25-го, Предъ утреннею зарею, партія непріятельская имѣя, по видимому, покушеніе схватить кого на пикетахъ, подкралась-было подъ роту Егерей Капитана *Фирсова* 1-го, но бывъ открыта, прогнана съ урономъ.

26-го, Прибыло 360 вьюковъ съ сухарями изъ Байбаки, не доходя до Эривана за 3 агажа, въ деревню Арзанъ, куда ввечеру отправленъ на встрѣчу Генералъ-Маіоръ *Леонтьевъ* съ каре изъ 400 человѣкъ составленными и съ 4 орудіями; который прибылъ на другой день благополучно въ полдень, и тогда же непріятельская партія видна была.

Съ 28-го на 29-е число ночью, партія, выѣхавшая изъ крѣпости, напала на каре Генералъ-Маіора *Леонтьева*, коимъ и прогнана назадъ.

Въ ту же ночь подкрались къ Егерскимъ часовымъ нѣсколько Персіанъ изъ города, съ намѣреніемъ схватить кого; но Егерями открыты. При чемъ одинъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а прочіе разбѣжались.

На 30 е ночью, изъ крѣпости вкрались два Персіанина въ садъ за виноградникомъ, изъ коихъ одинъ Егеремъ нашимъ раненъ штыкомъ и взятъ, а другой ушелъ.

Большая партія старалась изъ крѣпости выѣхать; но будучи открыта Егерями, кои отбили два вьюка, приняла влѣво, гдѣ нашла каре Генералъ-Маіора *Леонтьева*, и потерявъ здѣсь 6-ть вьюковъ воротилась.

30-го Ввечеру присланъ Армянинъ отъ *Баба-Ханова* Визиря съ письмомъ.

31-го, Подошла Персидская сила, и приближась до садовъ, протянулась по высотамъ: по показанію вышедшихъ — съ намѣреніемъ напасть; но убоясь, ничего не предприняла, а во 2 мъ часу, когда удалилась: то человѣкъ до 200 учинили вылазку на бастіонъ Маіора *Монтрезора*; но прогнаны съ урономъ ихъ убитыми 5 человѣкъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Маркъ Гюйонъ.

(*Окончаніе.*)

Откланявшись Епископу, *Гюйонъ* идетъ туда, гдѣ провелъ счастливые лѣта дѣтства, и куда часто влекло его сердце. Вотъ уже достигъ онъ уединенной улицы, находящейся въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ частей города. Уже подходитъ онъ къ дому, окруженному маленькимъ ботаническимъ садомъ, — но не имѣетъ духа постучаться у знакомой двери, и проходитъ мимо; потомъ опять возвращается, опять уходитъ и, наконецъ, собравшись съ силами, взбѣгаетъ на лѣстницу. Въ семъ скромномъ домѣ жила *Г-жа Лонгаръ* съ дочерью своею и служанкою. *Гюйонъ* любилъ первую, какъ мать свою, а *Дельфину* называлъ милою сестрою и рѣдко проводилъ день не видавшись съ ними. Ужасная зараза не коснулась пріюта добродѣтели, и *Гюйонъ* нашелъ ихъ спокойно сидящихъ за работою въ верхнемъ жильѣ.

Легко можно было примѣтить, что онѣ ничего не слыхали о принятомъ имъ намѣреніи, а потому, онъ рѣшился ничего не открывать имъ. Сердце его разрывалось; но онъ казался спокойнымъ и даже веселымъ; шутилъ, разсказывалъ анекдоты, новости, и наконецъ, простился съ ними, не подавъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что происходило въ душѣ его. Лишь только онъ вышелъ, какъ *Дельфина* вспомнила, что забыла отдать ему букетъ душистыхъ травъ, которыя они всегда ему дарили при прощаніи. Она сбѣжала за нимъ въ низъ и, вышедъ на улицу, громко кликала, но *Гюйона* уже не было, и она, заперши дверь, печально возвращалась къ матери, какъ вдругъ услышала возлѣ себя тяжкій вздохъ. Она вздрогнула и осмотрѣлась вокругъ себя. Дверь въ маленькую темную комнату, находившуюся подъ лѣстницей, была отворена; — невольно взглянула она туда и увидѣла *Гюйона*, стоявшаго на колѣняхъ; грудь его тяжело поднималася, лице было блѣдно, и всѣ черты его выражали глубокую горесть. Встревоженная *Дельфина* хочетъ войти; но боязнь оскорбить *Гюйона* нескромностію, удерживаетъ ее. Тихими шагами всходитъ она опять на лѣстницу и садится на верхней ступенькѣ, дожидаться, пока онъ выдетъ изъ комнаты.

Скоро зашевелился замокъ наружной двери, и *Дельфина* сбѣжала поспѣшно въ низъ. „Ты еще здѣсь, милый *Маркъ!*“ сказала она съ притворнымъ удивленіемъ; — „какъ я рада, я забыла отдать тебѣ эти травы; вить ты всегда

носишь ихъ съ собою,—когда навѣщаешъ больныхъ своихъ.“ — И она отдала ему букетъ; но не могла долѣе продолжать разговора; *Гюйонъ*, казалось, не слушалъ ее — тяжкая тоска изображалась въ смутномъ взорѣ его. Наконецъ, какъ бы опомнившись, онъ тихо взялъ ее за руку и повелъ въ комнату. „Милая *Дельфина*,“ — сказалъ онъ ей дрожащимъ, прерывающимся голосомъ — „я вижу, что ты многое отгадала; — скажи, могу ли положиться на твою твердость? Увѣрена ли ты сама въ себѣ? . . . Могу ли я продолжать?“ — Продолжай — отвѣчала *Дельфина*, мы живемъ въ страшныя времена, я готова на все! . . . Она замолчала и съ мрачнымъ вниманіемъ слушала, что *Гюйонъ* говорилъ ей. „Ты нездорова, *Дельфина*!“ вскричалъ онъ вдругъ, посмотря на нее, „я нанесъ тебѣ жестокій ударъ, онъ свыше силъ твоихъ. . . “ — Я не больна, отвѣчала она, потупивъ глаза въ землю . . . Я исполню твою волю. . . . *Гюйонъ* всталъ и напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на блѣдныхъ щекахъ красавицы.

Я не больна милый *Гюйонъ*, продолжала *Дельфина* — тебѣ пора идти, — прощай, возьми этотъ букетъ, примолвила она трепещущимъ голосомъ, подавъ ему пучекъ травъ, который въ рукѣ держала. *Гюйонъ* взялъ его — удалился, а *Дельфина* осталась одна. Долго сидѣла она въ оцѣпенѣніи, зажмуривъ глаза, и положа голову на столъ. Наконецъ, вскочила, какъ будто пробужденная отъ тяжкаго сна и сказала рыдая: о Боже! дай мнѣ умереть

съ нимъ вмѣстѣ. . . Я раздѣлю его страданія; приму послѣдній вздохъ его. Грудь моя будетъ смертнымъ его изголовьемъ. . . . Но онъ любитъ другую — онъ это самъ открылъ мнѣ... не думая поразить меня! . . . Ахъ, онъ никогда не подозрѣвалъ моей любви къ нему.

Пробилъ часъ по полуночи и *Гюйонъ* сходилъ съ крыльца Епископскаго Дворца; онъ шелъ къ дому, гдѣ наканунѣ умеръ молодой человѣкъ, сынъ богатаго купца. Отецъ его, и все многочисленное семейство его померли одинъ за другимъ въ теченіи нѣсколькихъ дней — и несчастный юноша былъ послѣднею жертвою заразы. Ночь была темная; *Гюйонъ* шелъ въ обитель смерти чрезъ длинную, пустую улицу, сопровождаемый служителемъ съ фонаремъ. Вдругъ, что-то тяжелое грянулось о мостовую! . . *Гюйонъ* и слуга его остановились . . . Прислушиваются . . . Протяжный стонъ послѣдовалъ за стукомъ. . . И снова настала мертвая тишина. *Гюйонъ* быстрѣе молніи бросается въ ту сторону и поднимаетъ молодую женщину, которая удалилась отъ него прежде, нежели онъ могъ всмотрѣться въ черты лица ея. *Гюйонъ* и служитель его наклоняются съ фонаремъ и видятъ трупъ одного изъ несчастныхъ, который проходя мимо *Дельфины* (то была она), упалъ, испустя послѣдній вздохъ и увлекъ ее за собою на землю.

Проводя *Гюйона*, *Дельфина* пошла къ матери, но она уже спала. Написавъ, что *Гюйонъ* занемогъ, она положила записку у кровати матери и, вышедъ тихонько, бросилась къ Епископ-

скому Дворцу, остановилась у воротъ и ожидала *Гюйона*. Вскорѣ явился онъ, и *Дельфина* его узнала. Лампада, теплившаяся предъ иконою Богоматери, освѣтила передъ ней благородную его осанку: она тайно шла за нимъ издали. Передъ домомъ, куда шелъ *Гюйонъ*, находилась большая площадь, обсаженная липами, съ фонтаномъ, окруженнымъ мраморными скамейками. *Дельфина* бросилась на одну изъ нихъ и видѣла, какъ онъ вошелъ въ обитель смерти. Упавъ на мостовой, ушибла она голову, — кровь лилась изъ нее ручьемъ; наклонясь къ бассейну, обмыла она лице свое, и трепещущими руками перевязала платкомъ рану. Долго сидѣла она у фонтана, окруженная мракомъ ночи. Одинъ шумъ водъ и легкое колебаніе вѣтвей прерывали глубокую тишину; — вдругъ блеснулъ свѣтъ въ окошкахъ, и на противоположной стѣнѣ замелькали бродящія тѣни; — нѣсколько человѣкъ переносили трупъ изъ боковой комнаты въ большую залу — скоро растворились ворота — они вышли изъ нихъ, удалились — и — *Гюйонъ* остался одинъ съ усопшимъ.

Окна маленькой передней, находившейся подлѣ залы, были обращены къ фонтану, у котораго сидѣла *Дельфина*. Двери изъ сей комнаты были отворены: она видѣла все, что происходило внутри. *Гюйонъ* подошелъ, затворилъ дверь и, поставивъ фонарь свой на полъ, растворилъ окно. Нѣсколько времени стоялъ онъ здѣсь и, казалось, съ жадностію вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. Скоро вѣтеръ задулъ

фонарь и *Дельфина* не видала уже ничего болѣе. Но *Гюйонъ* находился близко — она чувствовала его присутствіе; вслушивалась въ звуки голоса его, произносившаго молитву; она слышала, что онъ молился за нее и, упавъ на колѣна, умоляла Создателя сохранить жизнь его. Скоро первые лучи дня блеснули на востокѣ, — *Гюйонъ* все еще стоялъ у окна, — здоровье и свѣжесть цвѣли на лицѣ его, — съ какимъ-то небеснымъ выраженіемъ, смотрѣлъ онъ на розовыя облака, на свѣтлое небо — и задумчивый видъ его, казалось, не могъ разстаться съ Природою. Чрезъ нѣсколько минутъ, вынулъ онъ букетъ травъ, данный ему *Дельфиною*, прижалъ его къ устамъ своимъ, оросилъ слезами и, положивъ опять на сердце, отошелъ отъ окна. *Дельфина* подбѣжала къ фонтану—развѣсистый яворъ заслонялъ ее отъ *Гюйона* — но, ахъ, уже *Гюйонъ* скрылся отъ глазъ ея! Въ отчаяніи, въ тоскѣ неизъяснимой, возвращается она на прежнее мѣсто и устремляетъ глаза на окна. Долго, долго смотритъ, не смигивая. Наконецъ, взоръ ея помутился — всѣ предметы кажутся ей въ какомъ-то дрожащемъ свѣтѣ: *Гюйонъ*, то появится, то изчезнетъ передъ нею — и, наконецъ, утомленная, она почти лишается чувствъ.

Между тѣмъ, солнце уже взошло и жители сосѣднихъ домовъ приходятъ къ фонтану за водою — долго никто не замѣчалъ ее; наконецъ, одинъ изъ нихъ, думая, что это одна изъ жертвъ заразы, пришедшая умереть у водоема, грубымъ голосомъ велитъ ей идти прочь

и не отравлять воды фонтана. Несчастная не въ силахъ отвѣчать ему — она почти въ безпамятствѣ; жестокосердый схватилъ ее за руку и столкнулъ съ мѣста. Тутъ опомнившись, бросилась она бѣжать, сама не зная куда и очутилась у крыльца дома. Она сѣла на ступени и старалась привести на память случившееся съ нею — но мысли ея были въ страшномъ безпорядкѣ. Въ разсѣяніи сдѣлала она нѣсколько шаговъ — взоры ея остановились на окнѣ передней комнаты и мгновенно возвратилось ужасное воспоминаніе. *Гюйонъ* уже давно невидимъ — *Гюйонъ* тамъ — и *Дельфина* вбѣгаетъ въ комнаты — дверь была не заперта, она легко отворила ее. Въ передней на ветхой софѣ, спалъ слуга *Гюйоновъ;* она пробѣгаетъ мимо — отворяетъ другую дверь — и входитъ. Посреди большой великолѣпно-убранной залы — украшенной картинами, зеркалами, бронзами, на огромномъ мраморномъ столѣ, лежалъ обезображенный трупъ, прикрытый до половины бѣлымъ покровомъ. *Дельфина* содрогнулась. Но гдѣ же *Гюйонъ?* — Она осматриваетъ вокругъ себя — и никого не видитъ. Идетъ далѣе — подходитъ ближе, ближе — и что же? Несчастный другъ ея лежалъ безъ чувствъ на полу, ухватясь рукою за конецъ покрова. Онъ упалъ, вѣроятно, въ ту пору, когда окончивъ страшное дѣло свое, хотѣлъ прикрыть трупъ — умершаго. Господи, помоги! закричала *Дельфина* и бросилась поднимать его. Въ эту минуту, всѣ силы души ея возвратились, и она, съ удивительнымъ

присутствіемъ духа, освобождаетъ руку *Гюйона* и дотаскиваетъ его до растворенного окна; но тщетно старается привести его въ чувство. Вдругъ видитъ столъ, на которомъ *Гюйонъ* записывалъ свои наблюденія и бросалъ въ чашу съ уксусомъ. Она схватываетъ ее и обливаетъ голову *Гюйона:* о радость! Онъ вздохнулъ . . . онъ дышетъ; но неминуемая смерть ожидаетъ его въ этой комнатѣ. *Дельфина* съ трудомъ тащитъ его въ переднюю и затворяетъ за собою гибельную дверь. Я не могу идти далѣе, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, обративъ на нее блуждающій, разсѣянный взоръ — и *Дельфина* съ горестію увидѣла, что онъ не узналъ ее. Онъ закрылъ глаза — и долго лежалъ безъ памяти. Потомъ, пришедъ въ себя, протянулъ руку — вынулъ лежавшее на груди его Распятіе, и съ благоговѣніемъ прижалъ къ устамъ. Букетъ травъ лежалъ на полу: подай мнѣ его, сказалъ онъ *Дельфинѣ;* она говорила, что этотъ букетъ освѣжитъ меня; скажи ей, что онъ былъ на моемъ сердцѣ въ ужасный часъ. . . . Скажи, что я тогда думалъ . . . о . . . Но кто ты? Вскричалъ онъ, быстро взглянувъ на нее. . . . И опять безъ чувствъ грянулся на полъ. Нѣсколько времени — забылся онъ тихимъ сномъ — и *Дельфина*, наклонясь надъ нимъ, слышала, какъ шепталъ онъ во снѣ. „О какъ я счастливъ! какъ счастливъ!“ Наконецъ, открывъ глаза, вперилъ ихъ на Распятіе и, сказавъ громко: „Твое страданіе! Твоя смерть, Искупитель!“ . . . умолкъ на вѣки!“...

Примѣчаніе. Подвигъ великодушнаго *Гюйона* извѣстенъ въ Исторіи. Послѣ его кончины, Медицинскій Факультетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его наблюденій — и съ успѣхомъ началъ лѣчить зараженныхъ, и язва вскорѣ прекратилась.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

ФАННИ.

Амуръ измѣной оскорбленной
Однимъ забвеньемъ мстишь невѣрной.
Но не таковъ угрюмый брака богъ,
Котораго теперь вступаешь ты въ чертогъ.
Онъ, оскорбленный, страшенъ въ гнѣвѣ!
Не измѣняй ему, мой другъ!
Что сходишь съ рукъ невѣрной дѣвѣ,
То не простишь женѣ супругъ.

1. . . . 3. . .

Кр. Шуша.

2.

КЪ А. Е. ГРЕНУ.

Что прочно, другъ мой, въ жизни сей?
Что постоянно въ здѣшнемъ мірѣ?
Какъ изчезаешь дымъ въ эѳирѣ,
Исчезнетъ призракъ отъ очей.

Пора сердечныхъ наслажденій
Съ весною жизни отцвѣтетъ;
Такъ призракъ сладостныхъ видѣній
Блеснувъ — мгновенно пропадетъ.
Но что насъ ждетъ вдали туманной?
Что Кронъ сѣдой откроетъ намъ?
Узримъ ли брегъ давно желанной —
Предѣлъ плѣнительнымъ мечтамъ?
Найдемъ ли мы дорогу счастья
Гонясь за милой суетой?
И вкусимъ ли за всѣ ненастья
Отрадный, сладостный покой.
Или страны очарованья
Не зрѣть намъ, другъ мой, никогда?
Или исчезнутъ ожиданья,
Какъ утромъ свѣтлая звѣзда?
И въ жизни мрачной и унылой
Увянемъ въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Какъ надъ безмолвною могилой
Весенній увядаетъ цвѣтъ.

3.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Сидѣла *Аннушка* въ свѣтлицѣ
Подпершись локоткомъ.
Подругой вѣсточка къ дѣвицѣ
Принесена тайкомъ.

* * *

Что милый другъ ея, сердечный
Помолвилъ на другой,

Купилъ нарядъ ей подвѣнечный,
Блестящій, дорогой.

* * *

Что завтра красную дѣвицу
Въ храмъ Божій поведешъ;
Что мать его въ свою свѣтлицу
Давно ужь гостью ждешъ.

* * *

Сидѣла *Аннушка*, вздыхала,
Но слезъ и пеней нѣтъ;
Пусть наконецъ, она сказала,
Иную онъ возьмешъ. —

* * *

Подруженька моя богата;
А я — ахти! — бѣдна!
Не за красу, но лишь для злата —
Она предпочтена —

* * *

Но станетъ ли моя подруга
Такъ милаго любить?
Какъ я душой любила друга?
Нѣтъ этому не быть!

М. Сухановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

63. *Земледѣльческая Химія*, съ предварительнымъ изложеніемъ, къ сей части и ко всей Наукѣ сельскаго хозяйства, приготовительныхъ свѣдѣній изъ Естественныхъ Наукъ, съ показаніемъ разныхъ способовъ землеудобренія и съ начертаніемъ правилъ паханія. Составлена *М. Павловымъ*, Профессоромъ Минералогіи и сельскаго домоводства, при Моск. Университетѣ. М. 1825.

64. *Эмма и Эгинаръ, или мщеніе Карла Великаго.* Повѣсть, соч. *Мильвуа*; пер. *Дм. Глѣбовъ.* М. 1825.

65. *Краткое руководство къ разведенію тонкошерстныхъ овецъ въ средней полосѣ Россіи*, изданное *Императорскимъ* Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. М. 1825.

66. *Геодезическія и Гидрографическія правила снимать находящіяся на земной поверхности мѣстоположенія, измѣрять глубины морей, заливовъ и рѣкъ, и все оное означать на морскихъ картахъ.* Соч. Вице-Адмиралъ и Гидрографъ *Сарычевъ.* С. П. Б. 1825.

67. *Военные подвиги Полковника Леонтія Яковлевича Неклюдова*, нѣкоторыя подробности о частной его жизни и о происшествіяхъ отъ 1769 до 1808 года. Соч. *С. Глинки.* М. 1825.

68. *Эдинбургская темница.* Изъ собранія новыхъ сказокъ моего хозяина, изданныхъ *Джедедіемъ Клейшботомъ*, пономаремъ и учителемъ

Ганъ - деръ - Клюфскаго прихода. Соч. *Вальтера Скотта.* М. 1825.

69. *Хлолотунъ, или дѣло мастера боится.* Опера водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго *А. И. Писаревымъ.* М. 1825.

70. *Кумъ Иванъ,* Русская быль. Сочин. *Е. Аладьина.* С. П. Б. 1825.

71. *Полный курсъ чистой Математики,* сочин. *Франкера.* Перев. съ Франц. втораго изданія, исправленнаго и значительно дополненнаго, Генеральнаго Штаба Подполковникомъ *Христіани* 2-мъ, Штабсъ - Капитаномъ *Крюковымъ* и Поручикомъ *Болотовымъ.* С. П. Б. 1827.

72. *Веверлей или шестьдесятъ лѣтъ назадъ.* Соч. *Валтера Скотта.* Четыре части. М. 1827.

73. *Высшая Алгебра Франкера,* изд. при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, Профессоромъ *Ив. Давыдовымъ.* М. 1824.

Профессоръ *И. И. Давыдовъ* извѣстенъ, какъ глубокій Математикъ и краснорѣчивый Писатель, вполнѣ обладающій даромъ самые отвлеченные предметы излагать ясно и вразумительно.

74. *Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію;* соч. на Французскомъ языкѣ *Д. П. Бутурлинымъ.* Двѣ части. 1824.

Твореніе въ военномъ отношеніи, образцовое; Русскій переводъ весьма хорошъ и, сверьхъ того, обогащенъ дѣльными замѣчаніями и поясненіями, Г. Переводчика.

Хамелеонистика.

(Продолженіе девятое).

Въ Библіографической статьѣ *Сына Отечества* 1818, въ No 1, на страницѣ 4-й опредѣляется достоинство двухъ Историческихъ книгъ: 1) *Русской Исторіи, сочиненной С. Н. Глинкою въ пользу юношества;* 2) *Отрывка изъ Русской Исторіи о междуцарствіи, изданнаго, Г. Гераковымъ.*

О первой сказано: „Исторія *С. Н. Глинки* можетъ замѣнить недостатокъ учебной книги въ семъ родѣ; и *особенно полезна* для семейственнаго чтенія (*). Книга сія имѣла бы гораздо болѣе цѣны, еслибъ Сочинитель подкрѣпилъ повѣствованія и изысканія свои *доводами и ссылками.*"

О второй написано: „Сей отрывокъ *могъ бы быть весьма полезенъ*, еслибъ Г. Издатель сообщилъ намъ извѣстіе, откуда онъ почерпнулъ его. Въ Исторіи не льзя вѣрить *на честное слово:* это не трагедія и не романъ, которыхъ вѣроятность и красоты опредѣляются смысломъ и чувствомъ самаго Читателя."

Надобно почитать Публику слѣпою и не имѣть къ ней ни малѣйшаго уваженія, чтобы осмѣлиться въ *одной* книжкѣ, *на той же* страницѣ помѣстить *два*, столь противорѣчащія

(*) Издатель *Московскаго Телеграфа, Н. А. Полевой*, который доказалъ трехъ-лѣтнимъ опытомъ глубокія свѣдѣнія въ Отечественной Исторіи, сдѣлалъ *Русской Исторіи С. Н. Глинки* слѣдующій справедливый приговоръ: „Сочинитель ея при третьемъ Изданіи не исправилъ *самыхъ явныхъ несообразностей*; онъ говоритъ такія вещи, о которыхъ уже никто и не споритъ, — и если онъ назначаетъ свою Исторію для дѣтей, *можно посовѣтовать родителямъ и наставникамъ отмѣтить при чтеніи все, что можетъ внушить дѣтямъ понятія неправильныя; а безъ того, не давать имъ Исторіи Русской Середѣя Николаевича Глинки. М. Т.* 1825, Ч. I, стр. 79.

мнѣнія о книгахъ одинакаго содержанія, съ одинакими недостатками.

Разберемъ это подробно!

1. Что въ *Русской Исторіи С. Н. Глинки* множество небывальщины разсказано за быль, что онъ безъ разбора помѣщалъ сказки изъ мутныхъ источниковъ, изъ лѣтописей коихъ подлогъ обнаруженъ, что многія случаи имъ переиначены или перетолкованы — это доказано.

1. Напротивъ, въ *Отрывкѣ изъ Русской Исторіи о междуцарствіи, изд. Г. Гераковымъ* нѣтъ никакихъ несообразностей; повѣствуется не о темныхъ временахъ, но о происшествіяхъ извѣстныхъ, не подверженныхъ сомнѣнію.

2. Но ее, *Н. И. Гречъ* хвалитъ, какъ *особенно полезную для семейственнаго чтенія;* рекомендуетъ рѣшительно и *безусловно.*

2. Отъ чего же *Н. И. Гречъ* одобряетъ ее *условно*, съ оговоркою; остерегаетъ противъ нее Читателей: Сей отрывокъ *могъ бы быть полезенъ.*"

Строгое безпристрастіе требовало объ обѣихъ сихъ книгахъ, не подкрѣпленныхъ *доводами* и *ссылками* — произнесть одинакій судъ, или рѣшительно сказать: „*Сіи обѣ книги полезны.*" Или сомнительно: „*Онѣ обѣ могли бы быть полезны, еслибъ. . . .*"

По какой же причинѣ, дано такое пристрастное рѣшеніе? По той, что *Русская Исторія* составлена *братцемъ нашего пріятеля, а Отрывокъ о междуцарствіи* — постороннимъ намъ человѣкомъ, Писателемъ *не нашего прихода.*

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ДНЕВНИКЪ

Подполковника Симоновича, о происшествіяхъ при блокадѣ Эриванской крѣпости въ 1804 году, Генераломъ отъ Инфантеріи Княземъ Цицiановымъ отъ 15-го Іюля, по день отступленія, т. е., по 4-е Сентября.

(*Продолженіе.*)

Августъ.

1-го, Вышелъ изъ крѣпости Татаринъ, въ видѣ присланнаго къ *Джаларъ-Кули-Хану* отъ его супруги, но признался, что онъ вышелъ для развѣдыванія.

Ночью подъѣзжали Персидскія партіи къ лѣвому нашему флангу, и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, удалились.

2-го, Ввечеру, командированъ Капитанъ *Слыковъ* въ Бомбаки со 100 человѣками и орудіемъ за провіантомъ, съ коимъ отправилось множество Армянъ и Грузинъ.

Со 2-го на 3-е, Вышли ночью изъ крѣпости около 40 человѣкъ Персіанъ въ садъ противъ Егерей за виноградникомъ, коими два убиты, а два захвачены въ плѣнъ, прочіе спаслись бѣгствомъ.

5-го, Партія Персіанъ до 150 человѣкъ подъѣхали-было къ нашимъ пикетамъ; но какъ скоро увидѣла нѣсколько солдатъ, идущихъ туда: то сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, удалилась.

7-го, Выбѣжалъ изъ Персидскаго войска Персіанинъ и явился у насъ.

Съ 7-го на 8-е, Съ вечера отправились въ Тифлисъ Грузинскіе Князья съ Дворянами и своими людьми, всего до 150 человѣкъ, которые, отъѣхавъ не болѣе 30 верстъ, разбиты непріятельскою партіею и полонены, кромѣ нѣкоторыхъ, спасшихся бѣгствомъ и давшихъ о томъ знать.

Съ 8-го на 9-е, Вышли изъ крѣпости человѣкъ 40 Персіанъ въ сады и, бывъ открыты нашимъ пикетомъ, состоящимъ изъ Армянъ, одинъ захваченъ, двое убиты Егерями, а прочіе разбѣжались.

10-го, Вышелъ изъ крѣпости Персіанинъ, подъ видомъ посланнаго къ *Джаларъ-Кули-Хану* отъ его жены; но при допросѣ сознался, что цѣль его выхода предположена *Калбали-Ханомъ* и *Мамадъ-Ханомъ* на тотъ конецъ, чтобы разсѣять между насъ разные слухи ко устрашенію нашему; который по допросѣ и отпущенъ въ крѣпость.

Къ ночи наряжена команда изъ 135 человѣкъ при Капитанѣ 9-го Егерскаго полка *Фирсовѣ* 1 въ Эчміадзинъ для сопровожденія оттолѣ вьюковъ съ солью, вывезенною изъ дома Хойскаго *Джаларъ-Кули-Хана* и для прикрытія племянниковъ онаго Хана.

Ночью часу въ 3-мъ, вышла изъ крѣпости партія Персіанъ до 200 пѣшихъ и до 100 конныхъ и нѣсколько съ ними арбъ, которая нашими секретными пикетами по сильной перестрѣлкѣ обращена, исключая нѣсколько конныхъ, прорвавшихся мимо Козачьяго пикета, при какомъ случаѣ раненъ одинъ Гренадеръ; съ ихъ стороны на мѣстѣ найдены: убитый одинъ Персіанинъ и двѣ лошади. Уронъ же долженъ быть непріятельскій чувствителенъ, полагая тѣмъ паче, что по немъ и изъ пушки сдѣланъ выстрѣлъ картечью; но достовѣрно узнать не льзя, изъ-за обычая ихъ, не оставлять убитыхъ и раненыхъ.

На разсвѣтѣ появлялась не большая партія непріятельская противъ дистанціи Егерской.

11-го, Возвратился изъ Персидскаго войска *Джаларъ-Кули-Хановъ* человѣкъ, который, бывъ отъ насъ отправленъ шпіономъ, 18-го захваченъ ими и тамъ содержался подъ карауломъ, изъ подъ коего избавился побѣгомъ.

Приходилъ изъ крѣпости чиновникъ отъ *Мамадъ-Хана* къ *Джаларъ-Кули-Хану* просить Лѣкаря для пользованія больнаго своего сына; въ чемъ однакожъ отказано.

12-го, На разсвѣтѣ возвратился изъ Эчміадзина Капитанъ *Фирсовъ*, препроводивъ благо-

получно *Джаларъ-Кули-Ханскихъ* двухъ племянниковъ и вьюки съ солью, а къ вечеру, онъ же командированъ въ Эчміадзинъ съ 150 человѣками солдатъ, пушкою и съ 15-ю Козаками для сбора съ полей хлѣба.

Отпущенъ одинъ изъ Эриванскихъ плѣнниковъ въ крѣпость съ тѣмъ, чтобъ вручилъ письмо отъ *Джаларъ-Кули-Хана* его супругѣ, находящейся въ крѣпости; извѣщающее объ измѣнѣ *Айвазъ-Ханъ-Султана, Мамадъ-Хана.*

13-го, Персидское войско тысячахъ въ семи, подъ начальствомъ самаго *Баба-Хана,* показалось отъ Гарничая съ утра, и приближась къ облежанію, раздѣлилось на 5 колоннъ и заняло высоты, гдѣ остановясь, другіе показывали намѣреніе атаковать насъ — и партіи весьма близко подъѣзжали къ верхнимъ садамъ; но скоро удалялись. Со всѣмъ тѣмъ, имъ удалось угнать 55 подъемныхъ лошадей Саратовскаго полка, коихъ пасли фурлейты, въ садахъ къ внѣшней сторонѣ оныхъ, безъ прикрытія — и предались всѣ сну. При томъ нѣкоторые фурлейты и деньщики, по легкомыслію и мнимому удальству, удалились версты за 4 за фуражемъ, а болѣе за фруктами, безъ всякаго вооруженія. Сіи, будучи разсѣяны по садамъ, тогда увидѣли непріятельскую партію, когда были окружены, и потому нѣкоторые спаслись бѣгствомъ, 1 рядовой убитъ, 2 рядовыхъ и 2 фурлейта Саратовскаго полка безъ вѣсти пропали; 1 деньщикъ Нарвскаго Драгунскаго полка и 2 Козака захвачены Персіанами. Между тѣмъ, изъ крѣпости производилась пушечная пальба

бомбами и ядрами по нашимъ. Это при всякомъ появленіи непріятельскихъ партій въ полѣ производится. Наконецъ, въ первомъ часу ударила вылазка изъ крѣпости въ 300 человѣкахъ на баталіонъ Полковника *Козловскаго*, которая, по трехъ выстрѣлахъ картечью отъ него и двухъ ядрами отъ Егерей; также и по перестрѣлкѣ ружейной, побѣжала назадъ, потерявъ человѣкъ 15 убитыми. При чемъ раненъ Оберъ-Офицеръ одинъ и 3 Гренадера. А часу во второмъ, непріятель удалился: до 300 человѣкъ пошло къ Канагирю, а прочіе къ Гарничаю.

14-го, Вышли изъ крѣпости Армянинъ и Армянка съ двумя ребятами.

15-го, Съ утра часу въ 10-мъ, партія Персіанъ конныхъ до 300 человѣкъ, покушалась мимо каре Маіора *Монтрезора* пробиться въ крѣпость; но пушечными и ружейными выстрѣлами обращена. Однако же, въ продолженіе перепалки, за малоимѣніемъ въ цѣпи нашихъ часовыхъ, проскочили изъ нихъ два человѣка.

Къ вечеру выбѣжали изъ крѣпости пять мальчиковъ изъ Армянъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Записки одного Артиллерійскаго Офицера о военныхъ дѣйствіяхъ Молдавской арміи въ Турецкую кампанію 1811 года.

Въ 1810 году мы имѣли великіе успѣхи въ Булгаріи; крѣпости: Рущукъ, Журжа и Базарджукъ были взяты; Варна содержалась въ блокадѣ; но правый берегъ Дуная, въ концѣ сей кампаніи былъ нами оставленъ. Мы старались, сколько возможно болѣе, переселить изъ Булгаріи жителей со всѣмъ ихъ имуществомъ въ Молдавію и Валлахію, ибо полагали, что при заключеніи міра, оба сіи Княжества будутъ непремѣнно уступлены Россіи. Еще оставался въ нашихъ рукахъ на правомъ берегу Дуная Рущукъ. Въ продолженіи зимы, небольшой корпусъ Россійскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Графа Сен-При* былъ отряженъ для овладѣнія Ловчею. Городъ сей, гдѣ находилось 10 т. непріятельскаго войска, 31-го Января 1811 года взятъ приступомъ и раззоренъ. Въ Мартѣ, корпусъ сей перешелъ Дунай при Никополи, коего укрѣпленія были разрушены, а самый городъ преданъ пламени. (См. прим. 1 и 2.)

По причинѣ болѣзни Главнокомандующаго *Графа Н. М. Каменскаго*, весною 1811 года, начальство надъ Арміею было поручено Генералу *Голенищеву-Кутузову*. Первый изъ нихъ въ скоромъ времени умеръ (см. прим. 3).

Іюня 22-го, настоящія военныя дѣйствія начались подъ Рущукомъ. Мы произвели неудачное нападеніе, и отступивъ съ потерею, оставили сію крѣпость, единственное мѣсто занимаемое нами на правомъ берегу Дуная. (См. прим. 4) (*). Послѣ сего, военныя дѣйствія прекратились совершенно. Обѣ арміи расположились по двумъ сторонамъ Дуная; Турки подъ Рущукомъ, а мы подъ Журжею. Все было спокойно и, съ обѣихъ сторонъ, не было ни малѣйшаго предпріятія. Армію нашу составляли: корпусъ Генерала *Графа Лонжерона* и еще нѣсколько дивизій. Расположены мы были лагеремъ по прежнему близь Слободзеи.

Бездѣйствіе продолжалось. Лошади наши во множествѣ были на пастбищахъ, не подалеку отъ нашего лагеря. Опытные Офицеры не ожидали никакихъ военныхъ дѣйствій, какъ вдругъ въ ночь, съ 27-го на 28-е Августа, получили мы повелѣніе: *на разсвѣтѣ быть въ готовности къ бою.* Вскорѣ послѣ сего приказа, мы услышали пушечные выстрѣлы. Турки совершали переправу на нашу сторону. Никогда не ожидали мы подобнаго предпріятія, а еще менѣе успѣха въ ономъ. Вѣроятно, что перемѣна

(*) Послѣ сего Главнокомандующій раздѣлилъ свою Армію на три корпуса: первый изъ нихъ, составлявшій центръ нашего войска, расположенъ былъ подъ Журжею; второй, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Воинова*, на Дунаѣ, противъ Силистріи; а третій, подъ командою Генералъ-Лейтенанта *Засса*, въ Сербіи.

политическихъ отношеній между Россіею и Франціею побудила непріятеля дѣйствовать, или, что сія послѣдняя убѣдила Оттоманскую Порту продолжать войну съ упорностію.

Къ разсвѣту, Турки уже переправились въ великомъ множествѣ и даже успѣли для обезпеченія дальнѣйшаго перехода чрезъ Дунай, на нашемъ берегу устроить одинъ ретраншаментъ. По мѣрѣ усиленія непріятеля, дѣло становилось жарче. Турки произвели-было изъ своего укрѣпленія нѣсколько вылазокъ, но были отражены. Нѣсколько разъ покушались наши на приступъ, но всегда безъ успѣха. Храбрый Полковникъ *Шкалской*, съ однимъ баталіономъ своего Старосколькаго пѣхотнаго полка, утвердился наконецъ въ одномъ углу ретраншамента; но превосходство непріятельскихъ силъ, принудило его къ отступленію. (См. прим. 5).

Сраженіе продолжалось до самаго вечера, и кончилось тѣмъ, что Турки утвердились на нашей сторонѣ. Потеря наша была значительна, но всего болѣе насъ огорчалъ успѣхъ непріятеля (*). Всѣ были въ нѣкоторомъ безпокойствѣ на счетъ послѣдствій, полагая, что на другой день дѣло возобновится съ большею жестокостью, и можетъ быть даже

(*) Огорчалъ тѣхъ Россійскихъ Офицеровъ, кои не вѣдали глубокомысленныхъ соображеній Ген. *Кутузова*, умышленно переманившаго Турокъ на нашъ берегъ. Въ послѣдствіи, все это сдѣлалось яснымъ, ни какому сомнѣнію не подверженнымъ. *В.*

съ невыгодою для насъ; ибо ровное мѣстоположеніе давало возможность дѣйствовать съ успѣхомъ отличной Турецкой Кавалеріи. Обозы наши, находившіеся верстахъ въ двѣнадцати отъ Арміи, для безопасности въ случаѣ нашей неудачи, были отправлены на половину пути отъ насъ до Бухареста; но вопреки общаго чаянія, все пошло иначе, нежели мы полагали.

На другой день: 29-го Августа, Турки не предпринимали противъ насъ ничего и праздновали свою удачу, вовсе не воображая о тѣхъ несчастіяхъ, какія ихъ ожидали въ послѣдствіи. Непріятель началъ окапываться въ трехъ лагеряхъ. Мы не теряли времени, и въ слѣдующую ночь съ 29-го на 30-е Августа начали строить въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія. На правомъ нашемъ флангѣ изъ довольно высокаго кургана сдѣлали мы редутъ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ непріятельскаго лагеря, (см. на планѣ No 8) и помѣстили на немъ девять орудій: шесть легкихъ на валу и три батарейныхъ на вершинѣ кургана, возвышавшейся въ срединѣ, и также обведенной брустверомъ; почему укрѣпленіе сіе, отчасти можно было уподобить цитадели, имѣвшей двойный рядъ огней. Правое сіе крыло нашего корпуса состояло подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Булатова*. Въ вышеозначенномъ редутѣ (No 8), всегда находился одинъ баталіонъ пѣхоты.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ непріятельской переправы, именно 4-го Сентября усмотрѣли мы, что Турки на берегу Дуная противъ на-

шего редута No 8-го начали устраивать полевое укрѣпленіе. Не взирая, что непріятель сильною вылазкою старался подкрѣпить свою работу, мы принудили его оставить оную. При семъ случаѣ особенно отличился Генералъ-Маіоръ *Мантейфель* (*) съ нѣсколькими эскадронами своего Санктпетербургскаго Драгунскаго полка. Атака его была пріуготовлена и вспомоществуема Артиллеріею, особенно съ редута No 8-го. Въ слѣдующую ночь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Турки начали-было строить укрѣпленіе, мы вывели редутъ No 10-го, и чрезъ недѣлю, весь непріятельскій лагерь на лѣвомъ берегу Дуная былъ окруженъ нашею укрѣпленною линіею, состоявшею изъ десяти редутовъ, расположенныхъ по выгнутой линіи, почти на полукругѣ.

Съ 11-го на 13-е Сентября, непріятель произвелъ нѣсколько вылазокъ изъ своихъ ретраншаментовъ, но всегда былъ отражаемъ.

Въ редутахъ нашихъ и въ линіяхъ (отъ No 7-го до No 10-го) по обыкновенію, пѣхота была поставлена за брустверами, другъ возлѣ друга, въ ежеминутной готовности къ стрѣльбѣ. Ночью становили часовыхъ на самую Крону. Остальная часть гарнизона ложилась за внутреннею пологостью. Въ редутахъ всегда находилось столько людей, что можно было дѣлить ихъ на три очереди. Позади редутовъ находилась на бивакахъ прочая часть войска, расположенная кареями. Бдительные

(*) Убитый въ кампаніи 1813 году.

Козаки содержали передовую цѣпь и изъ редутовъ посылались частые патрули для наблюденія за непріятелемъ. Особенно принимались предосторожности на правомъ нашемъ флангѣ, ибо лѣвый находился подъ защитою крѣпости. Послѣ таковыхъ распоряженій, непріятель былъ лишенъ всякой возможности предпринять противъ насъ нечаянное нападеніе.

Такимъ образомъ обѣ арміи были расположены одна противъ другой, безъ всякихъ военныхъ дѣйствій, — за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ небольшихъ вылазокъ со стороны Турокъ. При одной изъ таковыхъ, въ темную ночь, былъ убитъ Командиръ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка Генералъ-Маіоръ *Гинкуль*. Днемъ, правый нашъ флангъ пересылался съ Турками ядрами и гранатами безъ всякой цѣли и почти безъ всякаго вреда. Иногда стрѣляли мы по непріятельскимъ партіямъ, осмѣливавшимся фуражировать передъ нашими укрѣпленіями (см. прим. 6). Къ сему можно еще прибавить двѣ тревоги, случившіяся въ ночное время. Непріятельскую армію на обоихъ берегахъ Дуная составляли 27.000 чел., изъ коихъ 7.000 Янычаръ; остальная часть состояла болѣе изъ конницы. (См. прим. 8).

Наконецъ, 10-го Октября *Кутузовъ* отрядилъ на правый берегъ Дуная верстъ за десять ниже непріятельскаго лагеря Генерала *Маркова*. Турки, или не замѣтили сего движенія, или не обратили на то особаго вниманія, или, наконецъ, презирали онымъ до такой степени, что не приняли противъ него ни малѣйшихъ

мѣрѣ. Впрочемъ, таковое предпріятіе съ нашей стороны, въ случаѣ непріятельскаго сопротивленія, было бы сопряжено съ немалыми затрудненіями. Переправа началась съ вечера, и къ утру Генералъ *Марковъ* овладѣлъ всѣми судами, собранными на правомъ берегу Дуная, даже до послѣдней лодки. Такимъ образомъ непріятельская армія, отрѣзанная отъ другаго берега и сильно стѣсненная, очутилась совершенно въ нашихъ рукахъ. Трудно выразить радость, какую мы почувствовали увидя, какъ на правой сторонѣ Дуная летали Казаки и двигались кареи нашей пѣхоты. Небольшое число Турокъ, стоявшихъ лагеремъ на высотахъ передъ Рущукомъ, кинулись искать убѣжища въ стѣнахъ сей крѣпости. Огонь мортирной батареи, устроенной Турками за Дунаемъ противъ нашего крайняго редута (No 10) вдругъ обращенъ былъ Казаками на лагерь самихъ же непріятелей.

Такимъ образомъ кампанія сдѣлалась рѣшительною, и непріятель былъ въ полномъ нашемъ распоряженіи. Не взирая на сіе, нѣсколько дней прошло — и Турки не вступали еще въ переговоры. Наконецъ, въ одинъ день явился къ намъ Парламентеръ отъ Верховнаго Визиря съ предложеніемъ: *дозволить Туркамъ безпрепятственно переправиться на правый берегъ Дуная.* Рѣшительный отказъ былъ отвѣтомъ на столь нелѣпое требованіе. На другой день, и потомъ еще нѣсколько дней сряду, Турки продолжали дѣлать намъ такія же предложенія, и разумѣется, что получали отказъ. Нако-

нецъ, Главнокомандующій не сталъ принимать парламантеровъ и истощивъ свое терпѣніе, рѣшился поколебать безразсудную настойчивость непріятелей. По приказанію его, въ одно время наша Артиллерія открыла огонь съ обоихъ береговъ Дуная, и съ трехъ острововъ, находившихся противъ окруженнаго лагеря. Турки гибли во множествѣ: ибо, бывъ стѣснены въ своихъ ретраншаментахъ, не находили мѣста для закрытія себя отъ нашихъ выстрѣловъ, особенно со стороны острововъ, противъ которыхъ ихъ лагерь оставался совершенно открытымъ. Они даже не отвѣчали на огонь нашей Артиллеріи; но, не взирая на все сіе не сдавались. Голодъ произвелъ между ними ужасныя болѣзни, отъ которыхъ сіи несчастные умирали въ великомъ множествѣ. Всѣ ихъ лошади, или пали, или были съѣдены. На небольшомъ пространствѣ, находившемся между непріятельскими ретраншаментами и нашими аванпостами, вся трава была выщипана и употреблена въ пищу. Самыя коренья вырывались изъ земли и пожирались съ жадностію. И сію ничтожную пищу, если можно употребить здѣсь сіе названіе, — Турки принуждены были покупать иногда цѣною своей жизни: находясь подъ пушечными и ружейными выстрѣлами нашихъ редутовъ, или подвергаясь опасности быть достигнуту проворными Казаками.

Наконецъ, Великій Визирь нашелъ случай къ побѣгу. На Дунаѣ, нѣсколько выше Рущука и Журжи, находилась цѣпь Канонирскихъ лодокъ и другихъ мѣлкихъ судовъ, прикрѣплен-

ныхъ къ обѣимъ берегамъ, и между собою толстымъ канатомъ. Визирь, непостижимымъ для насъ образомъ (*) отыскалъ одну лодку и воспользовавшись непростительною оплошностію нашихъ часовыхъ успѣлъ перебраться въ Рущукъ. Впрочемъ, это обстоятельство можетъ быть еще послужило къ лучшему; ибо, какъ Великій Визирь по званію своему; не могъ сдаться, то, содержа его въ плѣну, мы не могли бы заключить мира, котораго достигли вскорѣ по его бѣгствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, по удаленіи Визиря изъ лагеря, Турки вступили въ переговоры, уже не для того, чтобы обмануть насъ и продлить время. Они сами спѣшили кончить. Мы настаивали въ томъ, чтобы вся ихъ армія сдалась намъ военно-плѣнною, со всею Артиллеріею и прочимъ оружіемъ. Въ продолженіе сихъ переговоровъ, Паши и другіе старѣйшіе начальники Турецкой арміи, получили дозволеніе перебраться въ Рущукъ и оттуда уже пріѣзжали ежедневно въ Журжу, гдѣ производились переговоры. Мы снабжали Турецкую армію съѣстными припасами. Бѣдственное положеніе, въ какомъ она находилась, заслуживало всякое сожалѣніе и возбуждало невольный ужасъ. Къ голоду присоединилось ненастье поздняго времени года (см. прим. 9); а болѣзни умерщвляли

(*) Весьма постижимымъ: Генералъ *Кутузовъ* приказалъ пропустить челнокъ Великаго Визиря, который, спасшись отъ плѣна, долженъ былъ думать объ освобожденіи своей арміи, во чтобы то ни стало. *В.*

солдатъ Турецкихъ до чрезмѣрности. Нечастные сіи, слабые и изнуренные, подходили къ цѣпи нашихъ Козаковъ и съ жалостными воплями протягивали къ нимъ руки съ деньгами, часами, драгоцѣннымъ оружіемъ, шалями, и т. п., желая въ обмѣнъ за сіе получить нѣсколько хлѣба. Раздача съѣстныхъ припасовъ, имъ доставляемыхъ, производилась у нихъ безъ всякаго порядка: Начальники и Янычары забирали напередъ сколько имъ заблагоразсудится; остальное захватывали, кто сколько могъ. Хотя сіи страдальцы и получали продовольствіе отъ насъ, но Главнокомандующій запретилъ наистрожайше продавать оное.

Наконецъ, 26-го Ноября все было окончено. Слабые остатки Турецкой арміи положили оружіе и сдались военноплѣнными. Мы пошли на зимнія квартиры, а плѣнные отправлены въ Россію. Походъ сихъ послѣднихъ представлялъ самое жалкое зрѣлище. Сколь люди сіи ни казались въ нашемъ мнѣніи варварами, сколь ни были они далеки отъ насъ въ образованности, но по многимъ отношеніямъ заслуживали наше уваженіе, а въ несчастіи своемъ, и состраданіе. Плѣнъ былъ для нихъ столь тягостенъ, что они погибали во множествѣ; всѣ они шли съ поникшими головами и въ величайшемъ уныніи. (См. прим. 10). Множество изъ нихъ померло и весьма не многіе прибыли къ мѣсту своего назначенія (см. прим. 11 и 12).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ФЛИБУСТЬЕРЫ (*).

Историческая повѣсть изъ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія; соч. *Фанъ-деръ-Фельде.*

I.

Солнце погружалось въ неизмѣримый Океанъ, и, послѣдніе лучи его золотыми и пурпурными искрами догорали въ зеленыхъ волнахъ и на мрачныхъ кедровыхъ лѣсахъ Испанійолы,

(*) *Флибустьеры* составляли общество Англійскихъ и Французскихъ пиратовъ въ Америкѣ; ихъ житье-бытье принадлежитъ къ самымъ любопытнѣйшимъ явленіямъ въ Исторіи XVII вѣка. По убіеніи *Генриха IV* (1610), многіе Французскіе выходцы поселились на островѣ *Св. Христофора.* Будучи принуждены оставить оный въ 1630 году, нѣкоторые изъ нихъ искали убѣжища на западномъ берегу *Сенъ-Доминго*, другіе на сосѣдственномъ маленькомъ островѣ Тортугѣ. Къ симъ послѣднимъ присоединились многіе Англичане. Французскіе выходцы, жившіе на *Сенъ-Доминго*, занимались единственно воловьею охотою: ибо быки, привезенные на сей островъ Испанцами,

когда молодой *Монбаръ*, углубленный въ важныя думы, съ маленькаго острова Байаги смотрѣлъ неподвижно въ слѣдъ за лодкою, которая примчала его и отплывала обратно. Когда, наконецъ, ладья исчезла въ огненныхъ волнахъ, онъ содрогнулся, но вскорѣ ободрясь, спокойно побрелъ своею дорогою. Прошедъ около мили, достигъ онъ подошвы утеса, гдѣ отдыхалъ старикъ охотникъ — странной, отвратительной наружности. Широкая, круглая шляпа по-

---

одичали, чрезвычайно размножились, и многочисленными стадами бродили по лѣсамъ. Мясомъ сихъ животныхъ охотники питались, кожи ихъ продавали мореходцамъ, пристававшимъ къ берегу. Поелику они не варили мяса, а по обычаю Американскихъ дикарей только жарили на огнѣ, то по сему получили названіе *буканьеровъ*. Испанцы, не будучи въ состояніи одолѣть своихъ враговъ открытою силою, рѣшились истребить всѣхъ быковъ на островѣ *Сенъ-Доминго*. Буканьеры, лишась чрезъ то своего единственнаго пропитанія, принуждены были взяться за хлѣбопашество, по примѣру другихъ поселенцевъ, или соединиться съ Флибустьерами на островѣ Тортугѣ. Флибустьеры получили свое имя, вѣроятно, отъ особаго рода маленькихъ судовъ, на коихъ производили свои первыя морскія грабительства. Они были самые отважнѣйшіе Пираты, когда-либо существовавшіе: нападали не только на купеческіе, но и на большіе военные корабли, нерѣдко даже на цѣлыя эскадры. Главный маневръ ихъ состоялъ въ томъ, что старались сцѣпиться на абордажъ съ непріятельскимъ кораблемъ, который неизбѣжно доставался въ ихъ руки, какъ скоро имъ это удавалось. Особенно же преслѣдовали они Испанскіе корабли, на которыхъ отправлялись въ Европу сокровища Америки.

крывала сѣдые волосы, которые въ дикомъ безпорядкѣ осѣняли его смуглое лице, покрытое глубокими морщинами. Страшный нарядъ его составляли холстинное исподнее платье, рубашка, обагренная кровью убитыхъ звѣрей, и башмаки изъ красной свиной кожи. На ременномъ поясѣ висѣло нѣсколько длинныхъ ножей и короткая сабля, подлѣ него лежало предлинное ружье, а вокругъ храпѣла цѣлая стая страшныхъ бульдоговъ, которые, почуя человѣка, вскочили съ ужаснымъ лаемъ и яростно на него бросились. — „Уймите своихъ собакъ, или я переколю ихъ!" вскричалъ *Монбаръ*, обнаживъ шпагу. — Старикъ свиснулъ, и злобные псы махая хвостами, побѣжали назадъ къ своему хозяину. — „Скажите мнѣ, другъ мой, гдѣ найти мнѣ Буканьера *Монтобана?*" —

— Это имя лежитъ на днѣ морскомъ!" пробормоталъ старикъ: „мое свидѣтельство о крещеніи, употребилъ я, какъ пыжъ для заряда. — Я теперь называюсь *Торо*.

— „Какъ? Не ужь ли вы сами?" — вскричалъ *Монбаръ*, изумленный столь неожиданною встрѣчею.

— Конечно, молодой человѣкъ! я *Монтобанъ*, если вамъ угодно будетъ мнѣ повѣрить; — отвѣчалъ насмѣшливо старикъ, разсматривая его съ головы до ногъ.

„Такъ здравствуйте же, любезный дядюшка! вскричалъ молодецъ, я вашъ племянникъ *Монбаръ!*"

— Право? — отвѣчалъ старикъ, скрывая внезапное умиленіе, какъ солнечный лучь

вдругъ пробивается сквозь темную громовую тучу, такъ и на его мрачныхъ чертахъ сверкнула улыбка радости. — Добро пожаловать, сынъ мой, садись; продолжалъ онъ ласковымъ голосомъ, ты мнѣ нравишься. Мужество отца и прелести матери сливаются на твоемъ лицѣ, но каковы голова и сердце? Негодяй, прекрасный собою, походитъ на зебру, въ которой подъ узорною барсовою кожею скрывается оселъ. —

„Мнѣ кажется, я вамъ еще не сдѣлалъ стыда!" съ упрекомъ сказалъ молодой человѣкъ вскочивъ съ мѣста — и прекрасное лице его запылало гнѣвомъ.

— Точь въ точь, отецъ, сказалъ *Торо:* я хотѣлъ только испытать тебя. Мнѣ нравится твоя вспыльчивость. Сядь же опять и не сердись. Не ужь-то честь твоя не стерпитъ суроваго слова отъ роднаго дяди? Дай же промолвить съ тобою дружеское слово. Чего ты ищешь на Антильскихъ островахъ, *Францъ?*"

„Идти по слѣдамъ отца моего, отмстить за смерть его!" — вскричалъ *Монбаръ* съ дикимъ изступленіемъ; кровію Испанскою хочу омыть слезы, пролитыя мною о покойной страдалицѣ—матери; хочу отмстить за милліоны злополучныхъ Индѣйцевъ, замученныхъ Инквизиціею, корыстолюбіемъ и жаждою крови. Сладко мстить ихъ надменнымъ палачамъ!"

— Старая пѣсня, давно поютъ ее! — отвѣчалъ *Торо,* сомнительно покачивая головою: чѣмъ долѣе ее слушаю, тѣмъ она отвратительнѣе отзывается въ ушахъ моихъ. Отецъ

твой также пѣлъ ее и такимъ басомъ, что въ Мадритскомъ Королевскомъ Дворцѣ дрожали окна, но сія дикая волшебная пѣсня навсегда лишала его спокойствія души. Та же причина, что тебя привела на Антильскіе острова, и его сюда переселила. Онъ воображалъ, что судьба назначила его Ангеломъ-губителемъ Испанцевъ, и по истинѣ, онъ заслужилъ себѣ это почетное имя! Оно гремитъ на сихъ моряхъ! Испанія называетъ его истребителемъ. Но никогда онъ не былъ веселъ, и сонъ его тревожили ужасныя грезы. Человѣкъ, который, подобно землетрясенію или моровой язвѣ, хочетъ сдѣлаться бичемъ Небеснымъ, долженъ рано или поздно погибнуть, хотя бы сердце его закалено было въ адскомъ огнѣ и, при совершеніи ужасныхъ злодѣйствъ, сохраняло спокойствіе! Несчастный въ живѣ есть достояніе мрачнаго ада. Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь идти въ флибустьеры, *Францъ?* —

„Для этаго оставилъ я свое отечество!“ отвѣчалъ рѣшительно *Монбаръ:* „и не ожидалъ услышать отъ васъ проповѣдь. Развѣ вы, Буканьеры, не враги Испанцевъ, развѣ вы не въ союзѣ съ Флибустьерами?“ —

— Конечно! возразилъ старикъ,—„но руки наши до сихъ поръ чисты. Довольно объ этомъ; солнце закатилось въ море: пора домой.“ — При сихъ словахъ онъ всталъ, и безмолвно повелъ племянника въ чащу лѣса.

Послѣ долгаго и утомительнаго шествія, вышли они на поляну, надъ которою сіяла полная луна. Съ радостнымъ воемъ бросилась

къ нимъ на встрѣчу цѣлая стая бульдоговъ, и *Монбаръ* оглядываясь во всѣ стороны, нѣтъ ли жилья, увидѣлъ одни только вѣтхіе балаганы, которые, будучи сверху завалены хворостомъ для защиты отъ дождя, а съ боковъ совершенно открыты вѣтру, обѣщали ночлегъ, не весьма пріютный. — Ужинать! вскричалъ *Торо* повелительнымъ голосомъ служителямъ, изъ коихъ нѣкоторые развѣшивали воловьи кожи, другіе солили говядину. И цѣлая копченая четверть быка поставлена на пень срубленнаго кедра, который служилъ вмѣсто скамьи и стола. *Монбаръ* сѣлъ, дядя подалъ ему охотничій ножъ; онъ взялъ его, но въ замѣшательствѣ оглядывался, какъ будто чего-то ему не доставало.

— Что тебѣ надобно, *Францъ?*"—спросилъ *Торо* улыбаясь: А, я угадываю. Мой ужинъ кажется тебѣ недовольно роскошнымъ. Да, милый другъ мой! Здѣсь не въ модѣ ни пирожныя, ни лакомства; нѣтъ ни Бургонскаго, ни Шампанскаго; вообще, вино на сихъ берегахъ не въ употребленіи. —

„Я привыкъ отъ всего отказываться, любезный дядюшка, вода также утоляетъ жажду," отвѣчалъ *Монбаръ* съ негодованіемъ: „но съ говядиною я охотно съѣлъ бы кусокъ хлѣба."

— Сердечно сожалѣю. И этимъ не могу теперь служить, сказалъ старикъ смѣяся; „хлѣбъ также принадлежитъ къ предметамъ роскоши; онъ вычеркнутъ изъ нашего реэстра. Потерпи до завтраго. Въ Тортугѣ получишь

все, чего душа твоя пожелаетъ. Теперь ляжемъ спать; завтра ранехонько отправимся на охоту. — Съ сими словами, онъ повелъ племянника въ одинъ изъ балагановъ, гдѣ для нихъ была приготовлена постель изъ кабаньихъ кожъ. *Монбаръ*, покачивая головою, бросился на жесткій одръ, и скоро заснулъ при храпѣніи спящей вокругъ нихъ стаи собакъ, сопровождаемомъ отдаленнымъ крикомъ филиновъ.

Заря занялась; но на островѣ, осѣняемомъ исполинскими кедрами, все еще царствовала темная ночь. Между тѣмъ, всѣ уже встали, всѣ суетились. Работники приготовляли охотничьи снаряды, бульдоги, проснувшись, растягивали свои сильные члены и потряхивались; дядя подошелъ къ *Монбару*, чтобы разбудить его. Молодецъ, освѣженный краткимъ сномъ, бодро вскочилъ и принялъ изъ рукъ охотника мушкетонъ и сумку съ зарядами. Затрубили рога́, раздались крики охотниковъ, завыли страшнымъ хоромъ собаки и все пустилось на добычу. Долго шли они въ безмолвномъ сумракѣ лѣса; только изрѣдка слышалось жужжаніе огромныхъ жуковъ и шумъ встрепенувшихся птицъ. Утренняя заря озлатила края легкихъ облаковъ, носившихся надъ вершинами величественныхъ кедровъ; вдали пробудились болтливые Макая и согласно и разнообразно, подобно человѣческому голосу, раздались пѣсни разноцвѣтныхъ пернатыхъ. *Торо* приказалъ остановиться, размѣстилъ стрѣлковъ и собакъ, оставилъ при себѣ племянника на становьѣ, и началась травля. Вскорѣ послышался

шорохъ въ нижнихъ вѣтвяхъ кедра, раздался глухой ревъ, и внезапно дикій быкъ, вспуганный гончими собаками, свирѣпо выбѣжалъ изъ чащи; топоча ногами и взрывая землю огромными рогами, онъ кинулся прямо на стараго *Торо*, который, хладнокровно въ него прицѣлясь, влѣпилъ ему пулю въ грудь. Дико-радостные вопли охотниковъ сопровождали паденіе огромнаго звѣря; съ жадностію кинулись они на трупъ убитаго, чтобы растерзать его на части.

— Завтракъ мы себѣ заслужили! сказалъ старикъ, и подалъ знакъ охотникамъ, которые проворно распластавъ быка, принесли своему повелителю мозговыя кости.

Не хочешь ли быть моимъ гостемъ? спросилъ онъ племянника улыбаясь и съ большимъ аппетитомъ высасывая свѣжій, теплый еще мозгъ изъ окровавленной кости. Молодой *Монбаръ* покачалъ головою въ знакъ отказа, и въ эту самую минуту раздались въ лѣсу дикіе вопли, и стремглавъ прибѣжали три буканьера, раненные, окровавленные. Воловья охота на сегоднишній день кончилась, вскричалъ одинъ изъ нихъ, кипя бѣшенствомъ. Я приглашаю васъ на другую охоту; побьемъ двуногихъ звѣрей. Испанцы схватили пятерыхъ изъ насъ, въ томъ числѣ и твоего штурмана, *Торо*; они тащатъ плѣнниковъ на берегъ.

— Моего *Генриха*? вскричалъ старикъ, и въ мигъ сдѣлался весь буканьеромъ: поспѣшно зарядилъ ружье, и глаза его страшно засверкали. По знаку его, схватили собакъ на своры,

и буканьеры повели охотничью ватагу къ морскому берегу, у котораго Испанское судно стояло на якорѣ. Въ глубокой тишинѣ, малочисленная шайка скрылась за утесами, и ждала Испанцевъ. И вотъ, сильный отрядъ войскъ выступилъ изъ лѣса; впереди шелъ молодой, статный *Донъ* въ богатой шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, за нимъ влекли окруженныхъ солдатами и связанныхъ буканьеровъ. Испанцы, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ числомъ превосходили шайку *Торо*. Но сей далъ знакъ стрѣлять; ни одно ружье не дало промаха, и вдругъ послѣ такой встрѣчи, на изумленныхъ неожиданнымъ нападеніемъ солдатъ выпустили злобныхъ собакъ, и вмѣстѣ съ ними, буканьеры, обнажа сабли, яростно на нихъ устремились. Не долго продолжалась битва: плѣнники освобождены; Испанцы трупами своими покрыли берегъ, часть изъ нихъ спаслась на кораблѣ, который на всѣхъ парусахъ пустился въ открытое море. Одинъ только начальникъ ихъ, слишкомъ гордый, чтобы спастись бѣгствомъ, остался на берегу, и ставъ спиною къ кокосовому дереву, съ непоколебимымъ мужествомъ защищался противъ свирѣпыхъ буканьеровъ и длинною шпагою искусно отражалъ всѣ ихъ удары. Тогда одинъ изъ противниковъ вышелъ изъ терпѣнія. Онъ отскочилъ шага на три, зарядилъ ружье, и прицѣлился въ Испанца. Еще въ пору *Монбаръ* замѣтилъ опасность храбраго непріятеля; въ немъ пробудилось древнее Рыцарское благородство. Онъ бросился стремглавъ къ молодому Испанцу, засло-

нилъ его собою и занеся свою окровавленную саблю на стрѣлка, закричалъ ему повелительнымъ голосомъ: остановись! Но сей отсторонился, чтобы съ боку убить ненавистнаго непріятеля. „Я изрублю тебя, какъ скоро выстрѣлишь,“ вскричалъ *Монбаръ*, устремясь на него. Тогда *Торо* вырвался изъ объятій своего освобожденнаго штурмана, бросился туда опрометью и обезоруживъ своего кровожаднаго товарища, приказалъ Испанцу сдаться. Никогда не сдамся живой! вскричалъ благородный Испанецъ, напрягая послѣднія силы, и въ ту самую минуту, ослабѣвъ отъ потери крови, упалъ безъ чувствъ на землю. *Монбаръ* сталъ передъ нимъ на колѣни, и началъ перевязывать глубокую рану на рукѣ. Съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на него *Торо*. Тутъ Испанецъ открылъ свои большіе, черные глаза, и первый взглядъ его съ благодарностію устремился на спасителя его жизни.

— Кто бы вы ни были, умоляю васъ: отправьте меня въ Испаньйолу, говорилъ онъ слабымъ голосомъ: клянусь честію; по Царски заплачу я за свой выкупъ! —

Мы не за деньги дрались, а за свободу нашихъ братьевъ! — сердито отвѣчалъ ему *Торо*.

„Я на плечахъ понесу его въ нашъ балаганъ!“ воскликнулъ *Монбаръ* съ юношескимъ жаромъ.

— Нѣтъ, любезный сынъ мой! отвѣчалъ *Торо*, вздохнувъ; тамъ погибель его неизбѣжна. Здѣсь два буканьера уснули вѣчнымъ сномъ. Ты не знаешь законовъ нашего мщенія за про-

литіе буканьерской крови. Не иначе, какъ только поспѣшнымъ отправленіемъ въ Испаньйолу можно спасти его жизнь. Въ сію самую минуту волны принесли къ берегу рыбачью лодку. *Торо* позвалъ ихъ къ себѣ. Повинуясь приказанію одного изъ самыхъ грозныхъ повелителей острововъ, они немедленно согласились перевезти Испанца. *Монбаръ* самъ отвелъ раненаго и бережно посадилъ въ лодку. Рыбаки отвалили и поплыли въ Испаньйолу. Съ радостнымъ лицемъ *Торо* пожалъ руку своему племяннику и ласково сказалъ: „ты можешь смѣло идти въ Флибустьеры, любезный *Францъ!* я увѣренъ, что и между ними ты останешься человѣкомъ.“ —

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВЕЧЕРЪ.

Изъ Ламартина.

(Въ Альбомъ Княжнѣ *Ал... Евер... Мышецкой*).

Все тихо: вечеръ наступаетъ.
Сижу я на скалѣ крутой,
И взоръ мой медленно блуждаетъ
По высотамъ, одѣтымъ тьмой.

Сквозь тонкій сумракъ надо мною
Звѣзда любви уже блеститъ,
И дернъ зеленый серебритъ,
Покрытый крупною росою.

* * *

Не рѣдко шорохъ мнѣ листовъ
Въ дубравѣ слышенъ межъ вѣтьвями,
И мнится — слышу надъ гробами
Полетъ невидимыхъ духовъ.

* * *

Вдругъ яркій лучь, съ небесъ скатяся,
Промчался въ темнотѣ стрѣлой,
И, въ мѣлки искры раздробяся,
Исчезъ мгновенно предо мной.

* * *

Скажи, лучь кроткій, отблескъ милый!
За чѣмъ слетѣлъ ты съ горнихъ мѣстъ?
За тѣмъ ли, чтобъ надежды свѣтъ
Возжечь въ душѣ моей унылой?

* * *

За тѣмъ ли, чтобы мнѣ сказать
О таинствахъ непостижимыхъ,
Сокрытыхъ въ тѣхъ странахъ незримыхъ,
Куда ты съ днемъ взлетитъ опять?

* * *

Или, влекомый состраданьемъ,
Спѣшитъ страдальцевъ ободритъ;
И ихъ терпѣнье упованьемъ
На благость Неба подкрѣпитъ?

Иль будущность сердцамъ несчастныхъ
Открыть, ты посланъ съ высоты?
Повѣдай, не заря ли ты
Дней безконечныхъ, вѣчно ясныхъ?

* * *

Твой блескъ, сверкнувшій изъ-за тучь,
Восторгомъ сердце мнѣ наполнилъ;
О жертвахъ смерти я воспомнилъ:
Не ихъ ли духъ ты, кроткій лучь?

* * *

Быть можетъ, тѣни ихъ блаженны
Скользятъ въ подъоблачныхъ странахъ;
Мнѣ мнится — лики ихъ безцѣнны
Мелькаютъ у меня въ очахъ.

* * *

О, вейтесь, милыя видѣнья!
Надъ мною въ тишинѣ ночной,
Чтобъ утѣшительной мечтой
Мое плѣнять воображенье!

* * *

Слетайте чаще съ высоты
Животворить мой духъ собою,
Какъ оживляетъ, послѣ зною,
Роса вечерняя цвѣты!

* * *

Являйтесь мнѣ . . . но лучь отрадный,
Очаровательмой, исчезъ:
Онъ скрылся въ облака туманны, —
И снова мраченъ сводъ небесъ.

Сіяновъ.

Дехтярна.

2.

УЛЫБКА и ГРУСТЬ.

Красавица! страдаешь ты! —
Твой взглядъ мнѣ въ грудь проникъ.
Не смѣйся! — ахъ, обманешь ли
Улыбкой ты своей! —

* * *

За чѣмъ свою скрываешь ты,
Красавица, печаль? —
Въ своемъ ты сердцѣ страждущемъ
Ее не утаишь.

* * *

Твой взоръ ужь измѣнилъ тебѣ,
Все высказалъ онъ мнѣ;
Въ твоей улыбкѣ грусть видна:
Сильнѣй тебя тоска.

* * *

Красавица! — мнѣ жаль тебя! —
Я рвусь къ тебѣ душой;
Твой взглядъ ко мнѣ на сердце палъ
И грудь мою зажегъ.

* * *

Красавица, не мучь меня!
Мой Ангелъ, Геній мой!
Скажи мнѣ, чѣмъ страдаешь ты,
Я жизнь тебѣ отдамъ! —

Александръ Глѣбовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

75. *Россійская Церковная Исторія,* соч. Московскаго Митрополита *Платона.* М. 1824. Второе Изданіе.

Книга весьма полезная; Авторъ на каждой страницѣ показываетъ обширныя Богословскія и Историческія свѣдѣнія.

76. *Объ усовершенствованіи вѣтряныхъ мѣльницъ,* касательно легчайшаго ихъ хода, о шипахъ для прочности валовъ вновь изобрѣтенныхъ, и пр. соч. *Ѳ. Володимірова-Смородинова.* С. П. Б. 1824.

Книга весьма полезная для сельскихъ хозяевъ, особенно въ степныхъ деревняхъ, гдѣ обыкновенно водою нуждаются.

77. *Дифференціяльное исчисленіе Франкера съ перемѣнами и прибавленіями.* Пер. *Д. Перевощиковъ.* М. 1824.

Переводчикъ, ординарный Профессоръ Московскаго Университета, имѣетъ полное право на благодарность родителей и наставниковъ. Прелагая понятнымъ слогомъ классическія иностранныя книги, онъ облегчаетъ средства преподаванія и самыя высокія Математическія задачи дѣлаетъ юношамъ удобовразумительными. У насъ есть много переведенныхъ Математическихъ книгъ, требующихъ новаго перевода на чистый Россійскій языкъ.

78. *Замѣчанія о Сибири Сенатора Карнилова.* С. П. Б. 1828 года. Съ картою.

Сія книга содержитъ замѣчанія объ улучшеніи Сибири, могущемъ на будущее время до-

ставить важныя и существенныя пользы Россіи. Они писаны бывшимъ прежде Иркутскимъ, а потомъ Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, и извлечены изъ собственныхъ опытовъ при хозяйственномъ его управленіи и личномъ обзорѣ мѣстнаго положенія Восточной и Западной Сибири.

79. *Досуги сельскаго жителя.* Стихотворенія крестьянина *Ѳедора Слѣпушкина.* Изданіе второе. С. П. Б. 1828. Двѣ части, съ портретомъ Сочинителя.

Стихотворенія Русскаго крестьянина - поэта необыкновенная и пріятная новость въ Русской Словесности. *Слѣпушкинъ,* воспѣвшій свои полевые труды и начертавшій вѣрную картину сельской жизни, по справедливости обратилъ на себя вниманіе просвѣщенной Публики.

Въ надеждѣ, что его единоземцамъ и собратіямъ пріятно будетъ видѣть черты человѣка, который трудами своими и способностями приноситъ особенную честь своему званію, и желая и въ другихъ, подобныхъ ему, возбудить соревнованіе къ обращенію часовъ досуга на труды, способствующіе къ просвѣщенію ума, — Издатель (*Б. М. Федоровъ*) счелъ не излишнимъ приложить при семъ Изданіи портретъ сего крестьянина, отлитографированный съ портрета, писаннаго самимъ *Слѣпушкинымъ,* который, съ дарованіемъ Поэта соединяетъ искусство въ живописи.

Хамелеонистика.

(Дополненіе къ продолженію осьмому).

„Почему *Гг. Грегъ* и *Булгаринъ* не оказываютъ уваженія къ своимъ Читателямъ, принимая ихъ за терпѣливыхъ невѣждъ, передъ которыми можно говорить все, что ни вздумается?“

М. Тел. 1825, *особ. Прибавленія, стр.* 28.

Взявъ на себя хлопотливую, непріятную обязанность ясно обличить передъ почтенными моими Соотечественниками разительное *противорѣчіе* Гг. Издателей *Сѣв. Пчелы* въ ихъ приговорахъ *одной и той же книгѣ, одному и тому же Писателю,* мы бы почли себя несчастливыми, если бы хотя одинъ благомыслящій Россіянинъ приписалъ сіе постоянное наше стремленіе какому-нибудь личному неудовольствію противъ *Гг. Греча* и *Булгарина*, или мѣлочному мщенію оскорбленнаго Авторскаго самолюбія. Мы руководствуемся негодованіемъ противъ явно несправедливыхъ осужденій, придирокъ, личностей, хитрыхъ увертокъ. Самъ *Г. Грегъ* объявилъ (въ *С. О.* 1825, No 11): „*ловкаго моего товарища трудно поймать.*“ — Нашли чѣмъ похвалиться ! ! ! восклицаетъ Издатель *М. Т.*

Въ XXI книжкѣ *Славянина* мы подкрѣпили доводы, изложенные нами въ *Хамелеонистикѣ*, печатнымъ *мнѣніемъ Н. А. Полеваго о достоинствѣ критическихъ сужденій Ѳ. В. Булгарина.* Безпристрастный Издатель *М. Т.*, за глубокомысленные разборы Русскихъ книгъ и Библіографіи, пользуется Европейскою извѣстностью;

его мнѣніе достойно вѣры: ибо основано на доказательствахъ логическихъ, неоспоримыхъ, а оно совершенно согласно съ давнишнимъ мнѣніемъ *Редактора Русскаго Инвалида.*

Если же и этаго мало; то мы сошлемся на ученаго, всѣми за высокій образъ мыслей уважаемаго Издателя *Московскаго Вѣстника, М. П. Погодина.* Въ No 8 сего Журнала на 1828 годъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

1-е. Въ *Сѣверной Пчелѣ* Критика замѣняется такъ называемою *Литературною Тактикою, честь* усовершенствованія которой принадлежитъ единственно Гг. Издателямъ *Сѣв. Пчелы.* Ужасно, какъ подумаешь: въ наше время ничего не стоитъ, жалко насмѣхаясь надъ истиною, поднять до небесъ и растоптать въ прахъ *одно и то же* произведеніе! Утѣшимся тѣмъ только, что въ одной *Сѣв. Пчелѣ* совершаются подобныя явленія.

2-е. Если вы, когда-нибудь осмѣлились сказать, что-либо противъ Сочиненій или Журналовъ Издателей *Сѣв. Пчелы:* то не ожидайте помилованія ни себѣ, ни произведенію вашему, какого бы достоинства ни было сіе послѣднее.

3-е. Если Авторъ или Издатель книги находится въ близкихъ Литературныхъ отношеніяхъ къ Издателямъ, тотчасъ раздаются похвалы неумѣренныя. Всѣ похвалы оканчиваются восклицаніями: *Покупайте, Господа покупатели! — Не скупитесь, маленьки! — Да это раскупять, какъ конфекты! — Да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево!*" Невольно подумаешь, что существенная цѣль каждой

Критики, помѣщаемой въ *Сѣв. Пчелѣ*, состоитъ въ томъ, чтобъ заставить купить книгу, или отклонивъ покупателя, нанесть *существенный вредъ* Автору или Издателю оной.

И дѣйствительно: если сообразимъ похвалы *Г. Булгарина* своему *Сѣв. Архиву*, напр. въ No VII, стр. 287, 1825 года, гдѣ онъ именно увѣряетъ, что *Сѣв. Архивъ хорошъ*, а на стр. 292, что онъ *дешевъ*,—съ предыдущею статьею *Моск. Вѣстника*; если приведемъ на память Читателямъ, хотя *малѣйшую часть* статей изъ ихъ Газеты и Журналовъ, гдѣ говорится о барышахъ, раскупкѣ, цѣнѣ, денежныхъ оборотахъ книгопродавцевъ: то не льзя не сознаться, что мнѣніе *М. П. Погодина* о Библіографическихъ и Критическихъ сужденіяхъ *Г. Греча и Булгарина*, не только не отзывается излишнею строгостію; но напротивъ того, слишкомъ милостиво. Онъ ихъ балуетъ!

Вотъ примѣры сужденій *Г. Греча и Булгарина*.

„Отнынѣ Публика не будетъ уже по одному заглавію *раскупать* Альманаховъ въ одинъ мѣсяцъ по тысячѣ.“ *Сѣв. Пчела* 1825, No 18.

„И какъ проза составляетъ *капиталъ* всякаго собранія Литературныхъ новостей, а стихи *ростъ на капиталъ*: то хотя *ростъ и превышаетъ* иногда *сумму* и *цѣнность капитала*, но, для порядка, начнемъ говорить *о литературномъ капиталѣ*.“ *Сѣв. Пчела* 1825, No 40.

„Вы совѣтуете мнѣ не подписываться на *Телеграфъ и беречь свои денежки*.“ *Сѣв. Пч.* 1825, No 90.

„*Весьма умѣренная цѣна* 40 руб. за четыре Тома!!!“ (Здѣсь дѣло идетъ о Франц. Россійскомъ Словарѣ, изд. *Ив. Глазуновымъ*) и удобность получать оный во всѣхъ концахъ Имперіи (за пересылку ничего не прилагается) безъ сомнѣнія введутъ сей Словарь въ общее употребленіе (т. е. *его раскупятъ*). Мы желаемъ сего *отъ добраго сердца*; ибо каждое полезное предпріятіе достойно вознагражденія (т. е. *денегъ!*) со стороны Публики, и книгопродавецъ, употребляющій свой *капиталъ*, заслуживаетъ благодарность (т. е. *барыши!*) своихъ соотечественниковъ.“

Примѣчаніе. Сей же самый Словарь и въ сей же самой *Сѣверной Пчелѣ*, вскорѣ послѣ сего втоптанъ въ грязь, по случаю другаго Изданія онаго въ Москвѣ книгопродавцами *Ширяевымъ* и *Селивановскимъ*. Послушаемъ!

„Наконецъ появился *Словарь Татищева*, изд. *Гг. Селивановскимъ* и *Ширяевымъ*. Изданіе богатое и чрезвычайно красивое, буквы прекрасныя, печать четкая, расположеніе словъ въ три столбца весьма удобное для пріискиванія; кромѣ того, противу перваго Изданія прибавлено до 7.000 *словъ*. Однимъ *словомъ*: ничего не остается желать отъ сего Изданія. Говорятъ, что онъ *будетъ продаваться весьма и весьма дешево!!* *Сѣв. Пч.* 1825, No 137.

„Его *раскупятъ*, какъ конфекты; да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево.“ *Сѣв. Пчела*, 1828.

„*Купить! купить!*“ *Сѣв. Пчела*, 1827.

„Бѣду себѣ купила
Да за свои гроши?“

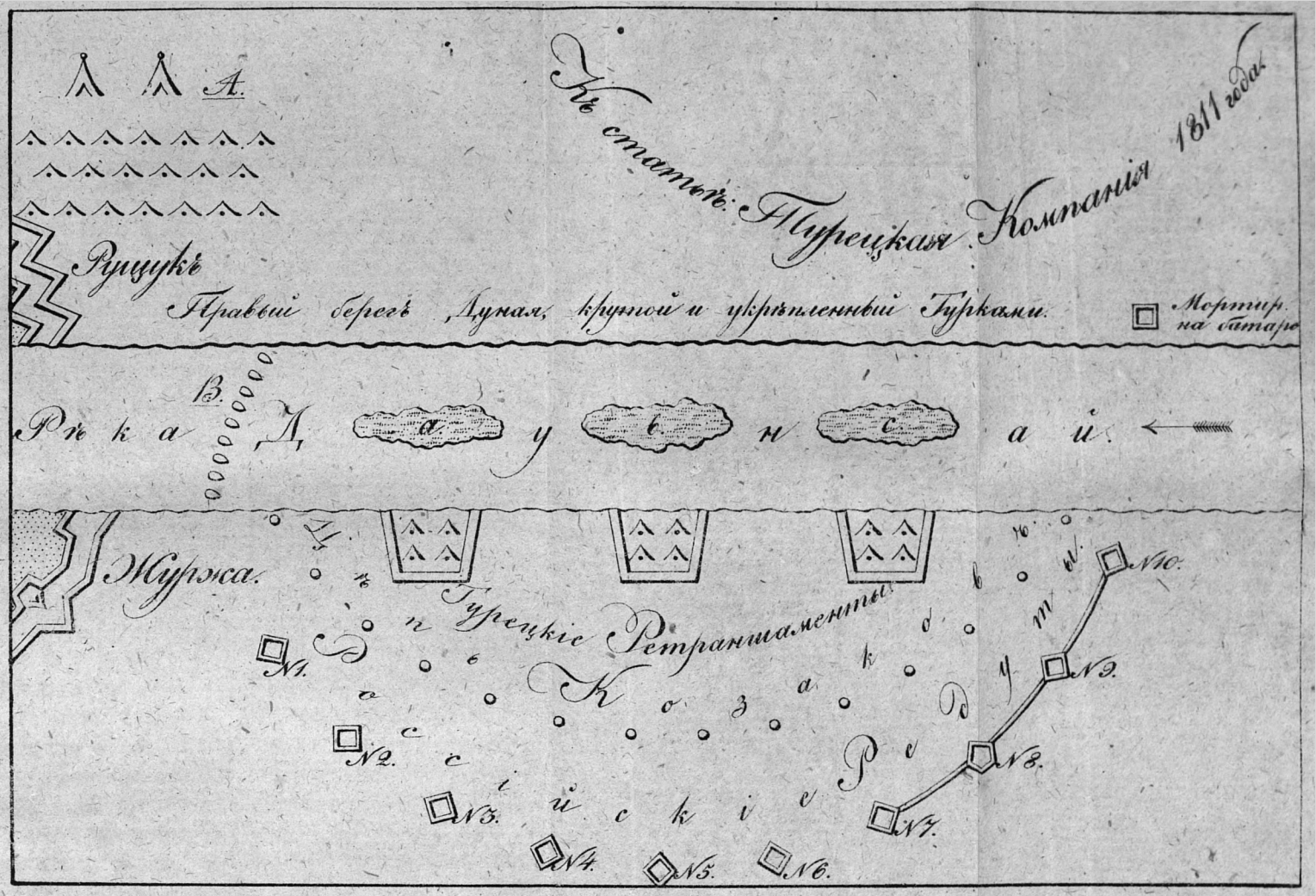
Распѣваетъ Бригадирша въ No 80 *С. Пч.* 1825.

„Я одурачена за свои гроши!!! восклицаетъ сія деньголюбивая барыня въ томъ же No, раскаяваясь, что подписалась на *М. Т.*, а не на *Сѣв. Пчелу*.

Послѣ этаго, можно ли удивляться непримиримой враждѣ Гг. Издателей сей Газеты къ *Редактору Русскаго Инвалида?* Онъ виноватъ передъ ними 2.000 подписчиковъ!

Чудно ли, что Издатель *С. О.*, у котораго отъ 1.700 подписчиковъ, бывшихъ въ 1820 и 1821 годахъ, уцѣлѣло не болѣе 350 — и то такихъ, у коихъ привычка дѣлается второю натурою,—соединенными силами съ Издателемъ *Сѣв. Архива*, изъ подъ знаменъ коего три четверти Субскрибентовъ перешли къ Издателю *М. Т.* — постоянно, и съ ожесточеніемъ нападали на *Н. А. Полеваго?*

При сей книжкѣ приложенъ чертежъ.



А. Лагерь который занимали Турки до перехода своего на лѣвый берегъ Дуная, послѣ же сей переправы хотя въ ономъ оставалось весьма малое число людей, но для содержанія Россіянъ въ томъ мнѣніи что въ ономъ находятся большія силы, Верховный Визирь растянулъ его на большое пространство.

В. Цѣпь Конаницкихъ лодокъ и другихъ мѣлкихъ Турецкихъ судовъ.

а. б. с. Необольшія острова способствовавшія Туркамъ переправиться чрезъ Дунай, на которыхъ въ послѣдствіи Русскіе помѣстили свои батареи.

Редутъ № 7. былъ защищенъ четырьмя пушками 12 ф. Гаубицы.

Между редутами №№ 7, 8, 9 и 10.го проведены были: брустверъ и ровъ.

Редутъ № 8. имѣвшій передъ собой волчьи ямы, былъ снабженъ тремя 6 фун. и шестью 12 ф. пушками.

Редутъ № 10, защищался тремя полевыми пушками и двумя ротами пѣхоты.

№ XXV.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ДНЕВНИКЪ

Подполковника Симоновича, о происшествіяхъ при блокадѣ Эриванской крѣпости въ 1804 году, Генераломъ отъ Инфантеріи Княземъ Цицiановымъ отъ 15-го Іюля, по день отступленія, т. е., по 4-е Сентября.

(*Окончаніе.*)

Августъ.

16-го по утру, небольшая партія появилась на той высотѣ, близь коей прежде схвачены наши люди, и постоявъ не много уѣхала, а въ полдень человѣкъ до 40 также на нашъ Козачій пикетъ намѣревались ударить и скрылись, не произведя ничего.

На 17-е ночью, высылаема была изъ крѣпости вылазка въ 300 человѣкахъ пѣшихъ и конныхъ на секретные пикеты противъ каре Маіора *Монтрезора;* но не причинивъ вреда и потерявъ одного убитымъ отступила.

Выбѣжали изъ крѣпости 2 Армянина; ночью также прибѣжала съ внѣшней стороны къ часовому въ цѣпи непріятельская лошадь, навьюченная хлѣбомъ и коврами.

18-го двѣ толпы Персіанъ, подъѣхавъ къ каре Маіора *Монтрезора*, не много постояли и потомъ отъѣхали къ Гарничаю.

Явился служитель взятаго въ плѣнъ Генералъ-Маіора *Князя Орбеліанова*, бѣжавшій изъ подъ караула, во время препровожденія Персіанами всѣхъ полоненныхъ Грузинцевъ въ Нахичеванъ, который объявилъ, что ихъ всѣхъ повезли въ Тегеранъ.

19-го по утру, прибылъ изъ Эчміадзина Капитанъ *Фирсовъ* со ста человѣками пѣхоты и пушкою, привезшій оттолѣ пшеницы на 13-ти арбахъ.

Захваченъ солдатами Кавказскими Персіанинъ, изъ числа 7-ми человѣкъ, близь крѣпости, на разсвѣтѣ рѣзавшихъ траву, а одинъ убитъ на мѣстѣ. Приведенный ничего не объявилъ важнаго.

Вечеромъ отправленъ туда же, Саратовскаго полка Маіоръ *Левицкій* со 150 человѣками пѣхоты, пушкою и 35 арбами для забранія оттолѣ конфискованной нами 150 четвертей пшеницы, и накошенной Капитаномъ *Фирсовымъ* 30 четвертей, съ тѣмъ притомъ порученіемъ, чтобъ взялъ тамошняго Настоятеля подъ надзоръ и содержалъ бы, пока не укажетъ еще хлѣба, коего въ Монастырѣ, объявляютъ Армяне достаточно.

Командированъ, подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ пѣхоты и пушкою въ Бомбаки, Тифлисскаго полка Маіоръ *Монтрезоръ* по извѣстности ему о Бомбайской провинціи для охраненія оной, на смѣну Саратовскаго полка Маіору *Хаджаеву*, коему приказано отправить оттолѣ и провіантъ.

20-го, непріятельскія партіи во многомъ числѣ приближались къ облежанію, а паче къ каре Тифлисскаго полка, и потомъ удалились по дорогѣ къ Эчміадзину и на Гарничай, раздѣляясь на малыя партіи, а другія соединяясь.

21-го, присыланы были изъ крѣпости два Персіанина съ письмами къ *Джаларъ-Кули-Хану* отъ его супруги.

На 22-е ночью, отведена нами вода отъ шести городскихъ мѣльницъ, на коихъ бывшіе солдаты, непріятелемъ не примѣчены, какъ ни близки оныя къ крѣпости. Тогда же, отведенъ въ другую сторону каналъ, протекавшій близь лѣваго нашего фланга, къ стоящему на противъ Персидскому караулу, который бралъ всегда оттолѣ воду.

22-го, пойманы нашею командою, высланною для засады въ отдаленномъ саду два человѣка: Персіанинъ и Армянинъ, вкравшіеся изъ крѣпости за фруктами, польстясь на великую плату за оные. Еще одинъ Персіанинъ выбѣжалъ изъ крѣпости на нашъ пикетъ, объявляя себя передающимся намъ; но по нѣкоторымъ видамъ, замѣченъ подозрительнымъ и посаженъ подъ караулъ.

*

По не прибытію изъ Эчміадзина Маіора *Левицкаго* на назначенный срокъ съ хлѣбомъ, въ разсужденіи появившихся близь Монастыря Персіанъ, посланъ Полковникъ *Майновъ* со 100 человѣками пѣхоты и съ пушкою, чтобы, достигнувъ Монастыря, и принявъ оную команду, непремѣнно съ хлѣбомъ прибылъ къ утру.

При наступленіи ночи, 5 человѣкъ хотѣли мимо нашего пикета Кавказскаго полка, пробраться въ крѣпость, но были примѣчены и обращены въ бѣгство; при чемъ одинъ изъ нихъ убитъ.

Ночью подъѣзжали Персидскія партіи къ лѣвому нашему флангу и на пикеты, производили пальбу по нашимъ, наѣзжали и кричали по своему обыкновенію; но не произвели ничего. Между тѣмъ, услыша перестрѣлку по дорогѣ къ Эчміадзину нашихъ командъ съ Персіанами, обратились туда.

23-го по утру, прибылъ Полковникъ *Майновъ*, соединясь съ Маіоромъ *Левицкимъ* на дорогѣ, найдя онаго окруженнаго Персіанами тысячь до четырехъ, съ коими, слѣдуя до нашихъ пикетовъ, имѣлъ дѣло, причиняя имъ великій вредъ. При чемъ съ нашей стороны убитъ деньщикъ и ранены: Егерскаго полка Капитанъ *Фирсовъ* и разныхъ полковъ нижнихъ чиновъ 13 человѣкъ.

Вышли изъ крѣпости два Армянина, оставившіе оную отъ притѣсненія, чинимаго Персіанами Армянамъ.

Нашею командою, посаженною въ засаду въ отдаленномъ саду, убиты 2 Персіанина,

приближившіеся къ оному изъ подъѣхавшей партіи.

24-го, передъ вечеромъ, подъѣхали двѣ партіи къ каре Тифлисскаго полка, изъ коихъ одна ударилась къ Егерскому полку; но высланными Егерями обращена въ бѣгство. Потомъ еще партія отъ Гарничая прибавилась, и раздѣлясь на двѣ половины, не много отдалилась отъ облежанія — и въ виду пикетовъ провела ночь. Въ эту ночь выходили изъ крѣпости нѣсколько человѣкъ съ тѣмъ, чтобы прорваться, но сіе удалось не болѣе, какъ четыремъ человѣкамъ: прочіе же обращены; а два Армянина и лошадь захвачены. На другомъ пикетѣ убитъ также Персіанинъ; захвачена его лошадь и нѣсколько лошаковъ, коихъ изъ крѣпости покушались прогнать за цѣпь.

Въ сумеркахъ отправился Тифлисскаго полка Маіоръ *Токаревъ* со 153 человѣками пѣхоты, пушкою, и подъ вьюки 194 лошадьми въ Эчміадзинъ за хлѣбомъ.

25-го по утру, кочевавшія партіи по частямъ удалились къ Гарничаю.

Изъ крѣпости присланъ Армянинъ отъ *Мамадъ-Хана* къ *Джаларъ-Кули-Хану*, который, при наступленіи ночи, отправился назадъ.

26-го по утру, возвратился Маіоръ *Токаревъ* изъ Эчміадзина, не имѣвъ на пути туда и назадъ никакого отъ непріятеля нападенія, кромѣ повстрѣчавшейся партіи человѣкъ во 100, кои примѣтивъ его команду, обратились въ бѣгство съ большою торопливостью.

Вышелъ Татаринъ изъ крѣпости къ *Джаларъ-Кули-Хану*, отъ его супруги съ письмомъ.

Приближалась къ лѣвому флангу непріятельская партія; но скоро удалилась.

Ночью на 27-е число, присланы изъ крѣпости два Армянина съ письмами отъ *Мамадъ-Хана*.

27-го, пойманъ въ садахъ Персіанинъ, выкравшійся изъ крѣпости за фруктами и бывшій въ *Баба-Ханскомъ* войскѣ.

Въ полдень выходили изъ крѣпости человѣкъ до 50-ти, чтобъ отведенную нашими отъ мѣльницы воду, опять привесть по прежнему; но по перестрѣлкѣ, прогнаны безъ успѣха. Ночью также покушались, но не допущены ружейными выстрѣлами.

По пробитіи вечерней зари отправлены въ крѣпость отъ *Джаларъ-Кули-Хана* Татаринъ и два Армянина и отъ насъ одинъ Армянинъ, приходившіе оттолѣ съ письмами.

Съ 28-го на 29-е ночью, застрѣленъ Персіанинъ, прокрадывавшійся изъ крѣпости, а на разсвѣтѣ, партія Персіанъ человѣкъ до 50-ти старалась прорваться въ крѣпость; но высланными изъ каре Тифлисскаго нѣсколькими фланкерами обращена въ бѣгство.

30-го въ ночь, посланъ отъ *Джаларъ-Кули-Хана* Армянинъ въ крѣпость съ письмомъ къ *Мамадъ-Хану*, по предложенію Главнокомандующаго.

31-го, присланъ отъ *Мамадъ-Хана* Армянинъ съ отвѣтомъ на оное письмо, который въ ночь на 1-е число отправленъ обратно

съ таковымъ же, а между тѣмъ, отъ Хана присланъ другой Армянинъ также съ письмомъ.

Производима была работа брешъ - батареи чрезъ всю ночь и на другой день, т. е. 2-го числа, во время чего раненъ пулею въ плечо Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ *Морозовъ*.

Передъ разсвѣтомъ приближалась партія Персіанъ до 2.000 человѣкъ съ внѣшней стороны къ лѣвому флангу; но не предпринимала ничего, а ночью вылазка была до 50-ти человѣкъ, покушавшихся прорваться за цѣпь, но секретными пикетами обращена.

Сентябрь.

Съ 1-го на 2-е и со 2-го на 3-е, отправляемы были отъ Главнокомандующаго въ крѣпость Армяне съ письмами, и изъ крѣпости присыланы отъ *Мамадъ-Хана* съ таковыми же.

Съ 30-го Августа по 3-е Сентября, появлялись ежедневно непріятельскія партіи, вступая иногда на лѣвомъ флангѣ въ перестрѣлку съ нашими пикетами, а 2-го Сентября ударили-было на Егерскій табунъ, но прогнаны.

Записки одного Артиллерійскаго Офицера о военныхъ дѣйствіяхъ Молдавской арміи въ Турецкую кампанію 1811 года.

(*Окончаніе*).

Совершенное заключеніе мира послѣдовало въ Бухарестѣ 16-го Мая 1812 года. По оному Порта уступила Россіи крѣпости: Хотинъ, Бендеры, Килію, Акерманъ и Измаилъ; Бессарабію и еще нѣкоторыя провинціи между Днестромъ, Прутомъ и Дунаемъ (см. прим. 11 и 12).

Примѣчанія:

1-е). Лѣвый берегъ Дуная имѣетъ мѣстоположеніе низкое и ровное; на правомъ же находятся высокія крутыя горы, идущія отъ самаго берега. Никополи красивый городъ, у берега, на скатѣ горъ. Находившаяся въ немъ прекрасная мечеть была подорвана нашими войсками.

2-е). Война въ сихъ мѣстахъ обходится весьма дорого: ибо армія не можетъ въ нихъ, какъ въ другихъ Государствахъ, продовольствовать себя на счетъ жителей. Молдавія и Валлахія суть страны мало населенныя, и къ тому же, тамъ не воздѣлываютъ хлѣба, потребнаго для продовольствія армій; все сіе должно привозить съ собою. Такимъ образомъ и контрибуціи, наложенныя на жителей сего края, намъ непріятельскаго, не могли быть

велики. Самое же главное неудобство сихъ войнъ, состоитъ въ великомъ числѣ больныхъ, чему причиною тамошній климатъ. Почти всякой вновь прибывшій туда, подвергается лихорадкѣ (*). Болѣзнь сія, смотря по сложенію человѣка, способу лѣченія, пищѣ, упражненія и т. д. бываетъ у иныхъ сильнѣе, а у другихъ слабѣе: иногда проходитъ она весьма скоро, въ другое же время продолжается по нѣскольку лѣтъ. Причиною сей лихорадки, лѣтніе жары и холодныя ночи, болотныя испаренія. Малѣйшая неправильность въ употребленіи пищи, и вообще въ образѣ жизни, немедленно влечетъ ее за собою. Особенно вредны: неумѣренное употребленіе плодовъ, преимущественно водянистыхъ грушъ, дынь и тыквъ; а также и нездоровой воды; отъ чего весьма трудно воздержаться по причинѣ несносныхъ жаровъ. Природные жители сихъ странъ, хотя и предваряютъ на счетъ сего своихъ гостей, но и сами не избѣгаютъ припадковъ лихорадки. Впрочемъ, страны сіи можно назвать благодатными: ибо они изобилуютъ лучшими ея произведеніями. Жители Молдавіи, Валлахіи и другихъ смѣжныхъ съ ними земель весьма добраго характера.—Единственный хлѣбъ, ими

(*) Съ похода 1811 года, сія болѣзнь несравненно менѣе свирѣпствуетъ между Русскими солдатами, благодаря суконнымъ кушакамъ, изобрѣтенія Генералъ-Маіора *П. С. Кайсарова*, которыми они опоясываются для того, чтобъ не простужать желудка. *В.*

обработываемый, — кромѣ Арнаутки, есть Маисъ. Изъ него не пекутъ хлѣбовъ, но варятъ кашу. Иногда,—и то больше изъ лакомства,— ѣдятъ печеныя лепешки. Люди достаточные, кромѣ сего, употребляютъ въ пищу пшеничный хлѣбъ. Въ мѣстахъ сихъ занимаются весьма много скотоводствомъ и винодѣліемъ, и отчасти разводятъ шелковицы. Лучшія вина дѣлаютъ здѣсь въ Валахіи, и еще болѣе въ Булгаріи, нѣкоторыя изъ нихъ по отличной добротѣ своей даже не поступаютъ въ торговлю, а остаются у хозяевъ.

3-е). *Графъ Николай Михайловичъ Каменскій* умеръ въ младыхъ лѣтахъ, отъ внутренней, неизлѣчимой болѣзни. Смерть его, какъ говорятъ, была весьма ускорена вспыльчивымъ и честолюбивымъ его характеромъ. Величайшее огорченіе причинилъ ему въ 1810 году, неудачный приступъ къ Рущуку. Турки защищаются въ своихъ крѣпостяхъ отчаянно. Не только солдаты, но жители, а частію и самыя женщины сражаются на валахъ. Удары ими наносимые (также должно замѣтить и обитвѣ въ полѣ), почти всегда бываютъ дѣйствительны. Послѣ нѣсколькихъ приступовъ къ Рущуку, войска наши остановились наконецъ у контръ-эскарпа; Графъ былъ внѣ себя отъ негодованія. Тогда-то совершился сей единственный, геройскій подвигъ Генерала *Графа Сиверса*, который, въ сопровожденіи шестнадцати Артиллерійскихъ Офицеровъ, между коими были: *Сеславинъ* и *Фигнеръ*, ставъ впереди поколебавшихся солдатъ, взошелъ первый на валъ. Обо-

дренныя симъ примѣромъ войска послѣдовали за храбрымъ Генераломъ, но и на сей разъ безъ успѣха. *Графъ Сиверсъ* и большая половина вышеозначенныхъ Офицеровъ были убиты, остальные же почти всѣ ранены. *Сеславину* пуля прошла въ плечо на вылетъ. Вскорѣ послѣ сего, крѣпость Рущукъ, принуждена была сдаться.

Графъ Каменскій не зналъ до самой своей смерти, о назначеніи вмѣсто его новаго Главнокомандующаго. Отъ него всячески старались скрыть сіе обстоятельство, изъ опасенія, чтобы извѣстіе объ ономъ его не встревожило. Генералъ сей скончался въ загородномъ домѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бухареста.

4-е). Полковникъ *Шкапскій*, былъ въ 1812 году произведенъ въ Генералъ-Маіоры, а въ слѣдующемъ 1813 убитъ въ Германіи.

5-е). Турки имѣли обычай при началѣ своей ретирады, производить столько пушечныхъ выстрѣловъ ядрами, сколько при нихъ находилось Пашей. Когда они были еще по ту сторону Дуная, то мы обыкновенно насчитывали 17 выстрѣловъ. Турецкіе Артиллеристы стрѣляютъ весьма цѣльно. Надлежало остерегаться, становиться противъ амбразуръ. Въ числѣ ихъ пушекъ, видѣнныхъ нами въ послѣдствіи, многія были Европейскія, разныхъ націй. Исправностію своей Артиллеріи, въ 1806 и 1807 годахъ, Турки обязаны Французскимъ Офицерамъ, коихъ, какъ извѣстно, въ это

время множество было прислано *Наполеономъ* (см. ниже прим. 7).

6-е). Редутъ, означенный на планѣ подъ No 10 былъ однажды причиною пустой тревоги. Въ первые дни переправы Турокъ на нашу сторону, получили мы приказъ наблюдать въ слѣдующую ночь величайшую осторожность и вниманіе, ибо непріятельскіе перемѣтчики извѣстили Главнокомандующаго, что Турки намѣревались сдѣлать на насъ нападеніе, и именно на правый нашъ флангъ. При малѣйшемъ движеніи, замѣченномъ у непріятеля, редуты должны были подать сигналъ ракетами. Ночь на сей разъ была весьма темная. Одному часовому, стоявшему на брустверѣ нашего редута (No 10) показалось или послышалось, что-то приближающееся. Не получивъ на три свои оклика отвѣта, онъ выстрѣлилъ, и въ слѣдъ за нимъ, менѣе нежели черезъ минуту, со всего фаса редута изъ ружей и изъ пушекъ сдѣлали залпъ на воздухъ. Въ то же время, Турки съ мортирной батареи, устроенной на противномъ берегу Дуная, бросили свѣтящія ядра на мѣсто мнимаго сраженія, которое мы, къ великому нашему удивленію, увидѣли совершенно пустымъ. Однако же, весь гарнизонъ редута сталъ подъ ружье. Въ слѣдъ за тѣмъ, прискакалъ къ намъ Адъютантъ отъ Главнокомандующаго для узнанія о происходящемъ: Офицеръ, начальствовавшій на семъ фасѣ, увѣрялъ, что видѣлъ самъ непріятельскій патруль, приближавшійся къ нашему укрѣпленію.

Къ примѣчанію 5-му. Два раза большаго калибра бомбы упали въ редутъ No 10; къ счастію, это случилось днемъ и люди наши были въ разбродѣ, а не во фронтѣ. Однако же нѣсколькихъ убило и ранило. Въ другой разъ, послѣ паденія въ нашъ редутъ бомбы, мы стали повѣрять людей и одного не было. Стали искать его и нашли за редутомъ, подлѣ берега, мертвымъ съ оторванною ногою. Взрывомъ перекинуло его черезъ валъ, который въ томъ мѣстѣ былъ весьма высокъ и уставленъ турами. Такое расположеніе было необходимо нужно, для закрытія нашего укрѣпленія отъ огня батарей, устроенныхъ на возвышеніяхъ праваго берега Дуная.

7-е). Увѣряютъ, что Янычары выбирались частію изъ дѣтей, отнимаемыхъ у Христіанъ, подвластныхъ Портѣ, и послѣ воспитываемыхъ въ правилахъ Магометанской вѣры.

8-е). Не взирая на то, что лѣтніе жары здѣсь весьма велики и продолжаются до Ноября, нѣкоторые зимніе мѣсяцы довольно холодны, а иногда бываетъ и санный путь. Причиною сему должно приписать положеніе сего края на востокъ. Небольшое народонаселеніе, малая воздѣлка земли, болота и наконецъ не имѣніе горъ, кои бы заслоняли сіи страны отъ востока и сѣвера.

9-е). Судя по образу, какъ Турки ведутъ войну, нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ будетъ всегда на сторонѣ регулярнаго войска. Эту истину подтверждаетъ самая Исторія. Сколько разъ, съ войсками, несравненно превосход-

ными числомъ, храбрыми, хорошо вооруженными, съ отличною Кавалеріею и даже съ пріобрѣтенными уже выгодами, уступали они побѣду гораздо слабѣйшему непріятелю, особенно же Европейской тактикѣ! Принцъ *Евгеній* при Бѣлградѣ и *Румянцевъ* при Кагулѣ имѣли противъ себя гораздо многочисленнѣйшія арміи и при всемъ томъ остались побѣдителями. Гибель ихъ, казалась неизбѣжною, но они восторжествовали надъ непріятелями. — Постоянные успѣхи нашего оружія надъ Турецкимъ, служатъ также явнымъ тому доказательствомъ. Туркамъ почти вовсе незнакомы даже начальныя основанія военнаго искуства. У нихъ нѣтъ ни общаго плана похода, ни распоряженія для какого-либо дѣйствія. Когда въ день сраженія ударятъ тревогу: то всякій начальникъ поступаетъ по собственному произволу и слѣдуетъ во всемъ: или порывамъ своей храбрости, или надеждѣ получить успѣхъ или,—что не рѣдко бываетъ, — внушеніямъ страха. Никто не командуетъ; никто не получаетъ и не знаетъ приказаній. Такъ все идетъ отъ старшихъ Офицеровъ до простыхъ солдатъ! — Я пишу то, что слышалъ изустно отъ самихъ Турокъ. Одинъ только, можно сказать, — инстинктъ, соединяетъ сіи необузданныя толпы; воинская подчиненность наша вовсе имъ не знакома: они не имѣютъ понятія о выгодахъ сомкнутаго строя, а всегда, — и отлично, — сражаются въ разсыпную. Если когда приходится имъ дѣйствовать густою массою: то производятъ свое нападеніе

угловатымъ строемъ, извѣстнымъ въ прежней тактикѣ подъ названіемъ: *Свиной головы;* въ семъ случаѣ отважнѣйшій, или имѣющій лучшую лошадь, становится впереди. Доказательствомъ тому, что Турки производятъ свои движенія безъ всякаго обдуманнаго плана, служитъ переходъ ихъ на лѣвый берегъ Дуная, который, бывъ совершенъ съ полнымъ успѣхомъ, послужилъ къ ихъ же гибели.

10-е). Въ 1810 и 1811 году взята была крѣпость Суджукъ-Кале и Сухумъ-Кале. Первая изъ нихъ возвращена Туркамъ по совершенномъ ея раззореніи. Въ ней находилось весьма малое количество неисправной Артиллеріи. Сухумъ-Кале еще теперь за нами, и есть ни что иное, какъ небольшая крѣпостца безъ города. Баталіонъ пѣхоты, смѣняемый чрезъ каждые полгода, составляетъ ея гарнизонъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ФЛИБУСТЬЕРЫ.

Историческая повѣсть изъ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія; соч. *Фанъ-деръ-Фельде.*

(*Продолженіе.*)

2.

Грубая, необузданная радость господствовала на островѣ Тортугѣ, когда на суднѣ съ грузомъ воловьихъ кожъ *Монбаръ* присталъ къ берегу. Знаменитый *Корсеръ Фанъ-Горнъ*, только-что взялъ Испанскій галліонъ, нагруженный серебромъ и золотомъ, и бѣшеные Флибустьеры его, всячески старались, столь же скоро сбыть съ рукъ піастры и золотые слитки, какъ пріобрѣли ихъ. *Монбаръ* вышедъ на берегъ, съ негодующимъ изумленіемъ увидѣлъ неистовый образъ жизни морскихъ разбойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ они усѣлись вкругъ огромной бочки вина и вынули кранъ. Безпрерывно лилась золотая струя въ подставлен-

ные покалы, которые столь же скоро опоражнивались, какъ наполнялись, а у кого не было посуды: тотъ подставлялъ ротъ и напившись разомъ до безпамятства, безъ чувствъ валялся на песчаномъ берегу. Въ другомъ углу играли въ кости, и огромныя кучи золота переходили изъ рукъ въ руки, такъ, что новый *Крезъ* въ одинъ мигъ дѣлался бѣднѣе *Ира*. Далѣе, корсеры плясали и кружились съ благосклонными красавицами, разныхъ цвѣтовъ и климатовъ. Въ это же время, два корсера, разгоряченные виномъ и сладострастіемъ, выступили другъ противъ друга на поединокъ; каждый изъ нихъ алкалъ крови своего товарища и желалъ смертью его загладить смертельную свою обиду. Далѣе, толпа, распѣвая священные псалмы, съ обнаженною головою и босыми ногами шла въ торжественной процессіи въ городъ, для принесенія въ даръ тамошней часовнѣ золотой церковной утвари, полученной въ добычу на разграбленномъ галліонѣ. Безмолвный отъ изумленія, смотрѣлъ *Монбаръ* на сію картину, а *Торо* пошелъ продавать воловьи кожи. Вдругъ прибѣжала молодая Арабка, объятая ужасомъ, и бросилась на колѣни на самомъ краю береговаго утеса, который круто нависъ надъ моремъ.

„Пресвятая Дѣва! вскричала она отчаяннымъ голосомъ, воздѣвъ руки къ небу: испроси мнѣ прощеніе за то, что иду къ Отцу прежде, нежели Онъ зоветъ меня, что безъ исповѣди, неочищенная отъ грѣховъ св. Причастіемъ,

бросаюсь въ водную пучину, чтобъ спастись отъ посрамленія на землѣ!"

И дѣвушка уже готова была низринуться въ море, но *Монбаръ* подоспѣлъ, и схватилъ ее сильною рукою. — „Несчастная, что ты дѣлаешь?.." спросилъ онъ съ нѣжнымъ упрекомъ, и черно-пламенные глаза ея, съ довѣренностью обратились на неожиданнаго заступника.

— Слава Богу! воскликнула черная красавица: я слышу человѣческій голосъ, и вижу лице человѣка! Такъ, я увѣрена: ты спасъ меня отъ самоубійства не за тѣмъ, чтобы отдать меня въ жертву грубой чувственности твоихъ братьевъ. — —

„Нѣтъ, клянусь честію!" сказалъ *Монбаръ*, и смѣло озирался, ища непріятелей, преслѣдующихъ бѣдную дѣвушку.

— „Горе мнѣ!" — вскричала она: „вотъ они бѣгутъ! Теперь сдержи свое слово, благородный человѣкъ, или самъ брось меня въ море; лучше погибнуть отъ честныхъ рукъ, и не навлечь на себя Божіяго гнѣва преступнымъ самоубійствомъ!" —

Монбаръ быстро обнажилъ шпагу противъ троихъ, разгоряченныхъ виномъ флибустьеровъ. — „Вотъ черная *Донна!* вскричалъ одинъ; долой съ холоднаго утеса къ моей горячей груди! взревѣлъ другой, а третій грозно крикнулъ на *Монбара:* „эта дѣвушка принадлежитъ намъ троимъ. Не трудитесь, молодой господчикъ."

— Она подъ моимъ покровительствомъ! — хладнокровно и рѣшительно отвѣчалъ *Монбаръ:*

кто имѣетъ на нее право, тотъ бери ее вооруженною рукою! — Извольте! закричалъ хищникъ, и три сабли вдругъ устремились на *Монбара*, который мужественно оборонялся. Уже благородная кровь его лилась изъ широкой раны на лицѣ, какъ вдругъ близь нихъ кто-то закричалъ: назадъ! и высокій мущина съ обнаженною саблею бросился на сражающихся. Бѣлыя строусовыя перья развѣвались на бархатной шляпѣ съ бриллiантовою кокардою. По парчевому кафтану висѣлъ снурокъ изъ крупныхъ жемчужинъ, а пальцы блистали огромными изумрудами и рубинами.

— Адмиралъ! шепнули изумленные Флибустьеры, отскочивъ, и преклоня сабли. — „Трое на одного! вскричалъ съ гнѣвомъ *Фанъ-Горнъ*: и вы смѣете называться Флибустьерами?“

— Мы правы! робко произнесъ одинъ изъ разбойниковъ: мы добыли эту дѣвушку на завоеванномъ галлiонѣ. Жребій долженъ былъ рѣшить, кому изъ насъ троихъ должна принадлежать она. Мы кинули пiастръ вверхъ, но между тѣмъ она ускользнула, и этотъ молокососъ, который сверьхъ того не нашъ, у насъ ее оспориваетъ. Мы закипѣли справедливымъ гнѣвомъ. —

„Дѣвушка хотѣла броситься въ море, чтобы только освободиться изъ когтей сихъ чудовищъ, возразилъ *Монбаръ* съ благороднымъ жаромъ. Я спасъ ее отъ гибели; готовъ жертвовать жизнію для сохраненія ея чести; умоляю васъ, Господинъ Адмиралъ, произнесите

справедливый приговорЪ. Мужу, одушевляемому Рыцарскимъ благородствомъ, вѣрно извѣстны также обязанности Рыцаря кЪ беззащитнымЪ женщинамЪ.“

СЪ внутреннимЪ удовольствіемЪ *Фанъ-Горнъ* внималЪ слова защитника невинности. — Ты слишкомЪ смѣлЪ! сказалЪ онЪ улыбаясь. Но лучше слишкомЪ много, нежели слишкомЪ мало. Кто ты, молодой человѣкЪ? — *Монбаръ* сказалЪ свое имя. — КакЪ? сынЪ истребителя? спросилЪ *Фанъ-Горнъ*, обрадовавшись.

„Точно такЪ, АдмиралЪ! это мой племянникЪ!“ отвѣчалЪ за него *Торо*, который сЪ саблею вЪ рукѣ прибѣжалЪ на помощь кЪ *Монбару*.

— Славно, ты дѣлаешь честь отцу и дядѣ!“ продолжалЪ *Фанъ-Горнъ*, ласково пожалЪ ему руку, и потомЪ сЪ грознымЪ видомЪ обратился кЪ пиратамЪ. По нашимЪ законамЪ плѣнники принадлежатЪ кЪ *общественной* добычѣ, а мнѣ, какЪ Адмиралу, предоставленЪ выборЪ трехЪ плѣнниковЪ. Я выбираю сію дѣвушку, и дарю ее молодому человѣку. Вы самовластно располагали чужею собственностію, и противЪ моего приказанія, какЪ подлые разбойники, трое напали на одного. Отдайте сабли, и ступайте на корабль вЪ арестантскую. — —

ТутЪ глаза хищниковЪ засверкали адскимЪ огнемЪ, они взглянули другЪ на друга, какЪ тигры, которые вмѣстѣ хотятЪ броситься на свою добычу, руки ихЪ судорожно обхватили рукояти сабель, и всѣ трое стояли, какЪ вкопанные.

Слышите ли? — спросилъ *Фанъ-Горнъ*, и подошелъ къ нимъ съ грознымъ видомъ. Двое, поблѣднѣвъ отъ страха, удалились; но третій, отуманенный виномъ и бѣшенствомъ, выстрѣлилъ въ дѣвушку, которая все еще безъ чувствъ лежала въ объятіяхъ *Монбара*. Пуля просвистала надъ ея головою, и однимъ ударомъ кулака, *Фанъ-Горнъ* повалилъ злодѣя на землю. — Теперь не пойдете на корабль! закричалъ онъ другимъ корсерамъ: ты веди этаго бездѣльника въ лѣсъ, головой своей за него отвѣчаешь! А ты, позови туда присяжныхъ и Судію Флота: подъ военный судъ. И сами сей часъ туда же явитеся. — —

Признавая высшую власть, безмолвно повиновались разбойники, которые вдругъ протрезвились отъ страха, а *Монбаръ* съ признательнымъ восторгомъ крѣпко обнялъ Адмирала.

— Хорошо! хорошо! молодой другъ мой! — весело сказалъ Адмиралъ; ты оказываешь мнѣ слишкомъ много чести, если берешь на свой счетъ все то, что теперь я долженъ былъ сдѣлать для возстановленія дисциплины. Экипажъ съ нѣкотораго времени избаловался и предается сильнымъ буйствамъ, потому, что я давно уже никого не разстрѣливалъ. Сегоднишній мнѣ весьма пріятенъ; я имъ воспользуюсь. Смертная казнь необходима. Какъ скоро эта сволочь потеряла страхъ: то для обузданія ея начальникъ долженъ сдѣлаться чортомъ. Человѣкъ, какъ бы жестокосердъ ни былъ, съ нею не сладитъ. Впрочемъ, поздравляю тебя

съ черною красавицею, примолвилъ онъ, бросивъ сладострастный взглядъ на дѣвушку: черезъ часъ явитесь въ судъ, который, по моему повелѣнію, теперь собирается. Закону и тебѣ доставлю удовлетвореніе. — Онъ ушелъ.

„Куда дѣвать это бѣдное твореніе?“ горестно спросилъ *Монбаръ* своего дядю.

— На что навязывать на себя такой безполезный, тяжелый товаръ? — заворчалъ *Торо:* „едва вступилъ ты ногою на берегъ, какъ бросился дѣвушкѣ на шею. Ты не годишься въ буканьеры.“

—Браните, дядюшка, но помогите! — умолялъ его юноша.

„Веди ее за мною въ эту палатку,“ сказалъ *Торо:* тамъ живетъ мой старинный пріятель, Капитанъ *Бродели*, въ прежнія времена славный стрѣлецъ быковъ и семь лѣтъ служившій у меня штурманомъ. Сатана заманилъ его въ Флибустьеры, и наконецъ дуракъ женился. Сего дня онъ познакомилъ меня съ своею женою, которая мнѣ кажется довольно разсудительною. Ей на руки отдадимъ Арабку.“

„Согласна ли ты?“ спросилъ *Монбаръ* у Негритянки.

Я должна повиноваться, если избавитель и заступникъ мой повелѣваетъ! вскричала она съ выраженіемъ признательности, прижимая руку юноши къ устамъ и волнующейся груди. Тревожимый разнообразными чувствами, *Монбаръ* освободился изъ ея объятій, и повелъ ее въ палатку Капитана *Бродели*.

Глухо гремѣлъ барабанъ, который сзывалъ Корсеровъ въ Судъ; экипажъ со всѣхъ кораблей *Фанъ-Горна*, собирался въ лѣсу, гдѣ три арестанта, съ трепетомъ ожидали рѣшенія своей участи. Судія Флота, престарѣлый, сѣдой Пиратъ, взошелъ на каѳедру, а вокругъ него стали присяжные; но четверо изъ нихъ были убиты въ послѣднемъ морскомъ сраженіи. На мѣста ихъ, экипажъ выбралъ другихъ изъ среды своей, и къ великому изумленію *Монбара*, который вмѣстѣ съ *Фанъ-Горномъ* стоялъ въ толпѣ любопытныхъ зрителей, новые Кандидаты съ большою торжественностью приведены къ присягѣ Главнымъ Судіею. Протестанты возложили на Евангеліе, Католики на Распятіе свои руки, кровью обагренныя. Послѣ краткой молитвы, прочитанной Судіею съ достоинствомъ и благоговѣніемъ, Корсеры, стоявшіе съ обнаженными головами: хоромъ вскричали: *аминь*. Многіе изъ нихъ приговорены къ различнымъ наказаніямъ за бо́льшіе или мѐньшіе проступки: одинъ за пьянство и ослушаніе, другой за страсть къ карточной игрѣ; третій за нерадѣніе къ службѣ. Наконецъ, дошла очередь до послѣднихъ трехъ арестантовъ. Судъ надъ ними продолжался не долго. Арабка, какъ часть общественной добычи, объявлена собственностію Адмирала, и судія торжественно объявилъ всему собранію, что они всѣ трое, будучи обличены въ присвованіи себѣ общественнаго имущества, а послѣдній, сверьхъ того, какъ бунтовщикъ, непокорный Адмиралу, заслуживаютъ примѣрное на-

казаніе. Тихо совѣщались присяжные, и потомъ страшнымъ хоромъ произнесли роковое слово: виноваты! и всѣ три преступника, блѣдные, какъ смерть, упали на колѣна.

„Сжальтесь надъ ними, *Фанъ-Горнъ!*“ умолялъ сострадательный *Монбаръ* Адмирала, который съ холоднымъ спокойствіемъ вступилъ въ средину собранія.

— Сынъ мой! ты этого не понимаешь, отвѣчалъ онъ съ важностію и позвалъ къ себѣ трехъ корабельныхъ Офицеровъ. Они подошли почтительно, и получивъ тайное приказаніе, каждый взялъ одного изъ осужденныхъ. Двое, менѣе виновные, снабжены ружьями, кожаными мѣшками съ водою и нѣсколькими зарядами, и потомъ отведены на берегъ; ихъ посадили въ лодку и куда-то увезли. Третій же, въ сопровожденіи нѣсколькихъ стрѣлковъ, ободряемый утѣшительными словами товарища-Пирата, который шелъ подлѣ него съ Распятіемъ въ рукѣ, отведенъ въ чащу лѣса.

„Ради Бога, скажите, Адмиралъ, что будетъ съ сими несчастными?“ вскричалъ *Монбаръ*.

— Первыхъ двухъ маронируютъ, хладнокровно отвѣчалъ *Фанъ-Горнъ*.

„Что это значитъ?“ спросилъ молодой человѣкъ, едва переводя духъ отъ страха.

— Снабдя ихъ порохомъ, свинцемъ и водою, отвезутъ на необитаемый островъ и тамъ оставятъ ихъ на произволъ судьбы.

„А если они тамъ умрутъ съ голода?“ вскричалъ *Монбаръ*, ужаснувшись.

— Это ихъ дѣло, а не наше, любезный другъ! —

„А третій?“ — спросилъ опять *Монбаръ*, и въ устахъ его замерли слова: ибо въ ту самую минуту въ глубинѣ лѣса глухо раздались нѣсколько выстрѣловъ.

Его разстрѣляли! отвѣчалъ *Фанъ-Горнъ* съ непоколебимымъ равнодушіемъ и приказалъ экипажу молиться за спасеніе души казненнаго преступника.

— Судъ кончился! вскричалъ Адмиралъ, обратясь къ своимъ подчиненнымъ. Ступайте и веселитесь, но будьте во всемъ умѣренны, а то буйная радость броситъ васъ въ холодныя объятія смерти. Вы сію минуту внимали грозному гласу правосудія. Помните: *Фанъ-Горнъ* не любитъ шутить! —

Безмолвно и робко разошлась толпа, и ласково Адмиралъ пригласилъ молодаго человѣка, отобѣдать съ нимъ на кораблѣ. Съ сердечнымъ трепетомъ поблагодарилъ онъ грознаго Атамана Пиратовъ, и волнуемый любопытствомъ и страстію, а можетъ быть и благороднѣйшимъ чувствомъ, полетѣлъ онъ въ жилище Капитана *Бродели*, горя нетерпѣніемъ, безъ свидѣтелей сказать нѣсколько словъ черной незнакомкѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На разбитіе Турецкой Дунайской флотиліи и покореніе крѣпости Исакчи.

Летятъ на Югъ Россійскіе орлы,
И изъ когтей грома свои бросаютъ;
Уже шумя Дунайскіе валы,
Имъ къ Гему путь свободный открываютъ.

* * *

Пришествіемъ внезапнымъ удивленны,
Текутъ къ Царю на срѣтенье Паши.
Въ свидѣтельство покорныя души,
Предводятъ въ градъ Героевъ строй побѣдный.

* * *

Агари сынъ Дуная на волнахъ,
Волнуется, бѣжитъ, трепещетъ, стонетъ,
Увидя молнію, въ рѣкѣ рубежной тонетъ,
И далѣ свой провозглашаетъ страхъ.

* * *

И божество строптиваго врага —
Уже луна склонила внизъ рога;
За брегъ чужой лучи креста свѣтлѣютъ,
Въ Исакчѣ вновь знамена Россовъ вѣютъ.

Графъ Хвостовъ.

2.

КЪ МУЗАМЪ.

О музы, дщери Аполлона!
Безвѣстный юноша, слабѣйшій изъ пѣвцовъ,
Взываетъ къ вамъ, сойдите съ Геликона
На часъ къ нему подъ бѣдной кровъ.

* *

Но не забудьте взять съ собой златую лиру;
На коей вами же внушенные пѣвцы,
Дѣянія людей передавали міру
И сладкогласіемъ пріобрѣли вѣнцы.

Плѣненъ волшебной ихъ игрою —
Хочу идти по ихъ слѣдамъ!
И, робкою рукою
Сливая слабый гласъ, ударить по струнамъ,

* *

А вы прелестныя! вы этотъ мигъ ловите;
И сладостный свой гласъ
Съ моими звуками тогда соедините,
Отрады сердцу жду отъ васъ!

* * *

Не для безсмертія, о Музы! къ вамъ взываю!
Забвенье мой удѣлъ!
Но грусть, которую въ душѣ моей питаю,
Забыть на часъ бы я хотѣлъ.

3.

КЪ ***

Быстро время исчезаетъ,
Счастье смертными играетъ,
Юныхъ лѣтъ пройдетъ пора;
Съ красотой весны привѣтной,
Намъ измѣнитъ непримѣтно
И страстей младыхъ игра.
Не на долго, другъ безцѣнный,
Счастья жребій сокровенный
Насъ лелѣетъ въ цвѣтѣ лѣтъ.
Ахъ, — давно ль ты былъ Корнетъ?
Ахъ, — давно ли усъ кудрявой
Ты безпечно расправлялъ,
Для красавицъ былъ забавой
И забавъ отъ нихъ искалъ?
Ропотъ сердца не тревожилъ
Твой Гусарскій вѣкъ златой;
Но ты вѣкъ Гусарскій прожилъ
И сдружился съ бородой.
Скоро ты оставилъ радость,
Вѣрныхъ Рыцарей побѣдъ;
Пролетѣла птичкой младость,
А любви и слѣда нѣтъ.
Купидонъ вспорхнулъ крылатый,
Что жъ въ замѣну сей утраты,
Намъ сулитъ коварный свѣтъ?
Чашу горестей и бѣдъ.

4.

СМЕРТЬ САФЫ.

Черный свой покровъ
Ночь распространяла,
За гуломъ громовъ
Молнія сверкала.
На дикой скалѣ
Подъ грозною бурей,
Съ грустью на челѣ
Сафо, жертва фурій,
Блѣдная, въ слезахъ,
Призывала друга.
Страшно на горахъ
Бушевала вьюга,
И за валомъ валъ,
О подошву скалъ
Глухо разбивался.
Тщетно раздавался
Скорбный дѣвы стонъ,
„Не придешъ *Фаонъ*! . . .
„Надъ грозною бездной
„Реви, Аквилонъ!
„Теки, потокъ слезный,
„Погибъ другъ любезный (*);
„Погибла любовь. . . “
Такъ *Сафо* взывала. —

(*) Подъ симъ стихомъ должно разумѣть не смерть, а измѣну *Фаона*, чрезъ сей поступокъ погибшаго для *Сафы*.

Черный свой покровъ
Ночь распространяла,
За гуломъ громовъ
Молнія сверкала.
Въ сей мигъ роковой
Клубящся одежды
На дѣвѣ младой;
Безъ сладкой надежды,
Съ унылой тоской,
Несчастная . . . . горе!
Съ нависшей скалы
Низвергнулась въ море
Въ сѣдые валы;
И въ безднѣ ревучей
Погибла она;
Такъ меркнетъ за тучей
Златая луна.

В. Домантовичъ.

5.

ВЕЧЕРЪ.

Уже за ближней рощей темной
Послѣдній солнца лучь горитъ;
И въ зыбкомъ зеркалѣ безмолвной
Рѣки, едва едва дрожитъ.
Погасъ! — и въ Океанъ безбрежный
Сокрылся благодатный ликъ;
Смолкаетъ жизни шумъ мятежный,
И влажный сумракъ твердь проникъ.
Заря, другъ и невѣста Феба,

Въ безоблачной равнинѣ неба
Свѣтъ тонкій сыплетъ надъ рѣкой, —
И выплываетъ надъ горой
Луна, печальныхъ душъ подруга,
Въ сребристомъ ликѣ полукруга.
Спускается росы туманъ
Въ воздушный влажный Океанъ;
Уснулъ Зефиръ, почили воды
На лонѣ дремлющей природы;
И роза юная послыша холодокъ,
Свернула трепетно свой дѣвственный цвѣтокъ;
Звѣзда любви въ выси свѣтлѣетъ,
И мнится, будто съ неба вѣетъ
Дыханіе безсмертныхъ силъ,
Вкругъ спящихъ смерти сномъ могилъ.
Затихнулъ боръ, долина дремлетъ;
Лишь въ полѣ звонкая свирѣль,
И въ рощѣ филомелы трель,
Покой окрестный прерываютъ;
Лишь звѣзды тихо пробѣгаютъ
Въ незримой неба вышинѣ,
Гдѣ вѣчно странствуя, онѣ
Неугасимо намъ сіяютъ.
Не жизнь ли нашу, о друзья!
Сей вечеръ намъ изображаетъ?
Не также ли огонь ея,
Какъ день, горитъ — и догораетъ?
Во цвѣтѣ юныхъ — пылкихъ дней,
Не также ли огонь страстей,
Какъ зной палящій, насъ тревожитъ;
Къ любви, ко славѣ жажду множитъ?
Игривая мечта мечтой

Смѣняясь, долго насъ чаруютъ,
Желанія души враждуютъ,
Смущаютъ внутренній покой.
Любя ловишь мечты, забавы,
Призракъ любви, призывы славы,
Мы рвать хотимъ вездѣ цвѣты,
Не мысля, какъ вы плоды.
Существенности міръ холодной
Намъ степью кажется безводной;
И мы фантазіей своей
Живемъ въ воздушномъ царствѣ Фей.
Но жаръ въ крови лишь охладѣетъ,
И жизни твердь завечерѣетъ;
Тогда и въ насъ своей чредой
Моральный утихаетъ зной:
Разсудокъ внятнѣе, слышнѣе
Въ то время сердцу говоритъ;
Душа становится свѣжѣе,
Воображенье холоднѣе, —
И мысль къ небесному парить.
Блаженъ, кто чистъ душой, прекрасенъ,
Кто въ пылкій молодости зной,
Умѣетъ управлять собой,
Чей жизни вечеръ тихъ и ясенъ!
Ночь темную — могилы сонъ, —
Встрѣчая съ яснымъ духомъ, — онъ
До утра райскаго дождется,
И къ свѣту вѣчному безсмертный понесется!

В. . . . . ій.

СМѢСЬ.

Письмо Издателя Славянина къ Г. Издателю Московскаго Телеграфа.

М. Г.!

Въ No 5-мъ вашего Журнала, на манеръ *Révue Encyclopédique*, издаваемаго, вы со всею вѣжливостью благороднаго человѣка, живущаго въ лучшемъ обществѣ, не плоскими шуточками — (оружіе, недостойное благородныхъ, возвышающихъ душу и сердце занятій Литературы) (1) отозвались обо мнѣ, что я худой Писатель и плохой Критикъ. Не оскорбляюсь этимъ; ваши похвалы производятъ всеобщій смѣхъ, а хулы — генеральный хохотъ. Но мнѣ васъ жаль, вы попадете въ бѣду, если „не„ограничивая Литературной чести (2) тѣмъ, „чтобы какой-нибудь старожилъ Журнальный „постарался дать *ходъ вашему Изданію похва„лами*, купленными взаимнымъ угожденіемъ, „не станете почитать Литературнымъ *без„славіемъ*, и гнѣва тѣхъ же Старожиловъ, не„избѣжнаго, если *новый литераторъ не влечется „за ихъ послѣдователями.*“ — Отъ чего? спросите вы; — „отъ того, что противорѣчите

(1) Особенное Прибавленіе къ М. Т. 1825, стр. 7.
(2) Тамъ же, стр. 4.

мнѣнію обо мнѣ двухъ журнальныхъ ветерановъ — *Греча* и *Булгарина*."

Исторіографъ нашей Словесности, честнѣйшій, безкорыстнѣйшій изъ возможныхъ Журналистовъ — *Н. И. Гречъ* отозвался обо мнѣ весьма хорошо въ Современной Русской Библіографіи (3), извѣщая Публику о выходѣ въ свѣтъ Поэмы: *Сады или искусство украшать сельскіе виды*, соч. *Делиллемъ* и мною переведенной. Вотъ его слова: „Русской Публикѣ извѣ„стенъ сей удачный переводъ по отрывкамъ „его, которые помѣщались въ В. Е. Онъ весь„ма близокъ къ подлиннику, слогъ его чистъ, „правиленъ, во многихъ мѣстахъ возвышенъ, „вездѣ благороденъ и пріятенъ. Многіе стихи „прекрасны и могутъ спорить съ лучшими „въ описательномъ родѣ. Недостатки же его „происходятъ отъ самаго предмета Поэмы. „Будемъ откровенны: чѣмъ болѣе таланта и „искуства въ Переводчикѣ, тѣмъ болѣе дол„жно сожалѣть, что онъ для преложенія на „Русской языкъ избралъ именно сію Поэму."

Что скажете, *новичокъ*-Журналистъ? Вы требуете *Г. Булгарина*: сей часъ и его мнѣніе явится здѣсь въ краткой выпискѣ; прислушайте!

Въ No 21-мъ *Литературныхъ листковъ*, изд. на 1824 годъ, *Ѳаддей Венедиктовичъ* далъ нижеслѣдующій совѣтъ Гг. Издателямъ *Мнемозины*: „Лучше старайтесь не обгерманивать своихъ „фразъ безъ всякой нужды, какъ-то вамъ за-

(3) С. О. 1817, No 111, стр. 16.

„мѣтили *Г. Воейковъ* и *Г. С.*" — Видите, М. Г.! сами, *Ѳаддей Венедиктовичъ* полагаетъ, что *Воейковъ* можетъ дѣлать *полезныя замѣчанія* Читателямъ. Какъ же вы послѣ этаго хотите увѣрить вселенную, что *Воейковъ* плохой Критикъ?

Но если вамъ мало выше приведенныхъ доводовъ: то, не входя вдаль, приведу вамъ сильнѣйшее изъ No 22, стр. 111 тѣхъ же *Литер. Листковъ;* прислушайте! — „Должно замѣтить, „что при выходѣ въ свѣтъ *Мнемозины*, всѣ „вообще сужденія о ней были невыгодны. Въ „*Русскомъ Инвалидѣ осудили ее по достоинству.*"

Сдѣлаемъ силлогизмъ!

Посылка первая: кто умѣетъ осуждать книги по ихъ достоинству, того называютъ хорошимъ Критикомъ.

Посылка вторая: Г. Булгаринъ находитъ, что *Воейковъ* осудилъ *Мнемозину* по ея достоинству.

Заключеніе: Г. Воейковъ, по мнѣнію *Г. Булгарина* — хорошій Критикъ.

Что надлежало доказать!

Прощайте. Съ достодолжнымъ почтеніемъ, имѣю честь быть, и пр.

Ученое извѣстіе.

Знаменитый Издатель *Отечественныхъ Записокъ*, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *Павелъ Петровичъ Свиньинъ*, пріятно поразя себя въ слухъ и въ глаза (1), покушавъ въ здѣшней

(1) Отечеств. Записки 1828, No 96, стр. 179.

Столицѣ мороженаго и разныхъ прохладительныхъ напитковъ (2); отдавъ дань удивленія извѣстному произведенію *Доминикина* (3), собравъ самъ съ насъ дань удивленія (4), сообщивъ намъ за новость, что giraffe есть маленькая райская птичка (5), изволилъ отправиться въ Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую губерніи для Археологическихъ и Метеорологическихъ наблюденій.

---

(2) Отечеств. Записки 1828, № 96, стр. 184.

(3) Тамъ же, стр. 185.

(4) Тамъ же, стр. 178.

(5) Тамъ же, стр. 163. „Образчикъ новѣйшей матеріи á la giraffe, прелестнаго моднаго цвѣта райской птички.“ Это собственныя слова *П. П.* Въ самомъ же дѣлѣ, это огромное четвероногое животное, которое водится въ Африкѣ.

№ XXVI.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Военныя дѣйствія эскадры Контръ-Адмирала *Пустошкина* при Анапѣ, въ 1807 году.

Въ 1807 году, при началѣ войны съ Турціею, Россійская эскадра, ввѣренная начальству Контръ-Адмирала *Пустошкина*, получила отъ Главнаго Командира Черноморскаго Флота Адмирала *Маркиза Де-Траверсе* повелѣніе взять Анапу и раззорить ее такъ, чтобы ни Турки, ни Черкесы, ни другіе Горскіе народы долго не могли находить въ сей крѣпости надежнаго убѣжища.

Эскадру назначенную для взятія Анапы, составляли слѣдующіе военные корабли и суда:

110 пуш. лин. кор. Ратный, Кап. 1-го р. *Макшеевъ.*
110 — — — — — Яггудіилъ, Кап. 1-го р. *Мессеръ.*
74 — — — — — Правый, Кап. 1-го р *Твентъ.*
74 — — — — — Исидоръ, Кап. Ком. *Перскій.*
66 — — — — — Побѣда, Кап. 2-го р. *Ратмановъ.*
66 — — — — — Варахаилъ, Кап. 2-го р. *Сольковъ.*
44 пуш. фрегатъ Крѣпкій, Кап. 2-го р. *Патаніоти.*
40 — — — — — Назаретъ, Кап. 2-го р. *Перхуровъ.*
36 — — — — — Поспѣшный, Кап.-Лейт. *Гайтани.*
32 — — — — — Воинъ, Кап.-Лейт. *Подгаецкій.*
32 — — — — — Іоаннъ Златоустъ, Кап.-Лейт. *Велизари.*

10 пуш. Бриггъ Діана, Лейт. *Стожевскій.*
Брандеръ Рождество Христово Лейт. *Кумелась.*

Эскадра сія съ десантными войсками, состоявшими изъ 4-го морскаго полка, подъ начальствомъ *Г. М. Говорова*, вышла изъ Севастополя 8-го Апрѣля 1807 г. Флагъ Контръ-Адмирала *Пустошкина* развѣвался на кораблѣ Ратномъ. На другой день, 9-го Апрѣля, флотъ сей обогнулъ мысъ Херсонесъ и при попутномъ Западномъ вѣтрѣ продолжалъ плаваніе свое къ Анапѣ. Миновавъ мысъ *Св. Георгія*, городъ Балаклаву и мысъ Фіолентъ, встрѣтила она 10-го числа въ 6 часовъ утра сильный противный вѣтръ отъ Востока, коимъ, не взирая на всю опытность Капитановъ, искуство Офицеровъ и мѣры, принятыя командовавшимъ эскадрою, нѣкоторые корабли получили столь сильныя поврежденія, что Контръ-Адмиралъ *Пустошкинъ* былъ принужденъ возвратиться въ Севастополь, куда и прибылъ 13-го Апрѣля.

Съ 14-го по 19-е, эскадра занималась исправленіемъ своихъ поврежденій, а 20-го въ 10 часовъ утра, при благопріятномъ вѣтрѣ, вступила снова подъ паруса съ прибывшими къ ней изъ Николаева, подъ начальствомъ Лейтенанта *Критскаго*, пятью Канонерскими лодками. Къ сему плаванію флотъ былъ ослабленъ двумя линейными кораблями, Побѣдою и Правымъ, оставленными въ Севастополѣ; первый, по сдѣлавшейся весьма сильной течи, для килеванія; а второй, для постановленія новаго

бугшприта, вмѣсто изломаннаго бурею 10-го Апрѣля.

По утру 22-го соединился съ эскадрою 10 пуш. Бриггъ Елисавета, подъ начальствомъ Лейтенанта *Хомутова*, предварительно посыланный Адмираломъ *Де-Траверсе* для наблюденія за движеніями Турецкаго флота. Къ вечеру подулъ свѣжій Сѣверный вѣтръ, продолжавшійся до полуночи. Онымъ изорвало на Назаретѣ всѣ марсели и, хотя употреблено было все стараніе привязать новые и чрезъ то догнать эскадру, но наступившее маловѣтріе и противное теченіе въ томъ воспрепятствовали и принудили фрегатъ сей отстать отъ флота, съ которымъ онъ соединился уже 1-го Маія.

Апрѣля 27-го въ 7 часовъ вечера эскадра находилась въ семи верстахъ отъ Анапы и по причинѣ наступившей темноты, легла на якорь. Фрегатъ Воинъ и Бригъ Елисавета получили приказаніе для предосторожности со стороны непріятеля, лавировать въ виду эскадры и препятствовать уходу двухъ Турецкихъ купеческихъ судовъ, стоявшихъ на Анапскомъ рейдѣ.

На разсвѣтѣ 28-го, по сигналу съ флагманскаго корабля, эскадра снялась съ якоря и лавировала къ крѣпости. Въ 9 часовъ наступило маловѣтріе и принудило ее снова остановиться на якорѣ. Тогда командующій эскадрою отправилъ къ берегу Надвор. Совѣт. *Дандри*, для доставленія Анапскому Пашѣ слѣдующей прокламаціи.

*

От командующаго Россійскою эскадрою Контръ-Адмирала и Кавалера Пустошкина.

Гарнизону и всѣмъ жителямъ находящимся въ крѣпости Аналѣ.

Объявляется.

Вамъ уже должно быть извѣстно, что побѣдоносный Россійскій флотъ, бывшій въ Средиземномъ морѣ, также и Англійскій, прошедъ въ Дарданеллы, сильнымъ образомъ истребивъ находившуюся тамъ Турецкую эскадру изъ осьми линейныхъ военныхъ кораблей состоявшую, и вошедъ въ Мраморное море, стоитъ предъ самимъ Константинополемъ. Валахія и Молдавія и крѣпости: Акерманъ, Хотинъ, Бендеры и Килія безъ всякаго сопротивленія тамошнихъ Пашей и народа сдались войскамъ *Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Нашего* и получили уже должное возмездіе за свою добровольную покорность. Я, слѣдуя волѣ и желанію *Всемилостивѣйшаго Моего Монарха*, и повелѣнію вышняго начальства, прибывъ сюда, желаю чтобы и крѣпость Анапа безъ всякаго сопротивленія сдалась побѣдоносному сему отряду флота, состоящему подъ моимъ начальствомъ, съ десантнымъ въ большомъ количествѣ войскомъ для занятія и взятія оной. Надѣюсь что весь народъ, находящійся въ семъ городѣ, послѣдуетъ миролюбивому и покорному поступку вышеозначен-

ныхъ крѣпостей и предпочтетъ покориться добровольно флагу *Его Императорскаго Величества*, нежели приступить къ дѣйствіямъ непріязненнымъ и къ совершенному себя истребленію, какъ моремъ такъ и съ сухаго пути, откуда также сильныя войска уже стоятъ подъ Анапою, и тогда всѣ безъ изъятія преданы будутъ смерти безъ пощады. Совѣтую вамъ вспомнить прошедшее кровопролитіе, совершенное храбрыми нашими войсками за ваше упорство и склониться въ непродолжительномъ времени къ добровольной сдачѣ, по коей приняты будете со всякимъ человѣколюбіемъ, свойственнымъ *Нашему Монарху* и Его вѣрноподданнымъ, со всѣмъ имуществомъ вашимъ наслаждаясь спокойствіемъ и свободнымъ выборомъ, куда кто захочетъ слѣдовать. Хищные ваши сосѣди, въ такомъ случаѣ не только не будутъ васъ тревожить и презирать, но вы еще будете для нихъ страшны силою храбрыхъ нашихъ войскъ. Объявляя вамъ о семъ, ожидаю чрезъ четыре часа вашего отвѣта."

Надворный Совѣтникъ *Дандри*, приближась на катерѣ подъ переговорнымъ флагомъ къ берегу, просилъ стоявшихъ на ономъ Турокъ принять отъ него прокламацію и доставить Пашѣ. Ему отвѣчали, чтобы онъ самъ исполнилъ сіе порученіе. *Дандри* намѣренъ былъ отправиться въ крѣпость, но примѣтивъ, что за береговыми пригорками скрывались нѣсколько Черкесовъ, съ ружьями, догадался объ ихъ умыслѣ и поспѣшилъ возвратиться на эскадру.

По прибытіи его на корабль Ратный, вся эскадра снялась съ якоря и вступила подъ паруса, съ намѣреніемъ подойти къ крѣпости и открыть канонаду, но за стихнувшимъ вѣтромъ снова стала на якорѣ, расположась въ боевую линію. Фрегатъ Воинъ, находившійся передовымъ, получилъ приказаніе для открытія непріятельскихъ батарей, приближиться къ берегу сколько позволяла глубина, но едва подошелъ на разстояніе ближняго пушечнаго выстрѣла, какъ въ 5 часовъ вечера былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ. Ядра падали за фрегатъ на Кабельтовъ, но исправное дѣйствіе его Артиллеріи скоро принудило непріятеля замолчать. Между тѣмъ наступило совершенное безвѣтріе. Командующій эскадрою опасаясь, чтобы по причинѣ близкаго разстоянія отъ крѣпости, Воинъ не былъ поврежденъ ея выстрѣлами, приказалъ ему отойти назадъ, но какъ за наступившемъ штилемъ фрегатъ не могъ сего исполнить; то и былъ отбуксированъ посланными отъ кораблей гребными судами.

Въ 7 часовъ вечера Лейтенантъ *Стожевскій* извѣстилъ командующаго эскадрою, что Адмиралъ *Маркизъ Де-Траверсе* желая быть свидѣтелемъ атаки крѣпости, прибылъ на Бриггъ Діану. Контръ-Адмиралъ сдѣлавъ сигналъ, чтобы Командиры всѣхъ кораблей, фрегатовъ и прочихъ судовъ, собрались на корабль Ратный, самъ отправился съ рапортомъ къ Главному Командиру. По возвращеніи его, собранъ былъ Совѣтъ касательно атаки крѣпости, коимъ по-

ложено: на разсвѣтѣ высадить десантъ, эскадрѣ приближиться къ крѣпости и атаковать ее съ сухаго пути и съ моря.

Въ продолженіе ночи барказы, вооруженные 8-ми и 12-ти-фунтовыми пушками, безпокоили непріятеля выстрѣлами своихъ орудій, и не прекращали оныхъ, не взирая на открытый съ берега ружейный и пушечный огонь, дѣйствія котораго избѣгали, частою перемѣною своихъ мѣстъ. Перестрѣлка сія отвлекла вниманіе непріятеля отъ катеровъ, успѣвшихъ въ сіе время промѣрять глубину, такъ что эскадра находясь на сей счетъ въ безопасности, передъ разсвѣтомъ приближилась къ крѣпости на разстояніи почти пушечнаго выстрѣла.

На разсвѣтѣ 29-го, сигналомъ съ флагманскаго корабля велѣно было приготовить одинъ баталіонъ 4-го морскаго полка для высадки на берегъ. Въ 8 часовъ утра прибылъ на корабль Ратный Комендантъ крѣпости для переговоровъ. Контръ-Адмиралъ, по оказаніи ему весьма благосклоннаго пріема, объявилъ, что требуетъ отъ жителей Анапы добровольной сдачи крѣпости Россійской эскадрѣ, въ противномъ же случаѣ, заставитъ ихъ раскаяваться въ упорствѣ: ибо не окажетъ имъ ни малѣйшей пощады и совершенно разоритъ городъ. Комендантъ отвѣчалъ, что безъ согласія Паши и народа не смѣетъ ни на что рѣшиться и принявъ прокламацію, писанную на Россійскомъ, Турецкомъ и Греческомъ языкахъ, далъ обѣщаніе черезъ два часа возвратиться съ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Командующій эскадрою

имѣлъ справедливыя причины опасаться, чтобы срокъ сей не былъ только предлогомъ для выигранія времени, въ которое бы непріятель могъ принять свои мѣры. По симъ причинамъ и желая устрашить Коменданта, еще до оставленія имъ корабля, сигналомъ велѣно всей эскадрѣ верповаться ближе къ крѣпости, къ верпамъ положеннымъ еще ночью и лечь на шпрингъ и, въ то же время, пріуготовленный уже баталіонъ посадить на барказы и Канонерскія лодки и везти къ берегу по Сѣверовосточную сторону крѣпости, въ разстояніи трехъ верстъ отъ оной.

По прошествіи двухъ часовъ срока, назначеннаго Комендантомъ Анапы, Контръ-Адмиралъ *Пустошкинъ*, желая узнать намѣренія жителей, велѣлъ фрегату Воину, по легкости своей опередившему эскадру, подойти къ крѣпости ближе пушечнаго выстрѣла. По приближеніи фрегата обнаружилось расположеніе непріятелей, ибо они немедленно произвели на немъ выстрѣлы со всѣхъ крѣпостныхъ батарей, противъ него находившихся. Фрегатъ отвѣтствовалъ сильнымъ огнемъ. Въ то же время корабль Варахаилъ, бывшій передовымъ, по приказанію командующаго эскадрою снялся съ якоря подъ малыми парусами; подойдя ближе къ берегу, остановился на шпрингѣ и открылъ по крѣпостнымъ батареямъ самый жаркій огонь.

Между тѣмъ, какъ дѣйствія сіи производились со стороны самой эскадры, десантный баталіонъ съ своею Артиллеріею, не взирая

на сопротивленіе Черкесской конницы, собравшейся на берегу, вышелъ въ назначенномъ ему мѣстѣ и опрокинувъ непріятеля, подвигался къ крѣпости. Гребными судами начальствовалъ Капитанъ-Лейтенантъ *Масловъ*. При десантѣ находились: Шефъ 4-го морскаго полка *Г. М. Говоровъ* и Командиръ онаго Полковникъ *Бриммеръ* и собственнымъ примѣромъ ободряли солдатъ въ отраженіи Черкесовъ.

Контръ-Адмиралъ замѣтивъ, что дистанція, на которой находился корабль Варахаилъ позволяла ему стрѣлять брандскугелями, далъ на сіе немедленно приказаніе. Въ самое короткое время, успѣшными дѣйствіями сего огня, во многихъ мѣстахъ загорѣлось крѣпостное строеніе и обывательскіе домы. Между тѣмъ, корабль Ратный подошелъ къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ и лежа на шпрингѣ готовъ былъ открыть канонаду. Вмѣстѣ съ нимъ начали приближаться и прочіе корабли и суда эскадры.

Пожаръ, распространившійся въ городѣ отъ выстрѣловъ корабля Варахаила и грозное движеніе цѣлой эскадры, до того устрашили гарнизонъ, что Турецкіе Артиллеристы, бывшіе въ числѣ около трехъ сотъ человѣкъ, первые, прекративъ огонь своихъ орудій, кинулись изъ крѣпости, въ окружающія ее горы. Примѣру ихъ послѣдовали жители, и самые Паша и Комендантъ Анапы. Командующій эскадрою, замѣтивъ сіе движеніе жителей, сигналомъ велѣлъ десанту поспѣшать къ крѣпости для удерживанія бѣгущаго народа и про-

гнанія Черкесовъ, входившихъ въ городъ для расхищенія уцѣлѣвшаго имущества.

Въ то же время, какъ десантный баталіонъ, исполняя данное ему повелѣніе, форсированнымъ маршемъ приближался къ крѣпости, Командиръ фрегата Воина отправилъ для взятія двухъ купеческихъ судовъ, стоявшихъ у берега подъ Турецкими флагами, Мичмана *Невѣровскаго*. Офицеръ сей, овладѣвъ безпрепятственно однимъ изъ оныхъ и видя, что другое не можетъ избѣгнуть подобной участи, съѣхалъ на берегъ, взошелъ на одинъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ и поднявъ на ономъ Россійскій Кейзеръ-флагъ, остался защищать его съ шестью матросами. Толпа Черкесовъ, увидя Россійской флагъ, развѣвающимся на стѣнахъ крѣпости, поспѣшала къ сему мѣсту и слабый отрядъ Мичмана *Невѣровскаго* вѣрно бы сдѣлался жертвою ихъ усилій, естьли бы флагъ-Офицеръ при командующемъ эскадрою, Мичманъ *Юрьевъ*, посланный съ приказаніями на корабль Варахаилъ и фрегатъ Воинъ, не явился на помощь къ *Невѣровскому* съ 60-ю человѣками морскихъ солдатъ и матросовъ и не отразилъ непріятеля. Между тѣмъ, десантный баталіонъ, принужденный на всемъ пути своемъ отбиваться отъ Черкесъ, вошелъ въ Юго-восточныя и Южныя ворота крѣпости и занялъ оную. Атака крѣпости и отбиваніе Черкесъ продолжались два часа. По совершенномъ окончаніи дѣла, Адмиралъ *Маркизъ Де-Траверсе*, прибывшій въ сіе время на корабль Ратный, и командующій эскадрою отправились въ крѣ-

ность. Въ то же время, исправлявшій на эскадрѣ должность Кригсъ-Коммисара, Коммисаръ 9-го класса *Зернгаузенъ*, посланный для описи уцѣлѣвшихъ въ крѣпости казенныхъ вещей, овладѣлъ безъ всякаго сопротивленія еще не взятымъ Турецкимъ судномъ.

При осмотрѣ крѣпости, нашли въ оной 86 мѣдныхъ и 12 чугунныхъ пушекъ, 4.000 чугунныхъ и 400 мѣдныхъ ядеръ, 800 книпелей, 1.000 бомбъ, 300 картечь ввязанныхъ въ бумажные корпуса и перемѣшанныхъ съ дробью и 500 пудовъ пороха. Сверьхъ сего, 2.000 пудъ послѣдняго, находившіеся въ близи горѣвшихъ строеній, для избѣжанія взрыва были залиты водою. Дѣйствіе пожара, произведеннаго въ крѣпости огнемъ эскадры было ужасно: всѣ магазины, наполненныя солью, хлѣбомъ и разными другими припасами; три мечети и почти всѣ строенія, какъ казенныя, такъ и частныя, числомъ до полуторы тысячи, сдѣлались жертвою пламени. Изъ 4-хъ т. жителей, находившихся въ Анапѣ, только осьмнадцать Турокъ обоего пола и два Запорожца были захвачены въ крѣпости. Всѣ прочіе, или скрылись въ горахъ подъ прикрытіемъ Черкеской конницы, или погибли отъ страшнаго пожара. Два Турецкіе судна, стоявшія подъ Анапою, на коихъ взяты были въ плѣнъ одинъ Турокъ и девять Грековъ, не были богатыми призами: оба оныя, по приводѣ въ Севастополь, были оцѣнены и со всѣмъ грузомъ въ 9.500 руб.

Главный Командиръ Черноморскаго флота, изъявивъ Контръ-Адмиралу *Пустошкину* свою

признательность за распоряженія его при взятіи крѣпости, по утру 30-го Апрѣля пересѣлъ на бриггъ Діану и отправился въ Феодосію. Въ сей же день вечеромъ, командующій эскадрою узналъ что Паша Анапскій долженъ находиться въ 12-ти верстахъ отъ Анапы, въ мѣстечкѣ Багчегукъ, въ намѣреніи отплыть на прибывшемъ туда военномъ Турецкомъ суднѣ. Для взятія сего послѣдняго былъ отряженъ фрегатъ Воинъ, который въ полдень 1-го Мая и увидѣлъ дѣйствительно оное, но за густымъ туманомъ и штилемъ не могъ къ нему приближиться. На разсвѣтѣ 2-го числа по прочисткѣ тумана, увидѣли съ фрегата, что непріятельское судно стояло подъ парусами, въ готовности къ отплытію. Воинъ поспѣшилъ съ нимъ сблизиться, но когда сошелся на разстояніи пушечнаго выстрѣла, то непріятельской экипажъ, видя невозможность уйти отъ фрегата, подошелъ къ отмели и спустивъ гребныя суда, съѣхалъ на берегъ. Чрезъ нѣсколько минутъ судно занялось пламенемъ. Капитанъ-Лейтенантъ *Подгаецкій* примѣтивъ, что берегъ былъ усѣянъ вооруженнымъ народомъ и что за мысомъ стояли гребныя суда, не рѣшился подвергать своихъ людей опасности и, удовольствовавшись сожженіемъ непріятельскаго судна, возвратился къ эскадрѣ, Судно сіе было вооружено 14 пушками и послано изъ Константинополя съ разными военными припасами къ Анапѣ; увидѣвъ же у крѣпости Россійскую эскадру, поворотило

къ Суджукъ-Кале и, какъ предъ симъ сказано, было сожжено самими Турками.

Эскадра Контръ-Адмирала *Пустошкина* оставалась на Анапскомъ рейдѣ до 6-го Мая. Въ продолженіи сего времени перевозили на нее мѣдныя пушки и прочія годныя къ употребленію вещи. 4-й Морской полкъ и Канонерскія лодки, бывшія подъ начальствомъ Лейтенанта *Критскаго*, были ежедневно заняты отраженіемъ Черкесъ, многочисленными толпами подступавшихъ къ опустошенной крѣпости. Присланные изъ Николаева Генераломъ отъ Инфантеріи *Феншемъ* Піонеры закладывали и зажигали мины подъ крѣпостными стѣнами и главными строеніями; восемдесятъ колодцевъ были наполнены чугунными орудіями, излишними снарядами, и вообще всѣми вещами и припасами, коихъ эскадра не могла взять съ собою. Колодцы сіи также были подорваны и дѣйствіе пороха довершило разрушеніе, начатое пожаромъ. Въ теченіи пяти дней городъ превратился въ одни развалины. Перваго Мая соединился съ эскадрою, отставшій отъ нее фрегатъ Назаретъ а 3-го корабль Правый. Наконецъ 6-го числа, при попутномъ сѣверномъ вѣтрѣ, эскадра вступила подъ паруса и 12-го прибыла на Севастопольскій рейдъ, потерявъ во все время военныхъ дѣйствій подъ Анапою одного Офицера,— Прапорщика *Пелявскаго*, и четырехъ рядовыхъ изъ десантнаго войска.

До 1812 года Анапа оставалась во власти Русскихъ. Небольшой отрядъ сухопутнаго войска занялъ оную по отбытіи эскадры Контръ-

Адмирала *Пустошкина*, исправилъ поврежденныя части крѣпости и на южной сторонѣ оной устроилъ два равелина. Должно полагать, что если бы при заключеніи Бухарестскаго мира, Россія не была принуждена ограничить своихъ требованій близкимъ нашествіемъ *Императора Наполеона:* то Анапа, вѣроятно, не была бы возвращена Туркамъ. Оттоманская Порта знаетъ всю важность обладанія сею крѣпостію, откуда имѣетъ возможность снабжать военными потребностями Горскихъ народовъ и потому взятіе оной сопряжено съ немалыми затрудненіями, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи шестнадцати-лѣтняго мира, Правительство Турецкое имѣло время улучшить оборону Анапы и пріуготовить къ войнѣ окружающихъ ее Горцевъ.

А. Висковатовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ФЛИБУСТЬЕРЫ.

Историческая повѣсть изъ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія; соч. *Фанъ-деръ-Фельде.*

(*Продолженіе.*)

3.

У входа палатки встрѣтила его Госпожа *Бродели*, высокая, стройная женщина, въ рѣзкихъ чертахъ которой отражались минувшія бѣдствія.—„Вы вѣрно хотите видѣть спасенную вами дѣвушку, Господинъ *Монбаръ?*—спросила хозяйка ласковымъ голосомъ: она со слезами умоляла меня оставить ее въ уединеніи; но вы кажетесь мнѣ человѣкомъ честнымъ и степеннымъ, и потому васъ можно безъ зазрѣнія совѣсти отвести въ ея комнату. Вы уважите красоту, невинность и несчастіе. Сколько я замѣтила, эта дѣвушка обнаруживаетъ высокую степень образованности. Господь знаетъ, откуда сіи правильныя черты

получили отвратительный черный цвѣтъ.“ — Между тѣмъ, хозяйка привела его къ холстинной перегородкѣ, за которою находилась дѣвушка.

„Тише! она молится,“ — прошепталъ *Монбаръ* и кинжаломъ просверлилъ въ полотнѣ скважину, чтобы невидимо ее разсматривать. Благоговѣйно преклоняла она колѣна передъ образомъ Спасителя, прижимая чотки къ высокой груди; свѣтлые глаза ея, какъ два солнца, сіяли на черномъ лицѣ, на которомъ *Монбаръ*, сколько въ нее ни всматривался, не могъ найти ничего сходнаго съ Негритянками. Высокій, открытый лобъ, правильный носъ и прелестныя розовыя губы не имѣли ничего общаго съ безобразными чертами Негритянокъ. Не кудрявая шерсть, а черные длинные локоны роскошно упадали на плеча, строенъ и величественъ былъ ея станъ и одна только роскошная полнота и блестящіе, какъ жемчужины, зубы, казалось, принадлежали питомицѣ Африканскаго солнца. Долго стоялъ *Монбаръ*, смотря на молящуюся. Тревожнѣе становилось біеніе его сердца, пламеннѣе устремлялись взоры его на милое существо. Наконецъ, увлекла его буря страсти и онъ быстро вошелъ въ комнату.

— Избавитель мой! воскликнула благодарная дѣвица, и хотѣла броситься къ ногамъ его, но *Монбаръ* не допустилъ ее — и красавица припала къ волнующейся его груди. Свѣтлый взоръ ея говорилъ ему, что чувство благодарности обратилось въ другое, нѣжнѣйшее,

а страсть шепнула ему, что единственно отъ него зависитъ, самому сорвать сей прелестный цвѣтокъ, спасенный имъ отъ убійственнаго града. Но довѣренность, съ какою дѣвушка, вся любовь и покорность, лежала на груди его, обезоружила грубую чувственность. Нѣжно освободясь изъ ея объятій, сказалъ онъ твердымъ голосомъ: „Вы спасены, *Донна*, и на первый случай находитесь въ безопасности. Но, защитя васъ честнымъ боемъ, хочу обезпечить и вашу будущность. Повелѣвайте мною, скажите, куда отвезти васъ?“ —

— Ахъ! еслибъ я зависѣла только отъ своей воли! вскричала дѣвушка, устремя на него взоръ, исполненный любви, я сама рѣшила бы свою участь; но обязанность дочери, честь нашей благородной фамиліи, иначе располагаютъ мною; и потому, я добровольно отказываюсь отъ лучшаго блага жизни, чтобы заслужить его дѣтскою покорностію. Я не та, какою вамъ кажусь. Цвѣтъ лица моего не что иное, какъ маленькая хитрость, къ которой въ страхѣ прибѣгнула я, когда напали на насъ Корсеры *Фанъ-Горна*. Умоляю васъ, отвезите меня на островъ Сенъ-Доминго. Тамъ Губернаторъ щедро вознаградитъ васъ за мое спасеніе. —

„Что мнѣ до Испанца и до его золота, кровью обагреннаго?“ вскричалъ въ ужасномъ порывѣ врожденной ненависти къ Испанцамъ сынъ Истребителя: для тебя только я спасъ тебя! примолвилъ онъ смягченнымъ голосомъ, „отъ тебя одной ожидаю благодарности. Дай

мнѣ поцѣлуй по собственному, свободному ко мнѣ расположенію. Если судьба разлучитъ насъ; то, по крайней мѣрѣ, сердце мое будетъ услаждаться воспоминаніемъ, до тѣхъ поръ, пока навсегда остановится его мятежное біеніе!" — Тутъ красавица припала къ груди его и пламенный поцѣлуй долго горѣлъ на устахъ *Монбара*. Потомъ, она быстро вырвалась изъ его объятій, и стыдливо закрывъ лице, дала ему знакъ рукою, чтобы онъ удалился.

„Да защититъ тебя Господь, моя милая!" говорилъ запинаясь юноша: я сдержу свое слово, и, чтобы сдержать его, я съ тобою болѣе не увижуся."

Въ ближайшей Гостинницѣ, гдѣ *Торо* и *Бродели* дружески бесѣдовали за бутылкою вина, *Монбаръ* опомнился; здѣсь представился ему удобный случай, исполнить обѣтъ, данный дѣвушкѣ. Онъ обратился къ старому *Бродели*, прося его, чтобы онъ ссудилъ его надежною лодкою, для перевоза мнимой Африканки на островъ Сенъ-Доминго. Ненавистникъ женщинъ, *Торо*, находилъ эту просьбу весьма разумною, и *Бродели* съ радостію согласился въ угодность своему старому другу. *Монбаръ* видѣлъ, какъ снаряжали лодку къ отплытію, поручилъ дѣвушку попеченію штурмана, и когда сей пошелъ за красавицею въ палатку *Бродели*, юноша съ глубокимъ вздохомъ побрелъ въ гавань, гдѣ стояла на якорѣ разбойничья флотилія *Фанъ-Горна*. Тамъ пиръ былъ горою. Корабли пестрѣли отъ разноцвѣтныхъ ширинокъ и флаговъ; экипажъ, щеголяя въ празд-

ничныхъ кафтанахъ, при радостныхъ восклицаніяхъ, при торжественныхъ звукахъ трубъ и литавръ, осушалъ на декахъ кипящіе виномъ покалы, и отъ времени до времени залпы изъ тяжелыхъ орудій возвѣщали тосты, провозглашаемые на Адмиральскомъ кораблѣ.

„Что за праздникъ?" спросилъ *Монбаръ* Флибустьера, который на берегу стоялъ на часахъ у добычи, выгруженной изъ взятаго галліона.

— И вы этаго не знаете? возразилъ часовой. Великій *Моргаиъ* пріѣхалъ и теперь гоститъ на нашемъ Адмиральскомъ кораблѣ. —

„Кто этотъ великій *Моргаиъ*?" спросилъ опять *Монбаръ*, не будучи удовлетворенъ симъ отвѣтомъ.

— Не уже ли вы этаго не знаете!—вскричалъ удивленный часовой, не ужь ли вы никогда не слыхали о великомъ *Моргаиѣ*? Объ этомъ непобѣдимомъ героѣ, котораго по справедливости можно назвать Царемъ Пиратовъ, который при Пуэрто-ель-Принципѣ, и Портобеллѣ, и Маракаибѣ и Гибралтарѣ пріобрѣлъ себѣ безсмертное имя? —

„Я очень радъ съ нимъ познакомиться!" прервалъ *Монбаръ* похвальное слово Пирата въ самомъ началѣ, прыгнулъ въ лодку, которая стояла на берегу и поплылъ къ Адмиральскому кораблю. Въ каютѣ засталъ онъ *Фанъ-Горна* въ важныхъ разговорахъ съ высокимъ мущиною, наружность коего была и страшна и привлекательна. Величіе и ледяное хладнокровіе изображались на высокомъ, открытомъ челѣ,

мужество и хитрость сверкали въ быстромъ взорѣ, и въ то же время на устахъ сіяла пріятная улыбка, въ которой однакожъ, при строгомъ наблюденіи, открывалось что-то коварное. *Фанъ-Горнъ*, замѣтивъ юношу, который сложивъ руки, неподвижнымъ взоромъ разсматривалъ необыкновеннаго человѣка, представилъ его *Моргану*, какъ храбраго сына Истребителя. Испытующій взоръ вперилъ на него верховный Пиратъ, и потомъ сказалъ торжественнымъ и вмѣстѣ ласковымъ голосомъ: Сердечно радуюсь, что теперь, по милости моего Монарха, я въ состояніи, за знаменитыя заслуги Героя-отца, достойно наградить Героя-сына. Я опредѣляю васъ Капитаномъ корабля на мой флотъ и надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ служить на эскадрѣ бѣлаго флага, которою будетъ командовать нашъ общій пріятель *Фанъ-Горнъ*. Мой Секретарь вручитъ вамъ патентъ.“—*Монбаръ*, который сей офиціяльно-гордый тонъ не могъ согласить съ ремесломъ *Моргана*, стоялъ, какъ вкопанный отъ изумленія, и не могъ вымолвить ни слова. *Фанъ-Горнъ*, замѣтивъ его недоумѣніе, сказалъ: вы еще вѣрно не знаете, что Король Великобританскій наименовалъ нашего героя *Моргана* Генералъ-Адмираломъ огромнаго Волонтернаго флота противъ Испаніи, съ полномочіемъ, самому набирать для себя Офицеровъ. — Тутъ *Монбаръ* смекнулъ, что здѣсь рѣчь идетъ о дозволенномъ законами войны перехватываніи судовъ и высадкѣ на берега; онъ поблагодарилъ Генералъ-Адмирала за честь, ему оказанную,

и звонко загремѣли покалы за здоровье новаго Капитана и за успѣхъ Экспедиціи, которая снаряжалась противъ Панамы, между тѣмъ, какъ мысли молодаго человѣка, на крыльяхъ любви летѣли черезъ море къ Испаньйолѣ.

4.

Наступило утро. Еще ночью *Морганъ* отплылъ въ Ямайку, гдѣ ждалъ его флотъ Англійскихъ флибустьеровъ. *Фанъ-Горнъ* представилъ новаго Капитана экипажу, который съ восторгомъ встрѣтилъ сына знаменитаго *Монбара—Истребителя.*

— Вашъ корабль не великъ, сказалъ Адмиралъ, указывая на большую, открытую шлюпку, которая вовсе не заслуживала названія корабля; теперь ваше дѣло, заботиться о лучшей квартирѣ, взять какъ можно скорѣе Испанскій бригъ и расположиться на немъ покойнѣе.—Онъ ушелъ, а *Монбаръ*, желая проститься съ дядею, направилъ путь къ палаткѣ *Бродели*, которую только-что сняли. Тамъ засталъ онъ сильный отрядъ буканьеровъ, которые, будучи одѣты въ алые кафтаны, съ примкнутыми къ ногѣ мушкетонами, поставлены были въ двѣ ширенги для смотра. *Торо*, стоявшій передъ фронтомъ, весело вскричалъ своему племяннику: „Ты хочешь со мною проститься, Капитанъ? это не нужно: я самъ ѣду въ Панаму.“—Вопрошающимъ взоромъ смотрѣлъ *Монбаръ* на старца, но сей весело продолжалъ: „Ты, кажется мнѣ, въ большомъ не-

доумѣніи. Мнѣ это яснѣе дня. Богъ свидѣтель, что я радъ до конца дней моихъ сидѣть на моемъ любезномъ островѣ Байагѣ, но Испанцы этого не хотятъ. За то, что мы имъ не поддаемся, они истребляютъ бѣдныхъ быковъ, составляющихъ нашъ единственный промыслъ; вотъ эти славные люди почти всѣ съ Испаньйолы, гдѣ со времени послѣдней огромной травли не реветъ уже въ лѣсу ни одинъ быкъ. Имъ оставалось только умереть съ голоду, или удалиться. И поелику Испанія никакъ не терпитъ буканьеровъ на сушѣ: то они рѣшились испытать свое счастіе на морѣ, и выбрали меня своимъ начальникомъ. И такъ, мы будемъ сражаться вмѣстѣ, любезный племянникъ! Это меня сердечно радуетъ." — Искренно пожали они другъ другу руку. Тутъ грянулъ съ Адмиральскаго корабля первый выстрѣлъ въ знакъ скораго отплытія, и *Монбаръ* поспѣшилъ въ гавань, къ которой только-что присталъ *Броделісвъ* Штурманъ, возвратившійся съ Испаньйолы. Онъ подалъ незапечатанную записку *Монбару*, который съ удивленіемъ прочиталъ въ ней слѣдующее:

„*Донъ-Алонзо-Іосифъ-Яго-Бенальказаръ*, его Католическаго Величества, Короля Испанскаго, нашего Августѣйшаго Монарха, Губернаторъ Испаньйолы и окрестныхъ острововъ, Грандъ Испаніи и Кавалеръ Ордена золотаго Руна, морскому разбойнику *Монбару*. Врожденное великодушіе Испанца уважаетъ великодушіе всюду, гдѣ бы онъ ни находилъ его. На островахъ Байагѣ и Тортугѣ ты спасъ моихъ дѣтей

отъ смерти, отъ посрамленія, и отринулъ всякую награду. Но Испанскому Вельможѣ неприлично оставаться въ долгу у людей такова разбора, какъ ты. Въ этой грамотѣ дано тебѣ мое Рыцарское слово исполнить двѣ твои просьбы, если только не будутъ онѣ противны Богу и Королю, нашему Августѣйшему Монарху. Я умоляю Святаго *Яго*, да сократитъ Онъ, въ возмездіе за все добро, оказанное тобою моей фамиліи, скорою кровавою смертію твои преступленія и, жестокою казнію очистивъ твою душу отъ тяжкихъ грѣховъ, да примиритъ тебя съ небомъ и землею. Аминь."

Монбаръ все еще стоялъ въ недоумѣніи, не зная: сердиться ли ему на сію забавную благодарственную грамоту или радоваться. Нечаянно взглянувъ на край записки, онъ замѣтилъ слѣдующія слова, тщательно написанныя женскимъ почеркомъ:

„Здѣсь и тамъ молится за тебя признательная *Марія*."

Съ горячностію прижалъ онъ бумагу къ устамъ своимъ, и въ ту самую минуту грянулъ второй призывный выстрѣлъ. На флотѣ *Фанъ-Горна* подняли паруса; неся въ нѣдрахъ своихъ гибель многихъ тысячь людей, онъ быстро помчался по пѣнящемуся морю.

На высотѣ Ямайки соединились корабли Французскихъ и Англійскихъ Пиратовъ. Вся армада, которою когда-либо Флибустьеръ командовалъ въ Вестъ-Индскихъ моряхъ, состояла изъ тридцати семи судовъ, снабженныхъ тяжелыми орудіями. Двѣ тысячи во-

оруженныхъ воиновъ, не считая матросовъ и другихъ корабельныхъ служителей, составляли экипажъ. На кораблѣ главнокомандующаго Адмирала развѣвался Великобританскій флагъ. Тамъ собрался Военный Совѣтъ для подписанія обоюдныхъ условій трактата. Съ стѣсненнымъ сердцемъ присягнулъ и *Монбаръ* въ вѣрности Королю Англійскому и въ безусловномъ повиновеніи гордому *Моргану*. Еще четыре флибустьера произведены въ Адмиралы, въ томъ числѣ и *Бродели*, подъ начальствомъ коего состоялъ *Торо*. Корабль *Монбара* причисленъ къ сей эскадрѣ: онъ имѣлъ удовольствіе, сдѣлать свою первую кампанію подъ надзоромъ храбраго дяди. *Бродели* дано порученіе запасти весь флотъ провіантомъ; онъ снялся съ якоря и поплылъ къ твердой землѣ, съ намѣреніемъ сдѣлать высадку при устьѣ рѣки Ла-Гахи. Послѣднее зарево заходящаго солнца погасало, какъ вдругъ бѣлый парусъ всплылъ изъ синяго Океана. Съ Адмиральскаго корабля данъ знакъ шлюпкѣ *Монбара* приближиться — и *Бродели* вскричалъ ему съ обычнымъ лаконизмомъ: „Вотъ Испанскій фрегатъ, пересядьте въ него, Капитанъ; вамъ стыдно плавать въ вашемъ корытѣ!“

—Исполню, Господинъ Адмиралъ! съ восторгомъ отвѣчалъ *Монбаръ*; велѣлъ на палубѣ собраться экипажу, и сказалъ: если Испанскій фрегатъ снабженъ войскомъ соразмѣрно его величинѣ: то на немъ до двухъ сотъ человѣкъ, а насъ только двадцать восемь. Но у насъ

нѣтъ корабля; клянитесь мнѣ, взять его, или умереть. —

Съ дико-радостнымъ воплемъ поклялись Пираты. Вѣтръ былъ попутный, и когда ночь чернымъ покровомъ одѣла море, они сцѣпились съ фрегатомъ. Въ глубокой тишинѣ прикрѣпили веревочныя лѣстницы — и *Монбаръ*, въ силу клятвы, велѣлъ въ разныхъ мѣстахъ просверлить свое судно, такъ, что оно со всѣмъ снарядомъ погрузилось въ море, почти подъ ногами идущихъ на приступъ, которые, будучи вооружены только саблями и пистолетами, начали карабкаться на непріятельскій корабль. Прежде нежели Испанскій сонный часовый успѣлъ очнуться и закричать: *кто идетъ!* Онъ уже былъ сброшенъ въ море. Тогда началась ужасная сѣча, въ которой презрѣніе смерти вскорѣ восторжествовало надъ множествомъ. Кто изъ непріятелей сопротивлялся: тотъ немедленно былъ изрубленъ. Быстро ворвался *Монбаръ* въ каюту Капитана, который въ сіе самое время безпечно игралъ съ своими Офицерами въ карты. — „Вы проиграли игру!“ — вскричалъ ему *Монбаръ* съ насмѣшкою, въ залогъ вѣрнаго платежа требую вашей шпаги.“ —

— Откуда сорвался этотъ сумашедшій? — вскричалъ Капитанъ, вскочивъ, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ Офицеры обнажили шпаги.

„Вашу шпагу!“ повторилъ ему *Монбаръ* грознымъ голосомъ, и съ саблею бросился на враговъ. Но поскользнулся и упалъ навзничь; проворно вскочилъ на него ближайшій Лейтенантъ, чтобы заколоть его шпагою. *Монбаръ*,

лежа на полу, схватилъ его за мундиръ, и богатырскими руками черезъ колѣно переломилъ ему вооруженную руку. Заревѣвъ отъ жестокой боли, изувѣченный Испанецъ отступилъ крича: „это Сатана, а не человѣкъ!“ — Нѣтъ, это не люди! воскликнулъ перекрестясь Испанскій Унтеръ-Офицеръ, который съ окровавленною головою вошелъ въ каюту. Дьяволы выскочили изъ воды: ибо нигдѣ не видно корабля, на которомъ они пріѣхали. Мы положили оружіе, и совѣтуемъ вамъ, Господа, послѣдовать нашему примѣру.

Офицеры, пораженные тѣмъ, что видѣли и слышали, сдались отчаянно-храброму *Монбару*, который обошелся съ ними отмѣнно ласково и потомъ спросилъ: „какъ называется корабль мною завоеванный?“—*Маріею*, Сеньйоръ! отвѣчалъ Капитанъ, подавая ему шпагу съ Рыцарскою осанкою. Никто не владѣлъ до сихъ поръ ни моею шпагою, ни моею *Маріею:* вы можете поздравить себя съ завоеваніемъ благородной Испанской дѣвицы. —

„*Марія!*“ повторилъ *Монбаръ*, и въ сердцѣ его ожили сладостныя воспоминанія: „*Марія*, благородная Испанская дѣвица! да будетъ сія побѣда символомъ счастливой будущности!“

Взятіемъ сего фрегата открылся Англійскимъ Пиратамъ входъ въ устье Ла-Гахи; безпрепятственно могли они пристать къ берегу. Между тѣмъ, какъ *Торо* съ своими буканьерами очищалъ отъ дикихъ быковъ лѣсистые берега *Св. Марѳы*, Флибустьеры осаждали укрѣпленный городъ Ла-Ранхерію. Не смотря на

храбрый отпоръ гарнизона и жителей, вскорѣ водруженъ на городскихъ стѣнахъ кровавый флагъ Пиратовъ. Но когда городъ преданъ грабежу, когда всѣ фуріи войны нахлынули на злополучныхъ Испанцевъ; тогда юный Герой почувствовалъ въ сердцѣ первое угрызеніе совѣсти. Вездѣ, куда только досягала рука его, бросался онъ между палачами и жертвами, и наконецъ употребилъ свое вліяніе на стараго, неукротимаго *Бродели*, для отвращенія отъ несчастнаго города конечнаго разрушенія, коимъ угрожали ему зажигательные факелы флибустьеровъ. Избѣгнувшіе гибели граждане должны были выкупить себя и разграбленные домы огромнымъ грузомъ пшеницы, и радостныя восклицанія армады встрѣтили флотилію Адмирала *Бродели*, когда изъ сей, столь счастливо оконченной экспедиціи возвратилась она въ Ямайку. На палубѣ Адмиральскаго корабля, въ виду цѣлаго флота, *Морганъ* обнялъ *Бродели*, *Монбара* и *Торо*, отдалъ имъ всю добычу, кровью обагренную, и одни только съѣстные припасы раздѣлилъ между экипажемъ. Грустно сидѣлъ *Монбаръ* у руля, когда набитые богатою добычею ящики поднимали на фрегатъ *Марію*. Душа его видѣла кровь и слезы, коими они были облиты; растроганный до глубины сердца, онъ глазами искалъ на пространной равнинѣ водъ того пункта, въ направленіи коего находилась Испаньйола, и горестно вздохнувъ сказалъ: „Нѣтъ, я недостоинъ этаго Ангела!“ —

Армада снялась съ якоря. Ближайшая цѣль ея былъ островъ *Св. Екатерины*, мѣсто заточенія Испанскихъ преступниковъ, изъ коихъ *Моргань* намѣренъ былъ избрать себѣ вожатыхъ для перехода черезъ опасный Даріенскій перешеекъ. Онъ высадилъ на берегъ около тысячи вооруженныхъ солдатъ и отправилъ впередъ Адмирала *Бродели* съ приказаніемъ, требовать у Испанскаго Губернатора сдачи города. Въ полночь возвратился сей уполномоченный, его сопровождалъ человѣкъ, закутанный въ широкій плащъ. Это былъ Губернаторъ. Сей робкій Вельможа, напуганный молвою о свирѣпости Пиратовъ и словами *Бродели*, который угрожалъ ему, что при малѣйшемъ замедленіи сдачи, все предастъ огню и мечу, согласился на всѣ его требованія. Но чтобы спасти честь гарнизона, условились сражаться только для виду. Съ разбойничьихъ кораблей и цитаделей страшно отпаливались изъ тяжелыхъ орудій, но холостыми зарядами. Губернаторъ, въ силу уговора, сдался въ плѣнъ въ то время, когда изъ крѣпостцы *Св. Іеронима* переѣзжалъ спастись въ другую. Изъ этаго произошелъ мнимый безпорядокъ. Между тѣмъ, при безпрестанной пальбѣ съ обѣихъ сторонъ, преважно разыгрывалась забавная комедія; всѣ крѣпостцы острова, числомъ до десяти, одна за другою взяты приступомъ, и ни одинъ человѣкъ не убитъ и не раненъ.

Пираты торжествовали; устрашенные жители заперты въ крѣпостцу *Св. Терезы*, флотъ обильно снабженъ провіантомъ и военными

припасами. Трое изъ Испанскихъ ссылочныхъ выбраны въ вожатые; имъ, по возвращеніи, обѣщана свобода и часть добычи. Адмиралу *Бродели* дано опасное порученіе, съ эскадрою пуститься впередъ и взять крѣпостцу *Св. Лаврентія*, стоящую на рѣкѣ Хагерѣ. Онъ повиновался. На крутой горѣ, при устьѣ означенной рѣки, грозно возвышалась сія цитадель, почти со всѣхъ сторонъ, совершенно неприступная. Съ обыкновенною своею неустрашимостію, *Бродели* высадилъ своихъ людей на берегъ. Подъ главнымъ начальствомъ его, *Торо* командовалъ Буканьерами, *Монбаръ* Флибустьерами и — начался приступъ. Ядра, пули и ядовитыя стрѣлы Индѣйцевъ страшно опустошали ряды штурмующихъ Пиратовъ, мужество коихъ въ первый разъ поколебалось. Ядромъ оторвало храброму *Бродели* обѣ ноги, но онъ, распростертый на землѣ и плавая въ крови, съ непоколебимымъ мужествомъ продолжалъ командовать, и *Торо*, разъяренный потерею друга, приказалъ своимъ Буканьерамъ, вмѣсто пуль, зарядить ружья шомполами, обвитыми въ хлопчатую бумагу. Съ ужасною быстротою оказалось жестокое дѣйствіе. Домы, по большой части деревянные и покрытые пальмовыми листьями, мгновенно загорѣлись. Пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ. Наступила ночь; Испанцы заняты были тушеніемъ пожара, и тогда-то *Монбаръ* повелъ свою дружину на новый приступъ. Зажгли палисады; рыхлая земля обрушилась и засыпала рвы. Еще мужественно оборонялись

Испанцы, предводительствуемые своимъ Комендантомъ, который сражался съ неустрашимостію истиннаго Римлянина. Тщетно *Монбаръ* кричалъ ему, чтобы онъ сдался: онъ отвѣтствовалъ новыми залпами. Но сабля юнаго Героя повергла его во мракъ смерти. Остатокъ гарнизона, видя паденіе своего начальника, положилъ оружіе, и храбрый изувѣченный *Бродели* на плечахъ своихъ сподвижниковъ, съ торжествомъ внесенъ сквозь проломъ въ крѣпостцу, столь дорогою цѣною купленную.

Утренняя заря освѣтила Пиратскую Армаду, на всѣхъ парусахъ входившую въ устье Хагера. *Морганъ*, восхищенный столь скорою и рѣшительною побѣдою, поспѣшилъ въ крѣпостцу, и почтивъ своимъ посѣщеніемъ израненнаго *Бродели*, призвалъ *Монбара* въ боковую комнату и сказалъ ему ласковымъ голосомъ: „молодой человѣкъ! вы хотите затмить славу своего родителя собственными подвигами. Военачальникъ обязанъ наградить васъ за все то, что вы сдѣлали и еще намѣрены сдѣлать для общей нашей пользы. Я назначаю васъ преемникомъ *Бродели*, и поелику новому Адмиралу въ сухопутномъ походѣ почти нечего дѣлать: то я избралъ васъ для другаго, важнѣйшаго предпріятія, которое требуетъ не столько воинской храбрости сколько прозорливости и благоразумія. Вы уже вызнали о цѣли нашего похода въ Панаму и о томъ, что Верховный Намѣстникъ собираетъ противъ насъ сильное войско. Весь успѣхъ нашей

экспедиціи зависитъ единственно отъ того, чтобы въ точности узнать расположеніе жителей и какія взяты противъ насъ оборонительныя мѣры. Для этаго мнѣ нуженъ человѣкъ, столь же прозорливый и вѣрный, сколько неустрашимый: я выбралъ васъ! —

„Меня?" — спросилъ запинаясь *Монбаръ*, который въ глубинѣ сердца презиралъ должность лазутчика; вы забываете, Адмиралъ, что кромѣ выхваляемыхъ вами качествъ еще нужна къ тому опытность, которой совершенно недостаетъ у меня въ семъ ремеслѣ."

— Вы имѣете другое достоинство, въ полной мѣрѣ вознаграждающее опытность, прервалъ его *Моргань*: я замѣтилъ, что вы безкорыстны; у всѣхъ другихъ моихъ подчиненныхъ души продажныя; вся разность между ними въ цѣнѣ, увѣрьте ихъ, что имъ выгоднѣе служить у Испанцевъ, нежели у меня — и они въ состояніи предать меня со всею Армадою въ руки непріятелей. —

„Если столь зыбки основы вашей власти, Г. Адмиралъ, то искренно о васъ сожалѣю," — сказалъ *Монбаръ*, который съ внутреннимъ содроганіемъ почувствовалъ, какого общества онъ сдѣлался членомъ.

— Не многіе, продолжалъ *Моргань*, холодно расчитывая, за которыхъ я могу ручаться, носятъ на лицѣ клеймо ремесла, сдѣлавшагося для нихъ другою Природою, и сія печать необузданной, бурной жизни не вселяетъ довѣренности. Ваше лице еще чисто. Оно выражаетъ неутолимую жажду боя, которая ни-

чего не испортитъ; но когти другихъ фурій — страстей еще не исказили вашего лица: вы одни способны выполнить мое порученіе. —

„Какъ? вскричалъ *Монбаръ*, забываясь: вы хотите чтобы я сими чертами, кои Богъ напечатлѣлъ на лицѣ моемъ, и которыя даже между вами умѣлъ я сохранить въ чистотѣ, обманывалъ и губилъ ближнихъ? Нѣтъ, *Морганъ!* хотя они Испанцы, но этаго я не сдѣлаю."

— Вы это сдѣлаете въ личное мнѣ одолженіе, Господинъ Адмиралъ! возразилъ *Морганъ* съ насмѣшливою учтивостію; я привыкъ, чтобы мнѣ безпрекословно повиновались, и въ случаѣ нужды умѣю заставить повиноваться.—

„Я присягнулъ вамъ, какъ воинъ чести сражаться, а не быть гнуснымъ шпіономъ!" сказалъ съ упрекомъ разгоряченный *Монбаръ*, я рѣшительно отъ этаго отказываюсь.

Страшная, сардоническая усмѣшка исказила уста *Моргана*, и убійственный взоръ его, какъ молнія, сверкнулъ *Монбару*; кровь у него остыла въ жилахъ.—Станемъ говорить тише; замѣтилъ ему *Морганъ* свирѣпо; бѣда, если мои флибустьеры, услышатъ нашъ разговоръ; они станутъ громко хохотать надъ жалкимъ защитникомъ чести. —

Развѣ вы забыли, кто *Морганъ?* Вижу что вы его еще не знаете!—Бойтесь на свой счетъ узнать его, молодой человѣкъ! страшитесь моего гнѣва. Мы здѣсь одни, и не станемъ долго разсыпать отборныя кудрявыя слова. Я очень хорошо знаю, что по службѣ не могу

васъ принудить ѣхать въ Панаму на головоломное предпріятіе; но чтобы принудить васъ, у меня тысяча другихъ средствъ въ рукахъ. Скажите: *да*, и получите нужное наставленіе и уполномоченіе, и въ такомъ случаѣ отправитесь еще сегодня; скажите: *нѣтъ*, и въ вашихъ сундукахъ и въ шкатулкахъ вашего дяди, мои приверженцы, по моему приказанію, найдутъ драгоцѣнности, которыя, по моей волѣ, вы украли изъ добычи, пріобрѣтенной въ крѣпостцахъ. Я отдамъ васъ обоихъ подъ судъ. Тогда, вѣрнѣе, чѣмъ дважды два четыре, что старый, вспыльчивый *Торо* въ досадѣ забудется противъ меня. Я велю его разстрѣлять, а васъ маронировать, какъ вора, уличеннаго въ кражѣ общественнаго имущества. Выбирайте! —

Нѣсколько секундъ стоялъ *Монбаръ*, какъ вкопанный, смотря на гнуснаго злодѣя, потомъ въ быстромъ волненіи сердца выхватилъ изъ-подъ пояса кинжалъ, и мощною рукою вонзилъ его въ грудь *Моргана*. Но сталь переломилась, и *Моргана* сказалъ улыбаясь: вы не знали, что я ношу подъ платьемъ латы. Я прощаю вамъ даже и это покушеніе, потому что вы мнѣ нужны; но теперь повинуйтесь и не забудьте, что жизнь вашего дяди отвѣтствуетъ мнѣ за вашу вѣрность.

Монбаръ, сраженный своимъ постыднымъ поступкомъ, тронутый до глубины сердца великодушіемъ *Моргана*, и самъ себя возненавидя, взялъ бумаги изъ рукъ своего военa-

чальника и безъ памяти бросился вонъ изъ комнаты.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ЭЛЕГІЯ.

Во дни моей безпечной младости
Сулило Небо счастье мнѣ;
Тогда и я зналъ жизни радости!
Но ужь умчалися онѣ!
Что было прежде утѣшеніемъ,
Что я любилъ, чѣмъ я дышалъ,
Все въ жизни взято Провидѣніемъ,
Все я на вѣки потерялъ.
Теперь, увы! печаль, мученіе
Я осужденъ въ сей жизни знать!
Творецъ! услышь мое моленіе:
Прости, дерзнувшаго роптать
И низпошли душѣ терпѣніе:
Жить безъ надежды и страдать;
Иль въ гробъ сведи: со мной мученіе
Въ немъ непробудно будетъ спать!

Н. Богаевской.

2.

В Ѣ Р Ю.

Друзей я вѣрю доброхотству,
И безпристрастію Пашей,
Подьячихъ вѣрю благородству,
Я вѣрю вѣрѣ всѣхъ Ханжей.

* * *

Познаньямъ вѣрю Журналистовъ,
Дервишскихъ нравовъ чистотѣ,
Я вѣрю чести дуэлистовъ,
Старушекъ вѣрю красотѣ.

* * *

И какъ мнѣ этому не вѣрить,
Повѣря Лилѣ, что она,
Въ любви не зная лицемѣрить,
Мнѣ ввѣкъ останется вѣрна!

М. Яковлевъ.

СМѢСЬ.

Двѣ Русскія пословицы.

I.

Съ кѣмъ поведешся, того и наберешся.

Прочитавъ въ недавновышедшей книжкѣ одного Журнала слѣдующій отзывъ о *Славянинѣ:* „Такъ Журнальный Сыщикъ отыгрался „въ прошломъ году отъ *Славянина* общими мѣ„стами, и на его душѣ грѣхъ, если этотъ „Журналъ выписалъ кто нибудь, не разобрав„ши того, что можетъ быть, только одна „учтивость принудила Сыщика говорить въ „полголоса, когда надобно бы ему говорить „яснѣе о достоинствахъ *Славянина.*" — Я долго ломалъ себѣ голову, желая вспомнить, гдѣ прежде читалъ я подобное отреченіе отъ собственныхъ словъ? По храбрости, съ какою Авторъ сихъ строкъ публично признается въ томъ, что онъ поступаетъ иногда противъ совѣсти, я видѣлъ тутъ явное подражаніе *Г-ну Булгарину.* Наконецъ, мнѣ вспало на умъ пересмотрѣть *Литературные Листки* — и какъ разъ въ No 21-мъ 1824 г. сихъ листковъ — нашелъ я подлинникъ. Въ немъ *Ѳ. В. Булгаринъ* сознался, что хвалилъ *Мнемозину*, желая дать ей ходъ. „Признаюсь въ винѣ моей передъ Публикою, смиренно говоритъ онъ — которая

должна приписать отступленіе мое отъ истины моему нелицемѣрному желанію поддержать новорождающееся дитя.“ — *Съ кѣмъ поведешся, того и наберешся!* сказалъ я.

Видя во многихъ книжкахъ другаго Журнала Русскія буквы (1), выступающія колоннами на поле битвы оборонять Издателя, или нападать на его непріятелей: „Давнишняя уловка Издателей *Сѣв. Пчелы*, въ которой Издатель *М. Т.* давно уже уличилъ ихъ, вскричалъ я, *съ кѣмъ поведешся, того и наберешся!*“

Замѣтивъ, съ недавняго времени, въ одномъ современномъ Русскомъ Изданіи неуваженіе заслугъ, лѣтъ, достоинствъ, равенство, съ коимъ Издатель трактуетъ и извѣстнаго въ Ученомъ свѣтѣ полезными твореніями Литератора, и мальчика, только что вышедшаго изъ школы; смотря съ негодованіемъ на свободу, которую даетъ онъ своему языку въ приговорахъ книгамъ превосходнымъ и ничтожнымъ книженочкамъ: „Старая пѣсня, подумалъ я про себя, закрывая No 7 сего, прежде столь благонамѣреннаго, Журнала, — старая пѣсня; все это давно уже дѣлается Издателями *Сѣв. Пчелы; съ кѣмъ поведешся, того и наберешся!*“

На дняхъ подали мнѣ книжку другаго Русскаго періодическаго Изданія; мнѣ показалось, будто бы она тоще сестеръ своихъ. Любопытство заставило меня встать, отпереть

(*) Я. Т. — С. П. — Я. Д. и прочія.

шкафѣ, достать нѣсколько десятковѣ книжекѣ сего Журнала. Я разложилѣ на окно — одну подлѣ другой. По справкѣ оказалось, что прошлогоднія и третьегоднія состояли изѣ 10, 11 и даже 12-ти печатныхѣ листовѣ; вѣ половинѣ 1827 г. начали появляться вѣ 9 и рѣдко вѣ 10 листовѣ; вновь мною полученная содержала 8 неполныхѣ листовѣ печатныхѣ. — „Явное подражаніе Издателю *Сѣв. Архива*, подумалѣ я, — его книжки давно уже изѣ *тучныхъ* преобразились вѣ *худощавыя* и, вмѣсто двадцати четырехѣ, стѣснились вѣ предѣлы двѣнадцати, хотя подписная цѣна ни однимѣ алтыномѣ не сбавлена. Видно качество замѣняетѣ количество; видно и другой Журналистѣ перенимаетѣ сѣ нѣкотораго времени у *Г. Булгарина* постепенное утонченіе книжекѣ и, подражаетѣ ему даже вѣ томѣ, что весьма опаздываетѣ выдачею No своего Журнала. Здѣсь видна мудрость народной пословицы: „*съ кѣмъ поведешся, того и наберешся!*“

Между тѣмѣ, какѣ я философствовалѣ, мой камердинерѣ разложилѣ передо мною листокѣ *Сѣв. Пчелы*. Вѣ немѣ помѣщено было извѣстіе о выходѣ вѣ свѣтѣ шестой книжки *Онѣгина*. Сія стихотворная повѣсть расхвалена до безмѣрности; *прекрасно! безподобно! безпримѣрно! несравненно!* и все это подѣ прикрытіемѣ густой колонны восклицательныхѣ знаковѣ. И все это не вѣ попадѣ, все на выдержку. Какѣ должно быть скучно, какѣ досадно *Пушкину* читать такія приторныя похвалы. — Бросаю листокѣ *Пчелы*, машинально хватаю

книжку Журнала, безъ цѣли развертываю и нахожу то же самое объ *Онѣгинѣ*, тѣ же пересоленыя остроты, подсахаренныя похвалы, длинныя выписки: можно было подумать, будто *Г. Булгаринъ* нашептывалъ ихъ въ ухо Г. Издателю, когда онъ писалъ статью сію. Вотъ и сбывается пословица брадатыхъ нашихъ предковъ: „*съ кѣмъ поведешся, того и наберешся!*“

2.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты такой.

Нашедъ въ *Сѣв. Пчелѣ* благонамѣренный, справедливый отзывъ о почтенныхъ Литературныхъ трудахъ и заслугахъ *Б. М. Федорова*, я невольно прочелъ про себя стихъ *Дмитріева*:

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ!

Это слѣдствіе ихъ сближенія съ *Н. А. Полевымъ*. Тутъ видно, что Издатели *Сѣв. Пчелы* держатся правила, изложеннаго Издателемъ *М. Т.* Оно столь хорошо, что мы выпишемъ его здѣсь слово отъ слова: „Чуждый „всѣхъ Литературныхъ партій, я постоянно „излагаю мое мнѣніе о всѣхъ произведеніяхъ „нашей Литературы, говорю что знаю, какъ „мнѣ кажется, совѣтуюсь съ тѣми, на кого „надежно можно положиться. Если въ ошиб„кахъ могутъ упрекнуть меня, то конечно „никто изъ людей непредубѣжденныхъ не „упрекнетъ меня въ пристрастіи.“

Если я не ошибаюсь, и если дружба съ *Н. А. Полевымъ* имѣла вліяніе на пріятную перемѣну, которая начинаетъ дѣлаться въ духѣ критики у Гг. Издателей *Сѣв. Пчелы:* то какъ же не вѣрить пословицѣ: „*Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты такой!*"

Еще болѣе обрадовался я чистосердечной оцѣнкѣ книги: *Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи.* Не знаемъ, кто писалъ сію небольшую Библіографическую статейку въ *Сѣв. Пчелѣ;* но въ ней замѣтенъ даже вкусъ, даже, какое-то пылкое чувство души, не мертвой для Поэзіи. Рецензентъ радуется появленію сей книги, прекрасной по слогу, по содержанію веселому, но не пустому, по разсказу быстрому, живому, пріятному. Тотчасъ замѣтно подражаніе первобытному *Телеграфу:* „*Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты такой!*"

Мы бы могли и еще многими выписками изъ *Сѣв. Пчелы* подтвердить справедливость вышеприведенной пословицы; но боимся, что наскучимъ нашимъ Читателямъ, а для убѣжденія ихъ довольно.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЯНИНА.

I-е Отдѣленіе, Военное.

Стран.

Записки о вооруженіи крѣпостей . . . . . 1.

Прорывъ Англійскаго флота чрезъ Дарданеллы въ 1807 году . . . . . 39. 79. 119. 163.

Матеріалы для Россійской Военной Исторіи . 49. 90.

Русскій флотъ въ Дарданеллахъ въ 1770 году . . 130.

Отзывъ Адмирала *Нельсона* объ отрядѣ Росс. флота Капитана *Белли*, освободившемъ Неаполитанское Королевство отъ Французовъ въ 1799 году 178.

О военныхъ морскихъ силахъ Турціи . . . 201.

Переправа Французской Арміи чрезъ рѣку Адду при Лоди въ 1796 году . . . . . 210.

Персидскія дѣла 1795 и 1796 годовъ . . . 247. 287.

Мнѣніе Фельдмаршала Князя *А. А. Прозоровскаго* о Генералѣ Князѣ *Сергѣѣ Ѳедоровичѣ Голицынѣ* . 262.

Матеріалы для Исторіи войны съ Горцами и Персіанами . . . . . 296.

Военная Статистика. Состояніе Императорскихъ Россійскихъ военныхъ сухопутныхъ силъ въ 1828 году . . . . . 300. 327. 380.

Атака крѣпостей . . . . . 335. 363.

Дневникъ Подполковника Симоновича, о происшествіяхъ при блокадѣ Эриванской крѣпости въ 1804 году, Генераломъ отъ Инфантеріи Княземъ Циціановымъ, отъ 15-го Іюля по день отступленія, т. е., по 4-е Сентября . . . . . 383. 403. 439.

Записки одного Артиллерійскаго Офицера о военныхъ дѣйствіяхъ Молдавской арміи въ Турецкую кампанію 1811 года . . . . . 408. 446.

Военныя дѣйствія эскадры Контръ-Адмирала *Пустошкина* при Анапѣ, въ 1807 году . . . 475.

II-е Отдѣленіе, Словесность.

Проза.

Стран.

Ташары въ Силезіи. Историческая повѣсть изъ временъ нашествія Ташаръ; соч. *Фонъ-деръ-Фельде*, пер. *В. Тило* . . . . . 19. 55. 95. 133.

Марія. Русская повѣсть; соч. *Д.* . . . . 180. 215.

Письмо къ Издателю *Московскаго Телеграфа*, содержащее нѣсколько Библіографическихъ и Критическихъ статей, касательно Россійской Словесности . . . . . 264.

Маркъ Гюйонъ, пер. съ Англ. *Тм.* . . . . 349. 388.

Флибустьеры. Историческая повѣсть изъ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія; соч. *Фанъ-деръ-Фельде*, пер. съ Нѣм. *В. Тило.* . 410. 454. 489.

Стихотворенія.

Раненый воинъ у Подмосковныхъ поселянъ, (отрывокъ); соч. *Ѳ. Глинки* . . , ... 26.

Къ Пріятелю-Поэту; соч. *Бестужева-Рюмина* . 112.

Къ Н. П. С. (отвѣтъ на его посланіе); соч. *В. Доманговича* . . . . . 114.

На миръ съ Персіею, соч. *Жуковскаго* . . . 152.

Адмиралу *Д. Н. Сенявину*, соч. *А. Б.* . . . —

Куплеты изъ водевиля: *Арлекинъ*; соч. *Ѳ.* . . 153.

Къ Генералу Р. соч. *Воейкова* . . . . . 154.

Къ Лунѣ, соч. *Т.* . . . . . 194.

Въ Альбомъ, соч. *А. Глѣбова* . . . . . 195.

Элегія къ Н***; соч. *Богаевскаго* . . . . . —

Пріятелю, соч. *Кудрящева* . . . . . 196.

Надгробіе великому; соч. *А. Глѣбова* . . . 234.

Моя звѣзда; соч. *В. Владиславлева* . . . . 235.

Къ А. Е. Грену . . . . . 236.

Болтуну . . . . . —

Дружеская бесѣда поселянъ; соч. *Слѣпушкина* . 285.

Стран.
Вейнамена и Юковайна, соч. *Ѳ. Глинки* . . . . 309.
Весна, соч. *В. . . . аго* . . . . . 310.
В. А. С — ву, соч. *А. Глѣбова* . . . . . 311.
Отрывокъ, соч. *Т.* . . . . . 312.
Меланхолія, соч. *А. Шидловскаго* . . . . . 314.
Къ надеждѣ, соч. I. . . . З. . . . . 315.
Черный цвѣтъ, соч. I. . . . З. . . . . 317.
Фанни, соч. I. . . З. . . . . 396.
Къ А. Е. Грену . . . . . —
Русская пѣсня, соч. *Суханова* . . . . . 397.
Вечеръ, соч. *Сіянова* . . . . . 428.
Улыбка и грусть, соч. *А. Глѣбова* . . . . . 431.
На разбитіе Турецкой Дунайской флотиліи и покореніе крѣпости Исакчи, соч. *Графа Хвостова* . 464.
Къ Музамъ . . . . . 465.
Къ * * * . . . . . 466.
Смерть Сафы, соч. *В. Доментовича* . . . . 467.
Вечеръ, соч. *В. . . . аго* . . . . . 468.
Элегія, соч. *Н. Богаевскаго* . . . . . 508.
Вѣрю, соч. *М. Яковлева* 509

БИБЛІОГРАФІЯ . . 71. 157. 197. 237. 321. 399. 432.
ХАМЕЛЕОНИСТИКА 33. 116. 159. 199. 239. 318. 401. 434.

СМѢСЬ.

О мирѣ, заключенномъ между Издателемъ *Московскаго Телеграфа* и Издателями *Сѣверной Пчелы*, *Сына Отечества*, *Сѣвернаго Архива*, *Дѣтскаго Собесѣдника* и проч. и проч. и проч. . . . . 72.
Нѣчто объ Англійскомъ Журналѣ: *Лондонскій Трутень* . . . . . 323.
Три Русскія пословицы . . . . . 357.
Письмо Издателя *Славянина* къ Г. Издателю *Московскаго Телеграфа* . . . . . 471.
Ученое извѣстіе . . . . . 473.
Двѣ Русскія пословицы . . . . . 510.